

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР  
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ  
СТРУКТУРЫ  
ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА  
В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ  
(VI—XVII вв.)



ЛЕНИНГРАД  
«НАУКА»  
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ  
1990

В книге на материале истории различных стран средневековой Европы (Франции, Византии, Италии, Германии, Дании) рассмотрены вопросы, связанные со спецификой развития политических структур и государственных форм в различных регионах феодальной Европы на разных стадиях ее средневековой истории. Внимание уделено синтезу позднеримских и германских общественных отношений, приведшему к зарождению новых политических структур, политическим взаимоотношениям королевской власти и церковной организации, правовым особенностям византийской государственности, своеобразию государственной системы Венецианской республики, процессам становления территориальных государств регионально-абсолютистского типа. В целом коллективный труд даст картину эволюции политических структур в эпоху феодализма, одновременно заполняя некоторые белые пятна в исследовании этой проблематики.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Под редакцией

чл.-кор. АН СССР В. И. РУТЕНБУРГА и И. П. МЕДВЕДЕВА

Рецензенты:

чл.-кор. АН СССР Л. А. ФУРСЕНКО, Е. В. БЕРНАДСКАЯ

П  $\frac{0503010000-633}{042(02)-90}$  59-90, 1 полугодие

ISBN 5-02-027277-9

© Сост. и предисловие  
Институт истории СССР  
АН СССР, 1990

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Западноевропейское Средневековье в ходе своего более чем 1000-летнего развития явило миру великое множество и разнообразие политических образований, типов и моделей государственных устройств, включая старые империи (например, Византийскую, которая, впрочем, так же хорошо может быть названа европейской державой, как и восточной) и новые; старые независимые королевства и молодые территориальные княжества; городские феодальные монархии и олигархические республики Италии, и т. д. Столь разнообразный политический опыт в рамках одной и той же социально-экономической формации не мог не привести к повышению уровня политической и правовой культуры общества, к совершенствованию политических структур и государственных институтов, к выработке новых принципов государственности. Если применительно к эпохе раннего и «классического» Средневековья мы можем говорить об отражавшем незавершенность процесса этногенеза несовершенстве самой концепции государства, которое «не было по-настоящему политическим и правовым институтом, а скорее было этическим государством, авторитет и деятельность которого были поставлены на службу божественного права, религиозных принципов и предписаний»,<sup>1</sup> то на выходе из Средневековья — как результат развития политических структур и государственных институтов, государственности в целом — складывается европейская модель государства, которая легла в основу современного государства, причем отнюдь не только в европейском ареале.<sup>2</sup>

В сущности именно в этом, на наш взгляд, заключается особая актуальность и злободневность обозначенной темы для нынешнего времени. Нашему обществу, озабоченному поисками форм правового государства, не может быть безразличным богатейший политический и правовой опыт, накопленный странами Средневековья в ходе их многовекового развития. Причем это опыт как положительного, так и отрицательного свойства. Взять хотя бы идею договорной системы, всегда игравшей решающую роль в социальных отношениях в рамках правового государства: уже в эпоху раннего Средневековья формы государственности стали строиться на соглашении, практиче-

ски на социальном контракте, если можно считать таковым феодальный контракт, действовавший в рамках ленной системы, а позднее, с кристаллизацией общества в сословия, развившийся в весьма совершенные формы парламентаризма. Или столь волнующий наших граждан принцип разделения властей. Разделение властей на гражданскую, военную и церковную мы можем наблюдать, скажем, в такой передовой стране Средневековья, как Византия; а ведь отсюда не так далеко до разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, о чем, кстати, уже догадывались и византийцы, хотя все это нивелировалось тем, что нити властей находились в одних руках — руках императора.<sup>3</sup> Этот опыт включает в себя также формы и методы борьбы средневековой «демократической общественности» против засилия и злоупотреблений самодержавной власти, гнета правительственных структур, за осуществление принципов социальной справедливости, разумеется, в той мере и в той форме, в какой это было возможно в ту эпоху.

Предлагаемая читателю книга, однако, не есть дань конъюнктуре: небольшой коллектив медиевистов Отдела всеобщей истории Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР отнюдь не ставил перед собой цели объять необъятное; каждый ограничивал себя рамками своей научной специализации, исходил из потребностей прежде всего своей дисциплины, стремясь в то же время по мере возможности на своем материале заполнить хотя бы часть белых пятен в исследовании общей проблематики. В результате оказалось, что на материале различных стран средневековой Европы (Франции, Византии, Италии, Германии, Дании) рассмотрен достаточно широкий круг вопросов; связанных со спецификой развития политических структур и государственных форм в различных регионах феодальной Европы на разных стадиях ее средневековой истории.

В поле зрения авторов статей находились, как правило, экономические и социальные сдвиги в средневековом обществе, приводившие к изменению характера власти и политической структуры в целом, хотя отрезок времени, лежавший между изменениями социальных структур, с одной стороны, и государственных структур, с другой — в ту отдаленную эпоху был весьма значителен. Эти процессы, в частности, рассмотрены в историографическом плане на материале поздней Римской империи, где ослабление центральных и провинциальных органов власти приводило к ее сосредоточению в руках магнатов-землевладельцев, хотя элементы феодализации еще не стали феодальными отношениями ни в экономическом, ни в социальном плане: политическая власть крупных землевладельцев находилась в зародышевом состоянии. Только синтез позднеримских и германских общественных отношений привел к качественно новым феодальным порядкам и политическим структурам.

Темпы и уровень становления феодальных отношений и соответствующих политических структур в разных раннефеодальных государствах был не одинаков: во Франкском, Бургундском и Вестготском королевствах синтез позднеримских и общинноварварских эле-

ментов феодализма был наиболее полным, в Остготском, Вандальском, Лангобардском и англосаксонских королевствах он был выражен гораздо слабее. Различными были и формы политических структур этих государств, несмотря на внешнее сходство.

В период раннего Средневековья королевская власть была вынуждена допускать относительную независимость светских и церковных феодалов, предоставляя им иммунитет, подготовивший политический распад Каролингской империи и приведший к феодальной раздробленности. Правители раннефеодальных государств использовали в своих интересах идеологическую и политическую силу церкви. Небезынтересны социальные и социально-психологические основы этого явления, а также его выражение в идеологии.

Еще более специфичным было развитие феодальных отношений и их юридическое оформление в Византии, в стране, сохранившей римскую систему ненаследственной централизованной монархии (по крайней мере в начальный период своей истории) и унаследовавшей от Рима развитое писаное право, многие административные и политические структуры, в значительной степени сковывавшие и затруднявшие процессы феодализации,<sup>4</sup> хотя общий ход эволюции совершался — и это приходится доказывать в полемике с зарубежной историографией — в направлении складывания общественных структур, характерных для феодальной монархии.

Но не меньшей спецификой отличались и европейские феодальные города, распространившие власть на свою округу и образовавшие своеобразные политические организмы, перераставшие в города-коммуны, в города-государства. Обладая верховной политической властью, а значит, и экономическими привилегиями, они становились порой крупными политическими образованиями с четко развитой государственной системой, опиравшейся на разветвленный и опытный аппарат. Ярким примером такого *stato cittadino*, средневекового государства-коммуны, может служить ставшая предметом исследования в одной из статей Венецианская республика, давшая миру классические образцы эффективно действовавших политических и государственных структур.

В процессе ослабления коммун начали образовываться государства регионально-абсолютистского типа. Во главе этих государств стояли политические деятели нового типа — синьоры, умело использовавшие республиканский аппарат бывших городских коммун. Эти государства-синьории, из которых в сборнике особое внимание уделено Генуэзской республике, проводили политику укрепления своей независимости, способствовали расцвету культуры. Далее проблема синьории перерастает в более широкую тему о региональных политических структурах в эпоху Возрождения и их отличиях для Запада и Востока.

В книге уделено внимание и проблеме складывания и различного проявления (или адаптации) абсолютизма в отдельных странах Западной Европы, в частности в Германии и Дании, истории строительства политических структур и государственных институтов как важнейшей части процессов государственной централизации на ре-

гиональном уровне. Строительство государственных структур в указанных странах вместе с тем было частью общеевропейского социального процесса преобразования и в конечном счете изживания феодальных отношений, замены личностных персональных связей между главой государства и суверенами институциональными отношениями между правительством и всей массой подданных государства. Тем самым закладывались основы современной европейской государственности.

В заключение книги приводится комментированное издание малоизвестного памятника средневековой политической литературы — трактата Фомы Аквинского о государстве.

В целом же представленный на суд публики коллективный тематический сборник на основании достаточно богатого фактического материала дает, как нам кажется, достаточно ясную картину эволюции политических структур в эпоху феодализма на характерных и показательных образцах.

Научно-техническая работа при подготовке сборника к печати выполнена Н. Л. Корсаковой.

<sup>1</sup> *Marongiou A.* Medieval parliaments: A comparative study. London, 1968. P. 19.

<sup>2</sup> *Strayer J. R.* On the medieval origins of the modern state. Princeton, 1973. P. 12.

<sup>3</sup> *Karayannopoulos I. E.* Ἡ πολιτικὴ θεωρία τῶν Βυζαντινῶν. Θεσσαλονίκη, 1988. Σ. 67—68, 87.

<sup>4</sup> *Lounghis T. C.* Ἐπισκόληση Βυζαντινῆς Ἱστορίας: 324—1204. Ἀθήνα, 1989. Σ. 25.

И. П. МЕДВЕДЕВ

## НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Из истории этатизма в средневековой Европе: точка отсчета. Драматические столкновения римского и варварского мира, имевшие место у истоков Средневековья, породили в высшей степени своеобразную политическую ситуацию в Европе. В то время как на Востоке Византия сохранила римскую систему ненаследственной централизованной монархии и хотя бы формально обеспечила непрерывность римской государственности, на развалинах Западной Римской империи возник чуждый этой государственности и отрицающий ее мир бесчисленного множества аморфных в политическом отношении образований. Доминирующей формой политической организации в Западной Европе в то время было германское королевство, а оно «было почти полной антитезой современному государству, ибо основывалось на личностных отношениях, а не на отвлеченной концепции государства и не на безличных институтах».<sup>1</sup>

Такое выработанное римским публичным правосознанием понятие, как *res publica*, т. е. собственно «публичная вещь» в смысле «публичное, общественное дело», «государство», «государственная власть» (хотя все эти понятия являются неологизмами), а также концепция власти монарха как *ministerium* — «служение» этому «общественному делу» были на многие века преданы забвению. По словам проф. Федю, «на место господства бюрократии, тяжкого, но объединяющего, которое символизировало одновременно традиционную идею *res publica* и торжествующий этатизм, унаследованный от Диоклетиана, заступил режим военной банды». Место публичного римского права заняло патримониальное обычное право варварских «прав», в результате чего произошла как бы приватизация государства, низведение его до ранга *res privata* военного вождя, его родовой собственности и соответственно как бы одомашнивание (доместикация) государственных служб. Частное право заменило публичное, а государство стало пониматься как большая вотчина. И даже вопросы престолонаследия решались в соответствии с 59 титулом Салической правды, который, как известно, трактует вопросы наследования недвижимости частными лицами. Стало неопределенным понятие государственной границы и почти сошло на нет понятие

столицы государства как местопребывания органов публичной власти: начинается эпоха своеобразного номадизма центральной власти, т. е. короля и его двора.<sup>2</sup>

Наконец, исчезает само слово для обозначения государства, хотя латинское *status*, от которого и происходит слово «государство» почти во всех западноевропейских языках (*état, state, staat, stato* и др.), уже в позднеантичное время стало как будто употребляться именно в этом его значении, например Цицероном, Тертуллианом, Орозием.<sup>3</sup> Наблюдается также сугубый «персонализм средневековых воззрений на государство, т. е. концентрация внимания на персоне государя как носителя суверенитета, полное отождествление королевства с персоной короля, сам титул которого отредактирован с акцентом на его функцию как военного вождя этнического племени, но никак не государственной территории: *rex Francorum*, но не *rex Franciae, dux Bohemorum*, но не *dux Bohemiae*, и т. д.»<sup>4</sup>

Разумеется, в эту схему, ибо это всего лишь принципиальная схема, самый общий слепок с действительности, можно было бы внести немало уточнений. Если, например, повсеместно наблюдавшаяся в европейских княжествах и королевствах *imitatio imperii*, или, как говорят некоторые, «зараженность Римом», способствовала сохранению лишь внешних черт *Imperium Romanum*, то появление идеи *translatio imperii*, т. е. представления о возможности переноса империи во времени и пространстве (в данном случае переноса суверенитета от римлян к германцам), и использование этой идеи для оправдания своей завоевательной политики, скажем, Карлом Великим или Оттонами свидетельствует уже о возросшем уровне политического мышления.<sup>5</sup> Но в общем и целом вышеприведенная схема верно отражает политическую ситуацию вплоть до XI в. Только в эпоху споров об инвеституре, когда постепенно осознается различие между функцией суверена и его персоной, а также начинают самоопределяться и отделяться друг от друга гражданская и церковная власти, средневековое мышление обретает понемногу понятие государства. Отныне «начинают говорить *populus*, имея в виду управляемую часть государства, корона, имея в виду правящие круги, и *regnum*, имея в виду государственный организм в целом».<sup>6</sup> В 1204 г. Филипп Август впервые официально присваивает себе титул *rex Franciae*, а в 1205 г. впервые же было употреблено ставшее отныне общепринятым название *Regnum Franciae*. «Франция осознает себя теперь личностью. У нее есть отныне имя. Так же, впрочем, как почти у всех государств Западной Европы с конца XIII в.»<sup>7</sup>

Особое значение приобретают такие термины и формулы, выражающие фундаментальные понятия в образовании государства, как *status regis et status regni*, обозначающие политический организм, включающий одновременно правящих и управляемых.<sup>8</sup> Появление этих понятий связывается с возникновением в Европе XII—XIV вв. новых государств, новой политической конъюнктуры, новых условий для вызревания идей публичного правосознания и новых знаний, вызванных рецепцией римского права. Вдохновляясь прежде

исего зафиксированным «Дигестами» высказыванием Ульпиана: «Publicum ius est quod ad statum rei Romanae spectat» (кстати, сейчас оно признается византийской интерполяцией VI в., но глоссаторы воспринимали его, естественно, как римское), — легисты стали развивать концепцию внутренней компетенции государства, неотчуждаемой публичной власти короля, доктрину государственного интереса, общего блага. Отныне *bonum commune, utilitas communis, bonum publicum* становятся ключевыми понятиями средневекового политического мышления. В статутах, в этих важных правовых документах по конституционной истории Англии, скрупулезному анализу которых много внимания уделил профессор из Принстона Гейнс Пост, эта доктрина выражена понятиями *plena potestas* и *quod omnes tangit*, т. е. то, что касается всех, должно быть и одобрено всеми. Королевство трактовалось легистами как большая корпоративная община, глава которой, король, был в ней императором, не имея над собой вышестоящего суверена, кроме Бога и права: *Rex in suo regno imperator est*.

На первый взгляд в положении государя мало что изменилось: он по-прежнему остается всемогущим властелином и, пользуясь своим положением верховного правителя, постоянно проявляет тенденцию отождествлять государство со своей персоной (ведь будет еще Людовик XIV с его знаменитым «*l'état c'est moi*» и даже Наполеон, повторивший эту фразу в несколько измененной редакции: «*La chose publique, l'état, ce fut moi*»). В сущности и в этом государю помогают легисты, находя и для этого достаточно оснований в римском праве и в особенности упирая на так называемый царский закон (*lex regia*), зафиксированный «Дигестами», положения которого сформулированы следующим образом: *princeps legibus solutus est* (государь не связан законами) и *quod principi placuit legis habet vigorem* (что угодно государю — имеет силу закона). Начиная с Иоанна Солсберийского, который в своем «*Политикатике*» обосновывал идею *rex imago Dei* (но также и идею тираноубийства),<sup>9</sup> придворные идеологи стали усиленно культивировать концепцию, согласно которой король выше закона, он сам закон (*lex animata*). Сама система феодално-вассальных отношений, царство сеньории способствовали сохранению пережитков патримониального права, феодално-династической окраске принципов суверенитета и равноправия государств. Так, именно в эпоху позднего Средневековья мы наблюдаем, как матримониальная политика, политика личных уний, династические и наследственные неурядицы вызывают переделы государств, отчуждение территорий, перекраивают границы государств, а иногда и являются причиной возникновения объединенных королевств, например польско-литовское королевство, возникшее в 1382 г. в результате личной унии Ядвиги и Ладислава Ягеллопа.

И тем не менее существенный сдвиг в публичном правосознании налицо. Фактически люди стали понимать под *status regis* и под *status civis* *ius publicum* магистраты, государственные должности. Как глава государства король имел публичное право — прерогативу управлять корпоративным телом королевства для общего блага и безо-

пасности. Это высшее право его должности, но не его права как частного лица, ибо оно дано ему не в собственность, но для защиты королевства (*non quoad proprietatem sed quoad protectionem*).<sup>10</sup> Король, отказывавшийся уважать справедливость и закон, рисковал приобрести репутацию тирана и мог встретить противодействие со стороны своих подданных, обладавших правом сопротивления (*ius resistendi*) вплоть до убийства. Как было отмечено, уже Иоанн Солсберийский в XII в. высказал идею тираноубийства. Долгое время голос его оставался одиноким, пока в XIV в. или под воздействием его «Поликратика», или под влиянием высказываний Аристотеля, Цицерона и Сенеки, также оправдывавших тираноубийство, и другие не подхватили эту идею (например, гуманисты с их «культом Брута»). «Нет жертвоприношения более приятного, чем кровь тиранов», — говорит Боккаччо. *Vox populi, vox Dei!* То же, кстати, ожидало монарха, который в общественном мнении приобретал репутацию неспособного к управлению, *non idoneus*, даже если он обладал всеми законными правами на занятие трона.

Разумеется, параллельно с процессом эмансипации публичной политической власти шел процесс складывания ее внешних при­датков, институтов принуждения, структуры государственной машины, системы сословного представительства, государственного аппарата как такового, появления кадров профессионального чиновничества, в возросшей роли которого видят основную черту государства эпохи Возрождения.<sup>11</sup> С развитием городов все больше вырабатывается понятие столицы государства как местопребывания централизованной администрации (именно такую роль сыграл Париж при Капетингах), уточняется понятие государственной границы в политическом, фискальном и особенно военном смысле, чему способствовал и прогресс в географических знаниях. Констатируется появление флага государства вместо личных хоругвей и стягов князей, королей и крупных сеньоров феодальной эпохи. Наступает эра торжествующего этатизма.

**Можно ли Византию называть Византией?** Вопрос не такой уж праздный, как это может показаться на первый взгляд. Ведь в новейшей историографии снова, как когда-то, все более явственным становится «легитимистское» направление с его отождествлением Византийской империи и Римской империи и отрицанием правомочности первого из приведенных названий. Наиболее последовательным адептом этой точки зрения является известный итальянский ученый и историк римского права Пьеранджело Каталано, который считает, что «искусственное и противоречащее историческим источникам» использование слова «византийский» для обозначения одновременно римских и греческих реальностей Ромейской державы на Востоке только вводит в заблуждение и является одним из побочных эффектов «окцидентализма» или «западноевропейизма», отождествляющего Римскую империю с Западной Римской империей, прекратившей свое существование в 476 г., в то время как для восточной ее части пришлось изыскивать специальное название.<sup>12</sup> Отрицается возможность применения самого понятия «эпоха Средневековья» к истории

восточной части Римской империи, и поскольку со ссылкой на учения о «вечности империи» (*aeternitas imperii*) и ее *translatio* обосновывается непосредственный континуитет между античным Римом, Вторым Римом (Константинополем) и Третьим Римом (Москвой), то оказывается, что и русское государство (причем не только во времена Ивана III и исковского монаха Филофея, провозгласившего знаменитый лозунг: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать», но и позднее — вплоть до Петра Великого и даже еще позднее) — это лишь заключительный этап в истории Римской империи.<sup>13</sup>

Это, по-видимому, правда, что в средние века не существовало Византийского государства как такового, что те, кого мы, современные ученые, по взаимному и, как казалось раньше, не требующему особого обоснования согласию, именуем византийцами, предпочитали называть себя иначе — Ῥωμαῖοι, т. е., собственно, Ῥωμαῖοι, римляне, граждане «римского государства», обозначающегося по-гречески широким спектром не очень-то строгих в техническом отношении словосочетаний — τὸ κράτος Ῥωμαίων (у Михаила Пселла), ἡ τῶν Ῥωμαίων ἀρχή (у Михаила Аталиаты), τὰ τῶν Ῥωμαίων πράγματα (у Никифора Григоры), вообще Ῥωμανία (у Кекавмена), но чаще всего, пожалуй, названием, как бы претендующим на роль официального, — πολιτεία τῶν Ῥωμαίων.<sup>14</sup> В первом титуле 46-й книги «Василик» (византийский законодательный свод X в.) утверждается, что «проживающие на римской земле суть римские граждане», и чтобы не было двусмысленности в толковании этого отрывка, ехольнаст разъясняет: «Все проживающие в римском ареале, т. е. обязанные налогами римлянам, даже если они не живут в самом Риме, по закону императора Антонина являются все же римскими гражданами».<sup>15</sup>

Имеется в виду, конечно же, знаменитая *constitutio Antoniniana*, по которой римское гражданство жаловалось и жителям провинций. Позднее конституция была подтверждена новеллой 78 Юстиниана, причем если раньше право римского гражданства и другие привилегии жаловались индивидуально, то Юстиниан своей новеллой имел коллективное гражданство целых народностей, предпосылками которого были обращение в христианство, признание суверенитета императора, принятие на себя всех обязанностей, подобавших подданным императора и прежде всего обязанности жить в соответствии с нормами римского права. Та или иная этническая группа, получившая римское гражданство, включалась в административную структуру империи, а ее вождю жаловалась какая-либо имперская должность (патрикия, консула, силенциария и т. д.).<sup>16</sup> *Romanorum civitas*, или Ῥωμαίων γένος, таким образом, полностью утратила свою первоначальную этническую квалификацию, приобретает космополитическую, так же, впрочем, как и Ἑλλήνων γένος, ибо отныне термином «эллин», ставшим синонимом понятия «язычник», мог быть назван и действительно назывался и китаец, и сарацин, и древний русич в его дохристианскую эпоху.<sup>17</sup>

Византийцы действительно и не без оснований настойчиво возводили свою государственность к римскому корню, оговаривая, однако, и не в последнюю очередь, как остроумно заметил Харальд Фукс, «из духа сопротивления по отношению к Риму», что их Рим — «новый», «второй» (как-то забывается, что сам Константин Великий, основатель нового Рима, не предпринимал никакой *translatio nominis*).<sup>18</sup> Как известно, византийцы унаследовали от первого Рима тенденцию отождествлять империю со всем миром: даже законы Юстиниана, несмотря на то что имели конкретных дестинаторов, адресовались «всему земному шару» — *in omnem orbem terrarum, universis hominibus* — «всем людям», «всем народам», «всей земле, на которую распространяется закон римлян».<sup>19</sup> Средневековое политическое сознание усложнилось и обогатило эту тенденцию. На политический универсализм, лежавший в основе той идеологической системы, которую начиная с I в. до н. э. разрабатывал Рим в отношении своей миссии, накладывается идея христианского экуменизма, сопряженная с идеей единого религиозного центра. На *Pax Romana* наслаивается *Pax Christiana*,<sup>20</sup> причем весь этот процесс совершается уже в совсем иной этнокультурной, по преимуществу грекоязычной среде, в результате чего латинский язык как государственный оказывается весьма скоро вытесненным, как, впрочем, и другие ценности римской цивилизации, за исключением права. Складывается органическое единство трех основных компонентов — эллинизма как духовной преемственности с культурой античной Греции, романизма как системы государственно-правовых и политических доктрин, унаследованных от Римской империи, и христианства как сложного комплекса верований, идущих с Востока, — которое и составляет суть византизма, византийской цивилизации, византийской «таксис». Этот византийский «порядок» совершенно преобразил лицо древней Римской империи. Если, проявляя юридический пуризм, можно, пожалуй, считать, что ранняя Византия *de jure* была Восточной Римской империей, то даже по отношению к ней нельзя не признать, что *de facto* это было совершенно иное государство. В ходе дальнейшего преобразования социально-экономических и политических структур складывается новый исторический тип государства, определяемый классовой сущностью формации, в которой это государство существовало, — феодальной формации, если даже политический режим этого нового государства и облачен еще в одежды прошлого. Одним из наиболее бесспорных достижений мирового византиноведения и является, на наш взгляд, то, что византилисты, не дав ввести себя в заблуждение самоназванием византийцев «ромей» — «римляне», сорвали с них, по выражению австрийского ученого Петера Пилера, «маску классицизма (я бы добавил — идеологически окрашенного и преследующего великодержавные цели. — И. М.), которая лежит на всех их культурных отправлениях и иной раз лишь позволяет догадываться об исторических модификациях государственных институтов».<sup>21</sup> Другими словами, именно бездумное следование римской фразеологии и терминологии в применении к византийским государственным, политическим и всяким иным структу-

рам способно затемнить существо дела и ввести в заблуждение.<sup>22</sup> Сорвав же эту маску, правда, как видим, далеко не единодушно и в разной степени, ученые окрестили новую цивилизацию (весьма изобретательно и вполне корректно), исходя из ее сути и в соответствии с ее реальным содержанием, византийской — *Rex Byzantina*.

Кстати, сами византийцы ощущали необходимость подобной операции, отдавая себе достаточно ясный отчет в том, что государство, гражданами которого они были, — это нечто совсем отличное от языческой рабовладельческой Римской империи. Вот один только пример. Иудеям, которые в дискуссии с Константином Философом (IX в.) поставили перед ним проблему продолжающегося, несмотря на пророчество Христа, существования Римской империи («Если примем, что он уже пришел, как ты говоришь, по словам пророков и по иным доводам, то как же римское царство до сих пор владычествует?»), Константин Философ отвечал: «Не владычествует больше, ибо минуло, как и иные (царства), в изображенном (им) образе, ибо наше царство *не римское, а Христово* (курсив наш. — И. М.), как сказал пророк: „Воздвигнет Бог небесный царство, что вовеки не разрушится, и царство его не достанется другим людям, (он) сотрет и развеет все (другие) царства, а это останется навеки“. Не христианское ли это царство, что называется ныне именем Христа? Ведь римляне идолам поклонялись, эти же — одни из одного, другие из иного народа и племени царствуют во имя Христа».<sup>23</sup> По мнению итальянского ученого Агостино Пертузи, «в этих словах Константина или его агиографа заключена вся экуменическая, т. е. универсалистская, концепция Византийской империи, какой она была во второй половине IX в., будучи тесно связанной с политико-религиозным видением власти как прямой эманации Бога. В сущности, в уравнении, предложенном Константином (царство Христово = Византийская империя), заключен весь теоретический фундамент доктрины царской власти и „семьи государей и народов“, во главе которой стоит василевс и византийский народ, под которыми находятся чужеземные короли или государи и народы, расположенные в порядке фиктивной политической иерархии».<sup>24</sup>

С этим нельзя, разумеется, не согласиться, но в то же время нельзя и не заметить, что, утверждая этот «теоретический фундамент», автор жития Константина Философа рвет с «римской идеей», выбрасывая за борт один из основных постулатов официальной государственной идеологии. Отражала ли эта позиция взгляды на данную проблему правящих и вообще образованных кругов славянских стран того времени (Великой Моравии, Блатненского княжества, Болгарии), как полагает Г. Г. Литаврин? Ведь в титуле римского отказано византийскому цесарю и в житии Мефодия, и в сказании «О письменах» Черноризца Храбра. Литаврин склонен придавать этому обстоятельству особенно большое значение, «так как эти памятники созданы ближайшими учениками первоучителей славянства, которые находились в тесном общении с учеными представителями и крупными государственными и политическими деятелями западного (латинского) мира, в том числе с папами Николаем

I и Иоанном VIII». <sup>25</sup> Представляется все же, что со стороны учеников было бы слишком большой вольностью вкладывать в уста византийца Константина Философа не принадлежавшее ему высказывание. Скорее, оно свидетельствует о том, что и византиец Константин Философ в глубине души понимал действительное положение вещей, несколько неосторожно обнаружив это в пылу полемики. Можно даже предположить, что в этом своем понимании он был не одинок.

Да и так ли уж искусственно и так ли уж противоречит источникам издавна принятое в науке название «Византия», «Византийская империя»? Ведь древнее название древней мегарской колонии — Византий никогда не было забыто в средние века и даже по существу не утратило прав гражданства. У византийских авторов, особенно склонных к антикизации своих произведений, мы встретим его ничуть не реже, чем все прочие официальные наименования и эпитеты царственного города. Например, в «Хронографии» Михаила Пселла из 13 упоминаний столицы империи по названию в 10 случаях она названа Византием и лишь в трех — Константинополем, причем в одном отрывке оба названия употреблены буквально рядом как равнозначные; <sup>26</sup> примерно та же картина в «Алексиаде» Анны Комниной, где мы можем встретить и такое обозначение столицы империи, как «царственный город Византий», и т. д. <sup>27</sup> А у Никифора Григоры встречается не только название Βυζάντιον и Βυζάντιον как его жители, но и Βυζαντίς, т. е., собственно говоря, Византия как название страны. <sup>28</sup> Впрочем, оно встречается еще раньше, правда, в иноязычных источниках. Так, в обстоятельном докладе В. А. Арутюновой-Фиданян «Рим—Византия—Константинополь в армянской средневековой историографии», зачитанном на заседании VI международного симпозиума «От Рима к Третьему Риму» (Москва, 29 мая 1986 г.), приведены богатые и убедительные данные источников о том, что армянские средневековые историки (прежде всего Мовсес Хоренаци, но также и другие) называли столицу государства ромеев преимущественно Византием, даже «царствующим городом Византием», а ее жителей — «византийцами». Особенно интересно то, что в ряде случаев Византий для Мовсея Хоренаци — не только город, но и государство, а в одном отрывке даже употреблено не обычное для этого историка (V—начало VI в.) наименование Византий (арм. Бюзандион), а «Бизандиа» — Византия. «Иными словами, — говорит В. А. Арутюнова-Фиданян, — перед нами впервые (не только в армянской, но и в средневековой историографии) возникает образ Византии — Византийской империи, т. е. именно то ее обозначение, употребление которого мы так прочно связываем с историографией нового времени».

По существу аналогичным образом обстояло дело с обозначением Византийского государства в средневековой Западной Европе. Если до коронации Карла Великого в 800 г. правитель Восточной империи выступал в западных источниках просто как «imperator», то в источниках IX в. его титул становится все более скромным, локально

ограниченным: «*imperator Graecorum*», «*imperator Constantinopolitanus*». Начиная с середины 830-х гг. многие авторы вообще зачастую отказывают византийцу в императорском титуле, называя его «*princeps Constantinopolitanus*», «*rex Graecorum*», «*rex Constantinopolitanus*», а также (что для нас особенно интересно!) — «*rex Bizantipus*».<sup>29</sup> Нет сомнений в том, считает Г. Г. Литаврин, что, называя византийского императора «императором греков», империю «греческой», а ее жителей «греками», политические деятели Запада сознательно стремились тем самым подчеркнуть отсутствие прав у «василевса греков» на титул «римского», на римский престиж и римское наследство.<sup>30</sup> Для нас, однако, важно подчеркнуть, что традиция называть эту «греческую империю» византийской имела место на Западе также, вероятно, и в эпоху раннего Средневековья. Что же касается славян, то мы не знаем, пользовались ли они названиями Византий—Византия (это совсем не исключено, хотя, кажется, и не зафиксировано источниками), но то, что их позиция в вопросе об обозначении империи ромеев «в наиболее общих чертах сходна с позицией политических деятелей Запада и заключалась, по-видимому, также в непризнании прав византийцев на обладание римским престижем и римским наследством»,<sup>31</sup> — вещь как будто доказанная.

Итак, традиция называть Византию Византией и византийцев византийцами — это не выдумка ученых и даже не изобретение Петрарки, который, как считают, впервые употребил термин «византиец» в приложении к гражданину Восточноримской империи; это традиция, идущая из глубины веков, имеющая под собой прочное основание и наиболее адекватно отражающая действительное положение. Другое дело, что сами византийцы, исходя из своих амбиций и комплексов, хотели бы, чтобы мир называл их самих и их государство иначе. Как говорил Ломоносов, «народы от имен не начинаются, но имена народам даются. Иные от самих себя и от соседей единым называются. Иные разумеются у других под званием, самому народу необыкновенным или еще и неизвестным. Нередко новым проименованием старинное помрачается или старинное, перешед домашние пределы, за новое почитается у чужестранных».<sup>32</sup>

**Была ли в Византии конституция?** Знаменитое византийское самодержавие и конституция! Не оксюморон ли? Ведь в историографии неоднократно подчеркивалась неразработанность именно государственного, публичного права в Византии, которое в условиях авторитарного строя с его мощным идеологическим и пропагандистским прессом не могло получить своего адекватного выражения, не могло эмансипироваться, подменялось культом императора как избранныка божьей милостью. По мнению Бека, *ῥῶτων ψεῦδος* современной византистики в том и заключается, что исследователи склонны смешивать так называемую *Kaiseridee* с понятием государственного права (*Staatsrecht*), выводя из комплекса политических идей государственно-правовые нормы, с тем чтобы тем самым несколько укрепить слабый государственно-правовой фундамент византийской монархии, и не замечая различия между *ius* и *Kaiseridee*, что логически не может не привести к анаколумфу.<sup>33</sup>

Действительно, в Византии, как, впрочем, и в любом другом средневековом государстве, не было конституционных документов или законов в формальном и точном значении этого слова, т. е. «основного закона государства, закрепляющего основы общественного и экономического строя данной страны, форму правления и форму государственного устройства, правовое положение личности, порядок организации и компетенцию органов власти и управления в центре и на местах, организацию и основные принципы правосудия, избирательной системы».<sup>34</sup> «Великая хартия вольностей» или, скажем, «конституции» итальянских городов-государств лишь с большой натяжкой могут претендовать на роль подобного основного закона. Тем не менее ученые считают возможным ставить вопрос о наличии в Византии «неписаной конституции»<sup>35</sup> или конституции как «обычного конституционного права» (*Verfassungsgewohnheitsrecht*).<sup>36</sup> Пилер, которому принадлежит честь специальной разработки вопроса, исходит при этом из определения Еллинека о том, что «система, согласно которой формируется и осуществляется воля государства, определенным органам власти отводятся соответствующие компетенции и регулируется положение граждан государства в нем и по отношению к нему, может характеризоваться как конституция, даже если она не выражена в законах».<sup>37</sup>

С этим трудно не согласиться, тем более что неписанные конституции как конгломерат всевозможных парламентских законов, судебных прецедентов и обычаев и по сей день существуют в некоторых буржуазных странах, например в Великобритании. Речь даже не идет, кажется, о νόμοι ἰουριτικοί, как полагает Пилер,<sup>38</sup> ибо понятие νόμοι в греческой юридической и политической традиции больше относится, по-видимому, к сфере положительного законодательства, гражданского и уголовного права. Скорее всего, имеется в виду то, что Платон называл ἄρραφα νόμινα как θεσμοί πολιτείας — универсальная система связи всех элементов государственного устройства и основа для действия всех установленных письменно законов, да и тех, которые будут установлены (*Leg. 793 В*). Даже еще больше — речь может идти о θεσμοί в смысле учреждений и институтов как о чем-то фактически данном и существующем, фактически происходящем, причем существующем и происходящем совершенно независимо от субъективных желаний отдельных лиц,<sup>39</sup> будь они даже и императорами (вспомним Монтескье с его тезисом о том, что империями как бы правит некая невидимая сила, некие «духи» — *Lettres persanes*, СП).

Любопытно, что Михаил Эфесский (XII в.) вслед за Аристотелем, «Политику» которого он комментирует (в данном случае отрывок 4.1.5),<sup>40</sup> подчеркивает фундаментальное отличие позитивных законов государства, посредством которых магистраты управляют обществом и наказывают нарушителей этих законов, от тех норм (как и Аристотель, Михаил Эфесский, однако, не называет их неписаными), которые определяют саму форму государственного устройства (одни — аристократическую, другие — демократическую) и обуславливают в государствах порядок органов власти, их полномочия,

характер верховной власти и конечную цель всякого политического общения. Аналогичным образом, бесспорно вдохновляясь Аристотелем, строит свою концепцию «дихотомического правового мира» Димитрий Хоматиан, который в 1236 г. так излагает ее перед синодальным судом Охрида по ходу слушания одного судебного дела: «Все гражданское законодательство делится на два рода права, а именно — нормы позитивного права (τὸ δίκαιότηδόν) и нормы власти (τὸ ἐξουσιαστικόν); ибо то является отправлением права (ἀποφειτικόν τοῦ δίκαιού) и может быть названо нормами позитивного права, что следует не природной необходимости, а потенциально возможному. Относящиеся к позитивному праву нормы — это те законоположения, которые законодатели, следуя естественному праву и тщательно разобравшись, устанавливали для судебных тяжб, для действительности соглашений или для случающихся фактов, уделяя каждому его собственное право и разрешая возникающие спорные вопросы, с тем чтобы никто не получил необоснованно то, что подобает другому, и чтобы тот, у кого отнято его собственное, не претерпел несправедливо ущерба. И напротив — те нормы, которые касаются власти, нам не время сейчас рассматривать: их познание — дело юристов. Во всяком случае, император явно находится выше законов, трактующих вопросы власти, ибо он сам — во главе власти и обладает правом говорить и действовать от лица этой власти».<sup>41</sup>

Как видим, в отличие от Михаила Эфесского Димитрий Хоматиан не абстрагируется от реальной политической жизни своего времени, претворяя в практику византийского государства аристотелевские положения, однако и он уклоняется от специального рассмотрения второго члена «дихотомического правового мира» — τὸ ἐξουσιαστικόν, выводя к тому же за его пределы вопрос о правовом характере императорской власти. Остается пожалеть, что как Михаил Эфесский, так и Димитрий Хоматиан упустили прекрасную возможность изложить основы византийской конституции. Конституция Византии, — могли бы они сказать нам, — это комплекс весьма аморфных и по большей части неписаных (ибо некоторые компоненты конституции, например основные принципы правосудия, были все же закреплены и письменно — вспомним только судебную реформу Палеологов), не закрепленных законодательством представлений и обычаев, определявших общественное и государственное устройство империи, основные принципы деятельности органов государственной власти и управления (императорская власть, провозглашение и смещение императора, соправительство, регенство, функции консистория, сената, государственно-бюрократического аппарата), системы народного представительства (цирковые партии, димархии, народные собрания — силении, экклесии), роль армии и церкви. Ясно, что эти представления и обычаи формировались в значительной мере под воздействием официальной идеологической пропаганды, выражали волю господствующего класса феодалов-землевладельцев, освящались церковью и фактически не оставляли места для гражданских прав и свобод.

Возникает законный вопрос: каким образом, какими источниками пользуясь, исследователь может воссоздать эту неписаную конституцию, осуществить ее реконструкцию, да и возможно ли такое? Тем более что, следуя вышеизложенному рецепту Бека, мы должны исключить из круга источников такой богатый пласт византийской политической литературы, как панегирическая и паренетическая литература, всевозможные «княжеские зеркала» — жанр, восходящий к второй речи Исократа к Никоклесу и нашедший в Византии таких адептов, как Синесий Киренский, Агапит, Псевдо-Василий I, Кекавмен, Феофилакт Охридский, Алексей I Комнин, Никифор Влеммид, Фома Магистр, Феодор II Ласкарис, Мануил II Палеолог, Димитрий Хрисолора и многие другие, — в которых авторы, выражая свой политический идеал в форме биографии или очерка деятельности какого-либо суверена, причем неважно, историческая ли это личность или выдуманная, допускали риторическое преувеличение, идеализацию своих героев.<sup>42</sup>

Сам Бек продемонстрировал нам, как из обычных нарративных исторических источников можно вычленять и собирать по крупицам данные о публичном правосознании, народном суверенитете, проявления которого существовали помимо Kaiseridee и в скрытом соревновании с ней, ставя всякий раз под вопрос любую попытку придать общезначимый характер императорскому «государство — это я». Показательна в этом отношении позиция историка XII в. Иоанна Зонары: он объявил действия императора Романа IV Диогена, раздававшего ссуды должникам с целью привлечения к себе сторонников, незаконными, так как казна, из которой выплачивались денежные суммы, принадлежала не императору, но государству, и критиковал императора Алексея I Комнина за то, что тот «вел государственные дела так, как если бы это были его частные дела, т. е. не как их управляющий, но как их господин, и все, что принадлежало обществу и фиску, рассматривал как свою собственность». А ригорі представляется невероятным, чтобы в государстве, которое было как бы олицетворением самодержавия и в то же время «грешило постоянными революциями, не было места стремлению к теоретическому обоснованию революции, к разработке комплекса идей, которые могли не вязаться с абсолютистскими притязаниями императора».<sup>43</sup>

Однако именно поэтому не стоило бы пренебрегать некоторыми памятниками панегиристики и паренетики, где среди нравственных или политических заповедей, от которых самих по себе до правосознания, конечно, не один шаг, мы можем встретить не только отвлеченные идеи политической философии, но и рассмотрение, зачастую критическое, конкретных вопросов правового аспекта деятельности императоров.<sup>44</sup> Так, например, воспринимается как подлинный политический трактат панегирик Прокопия Газского императору Анастасию (писан между 512 и 515 г.), в котором автор развивает основы императорской власти.<sup>45</sup> В знаменитом «Наставлении» диакона Агапита, содержащем популярную политическую мораль, изложенную поэтическим, образным языком, в коротеньких, легко усваи-

наемых главах содержится скрытая полемика с Юстинианом, особенно в гл. 10, в которой проводится мысль, что царь должен действовать так, как если бы он был обязан кому-нибудь отчетом — ὡς μεγάλας ὑφ' ἑξῶν εὐθύνας. «Слово εὐθύνη, — говорит по этому поводу Вальденберг, — имеет совершенно определенное терминологическое значение, а именно — значение должностного отчета. Отсюда оживленно обсуждавшийся в греческой литературе вопрос — является ли царская власть ἐλευθέρως или ἀνυλευθέρως — получает окраску практического, реального значения, и то, что Агапит пользуется именно этим словом, придает его мысли особый оттенок».<sup>46</sup> Обращают на себя внимание «Поучительные главы сыну Льву» императора Василия I<sup>47</sup> хотя бы потому, что истинным автором их был, как предполагают, патриарх Фотий, весьма оппозиционно державший себя по отношению к императорской власти, и «Царское воспитание» Феофилакта, архиепископа Охридского, написанное для Константина Дуки, сына Михаила VII и Марии Аланской. В последнем развивается любопытный тезис о законном и мирном характере восхождения на царский трон, предпосылкой чего объявляется «благоволение множества, благоразумное участие народа».<sup>48</sup> И так далее.

Конечно, среди византийской политической литературной продукции особый интерес с точки зрения воссоздания принципов политического устройства общества представляют специальные теоретические разработки византийских «политологов», пусть даже и весьма немногочисленные. Так, важное место среди них принадлежит трактату VI в. «О политической науке», дошедшему до нас в фрагментах (сохранилось 2/5 всего текста) в единственной рукописи (палимпсест Vat. gr. 1298 первой четверти X в.), написанному в форме диалога и несовершенному изданному Анджело Май.<sup>49</sup> Наряду с традиционными и почерпнутыми из античной политической мысли идеями о «науке управлять» — автор пользуется фразеологией Сократа, цитирует Платона, Ксенофонта, Аристотеля — в трактате, особенно в фрагменте 354в, 15—33, воспроизводятся и некоторые исторические черты византийского государства того времени, а также серия фундаментальных законов монархического государства — νόμοι περὶ τῆς βασιλείας χεῖμενοι, действительно своего рода конституция. Им указаны пять законов: о выборах императора, о сенате, о взаимоотношениях церкви и государства, о высших государственных органах, о правосудии.<sup>50</sup> Опять же остается пожалеть, что фрагментарный характер текста не позволяет воссоздать в полном объеме политическую систему, обрисованную автором.

Не меньшее значение для нашей темы имеет весь V раздел «Советов и рассказов» Кекавмена (конец 70-х гг. XI в.)<sup>51</sup> — «Советы писилевсу», — раньше необоснованно приписывавшийся Никулице Дельфину как самостоятельный политический трактат.<sup>52</sup> Представления Кекавмена о государственном механизме империи — это представления человека «средней культуры». Он не философ и не мыслитель, но военный, человек действия, не обремененный непосредственным знакомством с византийской и тем более античной литературой,

единственный автор, которого он цитирует, — это Дион Кассий. Тем он и интересен. Его идеи — это отражение общественного сознания, причем как в его традиционных проявлениях (общие места в устах Кекавмена также не лишены значения, ибо позволяют заключить, что та или иная идея — не собственность автора), так и проявлениях иного рода, носящих печать индивидуальности и свидетельствующих о существовании в византийском обществе XI в. новых тенденций.

Наконец, еще один пример «теоретической разработки» темы — трактат «О присяге» византийского ученого Мануила Мосхопула (рубеж XIII—XIV вв.), в котором автор развивает интереснейшую договорную теорию происхождения государства и права в духе гоббсовского *compact*, исходным пунктом которой ему послужила, очевидно, «Полития» Платона. По мысли Мосхопула, совместное существование людей, их *συννομία*, обусловлено невозможностью человека в одиночку справляться со всеми многообразными задачами, которые ставит жизнь. Находясь в зависимости друг от друга, люди добровольно объединились, чтобы каждый мог извлечь пользу из знаний другого. Мосхопул называет это объединение людей *κοινόν*, т. е. пользуется термином, которым византийцы обозначали свою государственность. Поскольку такое объединение по природе своей чревато раздорами и соперничеством, требуется особый орган, своего рода третьей инстанции, которому Мосхопул дает название *κρίτης*, т. е. собственно «судья». Причем здесь имеется альтернатива, ибо этот орган может быть или коллективным — и тогда речь идет о допущении аристократии, которая, правда, определяется не по знатности, но по качествам — или индивидуальным — и тогда речь идет о допущении монархии. Мосхопул предпочитает, естественно, второе, так как при допущении аристократии опять всплывает та же самая проблема споров и соперничества. Самое важное во всем этом, что здесь уже нет и речи о божественном происхождении власти монарха.<sup>53</sup>

Кстати, в рассуждениях византийских мыслителей о государстве не так уж редко звучат отголоски идеи общественного договора. Так, автор уже известного нам трактата «О политической науке» касается старого философского вопроса: государство существует *φύσει ἢ θέσει*? И он не одинок в этом, ибо в VI в. проблема, чувствуется, живо обсуждалась. Мы встречаем ее, например, в сочинении Иоанна Филопона «О сотворении мира», в котором автор, замечая в духе Аристотеля параллель между государствами и животными обществами, говорит, что только у животных власть устанавливается «по природе», тогда как власть над людьми существует не в силу естественного порядка, но в силу свободного решения или «по взаимному соглашению людей» — *θέσει δὲ μόνῃ καὶ βουλαῖς ἀνθρώπων*, т. е. собственно говоря, в силу общественного договора: это, впрочем, не всегда бывает разумным и справедливым. Важно подчеркнуть, что, доводя свою мысль до логического конца, Филопон вообще отрицает теократическую идею как фундамент государства, отрицает возможность применения к власти понятия *εἰκὼν θεοῦ*.<sup>54</sup>

Мы встречаем отголоски идеи общественного договора даже у Агапита, когда он в гл. 35 своего «Наставления» высказывает мысль, что царь только тогда может считать себя в безопасности, когда он управляет по воле согласившихся добровольно ему подчиниться людей. В этом агапитовском *ὅταν ἔχόντων ἀνάσσης τῶν ἀνθρώπων* нельзя не узнать платоновское *ἔχόντων ἀρχή*, сформулированное в «Законах» (690 с) и являющееся по существу фундаментом идеи общественного договора.<sup>55</sup> Но, пожалуй, еще любопытнее то, что подобного рода идеи проникли и в законодательные памятники. Так, в знаменитой «Исагоге» IX в., авторство которой приписывается патриарху Фотию и которая является единственным из византийских законодательных сводов, содержащим положения об императорской власти и об отношении последней к закону, дается следующее определение закона: «Закон — это общезначимое распоряжение, решение мудрых мужей, общий договор граждан государства (*λόγως συνθήκη κοινῆ*)».<sup>56</sup> Разумеется, отсюда еще бесконечно далеко до учения об общественном договоре как таковом, но сама идея пусть даже в зародышевой форме уже высказана, причем высказана не в каком-нибудь «зеркале» или ином риторическом сочинении, а в официальном законодательном своде. Можно отметить также, что в XIV в. это положение «Исагоги» было эксцерпировано Константином Арменулулом в его «Шестикнижии».<sup>57</sup> Общий демократический характер данного определения еще больше усиливается оттого, что, как оказалось, оно целиком заимствовано из речи «Против Аристоклитона» (I, 16) Демосфена, этого идеолога радикальной демократии.<sup>58</sup>

**Был ли в Византии закон о престолонаследии?** Отсутствие закона о престолонаследии, регулирующего правильную смену правителей на троне, Диль считал тяжким конституционным пороком, которым, как и Римская, долго страдала Византийская империя.<sup>59</sup> По мнению другого авторитетного исследователя, династическая наследственность в Византии исключалась, и любой человек православной веры мог рассчитывать на трон, если только он не страдал каким-либо физическим недостатком.<sup>60</sup> Понятие легитимности в деле восхождения на византийский трон неопределенно, — говорит Бек<sup>61</sup> и многие другие авторы. И действительно, в Византии, унаследовавшей римскую традицию выборности императора, как будто не выработалось идеи императорской фамилии, императорской крови, а ее история полна примеров восхождения на вершину власти выходцев «из ниоткуда» — факт, поражающий уже в те времена иноземцев. В «Житие» апостола славян Константина Философа, например, рассказывается, что когда он прибыл в Хазарию (вероятно, в Семендер), то хазары послали на встречу с ним «мужа лукавого и коварного», который между прочим сказал ему во время беседы и такое: «Какой у вас (т. е. византийцев. — И. М.) злой обычай, что ставите вместо одного цесаря иного, из другого рода. Мы же берем из одного рода», — на что ему Философ весьма невразумительно ответил: «И бог вместо Саула, что не делал ничего угодного ему, избрал Давида, угождавшего ему, и род его».<sup>62</sup>

Вопрос только в том, стоит ли нам, современным историкам, квалифицировать византийскую практику выборности императора как «дурной обычай», «тяжкий конституционный порок», «страшная болезнь пурпура» (Ш. Диль)? Ведь мы знаем, что именно среди подобных «выскочек», шагнувших на византийский трон с крестьянского двора или из-за мясного прилавка, было немало выдающихся политических деятелей, выдающихся как раз глубоким пониманием стоявших перед государством проблем и умением решать эти проблемы, в то время как многие представители позднее сложившихся «законных» династий были слабыми политиками и подобно Иоанну V Палеологу десятилетиями дремали на троне в силу легитимистской инерции. Очевидно, именно эта система при всех ее издержках и человеческих трагедиях обеспечивала приток новых и свежих жизненных сил, способствовавших усилению государства. К тому же сами византийцы отнюдь не склонны были отождествлять сменяемость и выборность императоров с хаосом, анархией, всякий раз при описании провозглашения императоров подчеркивая, что все это совершается не случайно, а по установленному порядку (*κατὰ τάξιν, κατὰ τὸ σῆμα*), в соответствии с обычаем (*κατὰ τὸ ἔθος*).<sup>63</sup> Согласно Прокопию, избрание Анастасия состоялось вполне по правилам, буквально — «законным голосованием» (*Ψήφῳ δίκαια*); якобы он получил свою власть «надлежащим образом» (*πρόσχηχόντως*).<sup>64</sup>

Возникает вопрос: что сие значит — *ἡ ψήφος δίκαια*, какие выборы императора можно считать законными и в чем состоял сам механизм выборности? Не очень-то помогает, как кажется, определение законного возведения на престол (*ἔννομος ἀναρρησις*) автором уже упоминавшегося трактата «О политической науке», который, ставя этот закон на первое место среди фундаментальных законов империи, мыслит его таким образом, что кандидат на царское звание, безусловно достойный его, получает его от Бога по предложению граждан.<sup>65</sup> Очевидно, в основе подобного рода представлений лежит убеждение в том, что простое занятие трона даже после избрания или провозглашения той или иной группой населения не может само по себе рассматриваться как достаточное с точки зрения неписаного, обычного права, надо еще соблюсти некоторые освященные обычаем и принятые общественным мнением процедурные формы.<sup>66</sup>

Обращает на себя внимание и тот факт, что в вопросе об обосновании выборной императорской власти византийская концепция знаменует отход от римской: в то время как в «Институциях» Юстиниана, отразивших римское классическое право в наиболее чистом виде, мы совсем не находим теократического обоснования власти и все полномочия императора здесь объясняются переносом на него власти, принадлежащей народу (*populus ei et in eum omne imperium suum et potestatem concessit* — Inst. 1.16),<sup>67</sup> византийцы, также отдавая дань этой точке зрения и даже нередко, как мы видели, трактуя этот вопрос в духе идеи общественного договора, все же мыслили выборную императорскую власть как полученную от Бога.<sup>68</sup> По мнению некоторых исследователей, здесь налицо противоре-

ственное сочетание двух взаимоисключающих принципов — теократического и демократического.<sup>69</sup> На самом же деле, как кажется, уже здесь мы имеем дело со свойственным всему Средневековью топосом мышления: божественное происхождение власти понимается в том смысле, что Бог вдохновляет народ, что народ — это инструмент Бога в вопросе об избранности носителя власти; политическая власть опосредованно исходит от Бога, но непосредственно — от граждан государства.<sup>70</sup>

Остается, правда, открытым вопрос о том, мыслилась ли эта передача власти — перенос суверенитета — императору окончательной или временной. В первом случае было бы естественным ожидать теоретического обоснования переноса суверенитета от императора к императору по династическому принципу. Поскольку попыток такого рода обоснований нам неизвестно и поскольку в области реальной политической жизни Византии династический принцип долгое время не мог привиться, можно, на наш взгляд, предположить, что такой перенос суверенитета мыслился как временный, на срок жизни императора, а реальный суверенитет оставался за народом, который мог проявить инициативу в случае вакантности трона или немощи монарха, что, впрочем, хорошо иллюстрируется и примерами из жизненной практики Византии: к трону часто приходят в результате «революций», которые отнюдь не рассматриваются византийцами как что-то чрезвычайное, как свершившийся факт, но, скорее, как акт, имеющий конституционное значение.<sup>71</sup>

Византия, однако, не была бы Византией, т. е. средневековым государством феодального типа, если бы и в ней в конце концов на смену римской традиции выборности императора не пришло понятие феодальной *κληρονομία*, которое разрешает соправительство и наследование трона с династической точки зрения.<sup>72</sup> По мнению Пертузи, византийская нумизматика свидетельствует, что уже начиная с Тиверия II пробивает себе дорогу иная, нежели римская, идея — династической преемственности: на лицевой стороне некоторых бронзовых монет Маврикия (582—602) представлен император в рост, сбоку от него императрица Константа, а на обороте сын Феодосий, причем все с коронами, нимбами и скипетрами; еще более характерны столичные и провинциальные золотые и серебряные монеты Ираклия (610—614), на лицевой стороне которых изображены император в центре, сын Ираклий справа и сын Ираклеон слева (или же сын Константин справа и императрица Мартина слева) с коронами и державами, увенчанными крестами. Речь здесь, считает Пертузи, может идти не столько об идее династии, или династической преемственности, ясно символизированной в атрибуции крестоносных скипетров и держав, сколько об идее приобщения к власти, участия изображенных членов царствующей фамилии в «святости императора» или в почестях, которые ему подобают. Другими словами, речь идет о членах царствующей фамилии, которые могли наследовать в порядке, установленном волей императора, царскую власть.<sup>73</sup>

Династическая идея, зародившись, по-видимому, еще раньше, уже в IV в., заглохла, однако, к середине VII в., когда многочислен-

ные «военные провозглашения» возродили римскую идею выборности, но в то же время она и не была полностью забыта, в частности, иконоборческими императорами, которые часто заставляли изображать рядом с собой своего сына — преемника (Константин V и Лев IV, Лев IV и Константин VI и т. д.) или же себя на лицевой стороне монеты, а сына — на оборотной (Лев III и Константин V).<sup>74</sup> Много было сделано для ее укрепления Василием I (867—886), давшим, по выражению Константина VII, «императорской династии более мощные корни, чтобы из них вышли великолепные ветви».<sup>75</sup> С этих пор существует императорская фамилия, члены которой именуются «багрянородными», складываются династии, из которых Македонская династия правила 189 лет, династия Комнинов — 104 года, Палеологов — 192 года. Династическая идея настолько укоренилась в умах людей, что, например, панегирист Иоанна II Комнина (1118—1143) Михаил Италик определяет императора как «провозглашенного в соответствии с законами наследника»,<sup>76</sup> хотя ясно, что во времена Алексея I Комнина не существовало никакого писаного закона, который определял бы линию наследования трона. По-видимому, имелось в виду вошедшее в обиход неписаное правило, согласно которому предпочтение отдавалось первородству по мужской линии. Впрочем, и это правило не было обязательным, и тому же Иоанну II Комнину, вернее, его партии, пришлось выдержать борьбу с первородной принцессой Анной, сделавшей попытку, правда неудачную, решить вопрос о праве наследования в пользу своего мужа Никифора Вриенния.<sup>77</sup>

В ситуации, когда все мы, византилисты, уже свыклись с мыслью о том, что Византия не знала писаного закона о престолонаследии, громом среди ясного неба показалось высказанное недавно Пертузи мнение, что такого рода закон существовал-таки и здесь.<sup>78</sup> Удивительнее всего то, что при этом имелся в виду документ, давным-давно введенный в научный оборот, но никогда, как кажется, не привлекавший в этом качестве внимания исследователей — синодальное постановление от 24 марта 1171 г.<sup>79</sup> Стоит поподробнее остановиться на этом и в самом деле уникальном документе, с тем чтобы правильно оценить его значение.

После пространной преамбулы, в которой высказываются традиционные идеи уподобления суверенитета василевса на земле суверенитету Бога на небесах и делается заявление в том смысле, что лицо, отрекшееся от своей клятвы на верность императору, подобно человеку, отрекшемуся от своей религиозной веры и поэтому заслуживает изгнания из общины верующих, — после всего этого синод под председательством вселенского патриарха Михаила постановляет, что все церковные иерархи, от патриарха до епископа, должны дать клятву верности императору Мануилу I Комнину в следующей редакции (переводим эту часть документа полностью): «Признаю настоящим письменным актом, что буду хранить по отношению к тебе, могущественному и святому моему самодержицу, царю и порфирородному господину Мануилу Комнину, безупречную верность и преданность, как обязанный делать это по естественному и закон-

ному долгу; что буду подчиняться приказу, воле и повелению твоей святой царственности (и выступлю) против любого человека, прогивающегося настоящей клятве. Если же случится тебе отдать (последний) долг, свойственный всем людям (т. е. умереть. — И. М.), то (я признаю), что с этого момента без какого бы то ни было колебания и необходимости в другой клятве я буду считать возлюбленного сына твоей святой царственности, славнейшего порфирородного царя господина Алексея царем-самодержцем вместо тебя и сохранию и по отношению к нему безупречную верность и преданность. Если случится, что в момент твоей смерти этот возлюбленный сын твоей царственности господин Алексей окажется еще несовершеннолетним, т. е. не достигшим 16-летнего возраста, то и тогда я сохранию по отношению к нему безупречную верность и преданность, но, сохранив по отношению к нему верность и мою преданность, а также честь твоей царственности, (я признаю), что буду повиноваться воле и повелению возлюбленной августи твоей святой царственности госпожи Марии, если только она наденет монашескую одежду, пострижется затем в соответствии с канонами и будет хранить честь твоей царственности и твоего сына, пока он не достигнет 16-летнего возраста. Если же этот сын твоей царственности еще при жизни твоей царственности или после этого умрет бездетным и если у твоей царственности будет еще одно дитя мужского рода, то я буду считать его царем-автократором, хотя бы оно еще и не было короновано, и постараюсь привести его к короне сего царства ромеев, и сохранию равным образом и по отношению к нему сию подлинную верность и преданность, с расстановкой тех же акцентов (?μετά τῆς αὐτῆς δυναστίας) относительно упомянутой августи твоей святой царственности и его матери. Если же и этой возлюбленной августи твоей святой царственности не будет в то время в живых или же она не будет себя вести подобающим образом, то тогда я должен быть свободен от обязанности повиноваться ее воле и повелениям, с тем чтобы хранить верность и безупречную преданность по отношению к самому ее сыну и повиноваться решениям и воле людей твоей царственности, которым твоя царственность намерена поручить попечение и воспитание упомянутого славнейшего порфирородного (принца). Если и их не будет в живых, то я буду подчиняться решению и воле других людей, которые в то время будут отобраны общим решением (сената?) для замещения места вышеназванных, и постараюсь во всем и всячески (действовать) в интересах чести твоего возлюбленного сына и Романии, согласно писаному и устному указу, воле и предписанию твоей царственности. Если же случится, что в момент твоей смерти в живых не будет ни твоего сына — царя, славнейшего порфирородного господина Алексея, ни другого ребенка мужского рода твоей царственности, я подчинюсь указу, воле и предписанию твоей царственности и поступлю так, как назначит, письменно или устно, твоя царственность или в отношении твоей возлюбленной дочери, славнейшей госпожи Марии, ныне здравствующей, и того, кто вознамерится сочетаться с ней законным браком (если только он намерен быть с нею и блюсти римскую державу

и церковную жизнь, как и твоя царственность), или в отношении другой дочери твоей царственности, если она у тебя будет, или же в отношении какого-либо иного руководства, назначенного твоей царственностью. Если при ком-либо из объявленных глав у меня возникнет какое бы то ни было сомнение или колебание, то тогда постараюсь заявить об этом и таким образом препроводить себя расследованию этого и указу твоей царственности и поступлю в соответствии с ними. И так как я буду хранить все то, что признаю настоящим моим письменным актом, целым и невредимым, без обмана, всяческой подозрительности и какого-либо превратного толкования, то да будет мне за это божественная милость».

Фактически мы и в самом деле имеем перед собой закон о престолонаследии, хотя форма, в которой он выражен, в состоянии, пожалуй, заставить усомниться в том, имел ли он всеобщее значение в качестве юридической нормы: все же это постановление синода, а не государственной власти, хотя и представляется несомненным, что оно инспирировано самим императором. Как отметил и Пертузи, клятва носит личностный характер, т. е. привязана к конкретной персоне и основана, очевидно, на личной воле императора, который не знает границ в требованиях верности от своих подданных; требование принесения клятвы распространялось здесь как будто только на иерархов церкви, а не на всех подданных. Так что подлинного объективного закона о престолонаследии, который бы не зависел от воли императора, в Византии как будто все же не появилось. Но, с другой стороны, — а был ли он возможен в таком виде вообще? Ведь и на феодальном Западе законы наследования были весьма неясными, не были изжиты до конца традиции выборности («кровь предназначала для короны не одну какую-то персону, но всех членов фамилии, среди которых и происходили выборы, не имея никакой, впрочем, связи с нашей современной арифметикой»<sup>80</sup>), а во французской монархии, где принцип наследования первородным принцем окончательно восторжествовал только с приходом к власти династии Валуа, он «был введен исподтишка, силой привычки, — введен, но никогда не провозглашен».<sup>81</sup>

То же самое мы наблюдаем в Византии. Может быть, именно принципиальная невозможность для византийского императора издать закон о престолонаследии как таковой, так как это было бы откровенным вызовом вековым официальным устоям и полным разрывом с римской идеей, заставила Мануила I Комнина искать обходный маневр и действовать через синод, т. е. добиваться того же самого, но не от своего имени. Традиция, таким образом, формально не была нарушена, но и закон о престолонаследии фактически введен «исподтишка», создан прецедент, который мог служить и, по-видимому, действительно служил ориентиром (*come bussola di orientamento*, по определению Пертузи) для последующих династий. Правда, в официальных источниках ссылок на этот прецедент мы не находим, но тот факт, что юрист Константин Арменопул в XIV в. в самый разгар мятежа Иоанна Кантакузина против законного, т. е. наследственного, императора включил этот «томос» в качестве приложения

в состав своего «Шестикнижия», особо отметив меру возмездия (высшую меру церковного наказания — анафему) за «мятеж или посягательство» на законную власть, с полным правом расценивается исследователями как грозное предостережение узурпатору, а последовавшее затем опровержение этого текста ярким кантакузинистом патриархом Филофеем Коккиносом лишь еще больше подчеркивает действительность этого предостережения.<sup>82</sup> Не потому ли Иоанн Кантакузин не решился на открытую узурпацию власти, обычно сопровождавшуюся физическим устранением малолетнего наследника престола, закамуфлировав ее опекуном, установлением родственных отношений с законным наследником и соправительством?

Возвращаясь к нашему документу, следует отметить, что никакие присяги не спасли юного наследника от другого претендента на императорский трон: Алексей Комнин, оставшийся после смерти отца (1180 г.) десятилетним мальчиком, на третьем году номинального царствования был задушен своим двоюродным дядей Андроником Комнином,<sup>83</sup> хотя и этот узурпатор давал покойному Мануилу присягу на верность его наследнику, а позднее повторил ее и самому юному императору. Что делать! Такое было время и таковы были нравы, которые, впрочем, — нужно с сожалением признать — не так уж сильно отличаются от нынешних.

И еще одно. Была ли подобного рода реформа задумана и осуществлена Мануилом I Комнином под влиянием западноевропейской модели, явившись еще одним проявлением его политики окцидентализации государственных структур, как полагает Пертузи? Вполне возможно, хотя предпосылки для этого, как мы видели, уже давно созрели в Византии независимо ни от какого Запада.

**Власть и закон.** Идея правопорядка, строгой законности — это, можно сказать, *idée fixe*, общее место византийского законодательства, всей византийской политической литературы, с явной тенденцией быть возведенной в ранг некоего конституционного принципа. Так, например, для автора трактата «О политической науке» охрана законов — *ἡ τῶν νόμων φύλαξις* — это пятый из фундаментальных законов империи; тему законности развивают в целом ряде глав законодательные памятники VIII—IX вв. («Эклога», «Исагога», «Прохирон»); немало официальных заявлений в этом роде содержится также в новеллах Юстиниана и других императоров. Концепцией «дихотомического правового мира», которой, следуя за Аристотелем, придерживались византийские правоведы, предусматривалось, как мы видели, особое право для «высших эшелонов власти» и особое — для остальной, управляемой части общества, хотя вместе неразсторжимая аристотелевская пара *ἄρχος — ὑπόχρεος* и у византийцев составляла основу политической общности. Право второго члена данного уравнения основывалось хотя бы теоретически на принципе равенства всех граждан перед законом как в его коммутативной интерпретации, согласно которой социальная справедливость должна означать равенство всех независимо от социального положения каждого, так и в дистрибутивной, когда социальная справедливость должна быть надлежащим образом со-

в отношении которых нет писаного закона, следует руководствоваться привычкой и обычаем, а если нет и этого — следовать нормам, регулирующим сходные казусы (§ 10=D.1.3.32); в зависимости от того, установлен ли закон письменно или без письменного оформления, и отмена его также осуществляется письменно или без, т. е. путем неупотребления (§ 11=D.1.3.32.2); обычаем какого-либо города или провинции можно воспользоваться тогда, когда он, будучи подвергнут сомнению, может быть подтвержден в суде, причем установления, проверенные долгим обычаем и сохраняющиеся на протяжении многих лет, действуют не хуже писаных законов (§ 12=D.1.3.34.35).

Уже давно было замечено, что представления Фотия о строгом разграничении полномочий императорской власти и власти патриарха имеют неконформистскую направленность. Особенно это относится к ясно выраженному стремлению Фотия ограничить власть императора рамками *βασιλεία* с задачей способствовать миру и счастью подданных, оградить от ее посягательств церковную сферу, находящуюся в компетенции патриарха, возвысить и эмансипировать власть последнего, придать ему своего рода папский статус. Здесь нет и следа доктрины об уподоблении императора Богу, о божественном происхождении императорской власти, или, вернее, она переносится на более высокий уровень — на уровень закона.<sup>90</sup> Уже в предисловии к «Исагоге», которое воспринимается как своеобразный гимн закону и законности, провозглашается, что закон — от Бога, это истинный василевс, он выше самих василевсов, причем василевсов не каких-нибудь, но весьма почитаемых и воспеваемых из-за их приверженности православию и справедливости.<sup>91</sup>

Следует, впрочем, отдать должное и самой императорской власти: многие ее носители также осознавали (возможно, из чувства самосохранения) необходимость каким-то образом смягчить жесткость царского закона. Типичным в этом смысле и ставшим на многие столетия путеводной нитью для византийских императоров было высказывание Северов, которые, согласно «Институциям», «очень часто» замечали в своих рескриптах: «Хотя мы и не связаны законами, но живем тем не менее по законам» (Inst.2.17.8), а Феофил, излагая в своей парафразе это латинское изречение Северов на греческом языке, добавляет, что речь идет о достойном восхищения и постоянного цитирования божественном изречении (Theoph. Inst. 2.17.8).<sup>92</sup> Нередки в новеллах предписания императоров не принимать во внимание их указы, идущие вразрез с существующим законодательством. Например, в новелле Мануила Комнина от 1158 г. сказано: «Если во время нашего самодержавного правления моей царственностью будет предписано устно или письменно что-либо, противоречащее праву или смыслу законов, то пусть оно будет недействительным и во всех отношениях бездейственным».<sup>93</sup> На исходе византийской эры эта позиция наиболее отчетливо обозначена императором Андроником II Палеологом. Излагая в своем про странном хрисовуле принципы судебной реформы, целью которой провозглашалось «благосостояние государства», «достижение спра-

недливости», он оговаривается: «Хотя василевс стоит выше закона и всякого принуждения, и ему позволительно делать все, подобно тому как василевсы предшествующего времени считали единственным и самым сильным законом лишь свою волю», он, Андроник, «презрел такое властительство, признававшееся справедливым как в силу обычая, так и по многочисленности примеров, и поставил правду выше своей власти».<sup>94</sup>

Не правда ли, налицо снова некий добровольный либерализм императоров, их сознательное самоограничение, подаваемое как милость по отношению к подданным, царская добродетель, некий моралистский *progrium imperii*,<sup>95</sup> весьма далекий от того, чтобы служить эквивалентной заменой праву и закону. Тем более что отнюдь не все царствующие особы, прежде всего особы с ясно выраженным «нероновским комплексом», были склонны соблюдать правила игры в либерализм — и тогда опять «уноение властью», пошлое нагнетание культа царствующей персоны, которое приобретало порою анекдотические черты. Можно было бы, например, принять за выдумку сообщение кременского епископа Лиутпранда, наблюдавшего торжественный выход императора Никифора II Фоки 7 июня 968 г. в Константинополе, о том, что специально подготовленные для этого «псалты» или «кракты», т. е. попросту крикуны, наряду с обычным «полихронионом» и другими аккламациями выкрикивали в адрес императора и такое: «Вот восходит утренняя звезда, поднимается заря, затмевает взглядом своим лучи солнца, бледная смерть сарацинов, Никифор, вождь — повелитель». Но дотошный австрийский исследователь Крестен установил по источникам совершенно точно достоверность этих эпитетов.<sup>96</sup> В наиболее серьезных случаях все это выливалось в вакханалию политических преследований, казней и убийств, как например в случае с «красным императором» Андроником Комнином, по подсказке которого его люди составляли списки подлежащих уничтожению потенциальных врагов с указанием для каждого способа исполнения смертной казни.<sup>97</sup> В общем все так, как это и происходит в подобных случаях во все времена и у всех народов: *ὁ ἀναγνώσων νοεῖτω!*

Ясно, что византийская «общественность» вряд ли могла безоговорочно удовлетвориться таким положением дел. Она и не удовлетворялась им, постаравшись, что называется, явочным порядком выработать свою систему квазиправовых гарантий от произвола властей, систему, с которой императорам волей-неволей приходилось считаться.

Особый интерес в этой связи представляют клятвы императоров, вернее, будущих императоров, так как их скрепленные клятвами обещания рассматривались в качестве предпосылки коронования и имели, по-видимому, конституционное значение.<sup>98</sup> К сожалению, о них мало что известно, и это понятно: ведь, придя к власти, императоры всеми силами старались изгладить из памяти подданных данные им обещания. В этом отношении едва ли не уникальным эпизодом в истории церемониала интронизации является клятва, данная в 491 г. Анастасием архонтам и сенаторам, — с обещанием

сохранить им должности и звания, не выступать против них, править «с правильным сознанием»;<sup>99</sup> впрочем, подобные клятвы давались при восшествии на престол Ираклоном, Феодосием III, Львом III. Пожалуй, более известна практика предоставления молодыми императорами гарантий для церкви, так называемого исповедания веры (*ὁμολογία πίστεως*), клятвы на верность православию, которая с IX в. приобрела форму некоего *сredo*, сходного с никейским символом, но с добавкой о признании апостольских заветов, определений и канонов вселенских соборов, привилегий церкви, с обещанием быть верным рабом и защитником церкви, и которая в поздневизантийское время давалась в письменной форме. Образец такого акта исповедания веры сохранен Псевдо-Кодином.<sup>100</sup> По мнению некоторых исследователей, патриарх, требуя от восходящего на трон императора клятвы на верность православию, действовал, таким образом, не как глава церкви, но как первый из граждан, а констатация приверженности нового императора православию была требованием не только церкви, но и всего народа.<sup>101</sup>

Едва ли не большей гарантией, находившейся в распоряжении подданных, было их право на сопротивление вплоть до убийства властителя, не оправдавшего их доверия и приобретшего в общественном мнении репутацию тирана. О том, что такое право существовало, свидетельствует социальная практика, прежде всего личная судьба «равноапостольных». Подсчитано, что с 395 по 1453 г. из 107 государей, занимавших трон Византии, только 34 умерли своей собственной смертью, 8 погибли на войне или стали жертвами случая; остальные отреклись, добровольно или уступая насилию, или же были отравлены, заколоты кинжалом, удушены, искалечены,<sup>102</sup> причем эта статистика отражает лишь успешно осуществленное «право на сопротивление».<sup>103</sup> Количество же всех, и удавшихся, и не удавшихся, выступлений против царской власти — всевозможных заговоров, мятежей, покушений, измен, попыток свержения царствующих императоров и захвата власти, не считая при этом чисто социальных, народных движений, — только для периода с 865 по 1185 г. составляет, по данным новейших исследований Каллиопы Бурдары, около 140 случаев.<sup>104</sup>

Встречаются и теоретические обоснования «права на сопротивление». Согласно патриарху Николаю Мистику (X в.), неповиновение императору допустимо, если он предписывает нечто, внушенное ему дьяволом и идущее вразрез с божественным законом, например, когда он повелевает клеветать и убивать обманом, нарушать супружеские связи, несправедливо разорять чужие владения и т. д. «Василевс, — говорит он, — неписанный закон, но не потому, что он нарушает закон и делает все, что ему вздумается, а потому, что является таковым, т. е. неписанным законом, который проявляется в своих актах, как раз и составляющих неписанный закон. Если василевс — враг закона, то кто же будет бояться закона? Если первым его нарушает правитель, то ничто не помешает тому, чтобы его затем стали нарушать подданные. . . Хороший правитель должен отвергать тиранию, ибо такая форма власти, высокомерная и насильственная,

ненавистна Богу и людям; тиран — противоположность хорошего правителя, он неверен, вероломен, развратен, несправедлив, не признает божественного провидения, правит делами по своей прихоти и доверяется только собственному безумию власти. Он в сущности отрицает свое божественное происхождение... Государь должен доминировать своей властью и не переступать границ, намеченных ему Богом».<sup>105</sup>

Имперское законодательство стремилось, естественно, оградить царствующую персону и его окружение от посягательств на власть и чине, подводя такого рода попытки под понятие *καδοσίωσις*, «оскорбления величества» (некий византийский эквивалент римскому *crimen maiestatis*), или *τυραννίς*, т. е. государственного преступления, связанного с попыткой ниспровержения «законной власти», и угрожая виновным в таких преступлениях смертной казнью. При дознаниях по такого рода делам применялись особые приемы дознательства виновности: показания могли давать лица, которым в обычных условиях было запрещено выступать в суде, — рабы против хозяев, жены против мужей, сыновья против отцов и т. д.; широко применялись пытки, причем как к обвиняемым, так и к обвинителям, а также к свидетелям, даже если они не достигли 14 лет. Жизненная практика, однако, расходилась здесь с законодательством: смертная казнь была относительно редким явлением, будучи заменяемой чаще всего ослеплением, членовредительством, телесными наказаниями, ссылкой, пострижением в монахи и т. д.<sup>106</sup> Порой все вообще заканчивалось амнистией, т. е. частичным или полным освобождением от наказания и его правовых последствий чаще всего именно тех категорий правонарушителей, которые совершили преступления против императора. В Византии право амнистии принадлежало исключительно императору и сопровождалось дачей письменных гарантий с его стороны.<sup>107</sup> И дело здесь, думается, не в каких-то личных гуманных качествах отдельных императоров, а в «обычном правосознании» византийцев, которое иногда оказывалось сильнее писаного официального права. Последнее (впрочем, как и все уголовные кодексы мира) вообще проявляло удивительную непоследовательность в отношении преступлений, касавшихся ниспровержения законной государственной власти: судят ведь за неосуществленное преступление, за неудачную попытку, которая чаще всего квалифицируется как государственная измена; за удавшееся же преступление судить бессмысленно, ибо в этом случае, по выражению Михаила Пселла, «тирания становилась законной властью».<sup>108</sup>

**Номос и канон.** И, наконец, еще один немаловажный аспект правовых основ византийской государственности — взаимоотношения светского государственного и церковного законодательств, которые, конечно же, являлись отражением всего комплекса сложных, запутанных взаимоотношений церкви и государства, т. е. земной, видимой части «царства Отца, Сына и Св. Духа» и царства кесарева — этих двух неслиянных, но и нераздельных организмов, связанных между собой некими метафизическими узами в некое единство.

«Я знаю, — говорит император Иоанн Цимисхий (969—976) в своей речи перед епископами и сенатом, — лишь одну власть, наивысшую и первенствующую, которая из ничего создает все то, что видимо и не видимо в мире. Но мне известно также, что в этой жизни, в настоящем земном пространстве, есть две власти: священство (ἱερωσύνη) и царство (βασιλεία); одной из них создатель доверил заботу о душах, а другой — руководство телами людей, с тем чтобы ни та, ни другая стороны не понесли ущерба, но чтобы обе сохранялись целыми и невредимыми».<sup>109</sup>

Высказывание интересно тем, что резюмирует (или, скорее, констатирует) два правовых источника: предисловие к шестой новелле Юстиниана, где дается формула взаимоотношений светской и церковной власти,<sup>110</sup> и уже известный нам пассаж из «Исагогии», в котором сделана попытка кодифицировать учение о разделении двух властей, определить в юридических нормах позиции василевса и патриарха и их полномочия в рамках государства, подвести юридическую базу под взаимоотношения церкви и государства.<sup>111</sup> Не менее интересно и то, что, признав фактически идею разделения двух относительно автономных властей, император тут же нарушает ее, заявив, что он возводит на освободившийся после смерти патриарха Полиевкта церковный престол инока с горы Олимп Василия Скандрина, да еще на том основании, что тот предсказал ему, Иоанну Цимисхию, что он станет василевсом, а значит, располагает «всевидящим оком, которое распознает дела человеческие еще до того, как они задуманы».<sup>112</sup>

В данном эпизоде, как в капле воды, отразилась вся гамма взаимоотношений церкви и государства: их как будто всеми признававшаяся и даже, как мы видели, юридически закрепленная самостоятельность, их равноправное партнерство, не исключавшие, впрочем, отношений тесного сотрудничества, солидарности и даже взаимозависимости: ведь все государственные чиновники да и сам император — члены церкви и, наоборот, все верующие, включая патриарха, — граждане государства, а органы церкви — носители публичной власти, с одной стороны; и практически полнейшая зависимость церкви от государства, «иго светской власти»,<sup>113</sup> — с другой. Император — «служитель Великого Царя», представитель Христа на земле до пришествия Божественного Судии — таков постулат имперской идеологии, впервые, впрочем, вышедший «не из православных уст»,<sup>114</sup> будучи сформулирован арианом Евсевием. И поэтому император считал себя вправе вмешиваться в дела церкви и действительно вмешивался, принимая живое участие в теологических спорах по вопросам догматики, председательствуя на церковных соборах, подписывая соборные постановления, определяя границы епархий, назначения и выборы епископов, митрополитов, самого патриарха, издавая указы догматического содержания. Византийские императоры и после Юстиниана продолжали выпускать конституции и указы религиозного содержания: Юстин II опубликовал новеллу о несанкционированном смещении епископов; Ираклий — четыре новеллы о клире, а также моноэнергистскую «Ἐξθεοῦς»; Константин IV По-

тогат на созванном им Константинопольском соборе 680—681 гг., каноны которого были отредактированы «под диктовку» императора, санкционировал определения, которые ликвидировали монофелитский вопрос и восстановили связь с Римом, и своим указом вернул равенскую церковь римскому престолу; Юстиниан II созвал в 692 г. так называемый пято-шестой Константинопольский собор, постановления которого он пытался навязать и Риму; а чего стоит 17-я новелла Льва VI, адресованная патриарху Стефану I и трактующая вопрос о возможности крещения и участия в таинстве святой евхаристии женщин во время родов.<sup>115</sup> Борьба с ересями и еретиками, казалось бы, дело церкви, велась в Византии всегда императорскими войсками и императорским судом.<sup>116</sup> Более того, были императоры, открыто претендовавшие на священничество и главенство в церкви, давая тем самым повод говорить о цезарепапизме в Византии.<sup>117</sup> Так, Феодосий Великий настаивал на праве императора находиться внутри алтаря церкви во время литургии,<sup>118</sup> а в прамбуле к «Эклоге» излагается целая теория о том, что «Господь и создатель всего» не только вручил императорам власть над империей, но и повелел им, «по словам главы апостолов Петра, пасти самое первое стадо».<sup>119</sup> Таким образом, подчеркнуто, что Бог вверил василевсам власть над sacerdotium не на основе доктрины подражания Богу, что было бы более привычным для византийской топики, а на основе завета, данного Христом Петру, главе апостолов: «Паси мое стадо» (I Petr. 5. 2). То, что в данном случае имелось в виду притязание императора на двойственность своей власти — быть одновременно и василевсом, и священником, — особенно ясно видно из переписки папы Григория II с Львом III. Отвечая на письмо последнего, в котором император в соответствии с принципами, изложенными в «Эклоге», обосновывал формулу: «Я одновременно и василевс, и священник», папа Григорий II отстаивает тезис о независимости sacerdotium от imperium, отрицает возможность отождествления обеих властей в одном лице и полагает, что догматы — не только не василевсов, но епископов, отмеченных духом Христовым.<sup>120</sup> Спор получило и притязание Феодосия, которому решительно воспротивился св. Амвросий. Он выразил идею, ставшую официальной доктриной церкви: «Пурпур делает императорами, но не священниками».<sup>121</sup>

Конечно же, аналогичные голоса раздавались и в центре империи, в Константинополе. Иоанн Дамаскин в своих двух речах «Об образах», прямо намекая на законодательство Льва III и на его политическую идеологию, изложенную в прамбуле «Эклоги», пишет: «Эти вопросы — компетенция соборов, а не василевсов. . . ; императорам подобает доброе и справедливое руководство общественными делами, пастырям и учителям, напротив, — установление церковных. . . ; мы подчинимся тебе, василевс, в том, что касается мирских дел, т. е. податей, налогов, дарений, которые мы получаем, и всего того, для чего тебе вверено управление нами; но в том, что касается церковного устройства, у нас есть наши пастыри, которые говорят нам свое слово и издают церковное законодательство. Давайте не будем

перемещать границ вечных, установленных нашими отцами, сохраним традиции такими, какими их получили. . . Я не могу допустить, чтобы василевс узурпировал тираническим образом священство. У василевсов не было власти соединять и расторгать. . . Ничуть не уверен, что церковь должна направляться императорскими распоряжениями, но только учениями отцов, писаными и неписаными».<sup>122</sup>

Великий реформатор византийского монашества Феодор Студит в беседе с императором говорил то же самое: «Что касается церкви, то это компетенция священников и учителей; василевсу, напротив, подобает руководство делами внецерковными. Это то, что предписывает апостол: „Бог помещает в церкви прежде всего апостолов, во-вторых, пророков, в-третьих, учителей“. Он отнюдь не упомянул василевсов. Ведь это те, которые должны выпускать законы о догматах и о вере; ты же должен следовать им и не узурпировать их место».<sup>123</sup> Подлинность мысли Феодора Студита, впрочем, почти дословно совпадающей с высказыванием Иоанна Дамаскина, подтверждается, как правильно подметил А. Пертузи, его письмом к сакелларию Льву, в котором он отказывается обсуждать с императором вопрос об иконопочитании: «Речь ведь не о житейских делах и не о плотских, о которых василевс имеет право судить, но о божественных и небесных догматах, которые не доверены никому другому, кроме как тем, кому сам Бог — Слово сказал: „Все, что вы соедините на земле, будет соединено и на небе; и все, что вы расторгнете на земле, будет расторгнуто и на небе“. Кто суть те, кому он дал этот завет? Апостолы и их преемники. А кто эти преемники? Это тот, кто занимает первопрестол в Риме, тот, кто держит второй престол в Константинополе, и затем те, что в Александрии, Антиохии и Иерусалиме. Это пятиглавая власть церкви. Им доверено право судить о божественных догматах; василевсам же и правителям дано лишь содействовать подтверждению того, что было решено, и примирять разногласия. Недопустимо, государь, уравнивать божественный суд с житейским».<sup>124</sup>

Не умножая других высказываний в этом же роде (например, патриархов Никифора, Фотия), авторы которых лично заплатились за их оппозицию всемогуществу императоров, и не приводя здесь «других голосов», иногда весьма авторитетных (например, патриархов Афанасия, Константина, Павла, Феодора и т. д.), которые, напротив, способствовали выработке позиции отдельных императоров в религиозной сфере,<sup>125</sup> подведем некоторый итог: отношения между церковью и императорами, представлявшими государство, оставались в Византии в силу отсутствия четкой политической и правовой теории плохо выясненными, что давало возможность различных толкований.<sup>126</sup> Вся византийская история свидетельствует о попытках и той, и другой стороны нарушить достаточно хрупкое равновесие данной диархической системы. Тем не менее, считает Арвейлер, эти попытки — дело отдельных лиц, а не результат действия институтов.<sup>127</sup>

На фоне общих принципов взаимодействия церкви и государства отнюдь не становится яснее отношение между корпусом светских

законов и каноническим корпусом церковного права, который был официально провозглашен вселенским Трулльским (691/92 г.) собором.<sup>128</sup> Во втором каноне собор указал состав корпуса, который включает каноны вселенских соборов, так называемые апостольские каноны местных, не всегда точно датируемых соборов IV в., серию поучений знаменитых отцов церкви IV и V вв.; к этой официальной коллекции добавились, естественно, каноны самого Трулльского собора. Собор запретил всякие попытки подделывать каноны, включать в состав корпуса «какие-то другие каноны, ложно составленные людьми, стремящимися торговать истиной». По мнению Х. Г. Бека, речь идет о запрете несанкционированного каким-либо вселенским собором расширения состава корпуса. Западногерманский ученый также считает, что, учредив «гетерогенный» корпус канонического права, собор исключил всякие возможности для византийской канонистики создать подлинный «Codex juris canonici» с логически обоснованным распределением материала.<sup>129</sup> Возникает, таким образом, проблема согласования весьма противоречивых канонов и законов.

Впрочем, такая проблема возникла значительно раньше введения официального корпуса канонического права. Так, под нажимом церковников (участников IV вселенского собора) императоры Вальвипиан и Маркиан издают 12 ноября 451 г. конституцию, согласно которой все законы (*pragmaticae sanctiones*), изданные в нарушение церковных канонов (*contra canones ecclesiasticos interventu gratiae ambitionis electae sunt*), признаются недействительными (*robore suo et firmitate vacuatae* С. 1. 2. 12); в конституции от октября 530 г. уже содержится фраза о том, что «божественные каноны имеют силу не меньшую, чем законы» (С. 1. 3.44. 1), — положение, которое в наиболее развернутом виде встречается в знаменитой 131-й новелле Юстиниана от 545 г., гласящей: «Предписываем, чтобы священные церковные каноны, изданные или подтвержденные четырьмя святыми соборами, а именно — Никейским, Константинопольским, Эфесским и Халкидонским, имели ранг законов; ибо догматы четырех вышеизванных соборов мы признаем наподобие святых писаний, а их каноны храним, как законы» (*Nov. Just. 131. 1*).<sup>130</sup> Причем если Юстиниана это естественным образом относилось к материалу, который имелся в наличии в его время и практически заканчивался канонами Халкидонского собора (451 г.), то «Василики», воспроизводя повеллу Юстиниана, уже расширяют ее вплоть до II Никейского собора включительно — 787 г. (В. 5.3.2).

Но в чем все же смысл подобного уравнения двух, казалось бы, столь различных категорий правовых актов? По убедительному мнению Спироза Трояноса, в этом вряд ли следует усматривать особую попытку светской власти об укреплении авторитета церковных канонов, расширении поля их применения и придании им большей нормативной силы. Мотивы здесь несколько иные: речь, скорее всего, идет о включении всей совокупности норм канонического права в общую законодательную систему государства, о распространении на эту символическую часть законодательства компетенции императора как универсального и абсолютного законодателя (в одной схолии к Но-

моканону XIV титулов прямо говорится о том, что каноны издаются сообща василевсами и святыми отцами).<sup>131</sup> Соответственно император *legibus solutus* должен быть также император *canonibus solutus*.

Долгое время в источниках не удавалось найти официальных заявлений императора о том, что он стоит выше канонов, не связан ими. Обычно по этому поводу цитируется высказывание императора Констанция II: «То, что мне угодно, — это и есть канон», сделанное якобы на Миланском соборе 355 г., но, как справедливо заметил Х. Г. Бек, во-первых, это известно из в высшей степени тенденциозного сочинения Афанасия Александрийского, злейшего врага императора Констанция, который к тому же не мог сам этого слышать; во-вторых, слово «канон» здесь употреблено не в техническом смысле и вполне может быть переведено словом *Leitsatz* или ему подобным.<sup>132</sup> Но вот недавно Людвиг Бургман опубликовал (по рукописи из Заворды) текст загадочной анонимной императорской новеллы (издатель затрудняется ответить, идет ли речь о подлинном тексте или о подделке), которая гласит следующее: «Мы предписываем настоящей нашей божественной новеллой, что наш дворец и казна (очевидно, дворец и казна символизируют здесь институт царской власти как таковой. — *И. М.*) не подлежат ведению так называемых канонических законов *вимы* (под *вимой*, т. е., собственно говоря, алтарем, здесь подразумевается церковь и церковная иерархия вообще. — *И. М.*), ибо для любого закона и для любого божественного канона (императорский) дворец — это как глава и корень. Ведь немислимо и нелогично, если то, из чего вышли законы и каноны, будет определяться законами и канонами; разве что в культе — упаси Боже! — появится какое-то новшество и принципы нашей православной веры придут в замешательство, и тогда на соборе при участии множества (лиц) из священного списка и многих архиереев, но также при председательстве василевсов исправляется то, что хромает в вере; причем тем, кто выдвигает правильное мнение, помогает сам Христос Законодатель, Бог наш. Так что патриарху, согласно нашим священным предписаниям, не позволено накладывать канонические узы на какую бы то ни было церковь, основанную во дворцах этого царственного города. Более того, он не должен отстранять от божественного жертвоприношения и отлучать от алтаря тех, кто относится к клиру этих церквей. Если же он осмелится на нечто подобное, то пусть его избавит (от греха) как бы десница василевса, а он сам тем, что вышел за пределы божественных границ и не повинуется законам, навлечет на себя смех немалый.

Но и всем резиденциям провинций или преториям высокочтимых дук, а также находящимся под их началом церквам мы жалеем права нашей божественной казны и дворца, так что никому из митрополитов, архиепископов и епископов не позволяется вмешиваться в эти собрания, как будто те находятся под их начальством, или предпринимать отлучения и таким образом порождать беспорядки».<sup>133</sup>

Как видим, налицо радикальная попытка (интересно — чья?) вывести из-под церковной юрисдикции и действия церковных кано-

нов весь комплекс центральной и провинциальной имперской администрации, включая обслуживающие ее кадры священнослужителей и сами места культа. Действительно, *imperator canonibus solutus!* И не это ли текст имеют в виду юристы, да и канонисты, когда тоже делают как будто аналогичный вывод. Например, знаменитый Вальтемон в одном месте цитирует без особых комментариев фразу о том, что «Василевс не подчиняется ни законам, ни канонам», не находя, очевидно, в ней ничего особенного, а несколькими строками ниже высказывает собственное мнение: «Василевс не обязан следовать канонам».<sup>134</sup> Впрочем, это не означает — повторим это вместе с Г. Х. Бэком еще раз, — что и в византийской церкви не раздавались достаточно мужественных голосов, которые отклоняли и опровергали такой вывод: «Случаи, когда патриархи и епископы вынуждены безропотно или лишь тихо ворча терпеть императорский приговор, соседствуют с другими, когда они оказывают энергичное сопротивление».<sup>135</sup> Таким образом, тема отношений номоса и канона, или вообще государства и церкви, в Византии отличается исключительной сложностью и несмотря на богатейшую библиографию вряд ли может считаться хорошо изученной, не говоря уже о том, чтобы быть закрытой. Разумеется, не может претендовать на это и данная статья, которая лишь обозначает эту сложность. Возможно, что однозначного ответа здесь вообще не может быть, как не было его и у самих византийцев.

И наконец, хотелось бы привести еще одно высказывание авторитетного специалиста в области изучения византийской государственности, с которым, на наш взгляд, трудно не согласиться: «Византийская „конституция“ во многом была несовершенна, а ее организация не во всем рациональна, но у нее было одно величайшее и существеннейшее преимущество: она была в состоянии функционировать. И она действительно функционировала несмотря на все свои несовершенства на протяжении более 1000 лет».<sup>136</sup>

<sup>1</sup> *Strayer J. R.* On the medieval origins of the modern state. Princeton, 1973. P. 13.

<sup>2</sup> *Fedou R.* L'etat au Moyen Age. Paris, 1971.

<sup>3</sup> *Guenée B.* L'occident aux XIV<sup>e</sup> et XV<sup>e</sup> siècles : Les etats. Paris, 1971. P. 60—61.

<sup>4</sup> *Graus F.* Littérature et mentalité médiévales : Le roi et le peuple // *Historica*. 1966. P. 22—25.

<sup>5</sup> *Groez W.* Translatio imperii. Tübingen, 1958.

<sup>6</sup> *Guenée B.* L'occident... P. 62.

<sup>7</sup> *Ibid.* P. 115.

<sup>8</sup> *Post G.* 1) «Status Regis» // *Studies in Medieval and Renaissance history*. 1964.

<sup>9</sup> P. 1—104; 2) *Studies in medieval legal thought : Public law and the state* (1964). Princeton, 1964; 3) *Sovereignty and its limitations in the Middle Ages* (1960) // XIII Intern. Congr. of Hist. Sci. Moscow, 1970.

<sup>10</sup> *Guenée B.* L'occident... P. 102; *Крылова С. Е.* О политических взглядах Иоанна Буржеского // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков : Междисциплинарный сборник*. Ленинград, 1987. С. 37.

<sup>11</sup> *Guenée B.* L'occident... P. 151—152.

<sup>12</sup> *Авдлинская А. Д.* Государство эпохи Возрождения в Западной Европе // *Типология и периодизация культуры Возрождения*. М., 1978. С. 7—15.

<sup>13</sup> *Catalano P.* Fin de l'Empire Romain? : Un problème juridico-religieux. Статья цитирована дважды: 1) *Roma Costantinopoli Mosca : Da Roma alla Terza Roma*

(Studi I). Napoli, 1983. P. 543—556; 2) Actes du VII<sup>e</sup> Congr. de la Fédération Intern. d'Etudes Classiques. Budapest, 1983. Vol. 2. P. 123—135; ср.: *Catalano P.* Alcuni sviluppi del concetto giuridico di Imperium Populi Romani // Popolo e spazio romano tra diritto e profezia : Da Roma alla Terza Roma (Studi III). Napoli, 1986. P. 652. С призывом к византинистам отказаться от наименования «Византийская империя» проф. Каталано обратился и на заседании VI международного семинара «От Рима к Третьему Риму» (Москва, май 1986 г.), в связи с чем автору этих строк пришлось вступить с ним в довольно острую дискуссию.

<sup>13</sup> Необходимо отметить, что цели организаторов международного исторического семинара «От Рима к Третьему Риму» (одним из них является проф. Каталано), направленные на выявление идей солидарности христианских европейских народов, общности их исторических судеб, преодоления этнического партикуляризма и их средневековой разобщенности, заслуживают, безусловно, понимания и одобрения, но все же не хотелось бы, чтобы при этом историческая действительность тех времен подгонялась под наши нынешние идеологические клише. История Третьего Рима — это все-таки в значительной мере история политической фикции, этакое политическое призрака.

<sup>14</sup> *Beck H. G.* Res Publica Romana : Vom Staatsdenken der Byzantiner // Das byzantinische Herrscherbild. Darmstadt, 1975. S. 379—414. О происхождении понятия «Романия», известного уже с IV в., см. статьи А. Кариле, И. Иршера и К. Трипаниса в кн.: *Popoli e spazio romano tra diritto e profezia : Da Roma alla Terza Roma* (Studi III). Napoli, 1986. P. 409—438.

<sup>15</sup> *Basilicorum libri LX.* Ser. A (Textus) / Ed. H. J. Scheltema, N. Van der Wal. Groningen, 1969. Vol. 6. P. 2119 (B. 46.1.14 [13]=D. 1.5.17); Ibid. Ser. B (Scolia) / Ed. H. J. Scheltema, D. Holwerda. Groningen, 1963. Vol. 7. P. 2732—2733.

<sup>16</sup> *Goria F.* Romani, cittadinanza ed estensione della legislazione imperiale nelle costituzioni di Giustiniano // La nozione di «romano» tra cittadinanza e universalità : Da Roma alla Terza Roma (Studi II). Napoli, 1984. P. 301—302. Не рассматривались в качестве *cives romani* те варварские народы (например, Африки и Италии), которые были связаны с империей союзными договорами и даже могли размещаться на ее территории, но сохраняли собственную полигическую и юридическую организацию. Эти народы, которых Юстиниан называет «нашими» или «друзьями», — не подданные императора как таковые, не *блѣхюи*, а *хатѣхои* — термин, с трудом поддающийся переводу. Речь идет скорее об обозначении режима политической субординации по отношению к империи, чем о юридической принадлежности к ней такого рода народностей (ibid. P. 297—300).

<sup>17</sup> *Nicol D. M.* Byzantium and Greece : Inaugural lecture in the Karaës Chair of modern Greek and Byzantine history, language and literature at University of London King's College. [Oxford], Oct. 1971. P. 6—7.

<sup>18</sup> *Beck H. G.* Konstantinopel — das neue Rom // *Gymnasium*. 1964. Bd 71. S. 166—174.

<sup>19</sup> *Goria F.* Romani. . . P. 341.

<sup>20</sup> *Zakythinos D.* Byzance et les peuples de l'Europe du sud-est : La synthèse byzantine // Actes du I Congr. Intern. des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1969. T. 3. P. 10.

<sup>21</sup> *Pieler P. E.* Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen in Byzanz // Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen / Hrsg. von W. Fikenscher, H. Franke, O. Köhler. München, 1981. S. 717—718.

<sup>22</sup> Особенно парадоксальным представляется встречающееся в литературе отождествление с римским правом византийского и включение на этом основании в римское право канонического права христианской церкви, хотя известно, что корпус канонического права формировался во многом как антитеза римскому. В понятие же византийского канонического право, конечно, входит, и к тому же вполне естественно.

<sup>23</sup> *Житие Константина* // Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981. С. 81—82.

<sup>24</sup> *Pertusi A.* Il pensiero politico e sociale bizantino dalla fine del secolo VI al secolo XIII // Storia delle idee politiche, economiche e sociali // Dir. da L. Firpo. Torino, 1983. P. 715.

<sup>25</sup> *Литаурин Г. Г.* Представления «варваров» о Византии и византийцах в VI—X вв. // Византийский временник. 1986. Т. 46. С. 105, 106.

<sup>26</sup> Михаил Пселл. Хронография / Пер., ст. и примеч. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 26.

<sup>27</sup> К сожалению, до сих пор нет работ, где этот вопрос был бы разработан специально, поэтому приходится опираться лишь на отдельные примеры.

<sup>28</sup> Nicephori Gregorae Epistolae / Ed. P. A. M. Leone. Milano, 1982. Vol. 2. P. 103, 104 (ср. 32а, l. 6, 27), 215 (ср. 76, l. 5).

<sup>29</sup> Ронин В. К. Византия в системе внешнеполитических представлений ранне-карولينгских писателей // Византийский временник. 1986. Т. 47. С. 92.

<sup>30</sup> Литаврин Г. Г. Представления «варваров» о Византии. . . С. 103.

<sup>31</sup> Там же. С. 108; ср.: Franklin S. The Empire of the Rhomaioi as viewed from Kievan Russia: Aspects of the Byzantino-Russian cultural relations // Byzantion. 1983. Т. 53. P. 507—537.

<sup>32</sup> Ломоносов М. В. Избранные произведения. М., 1986. Т. 2. С. 54—55.

<sup>33</sup> Beck H. G. Res Publica Romana. S. 381.

<sup>34</sup> Юридический энциклопедический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева. М., 1984. С. 148 (ст. «Конституция»).

<sup>35</sup> Malafosse J. La monocratie byzantine // La monocratie. Bruxelles, 1969. Vol. 2. P. 48.

<sup>36</sup> Pieler P. E. 1) Zum Problem der byzantinischen Verfassung // Jb. Osterreich. Byzantinistik. 1970. Bd 19. S. 51—58; 2) Verfassung und Rechtsgrundlagen des byzantinischen Staates // Ibid. 1981. Bd 31. S. 213—231.

<sup>37</sup> Pieler P. E. Verfassung. . . S. 225, 226.

<sup>38</sup> Ibid. S. 226.

<sup>39</sup> Вальденберг В. Е. Политическая философия Диона Хризостома // Изв. АН СССР. 1926. № 12. С. 1293, 1298.

<sup>40</sup> Aristotele. Politica / Rec. O. Immisch. Lipsiae, 1929. P. 310; ср.: Pertusi A. Il pensiero politico e sociale. . . P. 757, 758.

<sup>41</sup> Pitra J. B. Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata. Farnborough, 1967. Vol. 6. Col. 458—459. Д. Зимон, уделивший этому отрывку особое внимание, считает, что источником рассуждения Димитрия Хоматиана послужила гл. 5 кн. V «Никомаховой этики» Аристотеля, с его дихотомией социальной справедливости на то διαμετρικὸν δίκαιον (пропорционально делящаяся справедливость, осуществляемая при распределении почестей и общественных богатств) и то διορθωτικὸν δίκαιον (арифметически уравниваемая справедливость, выступающая при договорных обязательствах) — см.: Simon D. Princeps legibus solutus: Die Stellung des byzantinischen Kaisers zum Gesetz // Gedächtnissch. für Wolfgang Kunkel. Frankfurt a/M., 1981. S. 456

<sup>42</sup> Hunger H. Die Hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd 1. S. 157—165; Byzantinische Fürstenspiegel: Agapetos, Theophylakt von Ohrid, Thomas Magister. Stuttgart, 1981; Litsion D. G. „Ἐκθεσις κεφαλαιῶν παρανετηκῶν” τοῦ Λαζάρου Ἀγαθητοῦ: Μία σύνοψη τῆς ἰδεολογίας τῆς ἐποχῆς τοῦ Ἰουστινιανοῦ ῥία τὸ αὐτοκρατορικὸ ἀξίωμα // Λυδώνη, 1985. Τ. 14 (1). Σ. 175—210; Romano A. Retorica e cultura a Bizantio: Due Fürstenspiegel a confronto // Vichiana, 1985. Т. 14. P. 299—316; Hunger H., Ševčenko I. Des Nikephoros Blemmydes Βασιλικὸς Ἀνδρίας und dessen Metaphrase von Georgios Galesiotes und Georgios Omanotes. Wien, 1986.

<sup>43</sup> Beck H. G. Res Publica Romana. S. 385, ср.: S. 388—389.

<sup>44</sup> По-видимому, опытом такого рода можно считать недавнюю статью И. С. Чичурова: Čičurov I. S. Gesetz und Gerechtigkeit in den byzantinischen Fürstenspiegeln des 6.—9. Jahrhunderts // Cupido legum. Frankfurt a/M., 1985. S. 33—45.

<sup>45</sup> Minniti Colonna M. Prolegomena a una nuova edizione del Panegirico per l'imperatore Anastasio di Procopio di Caza // Ἀντίδοτος: Hommage à M. Geardard pour célébrer l'achèvement de la clavis Patrum Graecorum Wetteren, 1984. Vol. 1. P. 89—99.

<sup>46</sup> Вальденберг В. Е. Печатные переводы Агапита // Докл. АН СССР. 1928. С. 289. Об Агапите см.: Frohne R. Agapetus Diaconus: Untersuchungen zu den Quellen und zur Wirkungsgeschichte der ersten byzantinischen Fürstenspiegeln. Tübingen, 1985.

<sup>47</sup> Emminger K. Studien zu den Fürstenspiegeln. München, 1913. S. 50—73; ср.: Pertusi A. Il pensiero politico e sociale. . . P. 710—712; Чичуров И. С. 1) Традиция и новаторство в политической мысли Византии конца IX в.: (Место «Поучительных слов» Василия I в истории жанра) // Византийский временник. 1986. Т. 47. С. 95—

100; 2) Теория и практика византийской императорской пропаганды : Поучение Василия I и эпитафия Льва VI // Там же. 1989. Т. 50. С. 106—115.

<sup>48</sup> Patrologia graeca. Vol. 126. Col. 273C; ср.: *Pertusi A.* Il pensiero politico e sociale... P. 759—761.

<sup>49</sup> *Mai A.* Scriptorum veterum nova collectio. Roma, 1827. Vol. 2. P. 590—609 (издатель приписывал трактат известному византийскому юристу юстиниановского времени Петру Патрикию, и с этим авторством трактат вошел с тех пор в науку, но в последнее время авторство Петра Патрикия отрицается); *Mazzucchi C. M.* Per una rilettura del palinsesto Vaticano contenente il dialogo «Sulla scienza politica» del tempo di Giustiniano // L'imperatore di Giustiniano : Storia e mito. Milano, 1978. P. 237—247.

<sup>50</sup> *Valdenberg V.* Les idées politiques dans les fragments attribués a Pierre le Patrice // Byzantion. 1926. T. 2. P. 65.

<sup>51</sup> Советы и рассказы Кекавмена : Сочинение византийского полководца XI в. / Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 275—307.

<sup>52</sup> Там же. С. 566, примеч. 1086; ср.: *Valdenberg V.* Nikoulitzia et les historiens byzantins contemporains // Byzantion. 1926. T. 3. P. 95—121.

<sup>53</sup> *Levi L.* Cinque lettere inedite di Emmanuele Moscopulo // Studi Ital. Filol. Class. 1902. Vol. 10. P. 64—68; *Beck H. G.* Res Publica Romana P. 391—394.

<sup>54</sup> *Joannis Philoponi De officio mundi / Rec. G. Reichardt.* Lipsiae, 1897. P. 263—264; *Valdenberg V.* Les idées politiques... P. 59.

<sup>55</sup> *Медведев И. П.* Идея общественного договора в эпоху Ренессанса и ее античные корни (в связи с книгой Пьера Брюнеля) // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984. С. 138.

<sup>56</sup> *Zepos J. et P. Jus Graeco-Romanum.* Athenis, 1931. Vol. 2. P. 240. До недавнего времени памятник был известен в науке под названием «Эпанагога». Пересмотр этого и многих других вопросов, связанных с характером памятника, см.: *Schminck A.* Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. Frankfurt a/M., 1986. S. 1—15.

<sup>57</sup> Κωνσταντίνου Ἀρμενοπόλου Πρόχειρον Νόμων ἢ Ἐξάβιβλος / Ἐπετ. К. Г. Питсакη. Ἀθήνα, 1971. Σ. 16 (1.13).

<sup>58</sup> Интересные соображения о путях проникновения демосфеновского высказывания в «Исагору» см.: *Simon D.* Princeps legibus solutus. S. 467—469.

<sup>59</sup> *Диль Ш.* Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 62.

<sup>60</sup> *Karayannopoulos I. E.* Ἡ πολιτικὴ θεωρία τῶν Βυζαντινῶν // Βυζαντινά. 1970. T. 2. S. 50.

<sup>61</sup> *Beck H. G.* Senat und Volk von Konstantinopel // Ders. Ideen und Realitäten in Byzanz. London, 1972. Art. XII. S. 51.

<sup>62</sup> Житие Константина. С. 78.

<sup>63</sup> De caerimoniis aulae byzantinae. Bonnae, 1829. Vol. 1. Col. 412, 415, 416, 422, 433.

<sup>64</sup> *Valdenberg V.* Le idee politiche di Procopio di Gaza e di Menandro Protettore // Studi bizantini e neellenici. 1935. Vol. 4. P. 75.

<sup>65</sup> *Valdenberg V.* Les idées politiques... P. 67.

<sup>66</sup> Ibid. P. 68.

<sup>67</sup> Еще сильнее демократический принцип выражен в греческой парафразе «Институций», где из всех источников права (в смысле правотворящих сил) основным и главным признается народ (Theoph. inst. 1.4: κορυφαίωτατος ὁ δῆμος ἐστὶ τῶν νομοθετῶν); император получает свою власть от народа, который его избрал и дал ему власть; ср.: *Вальденберг В. Е.* Речь Юстина II к Тиверию // Изв. АН СССР. 1928. № 2. С. 121.

<sup>68</sup> Так, например, в эдикте Юстиниана 530 г. о составлении «Дигест» говорится, с одной стороны (совсем как по рецепту, данному автором трактата «О политической науке»), что imperium nobis a coelesti maiestate traditum est, а с другой — признается, что lege antiqua omne ius omnisque potestas populi Romani in imperatoriam translata sunt potestatem (C. 1.17.1.7).

<sup>69</sup> *Valdenberg V.* Les idées politiques... P. 69; *Pertusi A.* Il pensiero politico e sociale... P. 737.

<sup>70</sup> *Guenée B.* L'occident... P. 152—153.

<sup>71</sup> *Beck H. G.* Senat und Volk von Konstantinopel. S. 51.

<sup>72</sup> *Mauromatis L.* Storia del pensiero politico // La civiltà bizantina dal XII al XV secolo. Roma, 1982. P. 79.

<sup>73</sup> *Pertusi A.* Il pensiero politico e sociale... P. 672.

<sup>74</sup> Ibid. P. 673.

<sup>75</sup> Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. С. 63.

<sup>76</sup> Fusco J. Il panegirico di Michele Italico per Giovanni Comneno // 'Ελετηρὸς Ἐτ. Βυζ. Στοιχῶν, 1970. Т. 37. Σ. 169.

<sup>77</sup> Судя по всему, идея первородства по абсолютной линии, мужской или женской, пустила корни уже во времена Пселла, который говорит о Зое как «первой царице... имеющей в высшей степени законно право наследования империей», а о Феодоре (второрожденной) как о «второй царской крови»: Michel Psellos Chronographie / Ed. E. Renaud. Paris, 1967. Т. 1. P. 102, 108. (Рус. пер.: Михаил Пселл. Хронография. С. 61, 64).

<sup>78</sup> Pertusi A. 1) Il pensiero politico e sociale... P. 768, 786—787; 2) Storia del pensiero politico // La civiltà bizantina dal XII al XV secolo. Roma, 1982. P. 40—41.

<sup>79</sup> Документ публиковался дважды: 1) Павлов А. Синодальный акт Константинопольского патриарха Михаила Анхиала 1171 г. о приводе архиереев к присяге на верность императору Мануилу Комнину и его новорожденному сыну Алексею, с фомой самой присяги // Византийский временник. 1895. Т. 2. С. 388—393; 2) Papadopoulos-Kerameus A. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας. Ἐν Πετρούπολει, 1897. P. 109—113; ср.: Grumel V. Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople. Paris, 1947. Vol. 1. Fasc. P. 150—151 (N 1120).

<sup>80</sup> Guenée B. L'occident... P. 134.

<sup>81</sup> Fédou R. L'état au Moyen Age. P. 37.

<sup>82</sup> См. об этом: Pitsakes C. G. Γρηγορίου Ἀκινδύνου Ἀνέκδοτη πραγματεία περὶ (Κωνσταντινῶν) Ἀρχιεποποιῦλου (Ἀνάτυλον). Ἐν Ἀθήναις, 1974. Σ. 116.

<sup>83</sup> Bourdara K. A. Τὸ ἔγκλημα καθοσίωσης στὴν ἐποχὴ τῶν Κομνηνῶν (1081—1185) // Ἀφιέρωμα στὸν Νίκο Σφόδρω. Ρεθύμνο, 1986. Т. 1. Σ. 221.

<sup>84</sup> См. об этом специальное исследование: Медведев И. П. Ἰσοτής как принцип социальной справедливости у византийцев // Византийский временник. 1989. Т. 50. С. 123—130.

<sup>85</sup> Pitra J. B. Analecta sacra... Col. 459; Simon D. Princeps legibus solutus. P. 450—451.

<sup>86</sup> Советы и рассказы Кекавмена С. 274.

<sup>87</sup> Valdenberg V. Nikoulitza... P. 100.

<sup>88</sup> Михаил Пселл. Хронография. С. 14, гл. 29.

<sup>89</sup> Pertusi A. Il pensiero politico e sociale... P. 746.

<sup>90</sup> Ibid. P. 695—697; Медведев И. П. Развитие правовой науки // Культура Византии: Вторая половина VII—XII в. М., 1989. С. 231.

<sup>91</sup> Schminck A. Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. S. 6, Z. 42—46. Против переоценки оригинальности и неконформизма во взглядах Фотия выступает в настоящее время Зимон, полагающий, что Фотий в данном случае просто экцерпировал из какой-то одной суммы две небольшие и взаимосвязанные массы текста. «Соблазнительное замечание Бека, — говорит он, — о том, что другие определения „Дигест“ (скажем, D. 1.4.1 pr.) были намеренно выброшены под стол, вряд ли оправдано с учетом такого фона... а констатация того, что кажется поразительным, что в титуле περὶ νόμου («Исагоги») закон определяется без всякой ссылки на императора как источник закона, — это чистейший постулат e silentio; его незначительная действительность еще больше ослабляется при взгляде на традицию „Дигест“ (D. 1.3, de legibus) и „Василик“ (B. 2.1): и там ни единым словом не оговаривается императорская прерогатива в области права или свобода от связанности им». Тем не менее Зимон вынужден признать, что, «естественно, остается вопрос, почему Фотий предпочел эти, а не другие фрагменты» (Simon D. Princeps legibus solutus. P. 468), и этот заданный им самому себе вопрос лишает силы все его рассуждение.

<sup>92</sup> Simon D. Princeps legibus solutus. P. 464.

<sup>93</sup> Zepos J. et P. Ius graeco-romanum. Athenis, 1931. Vol. 1. P. 385 sq. Любопытно отметить, что именно Мануил Комнин в одном своем питтакии сетует — редчайший случай! — на отсутствие у него, императора, достаточной юридической компетентности, специальных знаний в области канонического и гражданского права из-за постоянной загруженности государственными делами, которые отвлекают его от чтения и изучения Св. Писания и гражданских законов. Впрочем, говорит он, это и не является профессией императора; недостаток юридической компетентности восполняется у него собственным разумением и жизненным опытом — знанием обычаев других стран и т. д. (Darrouzès J. Questions de droit matrimonial: 1172—1175 // Rev. des études byz. 1977. Т. 35. P. 123, l. 15—P. 125, l. 29).

<sup>94</sup> Zepos J. et P. Ius graeco-romanum. Vol. 1. P. 558 sqq.

<sup>95</sup> Simon D. Princeps legibus solutus. P. 464.

<sup>96</sup> Kresten O. Pallida Mors Sarracenorum : Zur Wanderung eines literarischen Topos von Liudprand von Cremona bis Otto von Freising und zu seiner byzantinischen Vorlage // Römische Mitteilungen. 1975. N 17. S. 23—75.

<sup>97</sup> Bourdara K. A. Τὸ ἔγκλημα καθοσίωσης στὴν ἐποχὴ τῶν Κομνηνῶν (1081—1185). Σ. 225—226. Характерно и то, что Андроник, утверждая смертные приговоры, заявлял о своем сострадании к судьбам несчастных и, прослезившись, добавлял, что тем не менее «строгость и авторитет законов сильнее его собственных побуждений и благих намерений, а приговор судей — выше его воли» (Nicetae Choniatae Historia / Ed. I. A. van Dielen. Berlin : New York, 1975. P. 295, l. 50—54).

<sup>98</sup> Pertusi A. Il pensiero politico e sociale. . . P. 690—691; Troianos S. N. Συμβολὴ εἰς τὴν ἐρευνᾶν τῶν ὑπὸ τῶν βυζαντινῶν αὐτοκρατόρων παρεχομένων ἐνόρκων ἔγγυθσεων (Ἀνάτυπον). Ἐν Ἀθήναις, 1968.

<sup>99</sup> Constantin VII Porphyrogénète : Le livre des cérémonies / Ed. A. Vogt. Paris, 1940. T. 2. P. 422.

<sup>100</sup> Pseudo-Kodinos. Traité des offices / Ed. J. Verpeaux. Paris, 1966. P. 253—254.

<sup>101</sup> Troianos S. N. Συμβολὴ εἰς τὴν ἐρευνᾶν. Σ. 156. О политической ортодоксии, при которой верность православию была идеологической и политической нормой для всей империи от простого подданного до императора и при которой православие императора имело не столько религиозно-богословский, сколько политический смысл, см.: Beck H. G. Das byzantinische Jahrtausend. München, 1978. S. 89ff.

<sup>102</sup> Диль III. Основные проблемы византийской истории. С. 61—62.

<sup>103</sup> О социальной подоплеке всевозможных политических переворотов и узурпаций, в основе которых всегда была реакция определенных общественных групп на кризисные ситуации, преодоление которых иным путем казалось невозможным, см.: Elbern S. Usurpationen im spätrömischen Reich. Bonn, 1984. S. 41, 53, 144 (ср. также рец. А. С. Козлова на кн. Эльберна в: Византийский временник. 1990. Т. 51).

<sup>104</sup> Bourdara K. A. 1) Καθοσίωσις καὶ τυραννίς κατὰ τοὺς μέσους βυζαντινοὺς χρόνους : Μακεδονικὴ δυναστεία (867—1056). Ἀθήναι, 1981; 2) Καθοσίωσις καὶ τυραννίς κατὰ τοὺς μέσους βυζαντινοὺς χρόνους : 1056—1081. Ἀθήνα, 1982; 3) Τὸ ἔγκλημα καθοσίωσης στὴν ἐποχὴ τῶν Κομνηνῶν (1081—1185). Σ. 211—229.

<sup>105</sup> Цит. по: Pertusi A. Il pensiero politico e sociale. . . P. 716—717.

<sup>106</sup> См. все только что указанные работы Бурдара, но особенно: Bourdara K. A. Καθοσίωσις καὶ τυραννίς . . . (867—1056). Σ. 137—187.

<sup>107</sup> Troianos S. N. Συμβολὴ εἰς τὴν ἐρευνᾶν. Σ. 134—147.

<sup>108</sup> Цит. по: Bourdara K. A. Καθοσίωσις καὶ τυραννίς. . . (1056—1081). Σ. 88.

<sup>109</sup> Leonis Diaconi Caloënsis Historiae. Bonnæ, 1828. P. 101. (Рус. пер.: Лев Диакон. История / Под ред. Г. Г. Литаврина. М., 1988. С. 55).

<sup>110</sup> Nov. Just. 6 pr.; ср.: Karayannopoulos I. E. Ἡ πολιτικὴ θεωρία τῶν βυζαντινῶν. Θεσσαλονίκη, 1988. Σ. 59.

<sup>111</sup> Pertusi A. Il pensiero politico e sociale. . . P. 693—697.

<sup>112</sup> Лев Диакон. История. С. 55; ср.: Pertusi A. Il pensiero politico e sociale. . . P. 728.

<sup>113</sup> Karayannopoulos I. K. Ἡ πολιτικὴ θεωρία. Σ. 63.

<sup>114</sup> Ibid. P. 62.

<sup>115</sup> Pertusi A. Il pensiero politico e sociale. . . P. 674; Papayanni E., Troianos Sp. Ἡ νεαρὰ 17 λέοντος τοῦ Σοφοῦ καὶ μία ἐπιτομὴ τῆς // Βυζαντινὰ Μελέται, 1988. T. 1. Σ. 3—22.

<sup>116</sup> Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire Byzantin. Paris, 1975. P. 143; Beck H. G. Actus fidei : Wege zum Autodafé. München, 1987.

<sup>117</sup> К этой, как будто уже преодоленной концепции (см.: Ahrweiler H. L'idéologie politique. . . P. 130) в последнее время снова обращается А. Саввидис, см.: Savvides A. G. K. Ἱστορία τοῦ βυζαντινοῦ με ἀποσπάσματα ἀπὸ τῆς πηγῆς. Ἀθήνα, 1984. T. 1. Σ. 22, 28.

<sup>118</sup> Ahrweiler H. L'idéologie politique. . . P. 131.

<sup>119</sup> Ecloga : Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos'V / Hrsg. von L. Burmann. Frankfurt a/M., 1983. S. 160. Z. 21—24.

<sup>120</sup> Pertusi A. Il pensiero politico e sociale. . . P. 678—679.

<sup>121</sup> Ahrweiler H. L'idéologie politique. . . P. 131.

<sup>122</sup> PG. Vol. 94. Col. 1284B, 1296C—D, 1301D—1304A; cp.: *Pertusi A.* Il pensiero politico e sociale... P. 684—685; *Karayannopoulos I. K.* Ἡ πολιτική θεωρία... Σ. 66—67.

<sup>123</sup> PG. Vol. 99. Col. 181D—184A.

<sup>124</sup> PG. Vol. 99. Col. 1417C—D, 1420A, 1600D—1601A; cp.: *Pertusi A.* Il pensiero politico e sociale... P. 685; *Karayannopoulos I. K.* Ἡ πολιτική θεωρία... Σ. 63—64.

<sup>125</sup> *Pertusi A.* Il pensiero politico e sociale... P. 686.

<sup>126</sup> *Karayannopoulos I. K.* Ἡ πολιτική θεωρία... Σ. 67.

<sup>127</sup> *Ahrweiler H.* L'idéologie politique... P. 131.

<sup>128</sup> *Joannou P.* Discipline générale antique. Grottaferrata, 1962—1964. T. 1—2; cp.: *Schwartz E.* Die Kanonensammlungen der alten Reichskirche // Ders. Gesammelte Schriften. Berlin, 1960. Bd 4. S. 159—275.

<sup>129</sup> *Beck H. G.* Nomos, Kanon und Staatsraison in Byzanz. Wien, 1981. S. 5, 7.

<sup>130</sup> Ibid. S. 8; *Troianos Sp.* „Θεσπιζομεν τοίνυν, τάξιν νόμων ἐπέχειν τοὺς ἁγίους ἐκκλησιαστικοὺς κανόνας...“ // Βυζαντινά, 1985. T. 13. Σ. 1193—1200.

<sup>131</sup> *Troianos Sp.* „Θεσπιζομεν...“ Σ. 1193, 1198—1199; *Rhalles G., Potles M.* Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων. Ἀθήνησιν, 1852. T. 1. Σ. 38.

<sup>132</sup> *Beck H. G.* Nomos, Kanon und Staatsraison... S. 14. Anm. 22.

<sup>133</sup> *Burgmann L.* Palatium canonibus solutum : Vier Texte zum byzantinischen Kirchen- und Verfassungsrecht // Cupido legum. Frankfurt a/M., 1985. S. 20.

<sup>134</sup> *Rhalles G., Potles M.* Σύνταγμα... T. 3. Σ. 349, 350; cp.: *Beck H. G.* Nomos, Kanon und Staatsraison... S. 14. Anm. 23.

<sup>135</sup> *Beck H. G.* Nomos, Kanon und Staatsraison... S. 14—15; cp.: *Michel E.* Die Kaisermacht in der Ostkirche. Darmstadt, 1959.

<sup>136</sup> *Karayannopoulos I. E.* Ἡ πολιτική θεωρία... Σ. 67—68, 87.

**В. И. МАЖУГА**

## **КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ И ЦЕРКОВЬ ВО ФРАНКСКОМ ГОСУДАРСТВЕ VI в.**

К VI в., как, пожалуй, ни к одному другому во весь тысячелетний период Средневековья, в высшей степени подходит определение переходного времени. Хотя начало столетия было ознаменовано рождением нового франкского государства, мы не замечаем в это время — в отличие, скажем, от следующего, седьмого столетия — заметного развития действительно новых форм общественных связей. После опустошений V в. с утверждением власти франков была достигнута некоторая консолидация господствующих общественных групп. Но впечатление таково, что силы общества уходили преимущественно все же на отрицательную работу: с одной стороны, на сохранение отживавших свой век институтов, а с другой — на волевое или невольное их разрушение. К исходу столетия оказались существенно подорванными как основы унаследованных от Рима муниципальных форм общественной жизни, так и основы военной организации германцев-завоевателей. Эта отрицательная работа была необходимым условием нового синтеза, но признаки самого будущего синтеза были едва заметны.

Вместе с тем взаимоотношения королевской власти и церкви в VI в. вполне заслуживают самостоятельного рассмотрения. При более пристальном внимании они раскрываются как важное звено в истории ранней средневековой государственности. Необходимо только не упускать из виду некоторые стороны общей истории христианской церкви. Во-первых, то, что в ее вероучении был претворен богатейший общественный опыт, иначе говоря, опыт человеческого существования в условиях большого, сложного государства, каким была Римская империя. Сама природа этого вероучения такова, что его уяснение и проповедь постоянно требовали коллективных усилий и известной опоры на знания, вынесенные из общественной жизни. Во-вторых, и это еще важнее, существование церкви как сообщества верующих строилось на воспроизведении тех универсальных психологических связей, которые лежали в основе реального социального взаимодействия. Христианское религиозное сознание перестраивало эти связи, исходя из полного отчуждения внутренних переживаний от практических забот и интересов и имея

целью преодолеть состояние ущемленности, невосполненности, внутреннего разлада и тому подобное. Однако в известном смысле христианская церковь ввела в сферу религиозного сознания и религиозной практики идеалы и формы гражданской жизни античности. Не случайно, что именно в латинской церкви, более тесно связанной с гражданскими традициями Рима, было развито учение о церкви как об идеальном гражданстве.

В результате германских завоеваний уклад государственной жизни покоренных областей Галлии стал необратимо разрушаться под воздействием рыхлой структуры германской военной дружины. Хорошо известны результаты этого процесса, выразившиеся, в частности, в безудержном росте землевладения магнатов, их общественного влияния и военной силы. В этих условиях именно церковь выступила в роли хранителя римских традиций гражданской жизни, в роли проводника политической культуры Рима и в первую очередь характерных для него форм совещательной власти.

Универсальный характер психологических связей, определявших поведение и деятельность верующих в церкви, делал возможным приобщение к церковной жизни людей с самым разным общественным и психологическим опытом. В соответствии с природой христианства религиозное обращение равно галло-римлян и германцев предполагало акт внутреннего отчуждения от привычных жестких форм существования. Этим обстоятельством чрезвычайно облегчалось — при преобладающем влиянии римского наследия — культурное сближение галло-римлян и германцев именно в рамках церкви. В церкви новые господа бывших римских провинций, каковыми были германцы, приобщались к политической культуре Рима, унаследованной церковью. И речь шла отнюдь не только об идеях или формах поведения, но о принятии действующей организации церкви, которая была сродни муниципальному строю римских провинций.

С распадом прежних форм социальных связей как у галло-римлян, так и у германцев в обществе утверждался режим противоборствующих клиентел, организованных на принципах личной службы и покровительства. Психологические связи, устанавливаемые между людьми в церкви, все более возмещали слабеющие связи гражданского мира, а церковная организация таким же образом замещала органы общественного управления.

Любой гражданский порядок основан на добровольном частичном отказе от своей воли во имя общих интересов. Только люди, способные подчинить свою волю исполнению общего дела, уже у наших далеких предков считались достойными гражданской общины, обладали общественным кредитом. В обстановке распада римской государственности и примитивных общественных объединений германцев нарастало своеволие в реальной жизни. В то же время необыкновенный общественный авторитет завоевали христианские подвижники, провозгласившие своим идеалом крайнее самоотречение и отказ от личного имущества. На принципах аскетизма в церкви как бы восстанавливалась гражданская общность, разрушаемая

в реальной жизни, и религиозный авторитет приобретал значение общественного авторитета.

В совмещении религиозного и общественного авторитета преодолевалась своего рода раздвоенность бытия человека конца античности и Средневековья. Церковная власть наделялась функциями светской власти, в свою очередь светская власть стремилась приобрести атрибуты религиозного авторитета. Так постепенно общество подходило к утверждению идеалов теократии, т. е. слияния церковной и светской власти. В рамках этого процесса и следует рассматривать феномен воздействия римских муниципальных традиций через посредство церкви на средневековую государственность.

VI веку принадлежит совершенно особое место в описанных здесь процессах. В это столетие церковная иерархия представляла почти исключительно галло-римское население, выступая его защитником перед властью германского короля. Епископы достигли высшей степени влияния в среде галло-римлян, причем власть епископов опиралась не только на их религиозный авторитет, но и на живые еще в то время традиции муниципального строя. В этих условиях епископальная церковь могла сохранять весьма развитую и мощную структуру, епископы проявляли себя в многообразных совместных действиях. Происходило начальное сближение власти франкских королей с церковной организацией, при этом сотрудничество королевской власти и епископата приняло особые, только этому времени свойственные формы. Их рассмотрение и составляет задачу настоящей статьи.

Как хорошо известно, в отличие от других германских народов франки, т. е. в первую очередь сам король Хлодвиг (481(2)—511) и его дружина, приняли христианство в его католической форме уже в начальный период роста их политической силы, а именно, около 491 г. Христианское вероучение они восприняли поверхностно, и их первоначальные религиозные представления не отличались скольнибудь существенно от представлений германцев-ариан, не принявших идеи преобразования человеческого божественным, которая предполагала уже пережитое отторжение от традиционных форм человеческого существования.<sup>2</sup> Как некогда для императора Константина I (306—337), для Хлодвига Христос был прежде всего богом, дарующим победу тому, кто ему служит.<sup>3</sup> Связавшие свою судьбу с греко-римским миром германцы, его новые властители, принимали христианство как утверждение положительной воли, гармонического порядка и, что особенно было важно для них, как освобождение от роковой власти природных стихий.<sup>4</sup>

Обращение Хлодвиг в христианство означало не только идейное оформление нарождающейся франкской государственности, нового уклада жизни франков-завоевателей, но и условие тесного сотрудничества с галло-римским епископатом. Именно с опорой на епископат как ведущую силу галло-римского общества осуществляли Хлодвиг и его преемники подчинение все новых территорий Галлии своей власти. Особо важное значение это сотрудничество епископата получило при завоевании земель, находившихся под властью вестготов-ариан.

В 507 г., прежде чем приступить к отвоеванию у «еретиков»-вестготов Южной Галлии, Хлодвиг направил послание ее епископам, в котором провозглашал безопасность служителей церкви, монахинь и честных вдов, как и детей клириков и вдов, которые жили с ними в одном доме.<sup>5</sup> Равным образом он объявлял об обеспечении безопасности рабов, принадлежавших церквям. В случае пленения людей церкви он обещал немедленно освободить их. В отношении прочих мирян, плененных в состоянии войны, Хлодвиг заверял епископов, что тем мирянам, у кого окажутся скрепленные епископской печатью свидетельства о принятии их под покровительство церкви, будет обеспечен дарованный им королевский мир, иными словами, они должны были быть освобождены из плена.

Имеющиеся источники достаточно хорошо освещают социальные основы епископской власти в Галлии VI в. Они показывают ее укорененность в муниципальном устройстве Галлии, ее главную опору в широком слое горожан-куриалов и ее связь с сенаторской аристократией.<sup>6</sup> В новейших исследованиях особенно подробно рассмотрена персональная связь епископской власти с аристократическими фамилиями. На ней необходимо остановиться как на важнейшем элементе в системе взаимоотношений королевской власти и епископата.

В эпоху крушения институтов верховной римской власти и постепенного вытеснения римлян из сферы светского управления во вновь образованных варварских королевствах<sup>7</sup> получение епископского сана означало для галло-римских аристократов обретение сильного влиятельного и прочного положения, на которое только они могли рассчитывать.<sup>8</sup> Для карьеры епископа-аристократа характерен такой путь, когда отправление функций высшей местной власти, префекта или комита, оказывалось как бы ступенью к последующему поведению в сан епископа.<sup>9</sup> В конце V в. именно опыт ведения дел гражданского управления, приобретенный в бытность комитом, ставил в заслугу поддерживаемому им кандидату в епископы Буржа Лиоллиарий Сидоний, сам в прошлом комит Оверни и префект города Рима, получивший сан епископа Клермона в своей родной Оверни.<sup>10</sup> Сидоний также отмечает, что народ не принимает епископов из монахов, так как они не могут постоять за горожан перед земным судьей (*apud terrenum iudicem*), т. е. представителем светской власти.<sup>11</sup> В меру своего политического авторитета и фамильного богатства епископы принимали на себя нередко роль подлинных патронов города и его области, они не только заботились о нуждах социального призрения, городском хозяйстве, справедливом налогообложении, но и часто распоряжались военными силами,<sup>12</sup> организовывали вооруженные клиентелы при крупных монастырях и, возможно, соборных церквях, а равно и в собственных владениях.<sup>13</sup>

Ввиду особой притягательности епископского сана отпрыски знатных семей из поколения в поколение добивались избрания в епископы. Отдельные сенаторские фамилии сделали для себя последственным обладание епископскими кафедрами, причем, случалось, одновременно в нескольких диоцезах.<sup>14</sup> Одни и те же фамилии из поколения в поколение выдвигали гражданских должностных лиц,

военачальников и кандидатов в епископы.<sup>15</sup> Аполлинарий Сидоний говорит о роде Симплиция, кандидата в епископы Буржа: «Родственники его восседали либо на епископских кафедрах, либо в судах. Славный и в том, и в другом виде деятельности, этот род процветал в лице епископов или префектов: так именно его предкам было в обычае диктовать человеческий или божественный закон».<sup>16</sup>

В VI в. епископальная церковь представляла и значительную экономическую силу.<sup>17</sup> Характерна жалоба короля Хильпериха I (561—584), пытавшегося более жестко подчинить своей власти галло-римский епископат: «Вот бедным стал наш фиск, богатства наши перешли к церквам; совсем никто не правит — только епископы, погибнет наше достоинство и уже перешло к епископам городов».<sup>18</sup> Не в пример Хильпериху короли обычно не шли на открытый конфликт с епископатом, но старались подчинить его своему влиянию и приобрести в его среде верных сторонников, в первую очередь путем вмешательства в избрание епископов.<sup>19</sup> Им удавалось по своей воле ставить епископов в тех городах, где в силу известных обстоятельств они дали почувствовать свою военную силу или где после пережитых опустошений имущество галло-римской знати сильно сократилось, а имущество церкви было восстановлено за счет королевских пожалований, что было характерно для территории между Сеной и Луарой, в частности для епископства Ле Мана.<sup>20</sup> Но, например, в Оверни, где галло-римская знать сохранила свои владения и свое влияние, епископы по своему происхождению, как правило, были связаны с этой областью, хотя они и ставились в соответствии с волей короля и первоначально устраивали свою карьеру при королевском дворе или в других областях.<sup>21</sup> Короли считались с местной знатью, не могли обойтись без опоры на нее при назначении епископов, подтверждали правильность избрания или назначения указанием на знатность происхождения.<sup>22</sup>

В меньшей степени, нежели связь епископата с галло-римскими сенаторскими фамилиями, освещены его муниципальные основы. Исследователи отмечают определенное соответствие избрания епископа порядку избрания важного для позднеантичного города гражданского должностного лица, обозначение которого указывало на его роль защитника интересов рядовых граждан — *defensor civitatis*.<sup>23</sup> В избрании епископа участвовали: сословие состоятельных горожан-куриалов (*cives, ordo*), выборные должностные лица (*honogati*), клир (*clerici*) и народ в широком смысле (*populus, plebs*). Народ в целом лишь выражал словами свое согласие с выбором, который обычно делали наиболее видные граждане (*cives, honogati*).<sup>24</sup> Насколько можно судить, местный клир имел решающий голос лишь там, где прежние формы жизни античного города пришли в упадок, например в Трире или Лангре.<sup>25</sup> Правом избрания епископа обладало и собрание епископов церковной провинции во главе с митрополитом, но в мерovingский период решающий голос, как правило, получали граждане, если только король не ставил епископа по своей воле.<sup>26</sup> Решение собрания выборщиков оформлялось в виде особого документа — *consensus civium*.<sup>27</sup>

Настоящей строгости в порядке избрания епископа, однако, не было, и всегда оставалась возможность конфликтов. Жизнь городских епископских центров в VI в. и на протяжении большей части VII в. характеризовалась непрекращающейся борьбой достаточно устойчивых партий, и эта борьба разгоралась именно вокруг избрания епископов.<sup>28</sup> В этих условиях естественным путем восстановления порядка было обращение за поддержкой к королю как посреднику.

Связь епископальной церкви с муниципальным устройством римского общества прослеживается не только в рамках епископств, но и в высшем звене церковной организации конца античности и начала Средневековья, каким был институт церковных провинций. Соединение епископств в устойчивые группы под главенством митрополита явилось повторением структуры государственного управления поздней империи. Церковные провинции были весьма деятельным организмом, и митрополиты обладали значительной властью, о чем подробнее скажем ниже. В то же время не вызывает сомнений коллегиальный характер власти в церковных провинциях, особенно ярко он выступает в постановлениях церковных соборов о порядке рассмотрения судебных споров в пределах провинций.

Так, согласно постановлениям Орлеанского собора 549 г., в случае отказа какого-либо епископа принять предъявленный ему иск можно было апеллировать к митрополиту, который обязан был особым рескриптом побудить епископа согласиться на разбор спора при посредничестве друзей. После вторичного увещания, если оно не изымало действия, митрополит лишал епископа своего благорасположения. В то же время любой епископ провинции мог предъявить иск своему митрополиту. В случае двойного отказа митрополита принять иск спор следовало рассматривать на соборе провинции, причем митрополит должен был подчиниться решению епископов его провинции: *et quidquid pro iustitia a conprovincialibus suis statutum fuerit, stuadeat observare.*<sup>29</sup>

В большинстве случаев митрополит действовал совместно с епископами своей провинции, в особенности если это касалось разрешения серьезных споров. Лионский собор, состоявшийся в 567 или 570 г., постановил, что в случае возникновения тяжбы между какими-либо епископами одной провинции они должны будут подчиниться приговору, вынесенному митрополитом совместно с епископами провинции.<sup>30</sup> Согласно постановлению Маконского собора 585 г., светское должностное лицо, имеющее претензии к епископу, обязано было заявить о них перед митрополитом. Если дело было довольно серьезным и сложным, митрополит должен был призвать себе в помощники одного или двух епископов, а если и в этом случае оставались колебания в решении дела, следовало собрать собор.<sup>31</sup>

Нормами римской муниципальной жизни была в большой степени определена и развитая в Галлии V в. практика проведения церковных соборов. Как показал Ю. Ханниг, порядок проведения соборов и в особенности письменное оформление их коллегиальных решений повторяли процессуальные нормы и протокол заседаний сената,

муниципальных органов и провинциальных собраний.<sup>32</sup> Традиция церковных соборов сохраняла всю свою силу и в VI в. Предметом соборных постановлений оставались почти исключительно церковная дисциплина, задачи церковного пастырства, защита слабых в плане утверждения требований религиозной морали и обеспечение имущественных прав церкви, но вместе с тем собрания епископов стали брать на себя и решение чисто общественных дел. Так, в связи с Турским собором 567 г. от имени митрополита Турского и троих епископов его провинции было составлено письменное обращение к верующим с призывом к покаянию, воздержанию и миру и с увещанием пожертвовать церкви десятую часть от своих имуществ и сверх того не возражать против уплаты десятины с рабов, а в случае отсутствия рабов и при наличии двух или трех сыновей вручать епископу по одному тремиссу за каждого сына либо указать, что может быть внесено для выкупа пленных. Соборные церковью средства должны были послужить смягчению тягот надвигающейся войны.<sup>33</sup>

В обычае церковных соборов было обращение в определенных случаях к представителям светской власти для придания большей действенности соборным решениям.<sup>34</sup> Франкские короли нашли в коллегиальном органе церковного управления, каким являлись соборы, верное орудие консолидации своей власти. Именно с помощью соборов в первую очередь они утверждали свой авторитет в церкви, а значит, и среди галло-римских подданных, с помощью соборов они лишали духовной власти наиболее непокорных епископов и добивались большего послушания других. Начиная с Хлодвига (481—511) они многократно выступали инициаторами проведения крупных церковных соборов, причем, случалось, даже вопреки возражениям епископов.<sup>35</sup> В преамбуле актов большинства меровингских соборов сообщается, по воле или с согласия какого короля созван собор.

Идеологи епископата в выпретенных выражениях признавали авторитет короля в делах церкви. Уже отцы I Орлеанского собора 511 г. возглашали, что великая забота о славе веры подвигла Хлодвига к религиозному служению и он созвал епископов под действием подлинно священнического умонастроения (*sacerdotalis mentis affectum*), при этом обсуждение дел на соборе шло в соответствии с желанием и письменными предложениями (*titulos*) короля.<sup>36</sup> Ремигий Реймский (ум. в 533 г.), креститель Хлодвига и его советник, объявлял короля проповедником католической веры и ее защитником: *populum solum praedicator fidei catholicae, sed defensor*.<sup>37</sup> Венанций Фортунат (ок. 540—ок. 600), последний крупный поэт уходящей античности, окончивший жизнь в сане епископа Пуатье, уподоблял Хильдеберта I (511—559), сына и преемника Хлодвига, Мельхиседеку, царю и священнику, указывая, что, оставаясь мирянином, он исполнил дело религиозного служения: *Melchisedech noster merito rex atque sacerdos complevit laicus religionis opus*.<sup>38</sup> Сам Хильдеберт, очевидно, по настоянию высшего духовенства издал распоряжение, запрещавшее языческие культы, обосновав свой шаг тем общим положением, что народ, который не блюдет должным образом «священниче-

ское предписание» (*sacerdotes (!) graeceptum*), должен быть исправляем и властью короля.<sup>39</sup>

Признавая авторитет короля в делах церкви, епископат одновременно выдвигал идею суверенитета королевской власти в духе представлений о власти императора. Соборные решения обосновывались ссылками одинаково на императорское и королевское законодательство, причем акты королевской власти классифицировались на основе понятий императорского законодательства.<sup>40</sup> Возникает впечатление, что уже в VI в. во франкском государстве складывались формы географического правления, для которого характерно слияние церковной и государственной власти, когда институты церкви замещают в известной мере органы государственного управления и церковные соборы с участием светской знати играют роль высших политических собраний, как это было в вестготской Испании VII в. Но в действительности в VI в. франкская государственность отличалась весьма слабым соединением разнородных ее элементов. Франки, составлявшие основную силу войска и главную опору власти короля, были далеки от того, чтобы принять церковные соборы в качестве высшего политического собрания. В свою очередь епископат, полный сознания собственной силы, очень ревниво охранял свою автономию.

Восхваляя Хлодвига, признавая его инициативу в созыве собора, участники I Орлеанского собора тем не менее заявляют о самостоятельном значении собственных постановлений: одобрение короля, в случае если он сочтет эти постановления верными, лишь подкрепит приговор епископов, придав ему большую силу и тем обеспечив его соблюдение.<sup>41</sup> Принцип независимости церковного законодательства и прежде всего внутрицерковных установлений от власти короля сохранялся в течение всего VI в. и в известной мере вплоть до последних меровингских соборов второй половины VII в. Мерovingская государственность не знала того слияния церковного и государственного законодательства, которое проявилось в значительных формах в вестготской Испании VII в.

Наиболее важное связующее, постоянно действующее начало в церковной организации представляла собой власть митрополита. Система церковных провинций, объединявших группы епископств под главенством митрополита, как уже было отмечено, повторяла структуру государственного управления поздней империи, именно на митрополитов опирались императоры в своей церковной политике.<sup>42</sup> Власть митрополитов достигла в Галлии наибольшей силы в V в., когда они самостоятельно назначали епископов на вакантные кафедры своих провинций. При Мерovingах всякое утверждение самостоятельности церкви постоянно связывалось с выдвижением фигуры митрополита и института церковных провинций. Авторы соборных актов настаивали на свободном проведении регулярных поместных соборов в первую очередь именно в рамках церковных провинций. Наиболее решительные акты епископата в защиту свободного избрания епископов тоже самым непосредственным образом связаны с усилиями к поддержанию или восстановлению авторитета власти митрополита и коллективной воли епископов провинции.

На необходимости ежегодного созыва соборов в пределах провинций настаивали II Орлеанский собор 533 г. и III Орлеанский собор 538 г.<sup>43</sup> Турский собор 567 г. предписывал епископам собираться на провинциальный собор в том месте, которое изберет митрополит, один раз в два года, или, если случится нужда, как это было прежде, один раз ежегодно. Участники Турского собора смягчили прежнее постановление, несомненно по той причине, что оно оказалось трудноосуществимым, хотя бы потому, что епископы одной провинции часто оказывались подданными разных королей. Вместе с тем Турский собор вменял в обязанность епископам являться на провинциальные соборы, невзирая на препятствия, которые могла представлять воля короля (*impedimentum ordinationis regiae*). В патетическом тоне отцы собора провозглашали: не должно действие или лицо брэнной природы устрашать тех, кого Христос вооружил надеждой креста как символа искупления.<sup>44</sup>

В актах церковных соборов оставило заметный след и былое противостояние митрополитов и короля в деле назначения и утверждения новых епископов. Несмотря на устоявшуюся практику королевских назначений на епископские кафедры, среди всех многочисленных церковных соборов меровингского времени лишь Орлеанский собор 549 г. отметил в своих актах обязательное королевское подтверждение избрания, осуществляемого клиром и народом: *... cum voluntate regis iuxta electionem cleri ac plebis*.<sup>45</sup> Но и этот собор предельно ограничил правовые возможности королевского волеизъявления, так как определение порядка избрания епископа сопровождается ссылкой на древние каноны церкви, в которых нет речи об участии короля в избрании епископа.<sup>46</sup> О необходимости одобрения митрополитом избрания в епископы заявили участники Клермонского собора 535 г.<sup>47</sup> Акты I Парижского собора, который в настоящее время датируют 561—562 гг., не содержат обычного указания на распоряжение короля о созыве собора — этот собор, очевидно, проходил без санкции короля. Выступая против нарушений древних канонов, собор постановил, чтобы никто не ставился епископом, когда того не желают граждане (*civibus invitis*), но чтобы только тот ставился епископом, за кого народ и клирики с полным желанием попросят путем избрания; епископ не должен быть навязываем ни повелением государя, ни в силу какого-либо уговора вопреки воле митрополита и епископов провинции.<sup>48</sup> Этот пример особенно хорошо показывает, сколь решительно епископат отстаивал право митрополитов и епископов провинций в качестве высшей инстанции утверждать избрание епископов.

В условиях упадка прежних римских форм государственного управления и дальнейшего роста общественного влияния епископов франкские короли, естественно, старались добиться более прямого и более действенного контроля над епископатом, нежели тот, который был достаточен для позднеримских императоров. Власть митрополита и значительный авторитет тесно связанных между собой епископов провинций в определенном смысле противостояли той власти над епископатом, которой домогались Меровинги. До нас

дошли лишь единичные примеры противоборства королевской власти и епископов провинций, но они весьма показательны. Сила короля, стремящегося пресечь или ограничить автономию церковных провинций, всюду торжествует, но этим не отменяется острота противоречий и известная готовность епископата оказать сопротивление. Так, в 561 или 562 г. митрополит Бордо Леонтий, собрав епископов своей провинции, низложил епископа города Сента Эмерия на том основании, что по воле короля Хлотаря I (511—561) Эмерий был рукоположен чужим митрополитом в отсутствие митрополита Бордо. Провинциальный собор выдвинул своего кандидата в епископы, Гераклия, удостоверив общее согласие на его избрание подписями участников. Сколь ни смелы были в своем свободном решении собравшиеся на собор епископы, все же они сочли необходимым послать Гераклия для утверждения избрания к королю Хариберту (561—567), сыну и преемнику умершего к тому времени Хлотаря I. Но когда избранный епископов предстал перед Харибертом, король распорядился прогнать его от себя и отправить в изгнание на повозке, уложенной терновником. С помощью посланных им в сенат духовных лиц он восстановил прежнего епископа, а участников собора наказал денежным штрафом, причем с митрополита королевские казначеи взыскали тысячу золотых.<sup>49</sup>

В приведенном выше постановлении Парижского собора о недопустимости рукоположения королевского кандидата в епископы вопреки воле митрополита и епископов провинции О. Понталь усматривает прямую реакцию на действия Хлотаря в пользу Эмерия, по его воле ставшего епископом Сента.<sup>50</sup> Очевидно, с таким же основанием в постановлении не санкционированного королем собора можно видеть реакцию и на меры, принятые Харибертом. Заметим, что в соборе, на котором 4 митрополита и 11 епископов представляли шесть провинций, участвовали сам митрополит Бордо Леонтий и епископ Парижский Герман, славе которого как святого немало способствовало то, что он имел смелость отлучить короля Хариберта от церкви по причине нарушения церковных предписаний о браке.

Меровингским королям, по-видимому, всегда было свойственно настороженное отношение к свободному проведению поместных соборов митрополитами и епископами провинций, в этом убеждает один пример из истории франкских королевств уже VII в. В то время система церковных провинций стала постепенно приходить в упадок, тем не менее король Сигиберт III (633(4)—656) и его советники весьма решительно выразили свою озабоченность по поводу собора, который созывал в пределах его королевства митрополит Буржа Вульфолсуд. Король не был уведомлен о месте проведения собора и о его целях, поэтому в письме к епископу Кагорскому Дезидерию, датированном приблизительно 644 г., он сообщает о своем запрещении проводить собор в его владениях, как и о особом запрещении епископам диоцезов, на которые распространялась его власть, устраивать какое-либо собрание в назначенный срок ближайших сентябрьских календ (т. е. 1 сентября). Сигиберт разрешал провести собор в более позднее время, если он будет уведомлен заблаговременно, для какой

цели созывается собор, ради ли благосостояния церкви, для пользы ли государства или для какого-нибудь разумного дела (*utrum pro statu ecclesiastico an pro regni utilitate sive etiam pro qualibet rationabile condicione coniuncio esse decreverit*).<sup>51</sup>

Ставшее явным в VII в. постепенное замирание деятельности провинциальных соборов, как и вообще упадок института церковных провинций, наметившийся в первые десятилетия VII в., были следствием общего упадка церковной организации, имевшего глубокие общественные причины, но определенную отрицательную роль могла здесь сыграть и сознательная политика меровингских королей.<sup>52</sup>

Все же определенная автономия церкви как общественного института оставалась отличительной чертой франкской государственности в течение всего периода VI—VII вв. Понадобились глубокие общественные потрясения, ознаменованные возвышением новой династии, чтобы сложилась та единая система церковного и государственного управления, которая составила своеобразие каролингской государственности. Тем не менее уже в период правления Меровингов франкское государство в своей эволюции весьма заметным образом двигалось к теократическим формам правления и идеологии, хотя и не достигло в силу особых причин, скажем, той ступени синтеза церковных и государственных институтов, которую представляло вестготское королевство VII в.

С последней четверти VI в. множатся примеры самого непосредственного участия епископов в заботах и внутренних конфликтах королевской власти. Главная причина этого явления заключалась в обособлении королевской власти, в постепенном ослаблении ее связи с массой рядовых воинов франков и в более глубоком ее включении в игру политических сил, действовавших в галло-римском обществе. Вполне закономерно, что прямое участие епископата в делах королевской власти раньше всего и весьма заметным образом развернулось в королевстве Гунтрамна (561—592). Здесь, т. е. прежде всего в землях бывшего Бургундского королевства, римское наследие было наиболее значительным и власть германского короля в немалой мере опиралась на римские институты, в частности на постоянный военный контингент, организованный по римскому образцу и возглавляемый патрицием галло-римского происхождения.<sup>53</sup> Гунтрамн действовал в условиях, весьма похожих на те, которые были характерны для вестготской Испании. Деятельное сотрудничество епископов имело для него намного большее значение, нежели для родственных ему королей, центры владений которых находились к северу и к востоку от Луары. По-видимому, и сами епископы обладали здесь большей силой, чем их собратья в северных и северо-восточных областях франкского государства. Григорий Турский сообщает о воинственных епископах Гапа и Амбрена, братьях Салонии и Сагиттари, располагавших вооруженным отрядом, о великом побоище, учиненном между слугами епископа Лионского Приска и слугами королевского военачальника герцога Леодегизила,<sup>54</sup> о епископе Марсельском Теодоре, давшем узурпатору Гундовальду коней или даже отряд всадников (*aequitibus*).<sup>55</sup>

В 573 г. в связи с наметившимся примирением королей Гунтрамна и Сигиберта (561—575) с согласия последнего Гунтрамн созвал в Париже всех епископов своего королевства, с тем чтобы они помогли определить отношения между королями-братьями: *ut inter utrosque quid veritas haberet edicerent*.<sup>56</sup> В послании собравшихся в Париже епископов к Эгидию, епископу Реймскому, обстоятельства, при которых оно было составлено и подписано, переданы выразительной формулой: «В то время как мы пребывали в Париже ради дел общественных и решения споров частных лиц. . .».<sup>57</sup> Однако, сообщает Григорий Турский, короли тогда не стали слушать епископов.<sup>58</sup> Собрание епископов носило, по-видимому, почти исключительно политический характер — собственно соборным актам сродни лишь послания к Эгидию и королю Сигиберту.

Настоящий договор с подробным определением прав и обязанностей сторон Гунтрамн заключил уже с сыном Сигиберта, Хильдеббертом (575—595). Договор известен по месту его заключения как «договор в Андело». В тексте договора сказано, что он был заключен при посредничестве епископов, а с ними и светских магнатов: *mediantibus sacerdotibus atque proceribus*.<sup>59</sup> Примечательно, что именно в Бургундии сложилась устойчивая традиция употребления такого рода формул в сообщениях о важнейших политических решениях. Очевидно, она отражала и практику политической жизни, и идейные установки. В IV книге хроники Псевдо-Фредегария, памятнике бургундской историографии первой половины VII в., а именно в главах, посвященных событиям 613—642 гг., формулы, указывающие на посредническую или даже на активную роль епископов и светских магнатов, постоянно включаются в сообщения о разного рода политических договорах.<sup>60</sup> Епископам в этих формулах неизменно отводится первое место.<sup>61</sup>

Бургундское королевство времени правления Гунтрамна представляет и первый определенный пример того, как собрание епископов могло выполнять двойную функцию собственно церковного собора и политического собрания. В 581 г., по свидетельству Григория Турского, в Лионе собрался собор, который приступил к разбору внутрицерковных споров, осудил нерадивых служителей церкви, а затем обратился к королю, и епископы вместе с королем стали подробно обсуждать обстоятельства бегства военачальника Муммола на сторону Хильдеберта, а наряду с этим и некоторые вещи, касающиеся раздоров между королями: *Synodus ad regem revertitur de fuga Mummoli ducis, nonnulla de discordis tractant*.<sup>62</sup>

Такое же двойное назначение, очевидно, имело собрание епископов в Маконе, акты которого датированы 1 ноября 583 г. Ему предшествовал в мае того же года собор в Лионе, созданный, по-видимому, без королевского участия епископом Лионским Приском, самым влиятельным иерархом в королевстве Гунтрамна.<sup>63</sup> I Маконский собор 583 г. был создан по распоряжению короля Гунтрамна, и в нем участвовало значительно большее число епископов.<sup>64</sup> Акты обоих соборов выдержаны как чисто церковные постановления и сходны по содержанию, хотя акты Маконского собора более развернуты. И те,

и другие должны были служить поддержанию авторитета христианского культа и его служителей, утверждению норм христианской морали, они одинаково содержат положения о социальном призвании, об отпущенниках на службе у епископов либо о выкупе рабов-христиан.<sup>65</sup> Выделяются только постановления Маконского собора о судебной защите клириков и особенно о клятвопреступлении при свидетельствовании и вообще о ложных показаниях на суде.<sup>66</sup> В преамбуле актов I Маконского собора сообщается, что по распоряжению короля епископы собрались в Маконе ради попечения о делах общественных и о нуждах бедных людей.<sup>67</sup> При этом первой своей задачей собравшиеся сочли то, чтобы новыми установлениями подтвердить древние каноны церкви, включив эти установления в свод канонов. Насколько можем судить, в актах I Маконского собора мы имеем самый ранний пример такого рода преамбулы к тексту соборных постановлений общего характера.

За словами о «делах общественных», несомненно, стояло совместное с королем обсуждение политических дел, скорее всего, связанных с обвинением в неверности в условиях междоусобной войны.<sup>68</sup> След такого рода обсуждений, в которых епископы выступали в защиту обвиняемых, можно усмотреть в постановлениях о недопустимости ложных обвинений в суде равно со стороны клириков и со стороны мирян, как и в требовании, чтобы дела клириков рассматривались в присутствии епископа и чтобы клирики не обвиняли своих собратьев перед светским судьей. Круг обсуждаемых совместно с королем вопросов мог быть и значительно шире, вместе с тем собственно соборные акты, очевидно, были приняты, как обычно, в самостоятельном заседании епископов без участия короля.

Два года спустя состоялся II Маконский собор (его акты датированы 23 октября 585 г.). По составу участников собор может быть определен как общефранкский. Им ознаменовалось примирение Гунтрамна и Хильдеберта и их общая победа над узурпатором Гундвальдом. Не только акты собора, но и датированный 10 ноября 585 г. эдикт короля Гунтрамна, который был составлен на основе прений, открытых королем на соборе,<sup>69</sup> имеют чисто церковное содержание. В действительности собрание епископов осенью 585 г. в Маконе имело и политические задачи. В его заседаниях, хотя и не во всех, участвовали не только король, но и светские должностные лица. Это явствует из обращенного к епископам и светским судьям заявления Гунтрамна, которым заканчивается его эдикт о том, что его положения должны сохранять свою силу вечно, так как король постарался дать им определение на святом Маконском соборе, и те, к кому они обращены, это знают.<sup>70</sup>

Одним словом, Маконский собор 585 г. представляет первый отразившийся в источниках пример соединения собственно церковного собора и политического собрания с широким кругом участников под эгидой этого собора.

Присутствие мирян на заседаниях церковных соборов допускалось и ранее, хотя представляло скорее исключение, чем правило, причем миряне участвовали главным образом как свидетели. Так,

например, митрополит Лионский Вивентиол в своем послании к будущим участникам собора 517 г. в Эпаон объявлял: «Позволяем присутствовать мирянам, с тем чтобы и народ мог засвидетельствовать те вещи, которые должны быть определены одними епископами».<sup>71</sup> Этим решением митрополит желал избежать кривотолков со стороны мирян в отношении поведения духовенства. В пору, когда еще поддерживалась достаточно высокая образованность светской знати и миряне могли активно участвовать в догматических спорах, собор 529 г. в Оранже принял решение, чтобы влиятельные миряне, *inlustris ac magnifici viri*, скрепили его постановления своими подписями. Тем самым, присутствуя на соборе как свидетели, но при этом выражая свое согласие с постановлениями епископов, знатные миряне связывали себя обязательством следовать догматическим определениям собора и способствовать их проведению в жизнь.<sup>72</sup>

В собрании епископов 585 г. в Маконе дело обстояло иначе. С участием мирян выносились решения по поводу политического поведения отдельных епископов и, что еще важнее, в острых спорах определялись границы юрисдикции светской власти в отношении клира и круг судебных прав самой церкви, а равно и сфера социальной деятельности церкви.

Григорий Турский свидетельствует, что на II Маконском соборе был лишен своего сана епископ города Дакса Фаустин, рукоположенный по воле узурпатора Гундовальда, были осуждены епископы, принимавшие участие в рукоположении Фаустина, как и епископ Кагорский Урсин, принявший узурпатора.<sup>73</sup> Рассказывая о Маконском соборе, Григорий Турский тут же сообщает о приключившейся в то время тяжелой болезни Гунтрамна и говорит, что, по его убеждению, она была вызвана божественным провидением, так как король помышлял отправить в изгнание многих епископов.<sup>74</sup>

Конкретные политические конфликты на соборе вплетались в общий спор по поводу судебной компетенции светской власти в отношении церкви и ее подзащитных. Отражение происходившего тогда противоборства между королевской властью и епископатом мы обнаруживаем в параллельных актах церковного и королевского законодательства при их взаимном сопоставлении.

Акты II Маконского собора оформлены в виде протокола заседания, которое было открыто как торжественное действие митрополитом Лионским Приском, названным в актах патриархом.<sup>75</sup> О присутствии короля и его слуг речи нет. В первой главе актов утверждается обязательность воскресного отдыха. Среди 19 других глав наиболее видное место занимает группа из шести тесно связанных между собой постановлений, отстаивающих судебные привилегии церкви и ее право оказывать защиту преследуемым, оберегая слабых и бесправных от несправедливого наказания, от поспешной или своекорыстной расправы. В VII главе актов содержится запрет представлять иски против отпущенников в светский суд. Согласно соборному постановлению, дела отпущенников как лиц, находящихся под покровительством церкви, следовало рассматривать в суде епископа (*in episcopi tantum iudicio*), хотя бы к судебному разбира-

тельству и был привлечен по воле епископа светский судья. В следующей, VIII главе обоснована неприкосновенность церковного убежища, светские должностные лица, применяющие насилие в священном пространстве церкви, объявляются псевдохристианами, забывшими о своей религии.<sup>76</sup>

В IX и X главах отстаивается право на судебную защиту для самого клира. Ни одно должностное лицо не смеет в упрямом ожесточении выводить из церкви епископа. Лицо высокого положения (*potentior persona*), имеющее претензии к епископу, должно предъявить их митрополиту. Такое же постановление вынесено в отношении священников, дьяконов и субдьяконов, иски против которых должен был рассматривать епископ.<sup>77</sup> В XII главе объявлен запрет рассматривать судебные иски против вдов и сирот без ведома епископа или его представителя.<sup>78</sup> Наконец, в XIV главе выносятся осуждение тем приближенным короля и иным «превозносящимся от оставшейся им мирской власти» (*hi, qui latere regis adhaerent, vel alii, qui potentia saeculari inflantur*), кто в желании завладеть чужим имуществом, попирая церковные каноны и светские законы, без предъявления каких-либо исков и без предложения любовной сделки (*nullis exertis actionibus aut convintionibus praerogatis*) изгоняет несчастных не только с их земель, но и из собственных их домов. Епископы постановили, чтобы впредь в соответствии с канонами и законами каждый предъявлял судебный иск и несчастных не лишали бы их имуществ нечестным способом благодаря чьей-то силе или чьему-то угодничеству: *ut nullus miserorum rebus suis per virtute aut adsentatione quamlibet defraudetur*. Тех, кто не подчинится этому постановлению, епископы грозили наказать церковным отлучением.<sup>79</sup>

Последнее постановление, по всей видимости, непосредственным образом отражало ту обстановку расправ и ничем не стесняемых захватов, которая явилась следствием борьбы с узурпатором Гундовальдом, его союзниками и теми, кто ему невольно потворствовал. Постановление собора, утверждавшее организованное сопротивление насилию, скорее всего имело значение политического акта, не случайно в качестве насильников в первую очередь названы лица, приближенные к особе короля. Жертвы насилия, о которых говорится в XIV главе, несомненно были людьми состоятельными, так как не только их поля, но и дома представляли приманку для алчных слуг короля. Собор мог взять под свою защиту тех лиц, которые в правовом отношении были так или иначе связаны с церковью, поэтому и овладение чужим имуществом без обращения в суд рассматривается как нарушение именно церковных канонов. Поскольку, однако, наряду с канонами упомянуты и светские законы, в случае широкого толкования постановления отлучение от церкви могло быть применено и при покушении на имущество мирян, по своему общественному статусу прямо с церковью не связанных.

Итак, в лице отцов II Маконского собора епископат брал на себя широкие функции социально-правовой защиты, ограничивая тем самым в известном смысле прерогативы королевской власти. Само намерение короля изгнать многих епископов и то, что оно не осуще-

ствилось, убеждают в действительности оказанного епископатам сопротивление Королевский эдикт от 8 ноября 585 г. явился в известном смысле ответом Гунтрамна на постановления собора. В прикрытой форме, исключительно в плане идеологического обоснования Гунтрамн, со своей стороны, настаивал на широком вмешательстве королевской власти в сферу судебных прав церкви.

Королевский эдикт, как отмечено выше, был составлен на основе прений, открытых королем на соборе. Но из всех содержащихся в актах собора постановлений эдикт прямо повторяет только одно — постановление об обязательном воскресном отдыхе. Король был вправе включить в эдикт лишь то, в чем он был так или иначе заинтересован, и есть все основания думать, что именно король предложил собранию епископов вынести решение о соблюдении воскресного отдыха, не случайно этой теме посвящена начальная глава актов собора, и она составила содержание единственного конкретного распоряжения в эдикте короля. Вместе с тем отсутствие в эдикте Гунтрамна постановлений о судебной компетенции епископата и о правовой защите, которую он мог оказывать, К. Фойгт расценил как знак молчаливого отказа короля поддерживать своей санкцией заявленные епископатам права.<sup>80</sup>

Догадка Фойгта может представиться недостаточно обоснованной. В действительности же эдикт Гунтрамна хранит след еще более острого несогласия между королем и епископатам по поводу границ светской и церковной юрисдикции. Если оставить в стороне последствия войны с Гундовальдом и конкретные политические притязания Гунтрамна, можно сказать, что сами общие положения, с которыми Гунтрамн выступил на соборе, судя по их отражению в эдикте, могли вызвать те решительные возражения епископов против вмешательства светской власти в дела церкви, которые сформулированы в актах II Маконского собора.

По своей форме и идеям эдикт Гунтрамна представляет выдающийся памятник образованности и мысли меровингского времени. К сожалению, прототипы его идей и образов, насколько можем судить, до сих пор не выявлены, одним словом, не изучена культурная и идейная традиция, на которой он основан. Это, однако, не мешает раскрытию его основного содержания, так как смысловое построение эдикта отличается исключительной четкостью.

В самом начале эдикта выдвигается положение о единстве религиозно-нравственного, общественного и природного бытия, и на этой основе утверждается нерасторжимая связь божественного и человеческого закона. Христианский бог предстает как правитель мира (*cuius universa reguntur imperio*), который обеспечивает существование бренного человеческого естества (*humanae fragilitatis substantiam*). Выражается вера в то, что Бог будет милостив, если король сохранит в своем народе законы справедливости (*institiæ iura*), и что всем тем, кто будет соблюдать его заповеди, Бог доставит все им удобное в их нуждах. Напротив, нарушение заповедей морали и справедливости грозит всеобщими бедствиями.

Все дальнейшие мысли и предписания эдикта последовательно выводятся из общих положений, высказанных в его начале. Более тщательное попечение о прочности государства и о сохранении страны, как и мысли, связанные с неустанной заботой о народе, говорит Гунтрамн, открыли ему повсеместно в пределах королевства множество преступлений, за которые «ради страха божия» обычно налагались наказания, как того требовали церковные каноны и светские законы (*quae canonibus et legibus pro divino timore puniri consueverunt*). Из-за такого положения дел, убежден Гунтрамн, людям и скоту суждено быть истребляемыми в земных бедствиях «болезнью и мечом», между тем люди не ведают страха перед божьим судом. Таким образом подготавливается тезис о необходимости строгого королевского наблюдения за отправлением правосудия как в сфере церковного, так и светского права и оправдывается это заботой о благополучии государства.

Но сначала король лишь увещевает епископов исправлять прегрешения проповедью, а свое вмешательство в дела епископов объясняет тем, что он, как и они, будет причастен грехам других людей и испытает на себе гнев царя небесного, если не будет заботиться об исправлении вверенного его власти народа. Свою роль Гунтрамн прямо обозначает пока только как «живую заботу» (*sollicitudi*), в то же время в отношении епископов говорит именно об обязанности исправлять (*corrigitis*). Вместе с тем само осторожное словоупотребление лишний раз указывает на то, что Гунтрамн имеет здесь в виду прежде всего собственную ответственность за соблюдение церковных канонов его подданными, иными словами, свой контроль над церковной юрисдикцией. Столь же осторожно первоначально указывают авторы эдикта и на предмет реальной озабоченности Гунтрамна: на покровительство епископами действий, которые Гунтрамн считает наказуемыми. В уста Гунтрамна вкладываются слова, предупреждающие епископов, чтобы они не обходили молчанием провинности, которые надо исправлять настойчивым порицанием.<sup>81</sup>

После этой преамбулы как некое следствие словом «*idcirco*» вводится упомянутое выше распоряжение об обязательном воздержании от физической работы и от ведения судебных дел в воскресенье и в дни церковных праздников, когда весь народ собирается на богослужение (*ad veneranda templogum oracula*). Но нетрудно заметить, что преамбула имеет значительно более широкий смысл и что это единственное конкретное распоряжение вообще занимает весьма скромное место в тексте эдикта. Невозможно согласиться с Э. Эвигом, который по формальным признакам сводит основное содержание эдикта к требованию соблюдения воскресного отдыха.<sup>82</sup> Не отрицая самостоятельного значения для Гунтрамна этого требования, можно тем не менее утверждать, что в эдикте оно выступает и как повод изложить идеи, которые важны для Гунтрамна сами по себе, и как вспомогательный элемент общего логического построения. Хорошо известно, что почитание в рамках государства седьмого дня недели как дня покоя идет еще от синкретического культа со-

личного божества. Этот культ служил идейному обоснованию власти императора, не обнаруживая заметного противостояния христианству. Возможно, это было главной причиной того, что в законодательстве христианских императоров тема воскресного покоя, прежде всего в смысле воздержания от посещения зрелищ и от участия в судебных состязаниях, получила богатую разработку, разумеется, уже в христианском ключе.<sup>63</sup> Как бы то ни было, узаконения воскресного отдыха представляли ту область, где в наибольшей степени стиралась граница между самими истоками церковной и светской юрисдикции. Гунтрам находил здесь реальное основание для широкого вмешательства королевской власти в дела церковной юрисдикции.

После распоряжения об обязательном отдыхе в воскресенье и праздничные дни Гунтрам начинает говорить решительнее. В общем деле исправления нравов, утверждения справедливости и конечно освобождения от прегрешений Гунтрам призывает епископов взять себе в сотрудники наряду со священниками наиболее видных мирян и должностных лиц: *iungentes vobiscum consacerdotes vestros et filios senioris ecclesiae ac iudices locorum*. И тотчас же Гунтрам переходит к теме наказания равно священников и мирян, упорствующих в своих «смертоносных устремлениях». Не делая различий между священниками и мирянами в вопросе об обязательности наказания, Гунтрам, иначе говоря, не принимает во внимание судебные привилегии клира, он разграничивает компетенции церковного и светского суда лишь в зависимости от свойств судебного дела и от серьезности преступления того или иного лица: *iuxta quod conditiones causarum aut excessus personarum exegerint, alios canonica severitas corrigat, alios legalis poena percussat*.<sup>64</sup> По своей сути последнее положение не противоречило традиционным представлениям о пределах судебной власти монарха в отношении церкви, но его безоговорочная форма явно говорит о намерении Гунтрамна полностью подчинить церковь своей судебной власти.

Мысль Гунтрамна достигает кульминации во второй половине той же фразы. Поясняя устанавливаемое им разделение судебной компетенции, Гунтрам заметно принижает выдвигаемые церковью права защиты, а карающую функцию своей власти он облакает религиозным авторитетом, что и является высшим оправданием его вмешательства в дела церкви; не меньшее благочестие заключается в том, чтобы сокрушать дерзких, чем в том, чтобы поднимать угнетенных (*neq minor est pietas protervos conteri, quam relevare compressos*).

Ни о каком заступничестве со стороны церкви речи нет, так как утверждается, что невинные могут стать свободными только при условии, если преступные будут наказаны через доказательство их вины (*certa culpam probatio*). Гунтрам рисует идеальное состояние общества, которое может быть достигнуто благодаря тому, что возмездие судей в соответствии со светскими законами поразит тех, кого не может исправить назидание священников в соответствии с церковными канонами. Во всех подвластных ему землях, обещает Гунтрам, будут во всей силе законы мира и согласия (*pacis et*

concordiae iura proficiant). Последний образ скорее всего надо понимать как христианское сообщество в духе идеалов бл. Августина.

Обращаясь затем прямо к светским судьям, Гунтрамн между прочим предупреждает, чтобы они, хотя их собственную порядочность он сомнению не подвергает, не ставили в подчиненной им области викариев и иных замещающих их лиц из числа своих приближенных, которые соглашались бы принимать подкуп или же осмеливались бы лишать кого-либо имущества нечестным путем (*iniqua quibuscumque spolia inferre*). В этом распоряжении с известной долей вероятности можно усмотреть попытку снять те упреки близким особе короля должностным лицам, которые выражены в XIV главе актов Маконского собора 585 г., а именно, в связи с незаконным отобраением земель и домов.

Полностью свои настоящие намерения Гунтрамн раскрывает в конце эдикта. Он требует от судей особенно строгого наказания для преступивших закон и унизивших свое достоинство клириков, и в этой связи Гунтрамн вновь и еще более решительно предупреждает: если святые пастыри или назначенные судьи попытаются скорее скрыть, чем отсечь преступления тех, кто им подчинен, то пусть они знают, что от этого они сами будут еще более виновны и более достойны наказания: *se ex hoc amplius reos esse velnoxios*.

Итак, последовательный анализ содержания эдикта позволяет сделать вывод, что главная цель публикации этого документа состояла в том, чтобы, вопреки мерам защиты, принятым епископами на II Маконском соборе, санкционировать репрессивные действия в отношении неугодных епископов и их провинившихся перед королем подопечных, а равно и оправдать обычные в ту эпоху насилие и произвол слуг короля. Наряду с этой чисто практической задачей Гунтрамн преследовал и цель утверждения своего религиозного авторитета, что отвечало его внутренней потребности и одновременно создавало основу для его власти над церковью. Гунтрамн, по-видимому, первым из германских королей усвоил и стал насаждать идеалы теократии, т. е. слияния церкви и государства. Это было обусловлено общественным устройством подвластных ему земель, большой зависимостью власти короля от воли епископов и, кроме того, воспринятыми этим внуком Хлодвига христианской религиозностью и культурой.

Григорий Турский оставил замечательные свидетельства о довольно мягком характере Гунтрамна, его беседах с епископами, любви к духовным песнопениям, о сильных проявлениях его религиозности, выражавшихся в подаяниях, молитвенных бдениях и постах. Когда весной 587 г. дошла весть о чуме, распространившейся из Марселя и достигшей уже области Лиона, Гунтрамн приказал, чтобы весь народ собрался в церкви и чтобы с большим благоговением совершались молебствия, установил строгий пост и повелел присутствовать на всенощных. По словам Григория, он сделал то, что подобает делать хорошему епископу. Тогда же в течение трех дней он щедрее обычного раздавал милостыню и так беспокоился за весь народ, что его почитали уже не только за короля, но даже за епископа. Говоря

о Гунтрамне как о христианском святом, Григорий сообщает об исцелении, совершившемся благодаря чудесной силе, заключенной в одежде короля, и о таком же чудесном действии его имени.<sup>85</sup>

Соединение в одном лице светской власти и религиозного авторитета, выразившееся в поведении Гунтрамна и определившее восприятие его фигуры современниками, получает в эдикте соответствие в развитом теократическом представлении о единых началах светской и духовной юрисдикции. Вряд ли верно передает суть дела Э. Эвиг, когда говорит, что сам Гунтрамн сохраняет традиционное разделение понятия справедливости в политически-гражданском и религиозно-нравственном смысле, но как бы бессознательно подобно другим современникам теряя ощущение границы, применяет одинаково оба понятия в отношении религиозного установления воскресного отдыха. В действительности Гунтрамн намеренно старался преодолеть еще крепко державшееся разделение гражданского правосудия и духовного суда.

Противоположную тенденцию, возможно, даже реакцию на идею единства гражданского права и нравственно-религиозного закона мы обнаруживаем в первой главе актов Маконского собора, где речь идет о воскресном отдыхе. Епископы связывают с воскресением Христа, которое почитается в седьмой день недели, приход истинной справедливости и свободы. Прежде люди были рабами греха, теперь они стали сыновьями справедливости (*filiis iustitiae*). Освобожденные из смиренных домов, они теперь должны служить свободно: *Exhibeamus Dominum liberam servitutem*. Господь требует, говорят епископы, не того, чтобы мы праздновали Господен день телесным воздержанием (*corporeali abstinentia*), но требует послушания, через которое он нас, поправших земные дела, возведет до самого неба. Таким образом, воскресенье объявляется днем божественной справедливости, днем свободного следования божественному закону. Именно следование такой, можно добавить, евангельской справедливости делает Бога милостивым и удаляет от людей бедствия болезней и бесплодия.

В эдикте, как мы уже видели, Гунтрамн, переводя все в план земной жизни христиан, возражал, что невинные не могут быть свободными, когда они лишены спокойствия: *nec innocentes potest reddere collata securitas liberos*. Без принудительного применения законов люди забывают страх божий, перестают следовать божественным заповедям, необходимо вмешательство светской власти, чтобы предотвратить надвигающиеся бедствия. Светские законы как и церковные каноны созданы ради того страха божия (*canonibus et legibus pro divino timore puniri consuerunt*), о котором говорят епископы. И когда в самом начале эдикта Гунтрамн говорил, что, сохраняя в своем народе законы справедливости (*iustitiae iuga*), он надеется умиловить Бога, то он, несомненно, имел в виду божественную справедливость как единый источник светских и церковных законов.

Теократические воззрения Гунтрамна и его окружения, как отметил Аркильер, предвосхитили теократическую концепцию светской

власти, сложившуюся в начале VII в. в вестготской Испании. Исидор Севильский (ум. в 636 г.) в своих «Сентенциях» писал, что светские власти, будучи сами связаны узами веры, проповедуют веру своими законами (*fidem Christi suis legibus predicent*).<sup>86</sup> Пороку они принимают верховную власть в церкви, с тем чтобы этой властью укрепить церковный порядок. В церкви (как сообществе всех верующих) светские власти не были бы нужны, если бы не было необходимости в том, чтобы власть, устрашая наказанием, повелевала то, что священник не в силах осуществить поучением.<sup>87</sup>

Идеи эдикта Гунтрамна и «Сентенций» Исидора весьма сходны, но их историческая роль была различна, за сходными формулами стояли иные реальные отношения. Франкская королевская власть в лице Гунтрамна подошла близко к тому состоянию, к тем формам господства, которые получили законченное выражение во власти вестготских королей VII в., но окончательный синтез в королевстве Гунтрамна так и не осуществился. В лице Исидора испанский епископат признавал короля с его функцией устрашения слугой церкви, что соответствовало той степени зависимости королевской власти от епископата, которая была характерна для Испании VII в. Гунтрамн сам заявлял свои притязания на ведущую роль в утверждении церковного порядка, но епископат, испытывавший натиск еще достаточно сильной королевской власти, сопротивлялся этим притязаниям.

И все же можно отметить значительное сближение между светской властью и епископатом в королевстве Гунтрамна. Признание силы и влияния епископата со стороны Гунтрамна выразилось уже в том, что в споре с епископами он принял их язык, искал разрешение спора на путях идейного противоборства. Сами его утверждения относительно религиозного значения осуществляемого им правосудия благодаря их продуманности могли в одинаковой мере служить основанием как для усиления власти короля над церковью, так и для возможного компромисса с епископатом.

Оказав сопротивление королю, епископы, как можно судить по сообщению Григория Турского, отстояли своих собратьев. Между тем король был удовлетворен самим фактом состоявшегося собора. В условиях, когда король должен был все более считаться с влиянием епископов, крупное собрание епископов, проходившее с соблюдением всех церемониальных форм и с активным участием короля, несомненно, способствовало консолидации его власти, отвечало его заботам о «прочности государства», *pro regni... stabilitate*.

В последней главе актов Маконского собора 585 г. помещено постановление о проведении нового собора через три года. Попечение о созыве епископов было возложено на митрополита Лионского, который, имея на то распоряжение короля, должен был заранее указать место, где удобно было бы собраться всем епископам.<sup>88</sup> Особое положение, которое митрополит Лионский занял на соборе, и та роль, которая ему отводилась в будущем, весьма напоминает верховенство архиепископа Толедского в испанской церкви VII в. Можно думать, что здесь проявилось определенное сходство об-

щественно-политического устройства королевства Гунтрамна и Испании времени после обращения вестготов в католицизм. Но еще большее значение для нас имеет другое обстоятельство. Акты II Маконского собора, насколько удалось установить, представляют единственный пример определения в соборных актах порядка созыва очередного собора в масштабах королевства. По-видимому, в основе постановления Маконского собора лежал вполне конкретный договор между епископами и королем, и договор этот удовлетворял в определенной мере обе стороны, причем воля короля, возможно, была определяющей.

Спустя два года или немногим более, по-видимому, в связи с заключением договора в Андело между Гунтрамном и Хильдебертом, Гунтрамн выразил Хильдеберту свою волю, чтобы епископы последнего собрались на общий собор. Через своих епископов, явившихся на встречу с Гунтрамном в Шалон в апреле 588 г., Хильдеберт возражал, что в общем соборе нет нужды, что для исправления нарушений достаточно будет в соответствии с обычаем, установленным канонами, провести соборы провинций. Но Гунтрамн настаивал на своем, указывая на необходимость обсудить среди прочего нарушения церковных установлений относительно брака. После совещания с епископами Гунтрамн решил отложить проведение собора до июньских календ (примерно на шесть недель).<sup>89</sup>

Этот пример и другие свидетельства показывают, что, как бы ни осложнялись порою отношения Гунтрамна и епископов, основной линией его политики в отношении церкви оставалось достижение подлинного главенства в делах церкви, основанного в значительной мере на религиозном авторитете. Это означало политику консолидации государственной власти путем воздействия на общество через институты церкви. Использование церковной организации в целях укрепления королевской власти было характерно и для предшественников Гунтрамна, но в правление Гунтрамна эта политика достигла наиболее зрелых форм.

В следующий период меровингской истории, в VII в., наблюдалось еще более тесное соединение церковных соборов и политических собраний, сами епископы постепенно превращались в подлинных князей. Два чрезвычайно представительных собора состоялись в правление Хлотаря II (581—629) — Парижский 614 г. и собор 627 г. в Клиши. Но никогда уже в меровингскую эпоху соборы не собирались с такой регулярностью, как в правление Гунтрамна, и постепенно становились все более редкими: приходила в упадок сама церковная организация. В основе этих перемен лежали глубокие процессы, совершавшиеся главным образом в структуре землевладения, военной и административной власти господствующего слоя франков. Ближайшая же причина состояла в вызванных этими процессами крайнем ослаблении королевской власти и почти полном разрушении муниципальной организации, унаследованной от римской Галлии. Таким образом, VI век остался совершенно особой страницей в истории государственности и церкви франкской Галлии.

<sup>1</sup> Ср.: *Hannig J.* Consensus fidelium : Frühfeudale Interpretationen des Verhältnisses von Königtum und Adel am Beispiel des Frankenreiches. Stuttgart, 1982.

<sup>2</sup> См.: *Карсавин Л. П.* Культура средних веков. Пр., 1918. С. 34—35.

<sup>3</sup> Ср.: *Foviaux J.* De l'empire romain à la féodalité. Droit et institutions. Paris, 1986. Vol. 1. P. 161—164, 229—230.

<sup>4</sup> Ср.: *Boehmer H.* Das germanische Christentum // Theologische Studien und Kritiken. 1913. Bd 86. S. 218.

<sup>5</sup> *Chlodowici regis ad episcopos epistola* // Monumenta Germaniae Historica (далее MGH). Leg. sect. II : Capitularia Regum Francorum / Ed. A. Boretius. Hannoverae, 1883. T. I (далее Capitularia I). P. 1.

<sup>6</sup> См.: *Kaiser R.* Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht. Bonn, 1981. S. 66—67; *Ewig E.* Milo et eiusmodi similes // Sanctus Bonifatius : Gedenkgabe zum zwölfhundertsten Todestag. Fulda, 1954. S. 434—436.

<sup>7</sup> *Ebling H., Jarnut J., Kampers G.* Nomen et Gens : Untersuchungen zu den Führungsschichten des Franken-Langobarden- und Westgotenreiches im 6. und 7. Jahrhundert // Francia. 1980. Bd 8. S. 693.

<sup>8</sup> *Prinz F.* Die bischöfliche Stadtherrschaft im Frankenreich vom 5. bis zum 7. Jahrhundert // Hist. Zeitschr. 1973. Bd 217, Hf. 1. S. 22; *Heinzelmann M.* Bischofsherrschaft in Gallien : Zur Kontinuität römischer Führungsschichten vom 4. bis zum 7. Jahrhundert. München, 1976. S. 101—106.

<sup>9</sup> См. примеры: *Scheibelreiter G.* Der Bischof in merowingischer Zeit. Wien; Köln; Graz, 1983. S. 115—123; *Claude D.* Die Bestellung der Bischöfe im merowingischen Reiche // Zeitschr. der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kan. Abt. 1963. Bd 49. S. 37—38.

<sup>10</sup> *Sidonius Apollinaris.* Epistolae, VII, 9, § 17 // MGH : Auctores antiquissimi. Berolini, 1887. T. 8. P. 115; см. также: *Prinz F.* Die bischöfliche Stadtherrschaft... S. 9—10. О Сидонии как епископе см.: *Карсавин Л. П.* Магнаты конца Римской империи : (Быт и религия) // К 25-летию учебно-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса. СПб., 1911. С. 46—56.

<sup>11</sup> *Sidonius Apollinaris.* Epistolae. . . P. 114.

<sup>12</sup> *Prinz F.* 1) Die bischöfliche Stadtherrschaft. . . S. 14—15, 19—20; 2) Klerus und Krieg im früheren Mittelalter. Stuttgart, 1971. S. 42—43, 47—48.

<sup>13</sup> *Sprandel R.* Grundbesitz- und Verfassungsverhältnisse in einer merowingischer Landschaft // Festschrift Gerd Tellenbach : Adel und Kirche. Freiburg; Basel; Wien, 1968. S. 48, ср.: S. 40; *Kaiser R.* Bischofsherrschaft. . . S. 73.

<sup>14</sup> *Kaiser R.* Bischofsherrschaft. . . S. 66; *Prinz F.* Die bischöfliche Stadtherrschaft. . . S. 21—22; *Scheibelreiter G.* Der Bischof. . . S. 9—50; *Heinzelmann M.* 1) Bischofsherrschaft in Gallien. S. 211—232; 2) Aristocratie et les évêchés entre Loire et Rhin jusqu'à fin du VII<sup>e</sup> siècle // La Christianisation des pays entre Loire et Rhin. IV—VII<sup>e</sup> siècles : Actes du Colloque de Nanterre. (Rev. d'histoire de L'Eglise de France. T. 62. N 168). Paris, 1976. P. 75—90.

<sup>15</sup> *Heinzelmann M.* Aristocratie. . . P. 82; *Prinz F.* Die bischöfliche Stadtherrschaft. . . S. 25; *Wood J.* Ecclesiastical politics of Merovingian Clermont // Ideal and reality in Frankish and Anglo-Saxon society : Studies presented to J. M. Wallace-Hadrill. Oxford, 1983. P. 45, 48.

<sup>16</sup> *Sidonius Apollinaris.* Epistolae. . . P. 115: parentes ipsius aut cathedris aut tribunibus praesederunt. Ilustris in utraque conversatione prosapia aut episcopis floruit aut praefectis: ita semper huiusce maioribus aut humanum aut divinum dictare ius usui fuit.

<sup>17</sup> *Prinz F.* Die bischöfliche Stadtherrschaft. . . S. 28—29.

<sup>18</sup> *Gregorius Turonensis.* Historia Francorum, VI, 46 (далее HF) / Ed. W. Arndt, B. Krusch // MGH : Scriptorum rerum Merovingicarum. Hannoverae, 1885. T. 1, ps I. P. 286: Ecce pauper remansit fiscus noster, ecce divitiae nostrae ad ecclesias sunt translatae; nulli penitus nisi soli episcopi regnant; periet honor noster et traslatus est ad episcopos civitatum.

<sup>19</sup> См.: *Claude D.* Die Bestellung der Bischöfe. . . S. 18—60, S. 35; *Scheibelreiter G.* Der Bischof. . . S. 149—166.

<sup>20</sup> См.: *Sprandel R.* Grundbesitz- und Verfassungsverhältnisse. . . S. 30, 32—33, 43—44.

<sup>21</sup> См.: *Wood J.* Ecclesiastical politics of Merovingian Clermont. P. 40—42.

- <sup>22</sup> *Prinz F.* Die bischöfliche Stadtherrschaft. . . S. 12; *Claude D.* Die Bestellung der Bischöfe. . . S. 36—37.
- <sup>23</sup> См.: *Hannig J.* Consensus fidelium. S. 47.
- <sup>24</sup> *Claude D.* Die Bestellung der Bischöfe. . . S. 16—17.
- <sup>25</sup> Ibid. S. 20.
- <sup>26</sup> Ibid. S. 19.
- <sup>27</sup> Ibid. S. 25.
- <sup>28</sup> См.: *Wood J.* Ecclesiastical politics of Merovingian Clermont. . . P. 46 passim; *Claude D.* Die Bestellung der Bischöfe. . . S. 21—23, 53, cp.: S. 14—15.
- <sup>29</sup> Concilium Aurelianense a. 549. Cap. 17 // MGH : Concilia. T. 1: Concilia aevi Merovingici (далее Concilia 1). Hannoverae, 1894. P. 136—138.
- <sup>30</sup> Concilium Lugdunense a. 567 aut 570. Cap. 1 // Ibid. P. 139—140.
- <sup>31</sup> Concilium Matisconense a. 585. Cap. 9 // Ibid. P. 168.
- <sup>32</sup> *Hannig J.* Consensus fidelium. S. 48, 64—65; cp.: *Foviaux J.* De l'empire romain. . . P. 153.
- <sup>33</sup> Epistula episcoporum provinciae Turonensis ad plebem c. a. 567 // Concilia 1. P. 136—138.
- <sup>34</sup> См.: *Hannig J.* Consensus fidelium. S. 71.
- <sup>35</sup> HF, IX, 20. P. 378—379.
- <sup>36</sup> Concilium Aurelianense a. 511 // Concilia 1. P. 2.
- <sup>37</sup> Epistulae Austrasiacae / Ed. W. Gundlach. N 3. // MGH : Epistularum. Berolini, 1982. T. 3 (далее Epp. 3). P. 114.
- <sup>38</sup> *Venantii H. C.* Fortunati Carmina / Rec. F. Leo. Zib. II, 10 // MGH : Auctores antiquissimi. Berolini, 1881. T. 4, ps. 1. P. 40.
- <sup>39</sup> Childeberti I regis praeceptum // Capitularia 1. N 2. P. 2.
- <sup>40</sup> См.: *Hannig J.* Consensus fidelium. P. 61—62.
- <sup>41</sup> . . . ita ut, si ea quae nos statuimus etiam vestro recta esse iudicio conprobantur, tanti consensus regis ac domini maiori auctoritate servandam tantorum firment sententiam sacerdotum. (Concilium Aurelianense a. 511 P. 2).
- <sup>42</sup> *Claude D.* Die Bestellung der Bischöfe. . . S. 10.
- <sup>43</sup> Concilium Aurelianense a. 533. Cap. 2; Concilium Aurelianense a. 538. Cap. 1 // Concilia 1. P. 62, 73.
- <sup>44</sup> . . . neque debet terrena conditionis actio vel persona terrere, quos Christus spe crucis armavit (Concilium Turonense a. 567. Cap. 1 // Concilia 1. P. 122).
- <sup>45</sup> Concilium Aurelianense a. 549. Cap. 10. P. 103.
- <sup>46</sup> См.: *Claude D.* Die Bestellung der Bischöfe. . . S. 62.
- <sup>47</sup> Concilium Arvernense a. 535. Cap. 2 // Concilia 1. P. 66.
- <sup>48</sup> Concilium Parisense a. 556—573. Cap. 8 // Ibid. P. 141.
- <sup>49</sup> HF, IV, 26. P. 161—162.
- <sup>50</sup> *Pontal O.* Die Synoden im Merowingerreich. Paderborn, 1986. S. 123.
- <sup>51</sup> *Desideri ep.* Cadurcensis Epistolae / Ed. W. Arndt. Zib. II, 1 // Epp. 3. P. 212.
- <sup>52</sup> Cp.: *Pontal O.* Die Synoden im Merowingerreich. S. 229—230.
- <sup>53</sup> См.: *Bachrach B. S.* Merovingian military organization. 481—751. Mineapolis, 1972. P. 22—25, 38—41.
- <sup>54</sup> HF, V, 20. P. 217; VIII, 20. P. 338.
- <sup>55</sup> HF, VI, 24. P. 264. В рукописной традиции исторического сочинения Григория Турского написание aequitibus можно понимать и в том, и в другом смысле.
- <sup>56</sup> HF, IV, 47. P. 182.
- <sup>57</sup> Epistola synodi ad Egidium Remensem episcopum // Concilia 1. P. 147.
- <sup>58</sup> HF, IV, 47. P. 182.
- <sup>59</sup> HF, IX, 20. P. 375.
- <sup>60</sup> См.: *Hannig J.* Consensus fidelium. S. 125, 128.
- <sup>61</sup> Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici. Lib. IV / Ed. B. Krusch // MGH : Scriptores rerum Merovingicarum. Hannoverae, 1888. T. 2 : tam episcopi quam ceteri leudis (cap. 41, p. 141); cum universis pontificibus Burgundiae et Burgundae-efaronis (cap. 44, p. 143); a pontificibus vel sapientissimis viris proceres (cap. 55, p. 148); omnes pontefecis et leudis de regnum Burgundiae. . . et Neustraiae pontefecis et proceres plurima pars (cap. 56, p. 148—149); cum consilio pontefecum seo et procerum (cap. 75, p. 158); omnes primati, pontefecis citirique leudis (cap. 76, p. 159); omnes seniores, pontefecis, ducebus et primates (cap. 89, p. 165).
- <sup>62</sup> HF, VI, 1. P. 245.

- <sup>63</sup> Concilium Lugdunense a. 583 // Concilia I. P. 153—155.
- <sup>64</sup> Concilium Matisconense a. 583 // Ibid. P. 155, 160—161.
- <sup>65</sup> Ср.: Concilium Lugdunense. Cap. 2. P. 154; Concilium Matisconense a. 583. Cap. 16. P. 159.
- <sup>66</sup> Concilium Matisconense a. 583. Cap. 7—8. P. 157; Cap. 18—19. P. 159—160.
- <sup>67</sup> Ibid. P. 155.
- <sup>68</sup> О войне Хильперика в союзе с Хильдебертом против Гунтрамна в 583 г. см.: HF, VI, 31. P. 269—272.
- <sup>69</sup> Guntchramni regis edictum // Capitularia I. N 5. P. 12: quia in sancta synodo Matisconensi haec omnia, sicut nostris, studuimus definire.
- <sup>70</sup> Ibid.
- <sup>71</sup> Epistula Viventioli episcopi Lugdunensis // Concilia I. P. 18.
- <sup>72</sup> Concilium Arausicanum a. 529 // Ibid. P. 46—54
- <sup>73</sup> HF, VIII, 20. P. 338.
- <sup>74</sup> Ibid. P. 338—339.
- <sup>75</sup> Concilium Matisconense a. 585 // Concilia I. P. 164sqq.
- <sup>76</sup> Ibid. P. 167—168.
- <sup>77</sup> Ibid. P. 168—169.
- <sup>78</sup> Ibid.
- <sup>79</sup> Ibid. P. 170.
- <sup>80</sup> Voigt K. Staat und Kirche von Konstantin dem Grossen bis zum Ende der Karolingerzeit. Stuttgart, 1936. S. 151, 270—271.
- <sup>81</sup> ...attamen reliquorum peccatis vos omnino credimus asse participes, si filiorum vestrorum culpas non assidua obiurgatione corrigitis des silentio praetertis (Guntchramni regis edictum. P. 11).
- <sup>82</sup> Ewig. E. Zum christlichen Königsgedanken im Frühmittelalter // Das Königtum: Seine geistigen und rechtlichen Grundlagen. Mainvorträge 1954. Sigmaringen, 1973. S. 20.
- <sup>83</sup> Ср.: Foviaux J. De l'empire romain à la féodalité. P. 162, 166—167.
- <sup>84</sup> Guntchramni regis edictum P. 12.
- <sup>85</sup> HF, IX, 21. P. 441; см. перевод и примеч. В. Д. Савуковой: Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 262—263; 421, примеч. 95.
- <sup>86</sup> S. Isidori Hispalensis ep. Sententiarum libri tres. Lib. III, cap. 51, 3 // Migne. Patrologia latina. T. 83, col. 723.
- <sup>87</sup> Ibid. Cap. 51, 4.
- <sup>88</sup> Concilium Maconense a. 585. Cap. 20. P. 171—172.
- <sup>89</sup> HF, IX, 10. P. 378—379.

## ГЕНУЭЗСКИЙ ВАРИАНТ ИТАЛЬЯНСКОЙ СИНЬОРИИ

В XIV—XV вв. происходит превращение итальянских коммун в синьории, управляемые отдельными тиранами или целым правящим родом. Начало этого процесса отмечено уже в XIII в.,<sup>1</sup> а завершение — в начале XVI в.<sup>2</sup> В новейшей западной историографии причиной этой трансформации считается феодализация экономики и политической системы, причем отмечается тезис о наличии классово-вой борьбы в коммунах как одного из факторов образования синьории. Такой точки зрения придерживается, например, Ф. Джонс. Другие западные историки (Дж. Киттолини, Дж. Галассо) дают более реалистические объяснения истоков и развития синьории, признавая роль социально-политической борьбы в итальянских городах-коммунах.<sup>3</sup> В советской исторической литературе проблема синьории разрабатывается довольно широко,<sup>4</sup> а в одном из исследований дается достаточно подробная история и убедительная характеристика сущности всего процесса создания синьории в различных регионах Италии.<sup>5</sup> В работах советских историков показаны причины возникновения синьории и прежде всего обострение классово-вой борьбы и кризис всей политической системы итальянских коммун, закономерно приведшие к региональной децентрализации.<sup>6</sup> Синьория — это специфически итальянская форма политического правления. Несмотря на присущий всем ее разновидностям в целом общий характер, в разных регионах Италии она приобретает различные виды и оттенки: д'Эсте в Ферраре, Малатеста в Римини, делла Скала в Вероне, Гонзага в Мантуе, Монтефельтро в Урбино, Кастраккани в Лукке, Пеполи в Болонье, Медичи во Флоренции.<sup>7</sup> Многоцветие этих вариантов, как в калейдоскопе, делает еще более яркой общую картину такой своеобразной политической системы, как синьория.

Одним из наиболее оригинальных и многоплановых проявлений итальянской синьории представляется ее генуэзский вариант.

Расцвет Генуи начинается с конца XIII в. Этот крупнейший после Венеции портовый центр Северной Италии включается в общеевропейскую политику: в 1261 г. с помощью Генуи восстанавливается Византийская империя. Республика св. Георгия теперь, естественно, получает монопольное положение в торговле с Византией, ведет через Босфор торговлю с землями южной Руси. С начала XIV в. Генуя начинает осваивать такие острова Эгейского моря, как

Лесбос и Хиос и другие, а в Западном Средиземноморье устанавливает прочные торговые связи с Северной Африкой, Южной Францией и Испанией. К середине XIV в. она укрепляется на Кипре и захватывает побережье Крыма, где главным политическим и хозяйственным центром становится Солдайя.

Все это происходило на фоне крайней неустойчивости политической жизни республики св. Георгия, что объясняется разнородным составом генуэзского патрициата и относительно большой ролью пополанов, а также вмешательством в дела Генуи разных европейских государств.<sup>8</sup> Такая сложная и своеобразная обстановка была причиной неоднократного появления в Генуе разных форм и типов синьории, как правило, недолговременных.

Так, в 1257 г. пополаны одержали победу над феодалами под руководством народного капитана Гульельмо Бокканегры. Он фактически возглавил республику св. Георгия и усиленно покровительствовал мореплаванию, торговле и ремеслу. Именно в его бытность фактическим синьором столицы Лигурии произошло заключение Нимфейского договора с восстановленной Византийской империей, принесшего Генуе монополию на торговле в восточной части Средиземноморья и на всем Черном море.<sup>9</sup> Несмотря на эти успехи, пополанская синьория Бокканегры, просуществовавшая почти пять лет, не смогла устоять под натиском генуэзской знати, возглавляемой родом Гримальди, и Бокканегра должен был удалиться из города.<sup>10</sup> И все же первая генуэзская синьория показала свою относительную силу: единоличное правление Бокканегры способствовало значительным достижениям в области экономики и внешней политики, а также усилению позиций пополанства и ослаблению нобильской олигархии.

Внутренние раздоры среди знатных родов привели к попытке установления правления Карла Анжуйского. Это вызвало новый пополанский переворот 1270 г., в результате которого к власти пришли два народных капитана (*caritano di popolo*) и формально подчиненный им народный абат (*abate di popolo*). Такое разделение власти характеризует социальные противоречия Генуи: переменный успех феодальных и пополанских сил, нередко заканчивавшийся компромиссами. Оба народных капитана были представителями знатных семейств, в то время как народный абат был выразителем интересов пополанства. Даже при такой противоречивой политической структуре республика св. Георгия побеждала на внешних фронтах, нанося удары своим соперницам — Пизе и Венеции.

В начале XIV в. должность народного абата ликвидируется, усиливается влияние знати, против чего протестуют пополаны, претендующие на половину мест в правительственных органах. В кругах самой знати нет единства, что приводит к резкому обострению политической борьбы и вооруженным схваткам одного рода с другим. Все это ослабляет республику и грозит ей потерей независимости.

В этой обстановке происходит новое выступление пополанов, требующих восстановления должности народного абата. В сентябре 1339 г. народ окружает правительственный дворец и добивается

через образованную им комиссию 20-ти избрания народным абатом Симоне Бокканегры, правнука первого синьора Генуи Гульельмо Бокканегры. Народ приветствует провозглашение его абатом, но Симоне отказывается от этой должности, заявляя, что она недостойна его знатного рода. Тогда народ провозглашает его синьором и дожем (*signor e doze*), что торжественно подтверждается на многолюдном собрании в кафедральном соборе Сан-Лоренцо. Там же в помощь ему избирается совет 15-ти пополанов.

Вторая генуэзская синьория подтвердила обычный ход событий при создании этой формы политического режима — попытку основания династического правления одного господствующего рода — в данном случае — Бокканегра. Симоне был объявлен пополанами пожизненным синьором, а знать формально лишена политических прав, некоторые члены знатных семей Дория и Спинола были отправлены в ссылку. Однако политические интриги знати, владевшей не только большими земельными территориями за стенами города, но и имевшей обширные связи с Миланом и Францией, привели к подрыву власти синьора; через 5 лет после его избрания на пожизненный пост знать добилась новых выборов и отказа Симоне от власти, хотя еще через десять лет он вторично был избран синьором и дожем. Такие политические скачки и относительно недолговременные, пульсирующие правления были характерной чертой ранних генуэзских синьорий.<sup>11</sup>

В борьбе сторон за установление синьории значительную роль играл основанный в 1407 г. банк св. Георгия (*Ufficio o Casa di San Giorgio*), который был основной экономической базой республики, ее богатейших семейств, государством в государстве, залогом ее внешних морских успехов и фактическим участником многих перипетий ее бурной внутривластной жизни.<sup>12</sup>

В конце XIV—XV в. можно отметить несколько случаев провозглашения недолговременной синьории, не считая таких владельцев республики, как французский король, принявший в 1396 г. титул синьора Генуи, а его представитель — звание защитника коммуны и народа. В 1401 г. эта последняя полуреспубликанская должность сменилась открытым военным правлением французского маршала Бусико, длившимся восемь лет. С 1421 г. Генуя была подчинена Миланскому герцогу и находилась под властью этого чужеземного синьора 15 лет. В эти бурные и тяжелые времена были попытки создания отечественной синьории: в 1415 г. дожем Генуи стал Томмазо Фрегозо, видный представитель знатного рода. Он правил и вел себя, как настоящий монарх: устраивал пышные приемы и празднества, но также проводил мероприятия по снижению налогов, усовершенствовал арсенал и порт, умело отстоял Корсику. Однако под напором других знатных семейств и внешних врагов после семилетнего правления Фрегозо вынужден был сдать свои позиции могущественному Миланскому герцогу.<sup>13</sup>

В XVI в. внешняя и внутренняя обстановка в Генуе еще более осложнилась, что нашло отражение в весьма своеобразных формах синьории. Одной из характерных для Генуи особенностей было

иноземное вмешательство в ход образования синьориальных политических структур.

Если в более ранние периоды Генуя была относительно независимой, то затем стала ощущать на себе силу империи, Милана и Франции. В XVI в. она оказалась втянутой в чужеземные политические и военные интриги. Так, в 1523 г. Генуэзская республика была вынуждена вступить в антифранцузскую лигу, хотя многим семьям Генуи, имевшим деловые связи с Францией, это было невыгодно. К тому же Испания стремилась захватить Прованс, что не отвечало генуэзским экономическим интересам. В свою очередь Франция захватила Милан и Савону, а в 1527 г. и Геную и ликвидировала власть «вечного догата». В этих событиях немаловажная роль принадлежала Андреа Дориа, сухопутному и морскому кондотьеру: он помог французам овладеть Савоной, а затем и Генуей. Роль командующего флотом ему представлялась недостаточной, и за спиной Франции он вступил в переговоры с Испанией: формально речь шла о новой морской кондотте, а фактически Дориа, считавший себя хозяином Генуи, шел на подписание договора с императором Карлом V, который рассматривал республику св. Георгия как важный стратегический и финансовый центр.<sup>14</sup> Это был договор между двумя государствами, Испанией и Генуей, причем со стороны республики его вел и подписывал не официальный ее представитель, а частное лицо, действовавшее как полноправный синьор. Возможно, это было санкционировано олигархическими кругами Генуи, так как после реализации договора Андреа Дориа было присвоено почетное звание освободителя и отца отечества (*Liberatore e Padre della Patria*) и преподнесен в дар небольшой эlegantный дворец в центре городе — Сан-Маттео (*Casa di San Matteo*).<sup>15</sup> Установление синьории Дориа было проведено по всем правилам политической демагогии. 9 сентября 1528 г. Дориа прибыл в Геную и окруженный «народом» провозглашал: «Да здравствует св. Георгий и свобода!» (*San Giorgio e libertà*). Выступление горожан, очевидно подготовленное кругами проимперской олигархии, не получило противодействия французов. Они ограничились нападением на загородное поместье Дориа — виллу Фассоло, тем самым подтверждая, что именно он был главной пружиной переворота. Подобно Козимо Медичи, Дориа вначале был частным лицом (*cittadino privato*), однако без его согласия не решался ни один серьезный вопрос республики св. Георгия. В отличие от Медичи Дориа впоследствии получил государственный пост: республиканская структура служила хорошим прикрытием синьориальной власти. Главным органом республики считался Большой совет (*Il Maggior consiglio*), в который входило 400 членов. Кандидатуры в этот совет извлекались по жребию из списка «Книги города» (*Liber Civitatis*), в которую по конституции 1528 г. было внесено всего 28 домов (*alberghi*), выделявшихся своей родовитостью и богатством, как из дворян, так и из пополанов. Прочие дома, не внесенные в эти списки (*non iscritti*), лишались политических прав. Этот социальный слой — 28 домов — и являлся базой синьории Дориа, ориентированной на проимперские политические и экономические

интересы.<sup>16</sup> Законодательный орган республики — Малый совет (Il consiglio Minore) включал 100 человек, избравшихся по жребию из состава Большого совета. Исполнительной властью являлась Синьория, состоявшая из 16 человек во главе с дожем, обычно выполнявшим главным образом торжественно-декоративные функции представительства. Над всей этой пирамидой официального управления была установлена фактическая власть — пять высших синдикаторов (supremi sindicatori), которыми руководил вечный приор синдикаторов (priore perpetuo dei sindicatori) — Андреа Дориа. Эта пятерка синдикаторов во главе со своим вечным приором контролировала всю жизнь государства, направляя и проверяя деятельность всех его инстанций.<sup>17</sup>

Синьория Дориа, опиравшаяся на ограниченные олигархические слои, укрепившиеся в результате введения аристократической конституции 1528 г., была связана с феодально-абсолютистской империей. Франция более чем на 10 лет прервала с Генуей торговые и финансовые отношения и способствовала политическим интригам оппозиционных кругов, на этом этапе развития Генуе экономически была выгодна проимперская политика. Донато Джанотти считал, что «генуэзцам было определено полезно идти по пути усиления власти синьора, Андреа Дориа, и из приверженцев Франции превратиться в сторонников империи для восстановления своей свободы».<sup>18</sup>

Таким образом, синьория Дориа была не только результатом обычной политической авантюры, но и объективно экономически оправданной акцией на определенном этапе истории Генуи, т. е. политической формой правления, относительно прогрессивной в условиях хронической нестабильности и постоянных внутрисоциальных и межгосударственных конфликтов, несколько ослабляющей своеволие олигархии в республике.

В области внешнеполитической синьория Дориа способствовала относительному усилению государства, так как император гарантировал Генуе свободу от посягательств Франции и других возможных претендентов и суверенитет на всей территории республики, включая и Савону, которую Франция считала своим портовым центром и рассматривала в качестве противовеса и соперницы морской и торговой Генуи. Для подрыва французских позиций на Тирренском море в декабре 1528 г. генуэзские власти решили разрушить стены и укрепления Савоны, а через несколько лет возвели возле нее новую могучую крепость — Приамар, орудия которой держали под прицелом Савону.<sup>19</sup>

В экономической области синьории удалось значительно расширить торговые связи на всей территории империи, где генуэзцы получили свободу торговли на правах подданных императора.

В области социально-политической синьория привела к ослаблению влияния господствующей прослойки и как результат к ограничению политических прав значительной части нобилей. По сравнению с предшествующим XV в. количество знатных домов, получивших политические права, значительно сократилось.<sup>20</sup> Это сдерживало

феодалную вольницу в государстве, хотя и не могло окончательно пресечь антиправительственные выступления 30—50-х гг. XVI в.

Относительному сплочению олигархической республики способствовал установленный синьорией Дориа порядок, при котором политические права получали, как уже было сказано, не только нобильские, но и пополанские семьи, что объясняется социальным и имущественным сближением этих двух прослоек: потомственная аристократия владела поместьями и не отказывалась от торговых и финансовых операций, а богатое пополанство, подражая знати, заводило виллы для отдыха и развлечений вне городских стен.<sup>21</sup> Политическое значение рода Дориа не закончилось и после смерти «отца отечества» в 1560 г., сделавшего своих потомков наследниками своей славы.<sup>22</sup> Таковы были наиболее характерные черты третьей генуэзской синьории.

В 1574 г. в Генуе начались народные волнения, был разоружен один из отрядов рода Дориа, призванных им из своих загородных владений. Вожаки богатых пополанов решили воспользоваться ситуацией, вступив в переговоры с народом. Среди четырех вожаков было трое пополанов и один нобиль по имени Бартоломео Коронато. Как сообщает современник, он пользовался симпатиями народа как «мудрый советчик, скорый и на язык, и на руку».<sup>23</sup> Когда в сенате в марте 1575 г. решалась судьба новых нобилей, стремившихся получить политические права, он подготовил двух представителей пополанов, которые заявили сенату, что народ ничего не требует, кроме предоставления политических прав новым нобилям.<sup>24</sup>

Подобно флорентийскому демагогу Сальвестро Медичи Коронато, используя силу вооруженного народа и его наивность, рассчитывал нанести удар своим политическим противникам — знатым нобилям, отобрав у них монополию на власть. Толпа вооруженных горожан, окружившая сенат, надеялась, что делегация во главе с Коронато добьется радикальных решений. Однако сенат принял более умеренные требования делегации, ограничившись предоставлением политических прав новым нобилям. Это было результатом сговора Коронато с верхушкой пополанов, которые также рассчитывали на включение их в списки полноправных граждан: он делал все, чтобы «завоевать расположение главных среди пополанов».<sup>25</sup> Их сила была ему нужна для реализации своих политических планов. Коронато знал, что сенат находится под прицелом пушек одного из народных капитанов, и для проведения своего политического плана ему было не обойтись одной живостью речи, требовалась и незаурядная смелость. Достаточно хитрости и умения необходимо было проявить и для того, чтобы войти в контакт с пополанами, практически возглавить их политическую организацию и в то же время вести интриги с новыми нобилями — нуворишами. В марте 1575 г. ему удалось добиться их победы, что было весьма непростым делом в сложной обстановке социальных противоречий. С этого времени Коронато возглавил правление республики: правительство было создано из его ставленников. Личное обаяние способствовало его популярности, он был кумиром пополанских кругов. Используя об-

становку, Коронато умело удалял недовольных и послушников, объявлял их предателями, ссылаясь на интересы народа. Подобно флорентийским Медичи Коронато управлял делами из своего дома, где он собирал правительственные коллегии,<sup>26</sup> решая вопросы без многих политических инстанций. Коронато был яростным противником и знатных нобилей, и низов народа, и после подавления восстания 1575 г. пошел на союз с сенатором Томмазо Карбоне, выходцем из пополанов и таким же врагом знати и низов. Карбоне, по словам современника, «искал способ установить пополанское государство, в котором крупнейшие нобили обеих партий были бы исключены из политической жизни. В этих планах с ним заодно был и Бартоломео Коронато, близкий к нему и по своим убеждениям, и по своим поступкам».<sup>27</sup>

Здесь уместно обратиться и к вопросу о личных качествах синьоров: кроме их политических устремлений, определить, какими объективными данными они обладали для осуществления своих планов в конкретной исторической обстановке. Осуждения некоторых их действий, расхожие обвинения в хитрости, коварстве, изворотливости и жестокости зачастую не лишены оснований, но обращены скорее к области нравоучительной морали, чем к реальным, объективно сложившимся условиям политического развития. Среди множества политических авантюристов той эпохи, претендовавших на роль лидеров, только некоторые были способны осуществить свои планы и провести их в жизнь более или менее последовательно и результативно. У этих преуспевших лидеров были не только пороки, но и необходимые синьору положительные качества: ум, смелость, политический такт, понимание обстановки, организаторские таланты, наконец, они обладали ораторским искусством. Такие объективно положительные качества являлись решающими в становлении и укреплении синьориального режима в итальянских государствах вообще и в Генуе в частности. В противном случае получается парадокс: историками объявляется прогрессивность синьории как государства эпохи Возрождения при сплошь отрицательных чертах характера его носителей и организаторов. Соотношение положительных и отрицательных качеств синьора должно рассматриваться всякий раз применительно к конкретной ситуации.<sup>28</sup>

Ранние синьории Генуи, возглавляемые обоими Бокканегра, принципат Дориа, синьория Коронато показывают, что их вдохновители и организаторы были носителями качеств, необходимых государственным деятелям своей эпохи, способствовавших реализации их целей. Такие качества проявлялись в периоды серьезных социальных конфликтов в середине XIII в., 40-х гг. XIV в. и 70-х гг. XVI в.

В этот последний период Генуя переживала острую социальную борьбу, которая выливалась в борьбу между старыми и новыми нобилиями, между нобилиями и пополанством, внутри пополанской прослойки, особенно между народными низами и пополанскими богачами. Показательно, что народные низы, обращавшиеся к новым нобилиям, использовались последними в борьбе со знатью. В конце 1574 г. восставший народ захватил склады с оружием, начал разору-

жать отряды подчиненных знатным нобилиям крестьян и горцев. Знатные нобили бежали из Генуи, захватив с собой и домочадцев, и имущество. Это грозило выступлением Испании против Генуи в защиту связанной с ней знати. В мае 1575 г. возглавлявший народное восстание комитет планировал совместить военные действия с ведением переговоров. Немалую роль при этом играли конституционные иллюзии членов комитета, что и явилось одной из причин поражения восстания. Пополанство не могло проявить единства, так как в социальном отношении оно распадалось на три разные прослойки: богатую верхушку, цеховых ремесленников и низы. Верхушка, возглавляемая Коронато, добивалась приравнения ее к политически полноправным нобилиям, ремесленники хотели установления власти пополанов, низы — равенства с другими гражданами республики. Новые нобили выдвигали программу равных политических прав обеим частям нобилитета — феодальной знати и обуржуазившейся прослойке нуворишей. Старые нобили соглашались на равенство представителям обеих группировок в правительственных инстанциях, несмотря на значительное количественное преобладание в городе семей новых нобилей. В целом это укрепило политическую роль пополанов.

Знатные нобили не могли с этим примириться и, как уже отмечено, оставили свои государственные посты и отправились в портовый город Финале, ставший как был резиденцией второго — нобильского генуэзского правительства. Их поддержала Испания, хитроумно начав военные действия против Генуи под флагом генерального капитана Генуэзской республики, затем испанский флот направился к порту Финале. Новые нобили, ставшие во главе Генуи, объявили приблизившейся к генуэзскому порту испанской армаде, что они, оберегая свободу города-государства, не допустят ее захода в бухту. Нападение испанцев на Портофине близ Генуи было отбито, но несколько небольших лигурийских городов были ими захвачены, хотя под угрозой финансового краха Испания вынуждена была прекратить военные действия. Политическим результатом всех этих событий была выработка новой конституции 1576 г. в Казале. В политической структуре республики наряду со старыми знатными нобильскими родами значительную роль стали играть новые нобили пополанского происхождения. Государственная власть получила относительно широкую социальную основу, что вовсе не означало истинной демократизации управления. Синьория Дориа, а затем и синьория Коронато в значительной мере ослабили олигархическую социальную базу Генуэзской республики и привели к росту государственного бюрократического аппарата. Эти сдвиги являлись показателем эволюции итальянских региональных политических образований от политического режима пульсирующих синьорий к государствам нового типа. По своему социально-экономическому характеру синьории способствовали усилению пополанских кругов и расширению торгово-промышленной деятельности, поэтому Генуя не пришла к феодальной реакции и не стала подобно Флоренции региональной

монархией. В этом немалую роль сыграл генуэзский вариант синьории.

<sup>1</sup> *Бернадская Е. В.* Классовые основы ранней итальянской синьории // Учен. зап. Смоленского гос. пед. ин-та. 1953.

<sup>2</sup> *Ролова А. Д.* Социально-политическая борьба во Флоренции в 1527—1537 гг. и зарождение абсолютизма Медичи: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1953.

<sup>3</sup> См.: *Ролова А. Д.* Современная зарубежная историография об итальянской синьории // Культура эпохи Возрождения. Л., 1986.

<sup>4</sup> *Гуковский М. А.* Итальянское Возрождение. Л., 1947. Т. 1; *Стоклицкая-Терешкович В. В.* Проблема тирании в средневековых городах Италии // Вопр. истории. 1953. № 9; *Сказкин С. Д.* Проблема абсолютизма в Западной Европе: (Время и условия его возникновения) // Из истории средневековой Европы. М., 1957; *Ролова А. Д.* Современная зарубежная историография. . . ; *Рутенбург В. И.* Теория и практика итальянского абсолютизма // Европа в средние века. М., 1971; *Чернецкая Т. С.* 1) Начальный этап установления синьории в Вероне // Вестн. ЛГУ. 1982. Вып. 4; 2) Социальная сущность ранней итальянской синьории (Верона XIII—начала XIV в.): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1983; *Котельникова Л. А.* Итальянская синьория в XIV—XV вв.: (Условия и предпосылки возникновения) // Средние века. 1987. Вып. 50.

<sup>5</sup> *Бернадская Е. В.* Политический строй итальянских государств: Синьория и принципаты // История Италии. М., 1970. Т. 1. С. 295—346 (ит. изд.: *Storia d'Italia*. Milano, 1979. Vol. 1. P. 287—339).

<sup>6</sup> Там же; *Rutenburg V.* La crisi dell'ordinamento comunale e i moti cittadini // *Storia della società italiana*. Milano, 1982. Vol. 7. P. 361—391.

<sup>7</sup> *Рутенбург В. И.* Италия и Европа накануне Нового времени: (Очерки). Л., 1974. С. 105—107.

<sup>8</sup> *Бернадская Е. В.* Политический строй итальянских государств. С. 330—331.

<sup>9</sup> *Медведев И. П.* Договор Византии и Генуи от 6 мая 1352 г. // Византийский временник. 1977. Т. 38. С. 161—172.

<sup>10</sup> *Гуковский М. А.* Итальянское Возрождение. Т. 1. С. 63.

<sup>11</sup> Там же. С. 195—197; *Luigi P., Levati M.* Dogi perpetui di Genova (1339—1528). Genova, 1938; *De Negri T. O.* Storia di Genova. Milano, 1968. P. 501—555.

<sup>12</sup> *Гуковский М. А.* Итальянское Возрождение. Л., 1961. Т. 2. С. 125—126; *Grosso O.* Il palazzo San Giorgio. Genova, 1968. P. 5—11; *Terminiello G. R.* Palazzo San Giorgio. Genova, 1977. P. 3—5.

<sup>13</sup> *Гуковский М. А.* Итальянское Возрождение. Т. 2. С. 127.

<sup>14</sup> *Oreste G.* Genova e Andrea Doria nella fase critica del conflitto franco-absburgico // Atti della Società ligure di Storia Patria. 1950. Vol. 72. P. 17—23.

<sup>15</sup> *Luzzati I.* Andrea Doria. Milano, 1943. P. 16—21.

<sup>16</sup> *Grendi E.* Le conventicole nobiliari a Genova e la riforma del 1528 // Riv. Stor. Ital. 1966. Vol. 78. P. 27—34.

<sup>17</sup> *Forcheri G.* Doge, governatori, procuratori, consigli e magistrati della Repubblica di Genova. Genova, 1968. P. 40—72.

<sup>18</sup> *Gianotti D.* Discorso delle cose d'Italia: Opere politiche e letterarie. Firenze, 1850. Vol. 1. P. 333

<sup>19</sup> *Grillo F.* Origine storica delle località e antichi cognomi della Repubblica di Genova. Genova, 1960. P. 137—140.

<sup>20</sup> *Heers J.* Genes au XV-e siècle. Paris, 1961. P. 564.

<sup>21</sup> *De Negri T. O.* Storia di Genova. P. 673—679.

<sup>22</sup> *Nicora M.* La nobiltà genovese dal 1528 al 1700 // Miscellanea Ligure. 1961. Vol. 2. P. 51—60.

<sup>23</sup> *Casoni F.* Annali della repubblica di Genova del secolo decimo sesto. Genova, 1708. P. 319.

<sup>24</sup> *Ibid.* P. 321.

<sup>25</sup> *Ibid.* P. 322.

<sup>26</sup> *Ibid.* P. 331.

<sup>27</sup> *Ibid.* P. 324.

<sup>28</sup> *Рутенбург В. И.* Италия и Европа. . . С. 107—117.

Л. Г. КЛИМАНОВ

## COR NOSTRI STATUS: ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО КАНЦЕЛЯРИИ В ВЕНЕЦИАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Начиная с XV в. к опыту венецианской государственности обращались в поисках удовлетворительного ответа на вопросы, каким следует быть образцовому государственному устройству, в чем секрет политической устойчивости государства, каковы причины столь длительного сохранения рано обретенных и исторически себя оправдавших конституционных форм. Основу этого в разное время усматривали то в разумно соблюдаемом равновесии трех конституционных начал (демократического, аристократического и монархического), то в политической мудрости правящего сословия, то в его экономическом гении.

Внимательный взгляд обнаруживает в такой политической устойчивости и конституционном континуитете нечто общее: умение управлять, искусство управления.<sup>1</sup> Одним из характерно венецианских творений этого искусства была канцелярия дожеского дворца, которой венецианцы с первых веков своей политической истории придавали особое значение как учреждению государственному и не жалели сил для деятельного осуществления канцелярией ее роли. В силу рано оформившихся особенностей конституционного устройства венецианского государства, при котором были невозможны ни личная власть, ни личная политика, ни личная дипломатия, канцелярия сделалась обязательной и необходимой частью государственного механизма, и в этом делопроизводственном узле оформлялись все, вплоть до самых сокровенных, дела государства, что делало канцелярию средоточием государственных тайн и предъявляло особый счет к работавшим в ней. Обдуманное, разумно регламентируемое, налаженно действующее делопроизводство канцелярии обеспечивало все необходимые потребности механизма власти, который в значительной мере благодаря этому работал в Венеции на редкость устойчиво. Все записывалось, вносилось в регистры и следовало далее по назначению. Именно в Венеции канцелярия рассматривалась как «сердце государства»<sup>2</sup> и сложился особый «этос государственной службы».<sup>3</sup>

Научный интерес к истории канцелярий вызвал к жизни немало работ о канцеляриях пап, императоров, королей, ряда итальянских государств.<sup>4</sup> Канцеляриям были посвящены два международных

конгресса по дипломатике, на которых особо отмечалось, что канцелярия является фактом культуры в широком смысле слова,<sup>5</sup> а также указывалось на важность анализа деятельности канцелярий для изучения разных сторон исторического процесса.<sup>6</sup> Не ускользнуло от внимания историков и значение лояльности осведомленных государственных служащих для надежной работы институтов власти.<sup>7</sup> Однако по отношению к истории канцелярии дожеского дворца этот интерес едва проявился.<sup>8</sup> Описательные или регистрационные работы, не шедшие дальше представлений поздней венецианской историографии,<sup>9</sup> дают застывшую картину состояния канцелярии XVII—XVIII вв. и не позволяют составить удовлетворительное представление о ее развитии в обозримые исторические времена.<sup>10</sup> Крупицы сведений разбросаны в немногочисленных работах по венецианской дипломатике,<sup>11</sup> отдельные проницательные замечания нередки в современной литературе.<sup>12</sup> Однако в обширной библиографии Венеции образовалась заметная историографическая лакуна: канцелярии специально посвящена лишь одна работа.<sup>13</sup> Ее автор, Джузеппе Треббичи, избрал для исследования определенный период истории канцелярии.<sup>14</sup> Исходя из представления, что «медленное и эмпирическое формирование канцелярии в ходе повседневной административной практики» подверглось государственному регулированию и упорядочению во второй половине XV в., он относит приобретение структурой и иерархией канцелярии правильного устройства к рубежу XV—XVI вв.<sup>15</sup> Это законченное, зрелое состояние канцелярии итальянский историк и подверг изучению, сосредоточившись преимущественно на социальном происхождении ее служащих и некоторых их функциях. При этом оставлены в стороне не только структура канцелярии как учреждения и ее деловой обиход, но и значительный и важный период истории канцелярии, подготовивший ее зрелость: от протоканцелярии IX в. до сложившегося во второй четверти XV в. учреждения, а также развитие деловой техники канцелярии, отразившее своеобразие венецианской политической жизни. Между тем современная историография до настоящего времени не обращалась ни к одному из этих вопросов.

Историографическая ситуация, которая создалась применительно к венецианской канцелярии, несомненно не соответствует ни той важной роли, которую вообще играют в устроенных государствах канцелярии, ни тому значению, которое придавалось канцелярии в венецианском государстве. В силу этого представляется, что выявление и описание пути, пройденного любимым детищем этого государства, в его основных взаимосвязях и опосредованиях может послужить на пользу своевременному и нужному делу заполнения образовавшейся лакуны.

Исторический путь, проделанный за тысячелетнюю историю венецианского государства его канцелярией, достаточно четко видится состоящим из пяти периодов, каждый со своими временными границами и выделяющимися его особенностями.

**1-й период (IX в.—60—70-е гг. XII в.).** IX век — время создания городских институтов в Венеции, оформление ее государственности.<sup>16</sup>

Уже существует самостоятельная центральная власть, строится дворец дождей. Отсюда эта власть затем осуществлялась без малого тысячелетие. Политические институты Венеции развиты слабо, а сам город-государство в течение IX—X вв. пребывает в определенной, быстро слабеющей политической зависимости от Византии в силу франко-византийского договора 814 г.<sup>17</sup> Н. П. Соколов назвал такое положение «отношением своеобразного пиегета Венеции и Византии».<sup>18</sup> Но уже в конце 30-х гг. IX в. Венеция, не замедлив воспользоваться внутренними трудностями Византии, не только переменяет название «провинция» на «дукат», объявив таким образом об отказе от пиегета, но и добивается признания этой перемены со стороны империи,<sup>19</sup> которая «отказалась от попыток распространить свою верховную юрисдикцию на *ducatus Venetiarum*».<sup>20</sup> Венеция начинает вести самостоятельную политику на Адриатике, чему не смогли воспрепятствовать два проигранных арабам морских сражения 839 и 841 гг.<sup>21</sup> К этому времени относится начало чеканки первых анонимных монет с надписью «*Christe salva Venecias*», показывающей осознание независимости.<sup>22</sup>

В течение этого периода происходит ряд важных изменений в экономической, социальной и политической жизни Венеции. В IX в. начинается усиление позиций торгово-промышленных групп, связанное с ростом торговли, главным образом посреднической, и ремесленного производства на островах лагуны.<sup>23</sup> «Венецианцы, — читаем в «Деяниях Карла Великого», — привезли из-за моря все богатства Востока». В X в. средоточием экономической жизни становится Риальто, туда же переносится и центр политической жизни дуката.<sup>24</sup> В 978 г. была предпринята первая налоговая перепись населения города.<sup>25</sup> В историографической оценке этого периода нет существенных расхождений. Н. П. Соколов полагал, что «в IX—X вв. на территории дуката складывается устойчивый государственный порядок. . . венецианская аристократия выступает единым фронтом при защите своих интересов как в вопросах внутренней, так и внешней политики».<sup>26</sup> Дж. Маранини, автор классического и признаваемого образцовым исследования венецианской конституции,<sup>27</sup> дал свою формулировку этого вывода: «В Венеции концепция суверенности и единства государства складывалась в IX—X вв. . . по отношению и к иностранным государствам, и к жителям города и дуката», отметив, что подобное в тот период еще не было присуще другим итальянским коммунам.<sup>28</sup>

На рубеже X—XI вв. экономическая жизнь в Венеции достигла высокого для тогдашней Европы уровня. Маркс отметил, что в XI в. Венеция становится деятельной посредницей в морской торговле между арабами Африки, Испании, Сицилии и германцами, лангобардами, славянами, греками.<sup>29</sup> Начинаясь оформляться в сословие правящая группа вывела молодое государство на путь активной экспансионистской политики, впервые проявившейся в походах в Далмацию дожа Пьетро Орсеоло II и присоединении вслед за этим к дожескому титулу слов «дож далматинцев».<sup>30</sup>

К началу XI в. относятся достоверные сведения о работе по урбанистической унификации города, хотя отдельные сведения об этом, спорадические и исторически неточные, восходят к IX в.<sup>31</sup> Административное (и административно-церковное) деление территории города Венеции было завершено к концу периода: в 1170—1171 гг. город был разделен на 6 округов и на контрады в связи с необходимостью упорядоченно взимать обязательный налог на военные нужды, введенный в 1163 г.<sup>32</sup>

В ходе сословной консолидации из старинного народного собрания в 1142 г. выделился первый орган — *Consilium Sapientum*, а еще через десятилетие в документах впервые употреблено выражение «*commune Veneciagum*».<sup>33</sup>

Работа канцелярии в дожеском дворце документирована с IX в. и подтверждается вышедшими из нее документами и существованием должности дожеского канцелярия.<sup>34</sup> Это была протоканцелярия, занимавшаяся письмоводством дожа, бывшего в тот период единственной, по сути дела, властью, и хранением государственных документов. «Первые дошедшие до нас известия о городских архивах обычно относятся ко времени, близкому к моменту оформления городского самоуправления»,<sup>35</sup> а для Венеции таким моментом был именно IX в. К следующему столетию относится свидетельство об уничтожении пожаром хранилища государственных бумаг в дожеском дворце.<sup>36</sup> С IX по XVIII в. государственный архив Венеции был органической частью канцелярии, и история архива — это история канцелярии (так было не всюду и не всегда).

В этот период канцелярия еще не могла играть той существенной роли, которую она постепенно приобрела со временем. Она обслуживала преимущественно внутригосударственную деятельность власти дуката, сосредоточенную в руках дожа и еще не разделенную. Отношения Венеции с другими государствами — Византией, империей, Римом, Аквилейским патриархатом — состояли по большей части в обмене посольствами от случая к случаю. Дипломатия — одна из самых ответственных и трудных отраслей государственного делопроизводства не требовала еще значительного канцелярского обеспечения, поскольку нунции и посланники были в большей степени носителями словесных посланий, чем исполнителями инструкций.

Штат канцелярии, насколько его состав можно проследить по немногочисленным документам, был невелик и состоял из канцеляриев<sup>37</sup> и нотарииев дворцовой курии,<sup>38</sup> причем данных для установления соотношения или отождествления этих двух служебных типов источники не содержат. Можно только предполагать, что, во-первых, уже в течение XI в. нотариии дворцовой курии образуют особую группу служащих, работающих в канцелярии дожеского дворца, а во-вторых, что с этого времени начинается разделение функций нотарииев курии. Из них выделяется разряд служащих, которые занимаются делами, непосредственно относящимися к ведению дожа как магистрата («обещания» дожа при избрании, акты корректоров «обещаний» и инспекторов дел умерших дождей, документы по дожескому праву патроната и попечительской деятельности). Их число

вплоть до конца XVIII в. составляло 1—2 (редко 3). За ними закрепляется название «нижние канцелярии» (по названию находившегося на втором этаже дворца помещения, где они работали). Так, во всяком случае, утверждал знаток венецианских дел Ф. Сансовино четырьмя столетиями позже.<sup>39</sup> В источниках XI—XII вв. они зовутся, как правило, «канцелярии дожа».<sup>40</sup> К XI в. относятся и указания на занятость должностных лиц канцелярии — канцеляриев — в дипломатическом деле.<sup>41</sup>

Служившие во дворце нотариии не оставляли также составления частных актов вне дворца, а в обиходе дожеской канцелярии использовали свои нотариальные формуляры<sup>42</sup> (что было обычной для того времени, во всяком случае для Италии, практикой).

Начинает приобретать собственную определенность деловой обиход канцелярии дожеского дворца. С IX в. входят в употребление подвесные свинцовые печати,<sup>43</sup> вероятно, под влиянием византийского обихода.<sup>44</sup> Правда, печатей с IX по 30-е гг. XII в. практически не сохранилось, что считается следствием повторного их использования из-за относительной редкости свинца в то время.<sup>45</sup> В архиве Ленингр. отделения Института истории СССР АН СССР в коллекции печатей Н. П. Лихачева сохранился фрагмент печати древнейшего типа, датируемого XI—XII вв., с изображением дожа, стоящего перед сидящим слева св. Марком.<sup>46</sup>

С 20-х гг. IX в. как реализация в деловом ритуале отчуждения от Византии в документах канцелярии впервые появляется формула подписи дожа: «Ego . . . manu mea subscripsi».<sup>47</sup> К середине этого столетия писцы дожеской канцелярии одними из первых в Северной Италии, значительно опередившей другие городские центры полуострова и другие страны в переходе от трудночитаемого курсива к минускулу,<sup>48</sup> освоили этот правильный и четкий вид письма.<sup>49</sup> В 1081 г. начата первая из «памятных книг», в которые вносились главные внешнеполитические акты, буллы и другие наиболее значительные документы.<sup>50</sup>

В то же время никаких сведений о местоположении канцелярии и распорядке ее работы источники не предоставляют. Собрание по крупницам подобных сведений — нелегкий удел едва ли не всех, кто берется за изучение истории подобного рода учреждений. Не случайно на V конгрессе по дипломатике было обращено особое внимание на значимость и трудности определения конкретного места работы, метода деятельности, обихода, состава служащих канцелярии.<sup>51</sup>

В целом можно уверенно говорить о существовании в этот период некоего канцелярского учреждения, подчиненного дожу, без структурной и служебной дифференциации (что отражало нерасчлененное состояние политической власти), но с наличием документохранилища (архива), с постоянным местопребыванием в дожеском дворце, с определенным участием его служащих в государственных делах (которое выражалось не только в ведении ответственного делопроизводства, но и в занятости в дипломатическом деле), с определенными характерными особенностями обихода.

**2-й период (60—70-е гг. XII в.—60-е гг. XIII в.).** В 60-е гг. XII в. наиболее деятельная и предприимчивая часть сложившегося, но еще не конституировавшегося торгово-предпринимательского сословия окрепла настолько, что смогла организационно выделиться из народного собрания (процесс, проходивший в тот период в большинстве итальянских коммун). Был создан Большой совет, который с этого времени начал присваивать себе prerogative высшей власти в государстве.

В 1172 г. дож впервые был избран этим советом с использованием особой избирательной процедуры, а не провозглашен народным собранием, как делалось прежде в продолжение нескольких столетий.<sup>52</sup> Этот акт, согласно которому выборщиками дожа могли быть только миряне, ознаменовал также начало секуляризации венецианской общественной и государственной жизни.<sup>53</sup> Тогда же оформился Малый совет, состоявший из дожа и шести советников (по одному от каждого округа).<sup>54</sup> Вслед за этими органами сословно-корпоративного управления в 1179 г. был создан еще один — Совет сорока, в юрисдикцию которого входило гражданское и уголовное судопроизводство, надзор за чеканкой монеты и монетарным режимом.<sup>55</sup>

Созданная за несколько лет система государственной власти, состоявшая из законодательного, исполнительного и судебного органов, пуждалась в равном и хорошо поставленном государственном делопроизводстве.

С этим было связано превращение Венеции в начале XIII в. в политически и экономически сильную и влиятельную европейскую державу, что стало возможным как вследствие ее деятельной политики — поддержав папство и Ломбардскую лигу в борьбе против притязаний империи, Венеция в 1177 г. получила санкцию святого престола на суверенитет над Адриатикой (севернее линии Анкона—Задар),<sup>56</sup> — так и благодаря умелому использованию общего хозяйственного подъема Европы и результатов крестовых походов, главным образом четвертого; всерьез рассматривалась целесообразность переноса столицы дуката в Константинополь.<sup>57</sup>

Перед государственными органами венецианской коммуны встали новые проблемы. В соответствии с изменившимся состоянием и положением государства начинается преобразование государственной структуры. В ущерб роли народного собрания неуклонно растет значение и влияние Большого совета, а в 1229 г. из него выделяется более узкий и оперативный орган — Совет приглашенных, зародыш которого некоторые ранние хронисты возводят к 30-м гг. XI в. Он берет на себя в том числе и ведение внешней политики.<sup>58</sup> Растет значение исполнительного органа — Малого совета, впоследствии расширившегося и ставшего Синьорией.<sup>59</sup>

По мере складывания государственного механизма и роста государства неизбежно совершался переход от протоканцелярии к собственно канцелярии — необходимой и действенной части управления, объединяющей делопроизводством все его органы. В течение этого периода задачи канцелярии усложняются. Возрастает и ее связующая роль. К началу периода — 1166 г. относится важное

свидетельство: «Всякий раз, как приходится заниматься делами, предание о которых неизбежно дойдет до потомства, надлежит теснее сплести узлы писем — дабы по прошествии времени народившееся безразличие к тому, что было в прошлом, не внесло сомнения в предание о минувшем и не породило бы из мира раздор». <sup>60</sup> Не одно только желание избежать ненужных недоразумений или деловитое стремление к юридической точности усматривается в этом документе. Политические прагматики, венецианцы, видимо, далеко не случайно рано начали думать об истории, заботиться о том, чтобы быть правильно истолкованными в веках. Осознание венецианцами исторического значения документирования, а также сохранения документального наследия на всем протяжении венецианской истории остается развитой чертой как политического быта, так и культурной памяти. <sup>61</sup> Понимание значения юридических и политических прецедентов и традиций сплелось с обдуманной заботой о формировании мнения о себе в потомках и воплотилось в то, что историография наших дней называет «венецианским мифом».

Уже с начала этого периода служащие канцелярии, избавившись от зависимости, и прежде весьма относительной, от тех, при ком они состояли на службе, утрачивают тот «характер средневековой бюрократии», который, как отмечено Дж. Илтоном, был еще и в XVI в. присущ канцеляриям европейских монархий. <sup>62</sup> Деятельность в канцелярии быстро дифференцируется: нотариам большой курии и канцеляриям дожеского дворца приходится составлять, оформлять и хранить разнообразные ответственные документы, свидетельствующие о растущем многообразии функций канцелярии дожеского дворца — финансовые документы, связанные с государственной казной, <sup>63</sup> конституционные акты, <sup>64</sup> государственные договоры, <sup>65</sup> инструкции <sup>66</sup> и поручения-доверенности дипломатам коммуны. <sup>67</sup> Формулярные особенности инструкций и поручений-доверенностей в основном сложились уже в течение XII в., причем следует отметить, что поручение-доверенность как документ отражало вошедшую в обиход европейской дипломатии именно с XII в. практику ведения дипломатических дел в форме частногоправового ведения дел по доверенности. <sup>68</sup> Но главное — в канцелярии ни на один день не прекращалось текущее делопроизводство советов. С 20-х гг. XIII в. заведены регистры «пактов», <sup>69</sup> ведутся «книга поручителей» <sup>70</sup> и «памятные книги». <sup>71</sup> Многосторонняя деятельная работа канцелярии дожеского дворца в начале XIII в. дала основание Г. М. Томасу утверждать, что «Венецию (. . .) можно было бы назвать (. . .) матерью дипломатики». <sup>72</sup>

Соответственно упорядочивается структура канцелярии. Организационно выделяется нижняя канцелярия, где велись дела, вверенные нижним канцеляриям, а в течение первой половины XIII в. — другое подразделение — «верхнее», в котором сосредоточивалось ведение дел, связанных с деятельностью советов, хранение исходивших от них документов. Это делали «нотарии дворцовой курии». <sup>73</sup> (Названия подразделений связаны с их расположением в помещени-

их дожеского дворца). В верхней канцелярии велось и делопроизводство, связанное с дипломатическими сношениями, в архиве откладывались проходившие через канцелярию документы, относившиеся к внешнеполитической деятельности государства. В 1230 г. была принята разумная мера: после пожара, уничтожившего немало документов, дож Якопо Тьеполо распорядился впредь копировать все публичные документы и апографы хранить отдельно.<sup>74</sup> Подобные меры (уже сам факт осознания необходимости их) сохранили в венецианском архиве уникальные ценнейшие документы. Они дают возможность изучать деятельность не только канцелярии дожеского дворца, но и, к примеру, канцелярии Латинской империи 1204—1261 гг., благо в канцелярии дожеского дворца отложился комплекс документов, возникших на почве сношений Венеции с этим эфемерным государством.<sup>75</sup> Начальная стадия дифференциации канцелярии не может быть возведена к каким-либо определенным актам того или иного органа: в опубликованных постановлениях Большого совета и Совета приглашенных, охватывающих именно этот период, таковых актов не содержится. Указанный процесс прослеживается только на основании косвенных, порой более поздних данных: служебной специализации, различия наименования служащих, указаний в актах на место их совершения, отрывочных сведений первых венецианских историков, истории планировки и перепланировки дожеского дворца.

Что касается рабочего обихода, то дошедшие до нас сведения не дают возможности обогатить его описание по сравнению с предыдущим периодом. Интересно отметить, что венецианская канцелярия, вероятно, первой в Европе стала употреблять для документов бумагу — «книга поручителей» написана на бумаге.<sup>76</sup> Письмо канцелярских документов этого периода придерживается усвоенной ранее четкости и правильности. Сохраняется широкое употребление подвесных свинцовых печатей. Тип их прежний, только изображение на лицевой стороне дополняется художественными деталями, близкими к византийским печатям; дож в стилизованных византийских одеждах стоит перед сидящим справа св. Марком с книгой в руке.<sup>77</sup>

В этот, переходный, период канцелярия дожеского дворца — государственное учреждение, подчиненное Большому совету коммуны, ведущее делопроизводство всех органов и должностных лиц, сложившихся в тройственную структуру власти, со строгой и взаимосвязанной дифференциацией функций, в которой важной и существенной частью является архив, со специализацией служащих и определенной долей их участия в государственных делах, с дальнейшим складыванием особенностей обихода.

**3-й период (60-е гг. XIII в. — начало 20-х гг. XV в.).** 60-е гг. XIII в. отмечены событиями, важными для судеб Венеции — государства, экономически ориентированного преимущественно на восточную торговлю и жившего на привозном хлебе, а значит вынужденного последовательно вести политику, направленную на обеспечение соответствующих коммуникаций и нормальных отношений с производителями хлеба.<sup>78</sup> В 1261 г. пала Латинская империя — детище

столь много давшего Венеции четвертого крестового похода, и встала насущная необходимость быстро и решительно справиться с последствиями разрушения созданной в Восточном Средиземноморье системы политических отношений. В 1268 г. сильный недород в Северной Италии вынудил венецианское правительство предпринять чрезвычайные усилия для того, чтобы накормить венецианцев.<sup>79</sup>

Политические и природные потрясения побудили правящее сословие к решительным действиям. Если другие крупные итальянские коммуны с этого времени — времени утраты народными собраниями своих функций<sup>80</sup> — начали двигаться в сторону синьорий и принципатов, то в Венеции «глубинная политическая интуиция»<sup>81</sup> вполне уже сложившегося, но еще не конституировавшегося правящего сословия вывела венецианскую коммуну на путь создания аристократической республики во главе с пожизненно избираемым дожем. В 1268 г. народное собрание окончательно теряет политическую роль,<sup>82</sup> избрание дожа закрепляется за Большим советом и сосредоточивается в руках наиболее влиятельной его части. Новый дож был избран уже в соответствии с измененным порядком.<sup>83</sup>

К концу столетия эта группа полностью и решительно взяла власть и конституировалась как наследственный нобилитет — «замкнув» доступ в Большой совет, который до конца венецианской независимости стал его сословным собранием.<sup>84</sup> Ряд вырвавшихся наружу проявлений недовольства оставшейся вне нобилитета «несостоявшейся» его части оказался безрезультатным. Выгоду из этих попыток сопротивления извлек нобилитет. В 1310 г. для борьбы с ними был создан оперативный Совет десяти, который затем прижился в конституционной структуре государства и исчез только вместе с ним.<sup>85</sup>

XIV век в венецианской истории — время «приведения в законченный вид венецианского своеобразия».<sup>86</sup> Начавшись в конце предшествующего столетия «замыканием» Большого совета и постепенной переориентацией внешней политики с адриатического направления на итальянское, этот этап завершился к началу 20-х гг. следующего столетия Венеция, «позднее всех и с максимальной решительностью», по выражению Э. Сестана,<sup>87</sup> сделав основные приобретения на терраферме, становится крупным территориальным итальянским государством и встает перед необходимостью эффективно им управлять.

В период 1330—1420 гг. организационно оформился новый орган государственного управления — Коллегия, — занимавшийся общеполитическими (внутренними и внешними) делами, регулированием навигации и проблемами, связанными с Левантом и управлением континентальными провинциями.<sup>88</sup>

Все это имело прямым следствием дальнейшее усиление роли исполнительного механизма, развитие и усложнение канцелярии. С 60-х гг. XIII в. начинается целеустремленная достройка действующего механизма, призванного обеспечить согласованную работу растущего государства. Начало этому было положено еще в 1268 г., когда за неделю до выборов дожа Большой совет впервые избрал

канцелярия коммуны (впоследствии именовавшегося «великим»), пожизненного и независимого от дожа главы канцелярии, хранителя печати и публичных актов коммуны.<sup>89</sup> Создание этой должности было задумано как одна из преград на пути посползновения дождей к единодержавию и стало началом приспособления канцелярии дожеского дворца к перестраиваемой структуре государственной власти. Это, однако, не исключало тесного сотрудничества дожа и великого канцелярия, устанавливавшегося в ходе долголетней совместной повседневной работы.<sup>90</sup> Решение об избрании канцелярия коммуны открывает логичную серию постановлений советов, имевших целью формирование соответствующей новым потребностям государства структуры канцелярии, сложение иерархии и штата ее служащих, создание и оформление социальной группы, прикрепленной к канцелярской деятельности. Устройство канцелярии, на котором было сосредоточено особое внимание правящего сословия, было в основном завершено к концу периода. Правящие органы внимательно и всесторонне занимались делами канцелярии, в том числе созданием условий для повседневной работы служащих, регламентацией хода дел, архивом, специально вникали в технические вопросы, доходя до мельчайших подробностей. Все это — несомненное свидетельство особого значения, которое в Венеции придавалось нормальной работе канцелярии. В 1322 г. Большой совет («не без гордости», как замечает по этому поводу Дж. Требби) указывал в постановлении, что вызывающее озабоченность возрастание массы дел в канцелярии — следствие растущего с «божьей помощью» государства.<sup>91</sup> Есть немало свидетельств того, как Совет неутомимо занимался устройством, расширением, ремонтом помещения для канцелярии,<sup>92</sup> противопожарными мерами<sup>93</sup> — вплоть до ремонта проходившего через помещение канцелярии дымохода,<sup>94</sup> мебелью и инвентарем,<sup>95</sup> определением строгого порядка доступа к документам и круга допущенных к ним должностных лиц.<sup>96</sup> Надо сказать, что благодаря сохранности архива уже первые венецианские историки могли обращаться к документам канцелярии, как это делали Андреа Дандоло в XIV в., Лоренцо де Моначи в начале XV в.

Принимает строгую и окончательную форму структура канцелярии. Нижняя канцелярия, которая вела дела, связанные с аprobацией дожем завещаний венецианских граждан,<sup>97</sup> расследовала и документально оформляла их имущественные и поземельные дела,<sup>98</sup> становится также государственным хранилищем актов венецианских нотариусов.<sup>99</sup> Венецианский нотариальный архив считается старейшим в Европе,<sup>100</sup> так как сложился прежде, чем в других итальянских городах, где устройство нотариальных архивов началось раньше, чем в остальной Европе. Кроме того, одновременно с созданием должности канцелярия коммуны окончательно были установлены функции нижних канцеляриусов и среди них очень важная — скреплять и печатывать исходившие от дожа акты.<sup>101</sup>

Верхняя канцелярия с первых десятилетий XIV в. фигурирует в документах как «канцелярия венецианского дуката», «верхняя канцелярия дворца дождей Венеции», «канцелярия дожеского двор-

ца», «канцелярия Венецианской коммуны»,<sup>102</sup> с середины века окончательно обретает название «дожеская», или «верхняя». Круг дел, проходивших через это подразделение канцелярии, определившийся уже в предшествующий период, сохраняется в ее неперменном ведении.

В свою очередь внутри верхней канцелярии в течение XIV в. создается особая часть, в источниках и литературе обычно именуемая «секретной». Дату или период, когда это произошло, доступные источники не называют, но из постановления Большого совета 23 IV 1402 г. можно заключить, что к началу XV в. секретная уже рассматривалась как привычное подразделение с установившимся порядком.<sup>103</sup> Помещение верхней канцелярии находилось рядом с залом заседаний Совета десяти на четвертом этаже дожеского дворца, имело особый переход и запирающуюся лестницу.<sup>104</sup> Порядок работы секретной был строжайше регламентирован многочисленными постановлениями советов и подлежал личному контролю великого канцелярия или замещающего его служащего. Тем не менее соблюдение регламента, как и всякого порядка, не обходилось без послаблений и нарушений, что дало повод Б. Чеккетти иронически заметить, будто существует «любопытный контраст между таинственной славой, которой окружена память Венецианской республики, и целью ее законов, относившихся к секретной канцелярии, из коих узнаем, что хранившиеся с такими предосторожностями документы всякий, кому этого хотелось, мог посмотреть, изучить и скопировать».<sup>105</sup> Однако здесь упущены два существенных обстоятельства: указная регламентация, как правило, исходит из прецедентов, кроме того, регулярное возобновление регламентации является столь естественным и необходимым делом, направленным на воспроизводство порядка вещей и предотвращение его размывания, что само по себе не может служить свидетельством упадка или разложения того или иного порядка.

Подвергается государственной регламентации и служебный состав канцелярии, к спискам XIII в. восходит «Перечень», хранящийся в Библиотеке Марциана.<sup>106</sup> В 1263 г. Большой совет вменил нотариам большой курии: под присягой дать обязательство — осведомлять дожа и советников о законодательных прецедентах подготавливаемых к обсуждению решений.<sup>107</sup> В этом постановлении — зародыш специализации в области права и венецианского обычая некоторых нотариев большой курии, которые еще в конце XIII в. нередко именовались «нотариями курии обоих советов».<sup>108</sup> Якопо Бертадьо, автор основательного описания политического устройства Венеции рубежа XIII—XIV вв.,<sup>109</sup> был дожеским канцелярием, знатоком римского и канонического права и оставил много вдумчивых глосс к статуту дожа Якопо Тьеполо 1242 г.<sup>110</sup> Позднее специализация привела к фактической монополии секретарей-легистов, «хранителей законов» на знание права, обычая и прецедентов, а также рабочую подготовку государственных актов.<sup>111</sup>

Ранний из известных капитуляриев канцеляриев датирован 1317 г.,<sup>112</sup> несколько капитуляриев нотариев большой курии — кон-

ном XIII—XIV в.<sup>113</sup> Причем, разбирая некоторые из них, можно предположить, что нотариусы большой курии и канцелярии не принадлежали к одной служебной группе.<sup>114</sup> Что касается канцеляриев дожа, то по постановлению Большого совета 1320 г., возобновленному в 1345 г., они и канцелярии Кьоджи, ближайшего городка террафермы и одного из старейших в лагуне, распределяют между собой поочередное, по полмесяца, присутствие в Венеции и Кьодже.<sup>115</sup> Тем же годом датируется свидетельство существования общества нотариусов большой курии,<sup>116</sup> роль которого в деятельности канцелярии не вполне ясна, как не ясна и его связь или возможная тождественность с обществом нотариусов, существовавшим в Венеции в XIV в.<sup>117</sup>

К середине XIV в. относится ранний перечень служащих канцелярии с распределением их обязанностей (*ordo curiae*).<sup>118</sup> Согласно перечню, великий канцелярий руководил работой 21 нотариуса большой курии, из которых 14 вели делопроизводство исполнительной власти: один — в Совете десяти, восемь — в Коллегии, пять — писали письма, инструкции и другие подобные документы и вели их регистры. Имена нотариусов в перечне дают возможность, привлекая другие источники, составить представление не только об их работе в канцелярии, но и о весьма деятельном участии в дипломатическом деле. Начало этого участия восходит к первому периоду и сохраняется до конца Республики.<sup>119</sup> Регламент канцелярии, принятый Коллегией в 1386 г., подтвердил линию правительства в отношении канцелярии, в том числе и относительно использования ее служащих в дипломатии: в постановлении высказана желательность того, чтобы частые посылки нотариусов канцелярии в дипломатические миссии не вносили беспорядка в течение дел.<sup>120</sup>

В постановления Советов проникают первые указания на повседневный распорядок работы канцелярии: Совет сорока в 1348 г. определил прикрепленному к нему нотариусу ежедневную явку на работу во дворец, как это положено всем нотариусам курии.<sup>121</sup> Это наводит на мысль о существовании некоего не вполне ясного неформализованного различия между нотариусами, приписанными к разным государственным органам. Соответствующие места во многих постановлениях указывают на роль нотариусов большой курии и канцеляриев в деловой жизни дожеского дворца: они работали с главами округов города,<sup>122</sup> по поручению Большого совета занимались регламентацией собственной работы,<sup>123</sup> вели делопроизводство массариев монеты,<sup>124</sup> принимали оплату за оформление документов в канцелярии<sup>125</sup> и делали многое другое — и все это находилось в ведении канцелярии дожеского дворца. В то же время удалось отыскать крайне мало сведений об оплате работы самих служащих канцелярии: известно, что в первой половине XIV в. писец получал 20—25 сольдо ди гроссо в год.<sup>126</sup>

В XIII—XIV вв. источники отмечают постоянное присутствие нотариусов большой курии во главе с канцелярием коммуны при переговорах с иностранными представителями во дворце, а иногда вне его, при заключении договоров с ними, при этом один из нотариусов составлял или удостоверял соответствующий акт. Нотариус курии

также постоянно фигурируют в поручениях-доверенностях венецианским дипломатам — как составители и как свидетели при сем.<sup>127</sup> Во многих документах — от государственных договоров до денежных займов — местом их составления названа канцелярия дожеского дворца.<sup>128</sup> Весьма значительная роль канцелярии в решении текущих дел видна и в первых же регистрах Совета десяти, который часто прибегал к знаниям и опыту канцеляриев.<sup>129</sup>

Необходимо также отметить и непосредственно связанную с этим важную социальную сторону. Наряду с аристократизацией правящего сословия нобилей шло создание государством своеобразной канцелярской управленческой элиты преданных «слуг государства». С начала XIV в. постепенно создается и конституируется второе сословие — «горожан», происходит выделение и обособление внутри него привилегированной категории «горожан по происхождению», высшая прослойка которой в ходе столетия была прикреплена к канцелярскому делу и даже звалась в обиходе «канцелярия».<sup>130</sup> Эта особая узкая прослойка, всецело зависящая от нобилитета, постепенно сформировавшись внутри второго сословия, заняла исполнительное место в системе власти.

Показательны и изменения в деловом обиходе. В конце догата Томмазо Мочениго (1414—1423) подпись дожа на актах принимает вид: «Ego... in(an)u n(ost)ra s(sub)s(c)ripsimus».<sup>131</sup> В канцелярском обиходе помимо свинцовых употребляются подвесные золотые, серебряные и восковые печати, — как правило, это фиксируется в документах, скрепленных такими печатями. Свинцовыми печатями скреплялись заверявшиеся в канцелярии частные акты венецианских граждан, дипломы о пожаловании венецианского гражданства незнатным лицам, документы дипломатического обихода. В текстах договоров, заключенных венецианскими дипломатами, при указании наличия у посланника поручения-доверенности, текст которого часто полностью включался в текст соглашения, добавлялось указание и на наличие печати на этом документе.<sup>132</sup> Имели подвесные свинцовые печати и верительные грамоты.<sup>133</sup> Любопытно, что, тогда как в Византии при Палеологах отмечается постепенный отказ от употребления свинцовых печатей,<sup>134</sup> в Венеции они сохранились в обиходе до XVIII в. Позолоченные медные или золотые печати<sup>135</sup> подвешивались к дипломам о пожаловании венецианского гражданства знатным иностранцам<sup>136</sup> или к документам дипломатического обихода в случае, когда требовалось выразить особое расположение суверену, к которому направлялся посол.<sup>137</sup> Восковые печати употреблялись дожеской канцелярией главным образом для скрепления актов, вышедших из ее стен в периоды вакансии дожеского престола, когда верховную власть коллективно отправляли советники дожа, старейший из которых считался вице-дожем.<sup>138</sup> Все виды печатей (и все типы — большой и малый) на лицевой стороне имеют одинаковое изображение — дож в стилизованных византийских одеждах стоит перед стоящим в отличие от изображения на печатях предыдущего периода св. Марком с раскрытой книгой в левой руке.<sup>139</sup>

В рассматриваемый период канцелярия дожеского дворца — необходимое для осуществления политической власти государственное учреждение, за руководство которым уже идет борьба между различными органами. Если в течение XIV в. ее работу контролировали совместно Большой совет и Синьория, а Совет десяти лишь избирал себе из числа дожеских нотариусов тех, кто будет при нем служить,<sup>140</sup> то с рубежа XIV—XV вв. этот совет уже непосредственно вмешивается в дела канцелярии.<sup>141</sup> Канцелярия дожеского дворца имеет продуманное внутреннее устройство с четким разделением компетенции, со сложившейся служебной специализацией, с деятельным участием служащих в государственных делах, со спецификой регламента и обихода.

**4-й период (1423 г.—1620-е гг.).** После завоевания террафермы часть нобилитета, идеологом которой выступил дож Томмазо Мочениго, стремилась проводить охранительную политику. Однако едва ли была историческая возможность внять предупреждению Мочениго не ввязываться в большую итальянскую и европейскую политику. Нельзя было устранить ни от борьбы с нарастающей конкуренцией в посреднической торговле, ни от сопротивления ограничению венецианской экспансии, ни от охраны торговых путей, ни от турецкой опасности. «Венеция вынуждена была, сохраняя собственные институты, приводить свои политические и экономические функции в соответствие с развитием крупных территориальных государств, надо было все теснее ввязываться в континентальную европейскую политику и забывать прежнюю меркантильную формулу незаинтересованности и невмешательства, веками предохранявшую от участия в крупных итальянских и европейских континентальных конфликтах».<sup>142</sup>

Есть закономерность в том, что в 1423 г. дожем был избран Франческо Фоскари, государственный деятель, способный такую политику проводить.<sup>143</sup> На континенте разворачивается борьба за гарантированное судоходство по р. По и против поползновений миланских Висконти в Романье и Тоскане. В 1430 г. Венеция добилась гарантий для своих владений в Эгейском море. В 1437 г. наконец получен имперский викариат над Тревизо, Падуей, Вероной и Виченцей — как юридическое оформление власти Венеции над приобретениями на терраферме.<sup>144</sup> Сделан важный шаг в укреплении независимости от папского престола — отказ финансировать инквизицию в пределах венецианского государства (1423 г.).<sup>145</sup> Удавалось поддерживать в основном сбалансированные отношения как с итальянскими государствами,<sup>146</sup> так и с Турцией, даже после падения Константинополя. Но вскоре рост венецианского могущества был заторможен сперва образованием единого испанского государства и великими географическими открытиями, а затем французской экспансией в Италии и итальянскими войнами конца XV—первой половины XVI в.<sup>147</sup>

Выстояв в итальянских войнах, Венеция после их окончания сделалась «адвокатом мира в Италии». Ее основным военным предприятием на континенте стало строительство крупных фортификаци-

онных сооружений для защиты своих владений на терраферме.<sup>148</sup> Сложные и напряженные отношения с Испанией, владения которой вплотную приблизились к границам венецианского государства, не доходили до военных действий, и после окончания итальянских войн Венеция воевала только с Турцией, отстаивая свои сокращающиеся владения и влияние в Восточном Средиземноморье (войны 70-х гг. XVI в., 40-х и 80-х гг. XVII в., 10-х гг. XVIII в.). Такова в общих чертах внешнеполитическая сторона периода.

В самой Венеции с 1423 г. прекращается созыв давно уже безвластного народного собрания, пережитка раннекоммунальных времен, вследствие чего Большой совет не только на деле, но и юридически становится корпоративным правителем государства.<sup>149</sup> Вместе с этим растет влияние Совета десяти, особенно усилившееся затем в ходе итальянских войн, вызвавших чрезвычайную обстановку в государстве и необходимость сосредоточения власти. С середины XV в. Большой совет вверяет Совету десяти попечение и надзор за работой канцелярии, быстро и решительно использованные последним.<sup>150</sup> Однако к 80-м гг. XVI в. накопилось недовольство значительной части нобилитета непомерным влиянием Совета десяти на политические дела, и в том числе ростом самостоятельного влияния тех высших служащих канцелярии дожеского дворца, которые состояли секретарями этого совета.<sup>151</sup> Это недовольство вылилось в реформы Совета десяти 1582 г., затем 1628 г., в результате которых его компетенция была приведена в соответствие с требованиями большинства нобилитета.<sup>152</sup> Тем не менее частичные изменения компетенции одного органа за счет другого внутри структуры власти не затрагивали крепких конституционных основ венецианского государства. «Конституционный организм Венеции окончательно сложился в XV в. и сохранился с некоторыми изменениями и поновлениями XVI в. до конца республики».<sup>153</sup>

Как следствие структура канцелярии в этот период не претерпела существенных изменений. Компетенция верхней канцелярии и секретной, как и прежде, включала все государственные дела, с той лишь разницей, что распорядок и комплектование штата полтора столетия (до реформы 80-х г. XVI в.) находились в ведении Совета десяти. В 1445 г. этот совет декретировал порядок работы служащих и реорганизовал помещение для их работы,<sup>154</sup> а в 1462 г. взял на себя избрание всех служащих, кроме великого канцелярия, по-прежнему избираемого Большим советом.<sup>155</sup> Нижней канцелярии с 1445 г. прибавилось обязанностей — на нее был возложен полный надзор за нотариальной деятельностью в городе Венеция.<sup>156</sup> В 1474 г. нижняя канцелярия и находящийся в ее ведении нотариальный архив, реорганизованный в связи с ростом его фондов, были перемещены в более приспособленное помещение: канцелярия — в зал около золотой лестницы, а архив — в пять примыкающих к залу обширных помещений.<sup>157</sup> В зале нижней канцелярии собиралась со времени своего учреждения в 1524 г. Коллегия нотари-ев.<sup>158</sup> В 1586 г. была расширена и верхняя канцелярия.<sup>159</sup> Как и в предшествующие периоды, неустанная забота проявлялась о про-

тивопожарных мерах и инвентаре — с 40-х гг. XV по 80-е гг. XVI в. Советом десяти, с 80—90-х гг. XVI в. Коллегией и Советом приглашенных, — причем, как и прежде, правительственные органы доходили до технических подробностей дела.<sup>160</sup>

Сохраняется и совершенствуется оправдавшее себя распределение служащих по служебным функциям, отмеченное еще в «огдо сигiae» 50-х гг. XIV в., и окончательно утверждается к середине XV в. внутриканцелярская профессионально-квалификационная иерархия, состоящая из двух разрядов:<sup>161</sup> нижнего — экстраординарных нотариусов и верхнего — ординарных, из которых в свою очередь отбирается ограниченное число секретарей, тогда еще не выделенных в особый разряд, но уже именуемых «секретарями».<sup>162</sup> При этом продолжается развитие особо важных специализаций: с 1458 г. Совет десяти назначает двух-трех секретарей-«законоведов»,<sup>163</sup> с 1551 г. — секретаря для ведения анналов,<sup>164</sup> с XV в. — несколько секретарей выделяется для шифровального дела.<sup>165</sup> Одновременно со специализацией ответственных служащих разрастается номенклатура вспомогательных: в течение XV в. вводится пять должностей, непосредственно связанных с соблюдением режима работы канцелярии и порядка хранения документов.<sup>166</sup>

Наряду с иерархизацией и специализацией штат служащих окончательно секуляризуется: с начала XV в. нотариусов-клириков постепенно отстраняют от службы в канцелярии, а в 1474 г. Большой совет окончательно запрещает принимать их на службу,<sup>167</sup> хотя отдельные исключения встречаются и после этого постановления.<sup>168</sup> (Их объяснение увело бы за рамки данной статьи).

Этот период характеризуется также особым вниманием государственной власти к созданию системы подготовки служащих для канцелярии дожеского дворца. Отметим три направления такой работы: общее — в 40-х гг. XV в. была создана государственная школа при канцелярии для обучения стремящихся к государственной службе подростков из горожан;<sup>169</sup> профессиональное — набор с 40-х гг. XVI в. на службу в канцелярию прошедших общее обучение экстраординарными нотариусами без жалованья,<sup>170</sup> и специальное — обучение шифровальному делу, тесно связанное с профессионально-семейным континуитетом, «чтобы государственная тайна становилась также семейной».<sup>171</sup> Естественно, что по мере увеличения значения канцелярии в государственном механизме росло и корпоративное сознание канцелярской элиты, складывался внутрисословный собственный образ «секретаря» — «совершенного слуги государства».

Продолжается развитие регламентации делопроизводства канцелярии, порядка ведения и хранения документов, пользования ими, которая, как и всякая регламентация нуждается в периодическом подтверждении.<sup>172</sup> При всей действенности регламентирующих мер все же много копий документов откладывалось в личных архивах исполнителей (даже суровая венецианская регламентация не могла полностью воспрепятствовать этому всеобщему обыкновению), кроме того, например, после пожара дожеского дворца в 1577 г. многие спасенные от огня документы так и не вернулись обратно во дво-

рец.<sup>173</sup> В этот период велась усердная систематизация канцелярской работы; на основе продуманной расстановки документов в 1537 г. был составлен «Инвентарь книг канцелярии», а в 1610 г. — полный указатель всех книг, регистров и связок, находящихся в канцелярии.<sup>174</sup>

Одной из важнейших и тщательно охраняемых сторон канцелярской работы было шифровальное дело. С начала XV в. в обиходе канцелярии дожеского дворца применяются всё усложняющиеся секретные системы (простейшая криптография появилась в венецианских документах с XII в.),<sup>175</sup> особо разрабатывается теория шифровального дела.<sup>176</sup> В современной литературе о дипломатическом обиходе и ныне приводится в пример венецианское искусство шифрования.<sup>177</sup> Но развитие с середины XV в. точных наук, особенно математики, расширило не только возможности составителей шифров, но и вероятность раскрытия — раскрывались и венецианские шифры.<sup>178</sup> Отметим также характерные для периода особенности делового обихода канцелярии дожеского дворца. С начала догата Ф. Фоскари формула подписи дожа приобретает множественное число: «Nos. . . m(an)u n(ost)ra s(sub)s(c)ripsimus», а с 1478 г., догата Д. Мочениго — «manu rgorgia».<sup>179</sup> Официальные документы пишутся с середины XV в. также и гуманистической ротондой.<sup>180</sup> Характерное для Венеции «поползновение местного диалекта проникнуть и в письменную речь»<sup>181</sup> коснулось и официального обихода — в документах канцелярии латинский язык постепенно уступает приправленному венецианизмами итальянскому. После 1420 г. в официальных документах вводится непременно указание года, а не только месяца и индикта, как делалось до этого.<sup>182</sup> Изменяется вид дожеской подвесной печати: начиная с печатей Ф. Фоскари (большого и малого типа) легенда пишется римским капитальным письмом, а дож предстает перед св. Марком в дожеском наряде и головном уборе.<sup>183</sup> Помимо подвесных металлических печатей в употребление входят и подвесные воскомастичные печати в металлических кустодиях,<sup>184</sup> а также прикладные восковые печати, на которых, вероятно с XVI в., изображается лев св. Марка и по окружности пишется: «Pax tibi Marce evangelista meus».<sup>185</sup>

Четвертый период — период зрелости всех сторон деятельности канцелярии дожеского дворца, но к концу его заметны признаки застоя и окостенения, отражавшие общее состояние государства. Это проявилось и в ряде перемен в подчиненности канцелярии, и в бюрократизации обихода, усугубившейся в XVII в.<sup>186</sup> В этот период канцелярия обслуживает обширное территориальное государство, будучи четко действующим учреждением с жесткой структурой, продуманной служебной специализацией, всесторонней системой подготовки служащих. Период отмечен ростом самосознания канцелярской элиты,<sup>187</sup> усилением влияния канцелярского аппарата на дела государства,<sup>188</sup> что вызывало недовольство части нобилитета «олигархизацией» секретарской элиты. Однако очевидно, что это явление — следствие сдвига самого государства в XVI в. в сторону олигархического правления.

**В последний, 5-й период — с 1620-х гг. до конца самостоятельности** республика св. Марка сохраняла авторитет, но ее роль в европейских и международных делах становилась все более второстепенной. Она сохранила основные позиции и территории, но другие государства приобрели значительно большее влияние в системе европейских государств: «Служить орудием для таскания каштанов из огня для других стало последней ролью, которую суждено было играть венецианскому искусству управлять государством».<sup>189</sup> Венеция все более вынуждена была обращаться к своим внутренним делам. От активной внешней политики осталась только дипломатия. Знаменем этого времени было и то, что венецианские историки оказались приставлены к внутригосударственным делам: первым из них был официальный историограф республики, Андреа Морозини, избранный в 1600 г.,<sup>190</sup> в следующем году Совет десяти избрал его по совместительству суперинтендантом для руководства канцелярией.<sup>191</sup> И хотя введение должности суперинтенданта не ущемило прерогатив великого канцелярия, оно означало начало стагнации важнейшего государственного учреждения — канцелярии дожеского дворца. Дублирование и насаждение власти плечет за собой застой в делах и утрату гибкости структуры. Последнее полтора столетия канцелярия существовала в неизменных формах — тех, которые были выработаны прежде и в глазах правящего сословия оправдали себя в предшествующие периоды деятельной государственной жизни и канцелярской работы.<sup>192</sup> Медленно дряхлело государство, слабело его «сердце».

История венецианской канцелярии — от протоканцелярии IX в. до бюрократического учреждения конца XVII—XVIII вв. — показывает, что дело заключается не столько в трудностях, неизбежных в работе всякого государственного механизма, сколько в умении не упускать их из виду и успешно преодолевать. В неизменном внимании к развитию государственной канцелярии, как нам представляется, состоит один из важнейших уроков венецианской истории. В самом деле, венецианский правящий класс смог создать такую систему институтов, в которой канцелярия занимала органическое узловое место. В то же время политический и государственный строй венецианского государства не только предопределял подчиненность бюрократии той совокупности кодифицированного и обычного права, которую в литературе обычно именуют венецианской конституцией, но и воспитывал в венецианских гражданах приверженность к служению государству, что нагляднее всего проявилось именно на примере канцелярских служащих.

Одним из важнейших проявлений своеобразия венецианского политического опыта можно уверенно считать последовательное продуманное соответствие состояния институтов политической власти, государственной структуры и канцелярии — института делового обеспечения повседневной государственной жизни, продельвавшего незаменимую и необходимую кропотливую, систематичную работу по подержанию взаимосвязи принимающих решения и ответственных исполнителей, по обеспечению деловой преемственности в деятельно-

сти развивающейся политической структуры венецианского государства.

<sup>1</sup> Это умение век назад отметил отечественный историк: *Будилович А. С.* Новые данные для истории восточного вопроса. *Secrets d'état de Venise*. Par VI. Lamansky St.-Pb., 1884 // Журн. Мин-ва народного просвещения. 1885. Ч. 237. № 2. С. 321

<sup>2</sup> Так поэтично канцелярия названа в декрете весьма прозаического Совета десяти 22 XII 1456. (Цит. по: *Trebbi G.* La cancelleria veneta nei secoli XVI e XVII // *Ann. della Fondazione Luigi Einaudi*. 1980. T. 14. P. 115, not. 149. У А. Баме этот документ приведен и датирован неточно — *Baschet A.* Les archives de Venise. Histoire de la chancellerie secrète. Paris, 1870. P. 154).

<sup>3</sup> *Gilbert F.* The last will of a Venetian Grand Chancellor // *Philosophy and humanism : Renaissance essays in honor of P. O. Kristeller* / Ed. E. P. Mahoney. Leiden, 1976. P. 507.

<sup>4</sup> Особенно методически полезными, несмотря на различие подходов к периодизации, при написании статьи оказались две работы, прежде всего как образцы преодоления серьезных трудностей при воссоздании разных сторон взаимодействия канцелярии и государственных органов: *Marzi D.* La cancelleria della repubblica fiorentina. Rocca S. Casciano, 1910 (перепечатана: Firenze, 1987) и *Trenchs J., Arago A. M.* Las cancellerias de la Corona de Aragon y Mallorca desde Jaime I a la muerte de Juan II Zaragoza, 1983.

<sup>5</sup> *Каштанов С. М.* IV Международный конгресс по дипломатике // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 339.

<sup>6</sup> *Каштанов С. М.* Современные проблемы европейской дипломатии // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 46—47.

<sup>7</sup> *Constable G.* Forged letters in the Middle Ages // *Fälschungen im Mittelalter* : Intern. Kongr. der Monumenta Germaniae Historica. München, 16—19. Sept. 1986. Hannover, 1988. Bd 5 : Fingierte Briefe : Frömmigkeit und Fälschung. Realienfälschungen. S. 11—37.

<sup>8</sup> Тогда как в полезнейшем «Словаре» Дж. Редзаско из пяти значений слова «Cancellaria» три выведены из венецианской практики (*Rezasco G.* Dizionario di linguaggio italiano storico ed amministrativo. Firenze, 1881. P. 140).

<sup>9</sup> См.: *Sandi V.* Principj di storia civile della Republica di Venezia. Venezia, 1755. Pt 1, t. 2. P. 811—821; *Ferro M.* Dizionario del diritto comune e veneto. Venezia, 1779. T. 3. P. 5—17; 1780. T. 7. P. 320—332.

<sup>10</sup> *Cadorin G.* Archivi pubblici e privati // Venezia e le sue lagune. Venezia, 1847. Vol. 2, pt 2. P. 7—21; *Cecchetti B.* Costituzione storica degli archivi veneti antichi 1200—1872 // *Atti dell'istituto Veneto di scienze, lettere ed arti, 1872—1873*. Venezia, 1873. Ser. 4. T. 2. P. 58—74; *Baschet A.* Les archives de Venise; *Zanotto F.* Il palazzo ducale di Venezia. Venezia, 1853. Vol. 1. P. 57—73 (2<sup>a</sup> pag.).

<sup>11</sup> *Lazzarini V.* 1) Originali antichissimi della cancelleria veneziana : (Osservazioni diplomatiche e paleografiche) // *Nuovo archivio Veneto*. 1904. N. S. T. 7. P. 199—216; 2) Un maestro di scrittura nella cancelleria veneziana // *Archivio Veneto*, 1930. Ser. 5. T. 7. P. 118—125; *Pitzorno B.* La «carta mater» e la «carta filia» : Studi storico-giuridici sul documento medievale veneziano // *Nuovo Archivio Veneto*. 1909. N. S. T. 17. P. 385—432; T. 18. P. 94—130; *Predelli R.* Sulla storia della scrittura. Venezia, 1881. P. 21 sgg.; *Cecchetti B.* Programma della scuola di paleografia in Venezia. Venezia, 1864.

<sup>12</sup> *Lane F. C.* Venice a maritime Republic. Baltimore; London, 1973. P. 266; *Mumford L.* The culture of cities. New York, 1938. P. 63; *Romano D.* «Quod sibi fial gratia» : Adjustment of peralties and the exercise of influence in early Renaissance Venice // *Journ. of Medieval and Renaissance studies*. 1983. Vol. 13, N 2. P. 265; *Cozzi G.* Repubblica di Venezia e stati italiani : Politica e giustizia dal secolo XVI al XVIII. Torino, 1982. P. 373.

<sup>13</sup> *Trebbi G.* La cancelleria veneta. . . Кроме того, на IV конгрессе по дипломатике характеристику деятельности канцелярии венецианских дождей до XII в. дал итальянский историк Серми (*Каштанов С. М.* IV Международный конгресс по дипломатике. С. 337). Видимо, до сей поры не утратило верности соображение английского историка В. Стеббса, считавшего, что в истории учреждений «мало романтического интереса

- и живописной группировки, составляющих привлекательность истории вообще, поэтому она не очень заманчива для ума, который пуждается во внешних побуждениях для того, чтобы изучать истину». (Цит. по кн.: *Виноградов П. Г.* Римское право в средневековой Европе. М., 1910. С. 3).
- <sup>11</sup> Отмечу несомненную приверженность Д. Треббви конкретно-историческому подходу: «Венецианскую канцелярию надо рассматривать в контексте государства» (*Trebbi G. La cancelleria veneta...* P. 107—108)
- <sup>12</sup> Делает он это в другой своей работе: *Trebbi G. Il segretario veneziano // Archivio storico italiano.* 1986. N 527. P. 38. Как будет показано ниже, у нас нет расхождений в оценке этого периода.
- <sup>13</sup> *Argan G. C., Fagiolo M. Il Processo dell'urbanizzazione // Storia d'Italia.* Torino, 1972. Vol. 1. P. 755. В рассматриваемом вопросе Венеция тождественна созданному ей государству, поэтому можно не опасаться подмены, от которой предостерег Сестан (*Сестан Э.* Итальянский город в XIV—XVI вв. // Россия и Италия М., 1972. С. 11, 269).
- <sup>14</sup> *Cessi R. Politica, economia, religione // Storia di Venezia.* Venezia, 1958. T. 1. P. 121—124, 146—148.
- <sup>15</sup> *Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963. С. 179.
- <sup>16</sup> *Cessi R. Politica, economia, religione.* P. 149—152
- <sup>17</sup> *Vergottini G. de. Lezioni di storia del diritto italiano: Il diritto pubblico italiano nei secoli XII—XV.* Milano, 1959. Vol. 2. P. 3—4.
- <sup>18</sup> *Шумовский Т. А.* Арабы и море // Ахмед ибн Маджид. Книга пользы об основах и правилах морской науки. М., 1985. Т. 1. С. 79.
- <sup>19</sup> *Cervellini G. B. I Leonini delle città italiane // Studi medievali.* 1933. A. 12. N. S. P. 251.
- <sup>20</sup> *Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. С. 173.
- <sup>21</sup> *Cessi R. Politica, economia, religione.* P. 124—129.
- <sup>22</sup> *Schiaffino A. Contributo allo studio delle rilevazioni della popolazione nella Repubblica di Venezia: finalità, organi, tecniche, classificazioni // Le fonti della demografia storica in Italia: Atti del Seminario di demografia storica.* Vol. I, pt 1 Roma, s. a. P. 288.
- <sup>23</sup> *Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. С. 164, 173. Что касается слова «аристократия», то его употребление следует отнести на счет общих установок автора, в том числе и терминологических.
- <sup>24</sup> *Maranini G. 1) La costituzione di Venezia dalle origini alla serrata del Maggior Consiglio.* Venezia, 1928; 2) *La costituzione di Venezia dopo la serrata del Maggior Consiglio.* Venezia, 1931. Оценку работы Д. Маранини см.: *Cozzi G. Authority and the law in Renaissance Venice // Renaissance Venice.* London, 1973. P. 340, not. 18; *Cessi R. Politica, economia, religione.* P. 476; *Gilbert F. The pope, his banker and Venice.* Cambridge (Mass.); London, 1980. P. 121, not. 3; *Lazzarini V. Obligo di assumere pubblici uffici nelle antiche leggi veneziane // Lazzarini V. Proprietà e feudi, offizi, garzoni, carcerati in antiche leggi veneziane.* Roma, 1960. P. 49.
- <sup>25</sup> *Maranini G. La costituzione di Venezia dalle origini...* P. 320—321.
- <sup>26</sup> Архив Маркса и Энгельса. М., 1938. Т. 5. С. 186.
- <sup>27</sup> *Romanin S. Storia documentata di Venezia.* Venezia, 1853. T. 1. P. 275—281; *Соколов Н. П.* Образование Венецианской колониальной империи. С. 198—215; *Cessi R. Politica, economia, religione.* P. 244—247.
- <sup>28</sup> *Lanfranchi L., Zille G. G. Il territorio del ducato veneziano dall'VIII al XII secolo // Storia di Venezia.* Venezia 1958. Vol. 2. P. 49, 53.
- <sup>29</sup> *Schiaffino A. Contributo...* P. 288. К. Кароцци дает другую дату введения налога — 1169 г. (*Carozzi C. Venezia // Storia d'Italia.* Torino, 1976. Vol. 6. P. 245).
- <sup>30</sup> *Tabacco G. La storia politica e sociale // Storia d'Italia.* Torino, 1980. Vol. 2, t. 1. P. 151. Дж. Табакко расценивает происшедшее как простое развитие диярхии «дож-народ».
- <sup>31</sup> *Lünig J. C. Codex Italiae diplomaticus.* Francofurti; Lipsiae, 1726. T. 2. Col. 1945—1946, doc. II.
- <sup>32</sup> *Бржостовская Н. В., Илизаров Б. С.* Архивное дело с древнейших времен до 1917 г. М., 1979. Ч. 1. С. 157. (Тр. Всесоюз. науч.-исслед. ин-та документоведения и архивного дела. Т. 8).

<sup>36</sup> Tafel G., Thomas G. M. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. Wien, 1856. Th. I. S. 31, doc. XV (Fontes Rerum Austriacarum. Bd 12); Kretschmayr H. Geschichte von Venedig. Gotha, 1905. Bd 1. S. 339.

<sup>37</sup> Lünig J. C. Codex Italiae diplomaticus. Col. 1945—1946, doc. II; col. 1951—1952, doc. VII; Monumenta Germaniae Historica (далее MGH). Leg., sect. IV: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum. T. I. Hannover, 1893. P. 122; Romanin S. Storia documentata di Venezia. T. 1. P. 373, doc. VIII.

<sup>38</sup> Lazzarini V. Un privilegio del doge Pietro Tribuno per la Badia di San Stefano d'Altino // Atti Istituto Veneto 1908—1909. Ser. 8. T. II (68). Venezia, 1909. P. 992; Cecchetti B. Programma. . . P. 44, doc. B.

<sup>39</sup> Sansovino F. Venetia città nobilissima e singolare. Venetia, 1581. P. 120t. : «Non trovo che questo ofitio fosse da 400 anni in dietro».

<sup>40</sup> Tafel G., Thomas G. M. Urkunden. . . Th. I. S. 135, doc. LV; S. 150, doc. LXI; S. 176—177, doc. LXIX; Romanin S. Storia documentata di Venezia. Venezia, 1854. T. 2. P. 429, doc. IX; P. 438, doc. XI.

<sup>41</sup> MGH. Leg., sect. IV. T. 1. P. 122.

<sup>42</sup> Lazzarini V. Originali antichissimi. . . P. 202.

<sup>43</sup> Cecchetti B. Autografi, bolle ed assisa dei dogi di Venezia. Venezia, 1881. P. 11.

<sup>44</sup> Paoli C. Programma scolastico di paleografia latina e di diplomatica. Firenze, 1898. Pt 3. P. 238—239.

<sup>45</sup> Cecchetti B. Autografi, bolle ed assisa. . . P. 11.

<sup>46</sup> Архив ЛОИИ, западноевропейская секция (далее з.е.с.), кол. 54, оп. 2, № 1.

<sup>47</sup> Cecchetti B. 1) Programma. . . P. 34, doc. 4; 2) Autografi, bolle ed assisa. . . P. 23.

<sup>48</sup> Добинш-Рождественская О. А. История письма в средние века. Пб., 1923. С. 139; Люблинская А. Д. Латинская палеография. М., 1969. С. 89.

<sup>49</sup> Lazzarini V. Originali antichissimi. . . P. 214—215; образцы документов XII—XIV вв. см.: Cecchetti B. Programma. . . Tav. 4—6; Архив ЛОИИ, з.е.с., кол. 6, карт. 193, ед. хр. 1—12 и др.

<sup>50</sup> I libri commemoriali della Republica di Venezia: Regesti / Ed. R. Predelli. Venezia, 1876. Vol. 1.

<sup>51</sup> Каушанов С. М. Современные проблемы европейской дипломатии. С. 46—47.

<sup>52</sup> Maranini G. La costituzione di Venezia dalle origini. . . P. 241—242. Mosto A. da. I dogi di Venezia nella vita pubblica e privata. Firenze, 1977. P. 66.

<sup>53</sup> Maranini G. La costituzione di Venezia dalle origini. . . P. 178.

<sup>54</sup> Ibid.

<sup>55</sup> Ibid. P. 264—265, 269—279; Mosto A. da. I dogi di Venezia. . . P. 71; Deliberazioni del Consiglio dei XL della Repubblica di Venezia / A cura A. Lombardo. Venezia, 1957. Vol. 1. P. I—XVII.

<sup>56</sup> Romanin S. Storia documentata di Venezia. T. 2. P. 108—109.

<sup>57</sup> Musatti E. Venezia e le sue conquiste nel Medio Evo. Verona; Padova, 1881. P. 213—215.

<sup>58</sup> Maranini G. La costituzione di Venezia dalle origini. . . P. 276—277, 297—299.

<sup>59</sup> Ibid. P. 241—262.

<sup>60</sup> Deliberazioni del Maggior Consiglio di Venezia / A cura di R. Cessi. Bologna, 1931. Vol. 1. P. 247. Наглядную параллель дает приписка в некоторых списках древнерусской версии «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова: «Глест все на земле, остается одно слово» (Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Сообщ. Отд. русского языка и словесности. 1867. Вып. 2. С. 5).

<sup>61</sup> Совет десяти 30 V 1624 г. назидательно разъяснял, что переписывание набело документов, испорченных пометками и помарками, перед помещением в место хранения делается во избежание «образования вздорных представлений и вредных перетолкований таких помет и вычеркиваний, которые могли бы иметь дурные последствия» (Archivio Generale di Venezia. Venezia, 1873. P. 50).

<sup>62</sup> Elton G. R. Constitutional development and political thought in Western Europe // The New Cambridge modern history. Cambridge, 1958. T. 2. P. 446.

<sup>63</sup> Romanin S. Storia documentata di Venezia. T. 2. P. 429, doc. IX.

<sup>64</sup> Ibid. P. 438, doc. XI.

<sup>65</sup> Schafarik J. Acta archivi Veneti. Belgradi, 1860. Fasc. 2. P. 579, doc. 535; Tafel

G., Thomas G. M. Urkunden... Th. 1. S. 135, doc. LV; S. 150, doc. LXI; S. 176—177, doc. LXIX, etc.

<sup>66</sup> Ранняя известная — послан к византийскому императору 1198 г. см.: *Armingaud J. Venise et le Bas-Empire : Histoire des relations de Venise avec l'Empire de l'Orient*. Paris, 1868. P. 126—127, not. 1.

<sup>67</sup> *Musatti E. Venezia e le sue conquiste...* P. 213, not. (doc.).

<sup>68</sup> *Queller D. Office of ambassador in the middle ages*. Princeton, 1967. P. 26.

<sup>69</sup> *Predelli R. Pref. ad op.: Diplomatarium Veneto—Levantinum*. Venetiis, 1899. Pt 2 P. XI.

<sup>70</sup> *Predelli R. Il liber Communis detto anche Plegiorum*. Regesti. Venezia, 1874. P. 1—21; *Liber Communis qui vulgo nuncupatur «Plegiorum» // Deliberazioni del Maggior Consiglio di Venezia*. Vol. 1. P. 1—231.

<sup>71</sup> *I libri commemoriali della Republica di Venezia : Regèsti / Ed R. Predelli*. Venezia, 1876—1913. Vol. 1—8.

<sup>72</sup> *Tafel G., Thomas G. M. Der Doge Andreas Dandolo und die von demselben angelegten Urkundensammlungen zur Staat- und Handelsgeschichte Venedigs*. München, 1855. S. 6.

<sup>73</sup> *Cornelius F. Ecclesiae Venetae antiquis monumentis*. Venetiis, 1749. Dec. 8. P. 108—110.

<sup>74</sup> *Musatti E. Venezia e le sue conquiste...* P. 208.

<sup>75</sup> *Каптанов С. М. IV Международный конгресс по дипломатике*. С. 29 (доклад А. Кариле).

<sup>76</sup> *Giry A. Manuel de diplomatique*. Paris, 1894. P. 499.

<sup>77</sup> Архив ЛОИИ, з.е.с., кол. 54, оп. 2, № 2—4.

<sup>78</sup> Ф. Бродель показал, что значил для Венеции привозной хлеб еще и в XV—XVII вв. и сколько его требовалось для этого города (*Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. М., 1986. Т. 1. С. 154—155*).

<sup>79</sup> *Canale M. da. Les estoires de Venise / A cura di A. Limentani*. Firenze, 1972. P. 324.

<sup>80</sup> *Дживелегов А. К. Средневековые города в Западной Европе*. СПб., 1908. С. 123—124.

<sup>81</sup> *Maranini G. La costituzione di Venezia dalle origini...* P. 315.

<sup>82</sup> *Ibid.* P. 175—178.

<sup>83</sup> *Ibid.* P. 184—194; *Mosto A. da. I dogi di Venezia...* P. 90. Перемена политического порядка вскоре отразилась в политической мысли современников. Ученик и продолжатель Фомы Аквинского Птолемей из Лукки, епископ Торчелло (Венеция) отметил «не тираническое» правление венецианского дожа (*Divi Thomae Aquinatis De regimine principum / Cur. J. Mathis. Torino, 1948. P. 75—76*). Юрист Бартоло из Сасоферрато, придерживавшийся точки зрения, что крупные города лучше управляются «богатыми и лучшими немногими», нежели «народом» или «одним», назвал образцами Венецию и Флоренцию (*Bartoli à Saxoferrato. Omnium iuris interpretum, antesignani, consilia, quaestiones, et tractatus*. Venetiis, 1602. T. 10. F. 153 t.).

<sup>84</sup> *Maranini G. La costituzione di Venezia dopo la serrata...* P. 33 sgg.; *Lane F. C. The enlargement of the Great Council of Venice // Florilegium Historiale : Essays presented to W. K. Ferguson*. Toronto, 1971. P. 237—273.

<sup>85</sup> *Consiglio dei Dieci. Deliberazioni Miste. Registri I—II / A cura di F. Zago*. Venezia, 1962. P. VII—IX.

<sup>86</sup> *Kretschmayr H. Geschichte von Venedig*. Stuttgart, 1920. Bd 2. S. 281.

<sup>87</sup> *Сестан Э. Итальянский город в XIV—XVI вв.* С. 29.

<sup>88</sup> *Maranini G. La costituzione di Venezia dopo la serrata...* P. 325 sgg.; *Cessi R. Storia della Repubblica di Venezia*. Milano; Messina, 1946. T. 1. P. 12—13.

<sup>89</sup> *Sansovino F. Venetia città nobilissima e singolare*. P. 121; *Sandi V. Principj di storia civile...* P. 818; *Ferro M. Dizionario...* T. 3. P. 6—7; *Romanin S. Storia documentata di Venezia*. T. 2. P. 292—293.

<sup>90</sup> Великий канцелярий Н. Писторно изображен на миниатюре в «Обещании» дожа А. Дандоло 1342 г., а затем рядом с этим дожем на мозаике Баптистерия (*Molmenti P. La storia di Venezia nella vita privata*. Bologna, 1910. Pt 1. P. 149—150). Существует мнение, что канцелярия была на стороне мятежного дожа Марино Фальера в 1355 г. (*Bullo C. Il cancellier grande di Chioggia // Nuovo Archivio Veneto*. 1904. N. S. T. 8. P. 273). Все это, на мой взгляд, свидетельствует о росте делового значения и общественного престижа канцелярии.

<sup>91</sup> *Trebbi G. La cancelleria veneta...* P. 78, not. 37.

- <sup>92</sup> *Lorenzi G. B.* Monumenti per servire alla storia del Palazzo Ducale di Venezia. Venezia, 1869. P. 10, doc. 32 (19 VIII 1316); P. 44, doc. 120 (30 IX 1398); *Cecchetti B.* Costituzione storica... P. 60—61, doc. (17, 28 XII 1340).
- <sup>93</sup> *Lorenzi G. B.* Monumenti... P. 59—60, not. (a), doc. (23 IV 1402).
- <sup>94</sup> Archivio generale di Venezia. P. 47, not. 3, doc. (28 XII 1413).
- <sup>95</sup> *Lorenzi G. B.* Monumenti... P. 10, doc. 32; P. 59—60, not. (a), doc.; P. 59, doc. 151 (26 III 1423); Archivio generale di Venezia. P. 47, doc. (1 X 1429).
- <sup>96</sup> Archivio generale di Venezia. P. 50, doc. (26 XIII 1271); *Ferro M.* Dizionario... T. 3. P. 12 (18 XII 1413); *Lorenzi G. B.* Monumenti... P. 59—60, not. (a), doc.
- <sup>97</sup> I libri commemorativi... Vol. 1. P. 2, N 80.
- <sup>98</sup> Consiglio dei Dieci. Reg. I—II. P. 58, doc. 117 (29 III 1320) passim.
- <sup>99</sup> *Bigalea M.* Capitulare legum notariis publicis venetiarum. Venetiis, 1689. P. 16; *Lorenzi G. B.* Monumenti... P. 10, doc. 32; *Cecchetti B.* Della necessita della conservazione degli archivi notarili d'Italia e nuovi documenti storici trovati in quello ai Frari // Atti Istituto Veneto. 1866—1867. Venezia, 1867. Ser. 3. T. 12. P. 539; *Fantoni G.* L'archivio notarile di Venezia // Archivio Veneto. 1883. T. 26. P. 380—409.
- <sup>100</sup> *Fulin R.* Pref. ad op.: Baracchi A. Le carte del mille e dell' millecento che si conservano nel Archivio notarile di Venezia. Venezia, 1882. P. 5.
- <sup>101</sup> *Ferro M.* Dizionario... T. 3. P. 6.
- <sup>102</sup> *Pasolini P. D.* Documenti riguardanti antichi relazioni fra Venezia e Ravenna. Imola, 1881. P. 56, doc. XI; *Lorenzi G. B.* Monumenti... P. 28, doc. 81; P. 29, doc. 84; *Diplomatarium Veneto—Levantinum*, Pt 2. P. 17, doc. 7; P. 79, doc. 46; P. 92, doc. 53; *Cecchetti B.* Costituzione storica... P. 60, doc.
- <sup>103</sup> *Lorenzi G. B.* Monumenti... P. 59—60, not. (a), doc.; *Baschet A.* Les archives de Venise. P. 155, 158—160.
- <sup>104</sup> *Zannotto F.* Il palazzo ducale di Venezia. «Pianto generale del 2<sup>do</sup> piano nobile».
- <sup>105</sup> *Cecchetti B.* Costituzione storica... P. 66.
- <sup>106</sup> Elenco degli ordinari, straordinari, segretari di Pregadi e cancellieri grandi dal secolo XIII fino al XVII (см.: *Trebbi G.* Il segretario veneziano. P. 42, not. 13). В этой рукописи, однако, много существенных пробелов (*Gentilini G.* L'ultima commedia umanistica veneziana: la «Dolotechne» di Bartolomeo Zamberti // Atti Istituto Veneto. 1978—1979; Classe di scienze morali. Venezia, 1979. T. 137. P. 589, not. 10).
- <sup>107</sup> Deliberazioni del Maggiore Consiglio. Vol. 2. P. 225.
- <sup>108</sup> Cassiere della Bolla Ducale: Grazie—Novus Liber, 1299—1305 / A cura di E. Favaro. Venezia, 1962. P. 216, doc. II; P. 232, doc. C.
- <sup>109</sup> *Bertaldo I.* Splendor Venetorum civitatis consuetudinum. Bononiae, 1895.
- <sup>110</sup> *Leicht P. S.* Lo stato Veneziano e il diritto comune // Miscellanea in onore di R. Cessi. Roma, 1958. T. 1. P. 206; *Besta E.* Jacopo Bertaldo e lo «Splendor Venetorum civitatis consuetudinum» // Nuovo Archivio Veneto. 1897. T. 13. P. 109—133.
- <sup>111</sup> *Trebbi G.* Il segretario veneziano. P. 46 sgg.
- <sup>112</sup> *Cecchetti B.* Costituzione storica... P. 26.
- <sup>113</sup> Ibid. P. 595—600.
- <sup>114</sup> Ibid. P. 598.
- <sup>115</sup> *Bullo C.* Il cancellier grande di Chioggia. P. 6. Многие канцелярии Кюджин ранее служили в канцелярии дожеского дворца, а несколько великих канцеляриев Венеции были выходцами из Кюджин (Ibid. P. 15—30, 269—277).
- <sup>116</sup> Consiglio dei Dieci. Reg. I—II. P. 60, doc. 123 (16 или 23 IV 1320).
- <sup>117</sup> *Molmenti P.* La storia di Venezia... Pt 1. P. 383, not. 2 (об украшении церкви общества нотариев в 1382 г.).
- <sup>118</sup> I libri commemorativi... 1878. Vol. 2. P. 177. N 314. Пределы поместил «ordo curiae» под 1349 г., но присутствие в списке Беннинтенди де'Равиньяни в качестве великого канцелярия (избран 1 VII 1352, умер в 1365 г. — см.: *La Temi Veneta*... per l'anno 1796. P. 45) дает основание для другой датировки — 1352—1365 гг.
- <sup>119</sup> *Bellemo V.* La vita e i tempi di Benintendi de Ravignani cancelliere grande della Veneta Repubblica // Nuovo Archivio Veneto. 1912. N. S. T. 23—24; *Lazzarini L.* Paolo di Bernardo ed i primordi dell' umanesimo in Venezia. Geneve, 1930. P. 100—102; *Diplomatarium Veneto—Levantinum*, Pt 2. P. 3, doc. 3. P. 46—47, doc. 23; P. 61, doc. 34; P. 71—76, doc. 40—44; P. 77—78, doc. 46; P. 92, doc. 53; P. 144, doc. 83, P. 395—397, app. doc. V; *Pasolini P. D.* Documenti... P. 114, doc. II; *Deliberazioni del Consiglio dei Rogati (Senato)*. Serie «Mixturem» / A cura di R. Cessi et al. Venezia,

- 1960 Vol. 1. P. 197, doc. 147; I libri commemoriali. . . Vol. 1. P. 86, N 365; Sansovino J. Venetia città nobilissima et singolare. P. 121; etc.
- <sup>120</sup> Trebbi G. La cancelleria veneta. P. 79 и not. 40.
- <sup>121</sup> Deliberazioni del Consiglio dei XL. Vol. 2. P. 5, doc. 14.
- <sup>122</sup> Consiglio dei Dieci. Reg. I—II. P. 25—28, doc. 31 (10 VIII 1319).
- <sup>123</sup> Bellemo V. La vita e i tempi di Benintendi de Ravignani. P. 77, doc. II (23 XI 1339).
- <sup>124</sup> Deliberazioni del Consiglio dei XL. Vol. 2. P. 87, doc. 292 (15 X 1349); P. 89, doc. 295—296 (15 X 1349).
- <sup>125</sup> I libri commemoriali. . . Vol. 1. P. 110, N 486 (27 VI 1311).
- <sup>126</sup> Ibid.; Cecchetti B. Libri, scuole, maestri, sussidii allo studio in Venezia nei secoli XIV e XV // Archivio Veneto. 1886. T. 32. P. 344, doc. (22 I 1357).
- <sup>127</sup> Diplomatarium Veneto—Levantinum. Pt 2. P. 13—14, doc. 6; P. 71—72, doc. 10; I libri commemoriali. . . Vol. 1. P. 223, N 243; Pasolini P. D. Documenti. . . P. 52—54, doc. X; P. 111—124, doc. I—VI.
- <sup>128</sup> Приведем лишь несколько примеров: I libri commemoriali. . . Vol. 2. P. 325, N 270 (22 IX 1361); Diplomatarium Veneto—Levantinum. Venetiis, 1880. Pt 1. P. 196, doc. 96 (13 VII 1324); Pt 2. P. 17, doc. 7 (1 III 1352); P. 79, doc. 46 (27 VIII 1361); P. 92, doc. 53 (13 III 1363); Lorenzi G. B. Monumenti. . . P. 28, doc. 81 (20 V 1341); P. 29, doc. 84 (2 I 1342); Pasolini P. D. Documenti. . . P. 56, 62, doc. XI (10 IV 1336); Schafarik J. Acta archivi veneti. Fasc. 1. P. 233—238, doc. 154 (18 VIII 1386).
- <sup>129</sup> Consiglio dei Dieci. Reg. I—II. P. 20, doc. 15 (X 1315); P. 22, doc. 19 (1315); P. 144, doc. 396 (IV—V 1323); P. 198, doc. 564 (1325).
- <sup>130</sup> Ferro M. Dizionario. . . T. 3. P. 187—194; Sandi V. Principj di storia civile. . . Pt 2, t. 2. P. 812—813.
- <sup>131</sup> Архив ЛОИИ, з.е.с., кол. 6, карт. 186, ед. хр. 23 (11 VII 1418); Cecchetti B. Autografi, bolle ed assisa. . . P. 32, tav. VII.
- <sup>132</sup> Schafarik J. Acta archivi Veneti. Fasc. 2. P. 588—589, doc. 538; Diplomatarium Veneto—Levantinum. Pt 2. P. 72, doc. 40; P. 152, doc. 89; P. 257, doc. 148; P. 316, doc. 120; P. 341, doc. 177.
- <sup>133</sup> Архив ЛОИИ, з.е.с., кол. 6, карт. 186, ед. хр. 9 (16 II 1375).
- <sup>134</sup> Каштанов С. М. Современные проблемы европейской дипломатики. С. 28—29 (доклад Н. Икономидиса).
- <sup>135</sup> Архив ЛОИИ, з.е.с., кол. 54, оп. 2, № 11.
- <sup>136</sup> Diplomatarium Veneto—Levantinum. Pt 2. P. 164—165, doc. 98; Schafarik J. Acta archivi Veneti. Fasc. 1. P. 143—144, doc. 100.
- <sup>137</sup> Lazzari V. Cenni intorno alle legazioni Venete alla Porta Ottomana nel secolo XVI // Albèri E. Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo XVI. Firenze, 1855. Ser. 3. T. 3. P. XV; Queller D. Office of ambassador. . . P. 112.
- <sup>138</sup> Diplomatarium Veneto—Levantinum. Pt 2. P. 185, doc. 158.
- <sup>139</sup> Архив ЛОИИ, з.е.с., кол. 54, оп. 2, № 4—13<sup>а</sup>; кол. 6, карт. 186, ед. хр. 186 (печатать при документе от 16 II 1377 г.).
- <sup>140</sup> Trebbi G. La cancelleria veneta. P. 79.
- <sup>141</sup> Lorenzi G. B. Monumenti. . . P. 54—55, doc. 142.
- <sup>142</sup> Cessi R. Storia della Repubblica di Venezia. T. 1. P. 361.
- <sup>143</sup> Mosto A. da. I dogi di Venezia. . . P. 162—174.
- <sup>144</sup> Vergottini G. de. Lezioni di storia. . . P. 4.
- <sup>145</sup> Лу Г. И. История инквизиции в средние века. СПб., 1911. Т. 1. С. 527.
- <sup>146</sup> Storia d'Italia. Torino, 1974. Vol. 1, t. 1. P. 332—336.
- <sup>147</sup> История Италии. М., 1970. Т. 1. С. 426—465; Storia d'Italia. P. 364—375.
- <sup>148</sup> Bouwsma W. Venice and the defence of republican liberty: Renaissance values in the age of Counter Reformation. Los Angeles, 1968. P. 107—111.
- <sup>149</sup> Maranini G. La costituzione di Venezia dopo la serrata. . . P. 91—92.
- <sup>150</sup> Ferro M. Dizionario. . . T. 3. P. 9.
- <sup>151</sup> См.: Porto L. da. Lettere storiche dall'anno 1509 al 1528. Firenze, 1857. P. 131; Lorenzi G. B. Monumenti. . . P. 90—91, doc. 194 (декрет Совета десяти от 3 IV 1480).
- <sup>152</sup> Guarini G. B. Il segretario. Venetia, 1594. P. 46sgg.; Maranini G. La costituzione di Venezia dopo la serrata. . . P. 196, 416—431; Lowry M.J.C. The reform of the Council of Ten, 1582—1583: An unsettled problem? // Studi veneziani. 1971. T. 23; Lane F. C. Venice a maritime republic. P. 403—404; Quazza G. La decadenza italiana nella

storia europea : Saggi sui sei-settecento. Torino, 1971. P. 41; *Trebbi G.* La cancelleria veneta. P. 88, 121.

<sup>153</sup> *Galasso G.* Le forme del potere, classi e gerarchie sociale // Storia d'Italia. Torino, 1972. Vol. 1. P. 488.

<sup>154</sup> *Lorenzi G. B.* Monumenti. . . P. 72, doc. 166.

<sup>155</sup> *Baschet A.* Les archives de Venise. P. 159, not. 1, doc.

<sup>156</sup> *Lorenzi G. B.* Monumenti. . . P. 72, doc. 166; *Ferro M.* Dizionario. . . T. 3. P. 13—14; T. 7. P. 325—326.

<sup>157</sup> Archivio generale di Venezia. P. 55; *Zanotto F.* Il palazzo ducale di Venezia. Tav. XII; *Cecchetti B.* Dell'importanza degli archivi notarili d'Italia e prima statistica di quelli del Veneto // Atti Istituto Veneto. 1867—1868. Venezia, 1868. Ser. 3. T. 13. P. 1371—1410.

<sup>158</sup> *Zanotto F.* Il palazzo ducale di Venezia. P. 51 (2<sup>a</sup> pag.).

<sup>159</sup> *Lorenzi G. B.* Monumenti. . . P. 491, doc. 956; P. 495, doc. 961.

<sup>160</sup> *Ibid.* P. 72, doc. 166; P. 141—142, doc. 294 passim; *Baschet A.* Les archives de Venise. P. 158, not. 1, doc.; P. 166, not. 1, doc.

<sup>161</sup> *Cecchetti B.* Costituzione storica. . . P. 603; *Ferro M.* Dizionario. . . T. 3. P. 9; Интересные сведения о структуре и оплате служащих приводятся в анонимном трактате ок. 1500 г.: *Traité du gouvernement de la cité et seigneurie de Venise* // Perrel P. M. Histoire des relations de la France avec Venise du XIII<sup>e</sup> siècle à l'avènement de Charles VIII. Paris, 1896. T. 2. P. 277—280.

<sup>162</sup> Первое упоминание отмечено мной в договоре Венеции и Савойи против Милана 1426 г. (*Lünig J. C.* Codex Italiae diplomaticus. T. 2. Col. 1985—1986, doc. XXI (11 VII 1426) ). Дж. Треббни полагает, что термин первоначально употреблялся для обозначения тех служащих канцелярии, которые исполняли дипломатические миссии, и только с 1458 г. стал применяться и к тем, которые вели регистры секретной канцелярии (*Trebbi G.* Segretario veneziano. P. 38). Однако если предупреждение к рукописи хроники Дж. Джакомо Карольдо, ответственного служащего венецианской канцелярии, доведенной автором до 1383 г. (хранится в Библиотеке Марциана), написано им самим, то придется признать, что термин «секретарь» начал употребляться в своем собственном значении уже в 80-е гг. XIV в. В предупреждении написано: «. . . L'humil servo Joan Jacomo Caroldo secretario dell'illustrissimo Consiglio de X» (*Foscarini M.* Della letteratura veneziana ed altri scritti intorno ad essa. Venezia, 1854. P. 172, not. 3).

<sup>163</sup> См.: *Trebbi G.* La cancelleria veneta. P. 102.

<sup>164</sup> См.: *Baschet A.* Les archives de Venise. P. 403—404.

<sup>165</sup> *Ibid.* P. 578—579; *Pasini L.* Delle scritture in cifra usate dalle Repubblica di Venezia // Archivio generale di Venezia. P. 294—296.

<sup>166</sup> *Ferro M.* Dizionario. . . T. 3. P. 10—11; *Lorenzi G. B.* Monumenti. . . P. 77, doc. 175; P. 90, doc. 194; *Zanotto F.* Il palazzo ducale di Venezia. P. 68—69 (2<sup>a</sup> pag.); *Trebbi G.* La cancelleria veneta. P. 80.

<sup>167</sup> *Molmenti P.* La storia di Venezia nella vita privata. Bologna, 1911. Pt 2. P. 27, not. 1.

<sup>168</sup> См.: *Degli Agostini G.* Notizie storico-critiche intorno la vita e le opere degli scrittori viniziani. Venezia, 1754. T. 2. P. 591—594; Documenti per servire alla storia della tipografia veneziana // Archivio Veneto. 1882. T. 23. P. 162, doc. 155.

<sup>169</sup> *Sanudo M.* Cronachetta. Venezia, 1880. P. 50—62; *Segarizzi A.* Cenni sulle scuole pubbliche a Venezia nel secolo XV<sup>e</sup> sul primo maestro di esse // Atti Istituto Veneto. 1915—1916. Venezia, 1916. T. 75. P. 640; *Molmenti P.* La storia di Venezia. . . Pt 2. P. 257, not. 2, doc.; *Nardi B.* Letteratura e cultura veneziana del Quattrocento // Civiltà Veneziana del Quattrocento. Firenze, 1956. P. 119—120.

<sup>170</sup> *Trebbi G.* La cancelleria veneta. P. 83—86.

<sup>171</sup> *Meister A.* Zur Kenntnis des Venetian Chiffrenwesens // Hist. Jahrb. 1896. Bd 18. S. 326—327.

<sup>172</sup> *Lorenzi G. B.* Monumenti. . . P. 250, doc. 538; P. 366—367, doc. 766; *Baschet A.* Les archives de Venise. P. 167, not. 1, doc.; P. 168—169, not. 1, doc.

<sup>173</sup> *Lorenzi G. B.* Monumenti. . . P. 414—415, doc. 843.

<sup>174</sup> *Baschet A.* Les archives de Venise. P. 178, doc.

<sup>175</sup> *Cecchetti B.* Le scritture occulte nella diplomazia veneziana // Atti Istituto Veneto. Ser. 3. T. 14. P. 1185—1213; *Brown R.* History of italian cipher // Calendar of State papers : Venetian. London, 1867. Vol. 2. P. LXIX—LXXII; *Pasini L.* Delle scritture

in cifra... P. 291—327; *Meister A.* Zur Kenntnis des Venetian Chiffrenwesens. P. 319—330.

<sup>176</sup> *Cicogna E. A.* Delle iscrizioni veneziane. Venezia, 1864. Vol. 6. P. 382.

<sup>177</sup> *Bettanini A. M.* Lo stile diplomatico: Propedeutica allo studio della diplomatica. Milano, 1933. P. 263.

<sup>178</sup> *Baschet A.* Les archives de Venise. P. 578—579.

<sup>179</sup> Архив ЛОИИ, з.е.с., кол. 6, карт. 186, ед. хр. 33 (23 I 1443); *Cecchetti B.* Autografi, bolle ed assisa... P. 32; *Lazzarini V.* Originali antichissimi... P. 206.

<sup>180</sup> *Lazzarini V.* Un maestro di scrittura... P. 119.

<sup>181</sup> *Сестам Э.* Итальянский город в XIV—XVI в. С. 18; см. также: *Шишмарев В. Д.* История итальянской литературы и итальянского языка. Л., 1972. С. 101.

<sup>182</sup> *Rambaldi P. L.* In punto di etichette // *Ateneo Veneto.* 1909. A. 32. T. 1. P. 53.

<sup>183</sup> Архив ЛОИИ, з.е.с., кол. 54, оп. 2, № 14—18.

<sup>184</sup> Там же, кол. 6, карт. 187, ед. хр. 22 (1524).

<sup>185</sup> Там же, кол. 48, карт. 585, ед. хр. 29 (I III 1538 г.). О «прикладных печатях под бумажкой» см.: *Лухачев Н. П.* Из лекций по сфрагистике. СПб., 1906. С. 17.

<sup>186</sup> См.: *Lamansky V.* Secrets d'etat de Venise. St.-Pb., 1884. P. 678.

<sup>187</sup> Об этом свидетельствуют сочинения секретарей о секретарском деле, о самих себе (см.: *Sabellico M. A.* De scribarum officio, dialogus // *Graevius J. G.*, *Burmman P.* Thesaurus antiquitatum et historiarum Italia. Lugduni Batavorum, 1722. T. 5, pt 1; *Bartholomaei Comini Oratio pro funere Joannis Dedi veneti scribae maximi Venetiis*, 1510).

<sup>188</sup> Небольшой пример показывает, как канцелярия могла оказывать влияние, скажем, на развитие местной промышленности. Коль скоро требовалось получить привилегию Сената, то ремесленники никак не могли сделать это иначе, чем подачей прошения в канцелярию дожеского дворца (*Poni C.* Piccole innovazioni e filatoi a mano: Venezia (1550—1600) // *Studi in memoria di Luigi Dal Pane.* Bologna, 1982. P. 373, not. 7.

<sup>189</sup> *Toynbee A. J.* A study of history. London, 1939. T. 4. P. 279.

<sup>190</sup> *Bouwtsma W.* Venice and the defence of republican liberty. P. 557.

<sup>191</sup> Декреты см.: *Reumont A.* Della diplomazia italiana da secolo XIII al XVI. Firenze, 1857. P. 317—319.

<sup>192</sup> В этом убеждают свидетельства XVII—XVIII вв.: «История старинного правления венецианской республики» Д. А. Муаццо (см.: *Cicogna E. A.* Delle iscrizioni veneziane. Venezia, 1830. Vol. 3. P. 393—394; *Foscarini M.* Della letteratura veneziana. Venezia, 1854. P. 352—353, not. 3; *Lombardo A.* Storia e ordinamenti delle magistrature veneziane in un MS inedito del secolo XVII // *Studi in onore di R. Filangieri.* Napoli, 1959. Vol. 2; *Davis J. C.* The decline of the Venetian nobility as a ruling class. Baltimore, 1962. P. 140—141; *Amelot de la Houssay N.* Histoire du gouvernement de Venise. Paris, 1685; *Laugier M. A.* Histoire de la République de Venise. Paris, 1760. T. 4. P. 38—39; etc.). Эти свидетельства сходятся с официальными данными (см.: *La Temi Veneta*... per l'anno 1797. P. 110—111; *Archivio generale di Venezia.* P. 46—47, 55—56; *Trebbi G.* La cancelleria veneta. P. 89, и т. д.).

Т. Н. ТАЦЕНКО

## УКРЕПЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И РАЗВИТИЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В КУРФЮРШЕСТВЕ САКСОНСКОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

Важнейшей особенностью исторического развития средневековой Германии было сохранение и усугубление территориальной раздробленности в тот период, когда в ряде других западноевропейских стран складывались единые национальные государства. Общеευропейские процессы консолидации политической власти и ее оформления в определенные государственные структуры постепенно перемещались в Германии на региональный уровень, реализуясь здесь в рамках отдельных княжеств.

По словам Ф. Энгельса, в Германии имела место «централизация в самой раздробленности».<sup>1</sup> Хозяйственные и политические силы объединялись вокруг определенных центров. Мало-помалу выделялись мощные, обладавшие крупными земельными богатствами княжеские династии, которые владели юридическими правами территориального верховенства (*Landeshoheit*) над обширными областями.

Первые упоминания о них в источниках относятся к последним десятилетиям XII—первым десятилетиям XIII в.: в качестве «*landes Negge*» они впервые встречаются в немецкоязычном источнике 1180 г., а в адекватном латинском обозначении «*domini terrae*» — в документе 1217 г.<sup>2</sup> Права верховной юрисдикции светских и духовных связей в контролируемых ими территориях были законодательно закреплены в широко известном императорском «Установлении на пользу князьям» (*Statutum in favorem principum*) 1231—1232 гг. Согласно этому документу, территориальные князья получили также права чеканки монеты, сбора таможенных пошлин, конвоя, основания рынков, постройки замков в юридически подвластных им территориях, т. е. монетную, таможенную, конвойную, рыночную, замковую регалии. Так формировались правовые основы государственности средневековых немецких княжеств. В научной литературе эти княжества характеризуются как особый тип государства, называемый немецкое территориальное государство (*der deutsche Territorialstaat*).<sup>3</sup> Исследователи считают, что говорить о его су-

уществовании можно уже применительно к середине XIII в.<sup>4</sup> В последующие века развитие шло в направлении упрочения территориальной власти. Путем военных и колониальных захватов, присвоения вымороченных ленов, покупок и династических браков увеличивалось доменное землевладение территориальных князей — материальная основа их власти. Территориальный князь стремился подавить сепаратистски настроенные крупные внутритерриториальные силы — видных духовных и светских феодалов, обладавших рядом значительных судебных и налоговых привилегий, а также подчинить города. Эти стремления находили выражение в постоянной борьбе князя с территориальными или земскими сословиями (*Landstände*). Одновременно с «установлением на пользу князьям» император Генрих VII издал имперский закон, который запрещал князьям налагать на подданных новые подати и повинности без согласия на то «старших и лучших земли (*maiores et meliores terrarum*)».<sup>5</sup> Этот факт свидетельствует, что активизация сословий в княжеских территориях стала заметной уже в 30-е гг. XIII в.

Процессы консолидации княжеской власти в немецких территориальных государствах XIII—XV вв. имели много локальных вариантов, которые определялись разным сочетанием множества факторов: природные условия и степень экономического развития конкретной территории, положение в ней городов и крестьянского населения, характер отношений князя с земским дворянством и церковью, особенности сословного движения и т. д. Укрепление территориальной власти проходило в различные хронологические периоды и имело несходные результаты.

История территориальной немецкой государственности никогда не была объектом специального рассмотрения в отечественной историографии. Между тем хорошо известно, что в зарубежной и прежде всего в немецкой науке существует давняя традиция изучения истории феодального государства. При этом в XIX—первой половине XX в. в исторических исследованиях преобладала негативная оценка немецких территориальных государств.<sup>6</sup> Без сомнения, это было связано с определенными общественными идеалами и политической конъюнктурой того времени, ориентированными на единое сильное государство. Тяжелый исторический опыт второй мировой войны, заставивший померкнуть прежние идеалы государства, а также освоение обширного пласта оригинальных архивных материалов резко увеличили интерес немецких ученых к истории территориального государства. Общепризнанной историографической задачей сделалось изучение конкретной истории отдельных территориальных государств во всей многовариантности их исторических судеб, во всем многообразии различных сфер их жизнедеятельности и разных хронологических этапов.<sup>7</sup> В результате в послевоенные десятилетия немецкими учеными было издано много работ по истории отдельных территориальных государств.<sup>8</sup> Задача накопления локального исторического материала продолжает оставаться актуальной. Хорошо сознается и необходимость его общего теоретического осмысления.<sup>9</sup>

Самостоятельное значение для истории государства имеет изучение структур государственного аппарата, возникновения и эволюции его учреждений. Сведения о строительстве, функционировании и видоизменениях государственных институтов носят, на наш взгляд, не формальный, но существенный характер и заслуживают специального рассмотрения.

В первые два века существования немецких территориальных государств (примерно середина XIII—середина XV в.) их аппарат управления был относительно прост. Ядром управления была княжеская придворная канцелярия, служащие которой, в подавляющем большинстве клирики, удовлетворяли потребностям в письменной фиксации и распространении решений князя. Личная роль князя в процессах управления была очень велика. При этом большой вес в принятии политических решений имели советники (*Räte*). Как правило, ими были видные придворные: главный администратор двора — гофмайстер, отвечающий за военные дела — маршал, глава канцелярии — канцлер и др. Эти советники составляли совет (*Rat*) — центральный орган территориальной власти. Придворные советники происходили из крупного дворянства, но отчасти и из низшего — министерялов, ведущих свое начало от княжеской челяди раннего Средневековья. Первые упоминания об этих советниках (*Heimlichen, Familiares, Consilarii*) территориальных князей относятся к середине XIII в.<sup>10</sup> Органы центрального управления княжества были тогда тождественны органам придворного управления. Помимо придворных советников князь по своему личному выбору время от времени призывал к себе для совета и представителей крупного дворянства территории, обычно из сословия так называемых господ (*Herren*), которые считались урожденными советниками князя (*geborene Räte, Räte von Haus aus*). Круг таких советников не был неизменным. Советники участвовали в обсуждении земских дел: военных и дипломатических вопросов, хозяйственного управления, политики князя в отношении сословий. Четкой специализации отдельных советников по определенным сферам управления не было. Постоянного местопребывания двора, столицы в современном понимании этого слова в XIII—XV вв. не существовало. Двор и канцелярия сопровождали князя в его непрерывных передвижениях от одного места к другому. Во время этих путешествий князь осуществлял личные контакты со своими вассалами, используя одновременно некоторых из них как советников, а также непосредственно входил в деятельность местных органов власти, вершил суд.

Система местных органов территориальной власти в немецких княжествах сложилась в XIII в. Они возникли на основе фогств — административно-хозяйственных единиц княжеского землевладения и распространялись чаще всего в бургах — опорных пунктах княжеской власти. Во главе местного органа стоял чиновник из министерялов или из местного дворянства, находящийся у князя на жалованье. В различных немецких областях он назывался *Vogt, Pfleger, Drost, Amtmann*. Последнее наименование получило наибольшее распространение и постепенно стало универсальным в германских

землях. В соответствии с этим и сам местный орган чаще всего обозначался как Amt. Деятельность амтов была двоякого рода: они выполняли функции князя как крупного феодального землевладельца — сбор натуральных и денежных податей с зависимых крестьян, сидящих на землях княжеского домена, осуществление прав низшей юрисдикции по отношению к ним — а также как территориального государя — сбор и учет налогов непривилегированного населения в пределах амта, контроль за исполнением военных повинностей дворян — ленников князя, осуществление полицейской власти. Финансовая система территориальных княжеств до середины XV в. носила децентрализованный характер. Денежные доходы не передавались в центральные органы регулярно, а сосредоточивались в амтах и тратились всякий раз по приказу князя для совершенно определенной цели: удовлетворения нужд двора, строительства, поездок князя, разного рода выплат, в том числе долговых. Такой порядок выдач денежных сумм по запросам получил название Anweisungssystem.<sup>11</sup>

Несовершенство аппарата управления территориального государства, слабость и недифференцированность его центрального органа, архаизм и патриархальность в системе подбора кадров становились все более явными при сдвигах в социально-экономических и политических отношениях, происходивших в XIV—XV вв. Активное развитие начиная с XIV в. товарно-денежных отношений во всех сферах хозяйства, появление с середины XV в. в ряде немецких территорий (Австрия, Саксония)<sup>12</sup> элементов раннекапиталистических отношений привели к усложнению и росту объема торговых и финансовых операций, более активному движению земельной собственности и т. д., поставив тем самым перед аппаратом княжеской власти новые задачи. Прежде всего был необходим несравненно более строгий учет финансов, денежных поступлений и расходов, а также изыскание новых источников доходов. Для укрепления государства и проведения успешной политики требовались деньги, и деньги очень большие. В XIV—XV вв. появлялись все новые и новые статьи расходов. Так, изменения в военной технике, сделавшие неэффективным традиционное рыцарское ополчение с тяжелым вооружением, окончательно подорвали значение военно-ленной системы и заставили территориальных князей повсеместно перейти в XV в. к использованию наемников. Это увеличило потребность в деньгах. Возрастание роли финансовой деятельности, новые политические задачи в сфере отношений князя с сословиями, усложнение внешнеполитических отношений требовали от территориальных государей привлечения на службу компетентных советников: финансовых деятелей, профессиональных политиков и юристов.

Новыми потребностями был вызван процесс преобразования и усложнения аппарата во всех значительных немецких территориальных государствах, который отчетливо намечился около середины XV в. и длился примерно до середины XVI в. Он явился вместе с тем одним из важнейших показателей укрепления территориального государства в целом, отражением хода его централизации. Вторую

половину XV—первую половину XVI в. следует характеризовать как особо важный этап развития государства.

Одним из могущественнейших немецких территориальных государств этого периода было курфюршество Саксонское. Процессы консолидации княжеской власти и ее структурной организации проходили здесь в особенно выразительных формах, оказывая заметное влияние на другие германские земли. Большое значение имело также и то, что Саксония в интересующую нас эпоху оказалась в центре крупнейших политических и духовных движений Германии того времени.

К середине XV в. курфюршество Саксонское объединяло обширные территории в Средней Германии. Наиболее видными среди них были Майсенская марка и Тюрингия, а также земли курфюршества в среднем течении Эльбы. Наряду со старогерманскими областями на западе это были земли, приобретенные отчасти в период колонизации XII—XIII вв., отчасти в результате императорских пожалований или путем собирания земель в процессе укрепления княжеского господства в XIV—XV вв. Значительная часть территории была собственно землевладением курфюрстов из рода Веттинов (Wettiner). Вместе с тем немалую долю составляли владения земского дворянства, находившегося в юридической зависимости от Веттинов, т. е. под их территориальным покровительством. В пределах территории Веттинов не было императорских городов. Города здесь подчинялись юрисдикции курфюрста (*landsässige Städte*), хотя и сохраняли свои средневековые привилегии. То же можно сказать и о церковных владениях: даже самые крупные из них, как епископства Майсенское, Мерзебургское и Наумбургское, признавали верховную власть князя. Включению в сферу территориального господства оказывали сопротивление лишь крупные дворянские роды, имевшие имперское достоинство (графы Вильденфельс, имперские фогты Ройсен, графы Шёнбург). Их земли соответственно находились под имперской юрисдикцией и создавали определенную чересполосицу в территориальных владениях курфюрстов и герцогов Саксонских. Государство Веттинов, таким образом, еще не образовывало к середине XV в. компактную замкнутую территорию.

Владения Веттинов охватывали развитые в хозяйственном отношении районы. Крестьянство здесь было лично свободным и выплачивало землевладельцу лишь ежегодный фиксированный наследственный ценз. Выращивались зерновые и технические культуры, в частности лен. Благополучие многочисленных городов Саксонии покоилось главным образом на развитых в них сукноделии, пивоварении и льноткачестве. Большое значение имела транзитная торговля, центром которой был Лейпциг с его традиционными ярмарками. Настоящим же богатством Саксонии были горнорудные промыслы цветных металлов и особенно серебра в Рудных горах. Их развитие привело во второй половине XV—начале XVI в. к возникновению в этой местности ряда новых городов. Герцоги Саксонские издавна владели горной регалией, т. е. преимущественным правом разработки, организации и управления рудниками, а также преимуще-

ственным правом покупки добытого серебра для нужд своего монетного двора. Именно горнорудные промыслы делали саксонских государей экономически могущественными, что в решающей степени сказывалось на силе их территориального государства.

Владения Веттинов выделялись высокой письменной культурой образованных жителей, их умением грамотно и рационально вести дела, счета, денежные операции.<sup>13</sup> Видными центрами немецкого гуманизма во второй половине XV в. стали Эрфуртский и Лейпцигский университеты.

Подобно многим немецким княжествам курфюршество Саксонское не избежало неблагоприятных для государственного развития территориальных разделов. В 1485 г. из курфюршества, оставшегося во владении эрнестинской линии Веттинов, выделилось герцогство Саксонское, земли которого отошли в распоряжение альбертинской линии. Наиболее крупные владения при этом остались за курфюршеством. Так в Саксонии образовались два различных территориальных государства, сохранивших, впрочем, тесную связь и ряд общих учреждений, например общее управление горными рудниками и единый верховный суд.

К середине XV в. центральный аппарат управления курфюршества Саксонского, как и в других немецких территориальных государствах, был архаичным и несовершенным. Большинство дел проходило через руки самого князя, к его услугам был совет из видных придворных и нерегулярно привлекаемых представителей крупного земского дворянства. Отмеченные изменения в социально-экономической сфере и возникшие в связи с этим новые более сложные и обширные государственные задачи не соответствовали больше патриархальной и недифференцированной системе управления в курфюршестве Саксонском.

Наиболее острым был вопрос управления финансами. Создание новых органов власти требовало денег. Особенно большая нужда в деньгах возникла, после того как в 1426 г. тяжеловооруженное войско саксонских рыцарей было наголову разбито легкими отрядами гуситов, что заставило курфюрста Фридриха I искать средства для организации наемного войска.<sup>14</sup>

Доходы курфюршества Саксонского были феодальными по своему характеру. Прежде всего это были доходы с собственного домена, денежные и натуральные выплаты зависимого крестьянства, нерегулярные территориальные налоги, доходы с горной, монетной, соляной, таможенной и других регалий, судебные и канцелярские штрафы и выплаты. Большинство из этих средств взималось служащими местных органов — амтов. Чтобы качественно улучшить учет доходов и централизовать их, канцлер Георг фон Гаугвиц — главное лицо в администрации курфюрста Фридриха II — в 1456 г. провел реформу. В соответствии с ней хозяйственные и счетные функции начальников амтов — амтманов, как правило происходивших из земского дворянства, передавались их помощникам — так называемым сборщикам податей (Schösser), людям более компетентным, специально подготовленным для этой деятельности, в большинстве

своём бюргерского происхождения.<sup>15</sup> Еще более важным нововведением было то, что отныне собранные в амтах деньги не расходовались самими же местными органами в соответствии с поручениями князя, а поступали в казну государя (Kammer), находящуюся при дворе.<sup>16</sup> Таким образом, была отменена уже упоминавшаяся система выдачи денежных сумм по запросам, что открыло путь упорядочению и централизованному управлению финансами территориального государства. Стабилизации процессов управления в целом способствовало и третье мероприятие в реформе канцлера Гаугвица: постоянное перемещение двора курфюрста со всеми органами управления, в том числе с канцелярией, ограничивалось теперь тремя городами — Торгау, Майсеном, Лейпцигом.

С 60-х гг. XV в. управление финансами в курфюршестве Саксонском переходит в руки служащих бюргерского происхождения. Именно таким был канцлер Иоганн фон Мергенталь, при котором в 1469 г. финансовое управление было выделено из придворного совета в самостоятельный орган, во главе которого стал сам Мергенталь, получивший титул ландрентмайстера. Опыт и профессиональная подготовка бывших купцов или служащих амтов, таким образом, становятся на службу территориальной власти. Почти исключительное преобладание такого рода кадров в финансовых органах является характерной чертой многих немецких княжеств на протяжении второй половины XV—первой половины XVI в.

Сосредоточив финансовые дела в одних руках и в первую очередь управление казной Мергенталь установил более жесткий контроль над основной хозяйственной ячейкой — амтами. Их хозяйственная документация, а также расходы на содержание двора стали ежегодно проверяться специальными комиссиями, на всех уровнях вводились бухгалтерские книги определенного вида по образцу купеческих.<sup>17</sup> Мергенталь сделал следующий после Гаугвица шаг по упорядочению и более рациональному ведению финансовых дел, что не могло не быть благоприятным для укрепления материальных основ саксонского территориального государства. Но еще большее значение имел подъем в горном деле Саксонии, начавшийся в 70-х гг. XV в. Он был связан с открытием и разработкой новых богатых серебряных рудников в Рудных горах в районе Шнееберга и Мариенберга.<sup>18</sup> Обладая регальными правами, т. е. полным контролем над горными разработками, саксонские курфюрсты получали огромные доходы, присваивая себе, по данным А. Лаубе, от 20 до 25 % всего добываемого серебра.<sup>19</sup> Помимо этого, в территориальную казну поступала горная десятина и монетный сбор. Организационно власть курфюрста в горном деле осуществлял разветвленный аппарат служащих — бергамт, действовавший на основании княжеского законодательства — горных уставов, во множестве издававшихся в Саксонии в последней трети XV—XVI в. Во главе бергамта стоял верховный десятник — Oberzehntner, а после раздела 1485 г. два десятника: эрнестинский и альбертинский. Десятник отвечал за находившуюся в его руках казну горных доходов, так называемую Oberzehntnerkasse. С целью объединения всех денежных поступлений курфюршества

горная казна Эрнестинов была слита в 1492 г. с основной казной курфюршества и преобразована в центральную территориальную казну. Должность рентмайстера — правителя центральной казны получил верховный десятник Иоганн фон Ляймбах. Его судьба весьма показательна для той эпохи. Ляймбах происходил из богатейших лейпцигских бюргеров, он вкладывал свои капиталы во многие раннекапиталистические горнорудные предприятия Средней Германии.<sup>20</sup> Опыт в крупных финансовых операциях обеспечивал ему доверие курфюрста, и он оставался на посту главного управляющего финансами княжества почти два десятка лет. Важна была не только опытность Ляймбаха, но и его готовность в нужную минуту предоставить на службу политическим задачам территориального владельца свои собственные капиталы: рентмайстер был и кредитором князя.

Деловые контакты с подобными крупными финансистами, а также владение доходами горнорудных предприятий свидетельствуют о том, что для укрепления могущества своего государства курфюрсты Саксонские использовали раннекапиталистические формы экономики.

С расширением товарно-денежных отношений, развитием раннекапиталистических элементов, которые выразились в усложнении финансовых, торговых, имущественных сделок, не в последнюю очередь связано и распространение в германских землях в XV—XVI вв. римского права. Как право общества, основанного на денежном хозяйстве, оно больше отвечало новым явлениям в хозяйственной жизни и восполняло соответствующие лакуны в средневековом немецком праве. Например, многие спорные имущественные дела, дела, связанные с выплатой штрафов, не всегда могли быть разрешены в новых условиях путем устного разбирательства на основе германского права. В таких случаях органы амтов, суды крупных феодалов, сословные суды прибегали к апелляционному, третейскому суду, функции которого исполнял княжеский придворный суд, где председательствовал сам территориальный государь. В апелляционном суде наряду с германским широко применялось римское право. Римское право называлось в Германии еще и императорским, так как оно было в употреблении при дворе германского императора. Максимилиан I, испытывавший сильный интерес к римскому праву, сделал его основой деятельности созданных им в 90-е гг. XV в. судебных учреждений в своих наследственных австрийских владениях. Учрежденный в 1495 г. имперский суд также должен был судить по римскому праву. Эти обстоятельства сыграли большую роль в распространении римского права во всех германских территориях.

Важно отметить, что советники князя, составлявшие придворный суд, начиная с 60—70-х гг. XV в. целенаправленно набирались из дипломированных правоведов в основном бюргерского происхождения. Дворяне, получившие образование в университете, были тогда в Германии еще исключительным явлением. Опытные юристы, компетентные в римском праве, увеличивали авторитет и значение высшего княжеского суда, так как практически могли разрешить многие сложные вопросы реальной социально-экономической жизни. Эти

изменения в правовой практике XV—XVI вв. характерны как для курфюршества Саксонского, так и для всех крупных немецких княжеств в отмеченный период. Во многих землях княжеский суд был выделен в самостоятельное учреждение. Так, в 1483 г. в Лейпциге создается верховный придворный суд курфюршества Саксонского (Kursächsisches Oberhofgericht). Это обстоятельство имело большое значение для укрепления государственной власти территориального князя. Верховный суд территории, где судили по более развитому законодательству, пользовался авторитетом в качестве апелляционной инстанции у жителей территории, находящихся в юрисдикции автономных судебных единиц. Имеются в виду, например, мелкие дворяне, рыцари, подчиненные судебной власти своего непосредственного сеньера, бюргеры, бывшие в сфере действия своего городского суда, наконец, люди, находящиеся под властью церковного суда. Таким образом, происходило размывание автономных судебных сил территории в пользу увеличения судебной власти князя, что цементировало территориальную государственность. Уже согласно земскому уставу 1446 г. сфера деятельности церковных судов в Саксонии была ограничена церковными делами. Одновременно всем жителям было запрещено обращаться к правовой помощи за пределами территории.<sup>21</sup>

Рецепция римского права в Германии в XV в. и закрепление на княжеской службе профессиональных юристов существенно повлияли на оформление новых государственно-политических воззрений на территориальную власть князей. Распространяются такие понятия римского права, как «власть и порядок (auctoritas et disciplina)», «крайняя необходимость (extrema necessitas)», «общее благо (salus publica)». Немецким вариантом последнего понятия — «Gemeiner Nutzen» — буквально пестрят памятники территориального законодательства — земские уставы. Утверждается восприятие княжеской власти не как частноправового, а как публичноправового института. Обосновывается суверенитет территориального государя, неотчуждаемость его суверенных прав.

Весной 1499 г. курфюрст Фридрих Мудрый вместе с братом — герцогом Иоганном издали «Устав о княжеском совете», так называемый Ratsordnung.<sup>22</sup> Согласно уставу, четверо из его членов постоянно и безотлучно находились при дворе, устраивая ежедневные заседания с четко определенной процедурой, где должны были рассматриваться все дела княжества в соответствии с порядком их поступления в канцелярию. Обязательным принципом становилась коллегиальность в принятии решений, которые должны были приниматься только в присутствии всех постоянных советников. Наиболее видное положение в совете занимали гофмайстер и канцлер — глава канцелярии курфюрста, в него входили также ведавший финансами рентмайстер, некоторые из членов верховного суда, а также ряд советников, в разные годы от 6 до 11. Принципы совета — регулярность работы, коллегиальность в принятии решений, а также специализация советников по определенным сферам управления — должны были выгодно отличать его от прежнего.

Кто были члены совета? Предпочтение здесь отдавалось дипломированным юристам. Так, с начала 10-х гг. XVI в. и более четырех десятилетий служил при дворе саксонских курфюрстов Фридриха Мудрого (1486—1525), Иоганна Постоянного (1525—1532) и Иоганна Фридриха Великодушного (1532—1547) доктор права Грегор Брюк. В совете первых двух он был канцлером, а затем виднейшим советником. Сын бюргера, Грегор Брюк учился и получил степень доктора римского и канонического права в Виттенбергском университете, который был основан в 1502 г. Фридрихом Мудрым.<sup>23</sup> Служа в совете курфюрста, Грегор Брюк был одновременно членом саксонского верховного суда. Он сопровождал курфюрстов в важнейших переговорах, особую роль сыграл в делах Реформации и создании структур лютеранской церкви в курфюршестве. По-видимому, не без основания Брюка часто называли «душой саксонской политики».<sup>24</sup> Канцлером с 1528 по 1535 г. в советах Иоганна Постоянного был также доктор обоих прав, в прошлом бургомистр Виттенберга Кристиан Байер. Он тоже состоял членом верховного суда и выдвинулся как советник по церковным делам, участвуя в рейхстагах и переговорах.<sup>25</sup> В 1542—1545 гг. канцлером курфюршеского совета был известный правовед и государственный деятель Мельхиор фон Осса. Он читал лекции по римскому праву в Лейпцигском университете.<sup>26</sup> Осса был дворянского происхождения, что не было тогда характерным для должности канцлера, так как ему необходимо было постоянно находиться при дворе. Известно, что курфюрст Иоганн Фридрих Великодушный предпочитал канцлеров бюргерского происхождения.<sup>27</sup> Немногие доктора права из дворян в первой половине XVI в. обычно использовались курфюрстом для важных миссий как посланники, а не присутствовали при дворе безотлучно. Так, курфюршеские советники Ханс фон Планиц и Карл фон Милиц, оба — доктора прав, учившиеся не только в университетах Германии, но и в Болонье — тогдашнем европейском центре передового правового знания,<sup>28</sup> исполняли поручения по сношениям с папским престолом во втором десятилетии XVI в. — времени первых и наиболее острых реформационных конфликтов.

Сферу деятельности княжеского совета отражают уставы совета и канцелярии (Rat-und-Kanzleiordnungen), в большом количестве хранящиеся в немецких архивах, но неопубликованные и потому известные нам только по литературе. Они издавались довольно часто: только при Иоганне Фридрихе Постоянном их известно не меньше четырех за 30—40-е гг. XVI в.<sup>29</sup> В совете разбирались дела о ленных пожалованиях курфюрста, рассматривались всякого рода прошения. Большое внимание уделялось делам местных органов — амтов, в частности спорам между их администрацией и подданными. Княжеский совет был не только административным, но и судебным органом. Верховный суд Саксонии после ее раздела на два отдельных княжества в 1485 г. продолжал сохранять свою силу для владений обеих линий Веттинов, но в каждой территории росло значение собственных автономных высших судебных инстанций. В курфюршестве такой судебной инстанцией стал совет при государе. Помимо

судебных расследований, которые совершались на основе местного саксонского, но также и римского права, члены совета много занимались законодательством: совершенствовались и дополнялись издававшиеся с середины XV в. акты территориального законодательства — земские уставы (Landesordnungen), рассматривались и утверждались всякого рода отраслевые уставы (Holz-und-Jagdordnungen, Mühlordnungen, Bergordnungen), а также отдельные указы, оформлявшиеся в форме мандатов. Показательно, что уставы обращены от имени князя ко всем жителям территории независимо от их сословной принадлежности. Для князя они объединены одним понятием — подданные (Untertanen). Узкие средневековые рамки взаимоотношений князя с вассалами, вмещавшие в себя прежде главным образом отношения покровительства сеньера и верности вассала, расширяются и вовлекают в себя всех жителей территориального государства.

Характерно, что присутствие курфюрста на заседаниях совета не было обязательным.<sup>30</sup> Решения от его имени выносили советники. Тем самым нарушался главный принцип функционирования средневековых политических структур, когда решения принимались персонально государем. Параллельно росло значение советников-профессионалов. Здесь мы сталкиваемся с одним из первых проявлений отделения личности государя от непосредственного функционирования его учреждений, что стимулировало развитие бюрократии, характерной для органов государства уже Нового времени.

Однако существовали сферы деятельности совета, где без участия курфюрста решения не принимались. Это относилось к жизненно важным финансовым и внешнеполитическим делам, а также к церковным вопросам, особое значение которых выдвинула эпоха Реформации. Характерно, с другой стороны, что к обсуждению таких дел привлекались не все, а только особо доверенные советники, к которым территориальный государь чувствовал личное расположение и в компетенции которых нуждался. Сведения о тайных советниках (die geheimten Rätie) встречаются в курфюршестве Саксонском уже в первые десятилетия XVI в.,<sup>31</sup> хотя официально тайный совет конституировался позже. Здесь мы также имеем дело с зародышем института, получившего широкое распространение в германских землях в эпоху абсолютизма.

Оплата княжеских служащих была различной по величине и только частично производилась деньгами, ее значительную долю составляли выплаты натурой. Помимо этого практиковались вознаграждения в виде единовременных выплат крупной суммы и назначались пенсии, переходившие иногда даже к детям. Последнее имело место в случае с канцлером Брюком.<sup>32</sup>

Итак, к началу XVI в. в курфюршестве Саксонском было завершено создание центральных органов общетерриториального управления: финансового (центральная казна), административного (княжеский совет), судебного (отчасти в виде верховного суда Саксонии, отчасти в рамках княжеского совета). Все три органа были тесно взаимосвязаны и имели общих членов. Одновременно

шел процесс выделения органов собственно придворного хозяйственного управления из учреждений общетерриториального значения: постепенно из центральной казны курфюршества выделяется личная казна князя (*Privatschatulle*),<sup>33</sup> княжеский совет покидают некоторые чисто технические служащие придворной администрации.

Историки не без основания утверждают, что при создании органов управления князьями был использован опыт городов.<sup>34</sup> Не случайно, видное место в администрации саксонских курфюрстов занимали лица бюргерского происхождения. Территориальный государь нуждался в них не только как в искусственных правоведах, знатоках римского права, но и как в носителях бюргерского опыта наиболее рационального для того времени хозяйственного управления, поэтому в числе княжеских советников были и бюргеры без университетского образования, в основном в финансовых органах. Привлечение на службу бюргеров было выгодно территориальному государю еще и потому, что они не были вовлечены в систему связей земского дворянства и потому в меньшей степени могли быть подвластны его влиянию.

Постоянные, регулярно действующие центральные органы управления: княжеский совет (*Rat, Hofrat, Regierung, Ratstube, Kanzlei*), главная казна и верховный суд были к 20-м гг. XVI в. созданы почти во всех немецких княжествах. Это был общий и закономерный процесс, отражающий определенный этап централизации территориального государства и оформления институтов управления. Повсюду на главные роли выдвинулись компетентные служащие бюргерского происхождения, что, однако, не изменяло характера территориального государства как феодально-дворянского. К середине XVI в. становится заметной тенденция к интеграции выдвинувшихся на государственной службе бюргеров в состав дворянства, учащаются случаи их анноблирования.<sup>35</sup>

Одновременность создания во многих немецких княжествах структур центрального управления нового типа наводит на мысль о взаимовлияниях. Большинство исследователей выдвигают в качестве образца для подражания центральные учреждения, созданные Максимилианом I в Австрии в 1498 г. Отмечается их особое влияние на саксонские органы власти.<sup>36</sup> Следует отметить, что плодотворную реформу государственного аппарата Максимилиан I сумел провести не как император, а только как территориальный государь в рамках своих наследственных земель. Это лишний раз подтверждает, что реальные процессы государственного развития происходили в ту эпоху только на региональном уровне.

В общем развитии и совершенствовании государственных институтов курфюршества Саксонского особое место принадлежало упорядочению системы обеспечения материальных основ государственной власти. Улучшения в управлении финансами и даже большие поступления от горнорудных предприятий не снимали всех денежных затруднений. Важным источником доходов были налоги подданных. Помимо ежегодного фиксированного денежного взноса городов (*Jahrente*) в начале XVI в. в курфюршестве Саксонском закрепля-

ется в качестве постоянного общетерриториальный налог (Landsteuer).<sup>37</sup> Этот налог по традиции взимался с непривилегированных слоев населения. Принципиально новым было то, что обложению подлежало не только землевладение крестьян, изделия труда ремесленников, товары купечества, но и материально неосязаемые денежные капиталы (werbende Baarschaft), вкладываемые, например, бюргерами ряда саксонских городов в горное дело. В этом исследователи видят конкретный пример того, как территориальное государство использовало в своих интересах раннекапиталистические элементы.<sup>38</sup>

Нерегулярные налоги должны были утверждаться сословиями на ландтагах, которые созывались в Саксонии начиная с 1438 г. На ландтагах обсуждались и общеполитические вопросы жизни государства: участие в походах, заключение военных союзов, судебные дела и территориальное законодательство, очень актуальные, начиная с Реформации, вопросы церковной политики. Но главная тема ландтагов — это налоги; решения всех других обсуждавшихся проблем всегда находились в прямой зависимости от этого главного вопроса. Наиболее распространенными налогами, взимавшимися в курфюршестве Саксонском нерегулярно, были косвенный налог на вино и особенно пиво (Tranksteuer), которым облагалась каждая бочка напитка, а также экстраординарные налоги, связанные с военными походами и оборонительными операциями, чаще всего в исследуемый период — из-за турецкой опасности (Türkensteuer), с необходимостью укрепления крепостей и постройки новых (Bausteuer).<sup>39</sup>

Членами ландтага в Саксонии были: дворяне разного достоинства (Graven, Herren, Ritter), духовные лица (Bischofe, Prelaten, Stifter, Closter), города и даже представители университетских корпораций. Интересно, что в некоторых других немецких княжествах, как правило мелких, членами ландтагов помимо первых трех стабильных групп были и крестьяне (Тироль, Верхняя Швабия, Восточная Фризия, Байтройт, Баден-Дурлах).<sup>40</sup> Правом созывать ландтаг в Саксонии обладал сам князь, поэтому ландтаг собирался нерегулярно, в зависимости от финансовых потребностей территориального владельца. Протоколы ландтагов курфюршества Саксонского за 1487—1532 гг., опубликованные К. А. Г. Бурхардтом,<sup>41</sup> свидетельствуют о том, что ландтаги собирались обычно через год-два, но иногда ежегодно и даже два раза в год. Характерно, что в XVI в. князю все чаще удавалось созывать вместо ландтагов так называемую комиссию (Ausschuss) из представителей сословий, это было выгодно не только из-за сокращения расходов на содержание ландтагов, но и облегчало осуществление политического давления на сословия. Такое же положение наблюдалось во многих немецких территориальных государствах, было одним из первых показателей постепенного вытеснения сословий из политической жизни и позже привело к установлению абсолютистского режима.

Протоколы ландтагов рисуют неизменно острую борьбу князя и сословий за власть. В этой борьбе отразился определенный дуализм власти, характерный для всех территориальных государств.

Князь открывал ландтаг так называемой *propositio*, т. е. изложением обстоятельств, побудивших его созвать сословное собрание. Почти всегда это были жалобы на финансовые тяготы (*Beschwerden*). Так, причиной созыва ландтага в марте 1531 г. в Торгау для курфюрста Иоганна был недостаток средств из-за неудачи со сбором предыдущего налога, одобренного сословиями в 1523 г., но не собранного по причине «ужасного и вредоносного крестьянского мятежа (*der erschrecklich und beschwerlichen peurischen aufrur halben*)»,<sup>42</sup> — имеются в виду события Крестьянской войны в Германии 1524—1525 гг., вспышки которой наблюдались и в Саксонии. Курфюрст перечисляет свои вынужденные расходы: опять-таки из-за крестьянского восстания пришлось увеличить штат придворной охраны и, следовательно, траты на оплату придворных служащих (*Rath- und Dienstgeld*), много расходов потребовали поездки на рейхстаг, оснащение войска артиллерией, выплата долгов, между тем как горные рудники стали приносить мало доходов, а средства, доставляемые амтами, оказались недостаточными. Опасность турецкого вторжения и страх перед крестьянским восстанием заставляли курфюрста заботиться о военных приготовлениях и потому особенно настойчиво требовать утверждения налога.<sup>43</sup>

Материалы большинства ландтагов показывают стремление курфюрста не только добиться утверждения налогов, традиционно взимаемых с непривилегированных слоев населения, но, что особенно важно, распространить их и на привилегированных жителей территории. Подобные намерения в XVI в. князьям удавалось осуществить только частично. Это рельефно проступает и в документах ландтага 1531 г. Было достигнуто соглашение об обложении налогами только мелкого дворянства — рыцарства, рыцари должны были уплатить 1/6 своих годовых доходов (часть деньгами, часть натурой) и быть постоянно в боевой готовности для выполнения воинских обязательств. Большой налог (1/4 всех годовых доходов) были принуждены выплатить прелаты и монастыри. Последнее в значительной степени объясняется изменившимся после Реформации положением католической церкви в протестантских землях саксонского курфюрста. Наконец, бюргерство обязывалось выплатить 1/5 своих годовых доходов.<sup>44</sup> Определенными выплатами облагались также княжеские служащие, поденщики, наконец, крестьянство. Как правило, территориальной власти в XVI в. еще не удается вовлечь в сферу своего налогообложения крупные феодальные силы: епископов, графов и мощные дворянские фамилии. Налогами облагались только находившиеся в феодальной зависимости от них непривилегированные сословия, в первую очередь сидевшее на их земле крестьянство. Сами же феодалы освобождались от налогов «ввиду их заслуг и военной помощи».<sup>45</sup>

В качестве платы за согласие утвердить налоги сословия требовали удовлетворить их жалобы в основном на злоупотребления княжеской администрации на местах. На ландтаге 1531 г. они просили ввести советников земских сословий (*Landräte*) в администрацию местных органов княжеской власти — амтов. Кроме того, они

стремились оказывать влияние на сбор и распределение налоговых средств, требуя от курфюрста одобрения составленных сословиями комиссий для сбора налогов, а также указывая государю, что тратить налоговые средства он может только на заявленные цели. Более того, сословия требовали от курфюрста отчета о расходовании налоговых средств. Курфюрст же пытался включить в налоговые комиссии чиновников своих амтов.<sup>46</sup> Это встретило противодействие сословий, которые в ответной записке на запрос князя отвечали, что одобряют только тех курфюршеских чиновников, которые являются уроженцами территории.<sup>47</sup> Здесь нашла отражение характерная для XVI в. борьба земских сословий, главным образом дворянства, за сохранение своей роли в аппарате княжеского управления, которая постепенно уменьшалась в результате численного роста профессиональных служащих, имевших зачастую иноземное происхождение.

Земским сословиям в Саксонии не удалось создать независимый от курфюрста орган по сбору и распределению налогов, как это было в ряде других германских княжеств, например в Бранденбурге, Мекленбурге, Вюртемберге, где более сильные сословия организовали собственную автономную казну, полностью контролируя сбор налогов и распоряжение ими.<sup>48</sup> Курфюрсты же Саксонии, обладавшие большей экономической самостоятельностью, смогли создать в XV—XVI вв. достаточно эффективный аппарат управления, с помощью которого они проникали в сословные органы. Чиновники амтов практически всегда были членами сословных комиссий по сбору налогов. Правда, позже, в 1572 г. сословиям удалось создать в Саксонии верховную налоговую коллегия (*Kursächsische Obersteuerkollegium*), но она была в значительной степени подчинена курфюрсту, так как половину ее служащих составляли советники князя, все служащие находились у него на жалованье, расходование налоговых средств производилось по распоряжению князя, а сама коллегия была подотчетна главной казне княжества.<sup>49</sup>

Главную, наиболее стабильную материальную основу территориальной власти в Саксонии призвана была обеспечить система амтов. От эффективности ее работы зависела также и политическая прочность государственной власти. В течение второй половины XV—первой половины XVI в. система амтов получила значительное развитие и заметно окрепла. Уже к середине XV в. правителям Саксонии удалось сделать подведомственной местным органам большую часть земского дворянства, городов, монастырей. Этот процесс совершался постепенно. Примерно с 40-х гг. XV в. признающие суверенитет территориальной власти подданные разделились на две категории: подведомственные местным органам (*Amtsassen*) и подчиняющиеся непосредственно центральному органу власти князя (*Kanzlei- oder Schriftsassen*).<sup>50</sup> Вторую категорию составляли крупные феодалы и сильные города. Различные по своему правовому статусу и экономическому положению слои населения неуклонно втягивались в подчинение сети амтов на протяжении всего рассматриваемого периода. Одним из проявлений этого были постоянные жалобы дворян на служащих княжеских амтов, которые требовали от них исполнения

различных служебных повинностей. Так, группа рыцарей подает на ландтаге в Альтенбурге в июле 1495 г. жалобу на служащих амта Вартбург из-за того, что последние требуют от них участия в конвойной службе, каковая им, подвластным только центральному органу власти, может быть определена на основе письменного распоряжения, исходящего непосредственно лишь из канцелярии князя.<sup>51</sup>

Рост непосредственных владений князя, активизировавшийся в ходе секуляризации церковных земель в период Реформации, был сопряжен для княжеской власти с увеличением числа амтов. Так, на 1543 г. Г. Менц насчитывает в курфюршестве Саксонском 53 амта.<sup>52</sup> Растущие государственные задачи требовали интенсификации деятельности амтов по реализации политики территориального государя.

Помимо конкретных поручений центральных органов и лично князя деятельность амтов определялась законодательными документами, в первую очередь уже упоминавшимися земскими уставами. На их основе в княжеском совете в 1513 г. был составлен устав амтов курфюршества (*Amtsordnung*), исправленный и дополненный позже, в 1527 г. Это было основное руководство для служащих амтов.

Главную сферу деятельности амтов составляло управление подведомственными крестьянскими общинами. Как уже отмечалось, крестьянство в Саксонии в рассматриваемый период было уже лично свободным и находилось в зависимости от господина постольку, поскольку держало от него земельный надел, за право пользования которым уплачивало ежегодный ценз. Служащие амтов собирали ежегодный ценз с зависимых от территориального владельца крестьян, принимали натуральные подати от всего подведомственного амту крестьянства, а также организовывали выполнение им трудовых повинностей в пользу территориальной власти. Имеются в виду строительная повинность (замки, дороги, мосты), гужевая повинность, повинность по заготовке леса и др. Хотя в счет части натуральных податей и служебных повинностей уплачивались деньги, натуральные доходы амтов составляли еще очень значительную долю от общих. Если денежные поступления амтов, как указывалось выше, стали передаваться в центральную казну княжества уже в XV в., то обеспечение княжеского двора натурой и услугами еще не было централизовано. Двор, как уже говорилось, переезжал вместе с князем из одной резиденции в другую, ибо только так можно было обеспечить его снабжение продовольствием и услугами за счет окрестных амтов. Пробыв определенное время в одной резиденции, двор «выедал» ресурсы всех близлежащих амтов и вынужден был переезжать в другое место. Так, на ландтаге в марте 1531 г. сословия, озабоченные большими тратами двора курфюрста Иоганна, советуют ему в связи с обсуждением придворного устава жить с двором в резиденциях Ваймар, Торгау, Кобург, поочередно сменяя их, не больше года или полугода в каждой, «дабы не исчерпать совершенно запасы зерна, не вырубить все окрестные леса, не истощить пруды и не отяготить чрезмерно людей повинностями».<sup>53</sup> Этот чисто средневековый обычай говорит о еще неразвитой и несовершенной системе

материального обеспечения крепящего территориального государства. Поэтому в первой половине XVI в. в курфюршестве не существовало столицы, хотя усложнение и рост структур центрального управления настоятельно требовали постоянного места пребывания правительства.

Власть князя как территориального государя представлял амтман. Он осуществлял от имени князя права низшей юрисдикции, военные и политические функции. В круг обязанностей амтмана и его ближайшего помощника по финансовым делам, сборщика налогов (Schosser) входил в первую очередь надзор за хозяйственной жизнью земель княжеского домена: сбор и учет денежных доходов, хранение запасов зерна, наблюдение за мельницами, садами, виноградниками, рыбными прудами, скотоводством и т. д. Особое внимание уделялось лесному хозяйству: каждые 14 дней амтман должен был объезжать леса курфюршества, имеющиеся в пределах амта. Амтман вел имевшиеся в каждом амте с начала XVI в. учетные книги (Erbebücher), где регистрировались права территориальной власти в землях амта, повинности подданных. Судя по источникам, деятельность территориальной администрации приводила к многочисленным конфликтам, вызвала жалобы сословий. Так, в письме от 28 июля 1512 г. курфюрст Фридрих и герцог Иоганн сообщают главе княжеской администрации амта Кобург о жалобе франконского рыцарства на неправильное ведение учетных книг служащими амтов в Кобурге и Хельдбурге,<sup>54</sup> что, по-видимому, привело к росту повинностей. Протоколы ландтагов содержат множество жалоб на судебную деятельность администрации амтов.<sup>55</sup> В требованиях прелатов и рыцарства, заявленных на ландтаге в Иене в декабре 1528 г., говорится, что суммы штрафов, которые произвольно назначаются в амтах, впредь должны устанавливаться компетентными лицами из придворного суда с привлечением докторов права из Виттенберга, Лейпцига и Эрфурта. Здесь же выражено и требование, чтобы жалобы на служащих амтов рассматривались не при дворе, а на местах — в амтах и в присутствии представителей сословий.<sup>56</sup>

Амтманы следили и за исполнением военных повинностей, характер и объем которых были занесены в особые книги (Mannbücher). Характерно, что с конца XVI в. распространяется практика компенсировать личное участие в военном походе или, например, конвойной службе выплатой денежной компенсации,<sup>57</sup> а в 1528 г. курфюрст Иоганн уже открыто заявляет о возможности откупа от воинской службы.<sup>58</sup> Деньги в этом случае собирались служащими амтов и использовались для приглашения наемников. Последние содержались населением тех амтов, где были расквартированы. Нередки жалобы сословий на тяготы подобных расходов.<sup>59</sup>

В 30—40-е гг. XVI в. курфюрст Иоганн Фридрих расширяет права надзора амтов. Учетно-регламентирующие функции местных органов увеличиваются. Это приводит к новым конфликтам. На ландтаге в Ваймаре в январе 1542 г. города жалуются курфюрсту на служащих амтов за практику проверки городских счетов и вмеша-

тельство в выборы членов городских советов. Жалоба, однако, не была удовлетворена.<sup>60</sup>

Экономическая политика курфюрстов Саксонских во второй половине XV—XVI в., проведением которой непосредственно занимались амты, носила покровительственный характер по отношению к хозяйству территории. В ту эпоху остро не хватало рабочей силы, поэтому в земских уставах постоянно повторялись положения, запрещающие под угрозой больших штрафов сельским и городским поденщикам, а также слугам различных рангов уходить на работу за пределы территории. Для этих категорий рабочей силы действовало также законодательно утвержденное правило наниматься на новую службу не позже чем через 12 дней после оставления прежней, причем старый наниматель имел право не отпустить слугу или батрака. Нарушившие закон должны были заплатить в амт штраф в размере своего годового жалованья. С другой стороны, нанимателям было запрещено переманивать рабочую силу путем предложения большей оплаты. Для каждой категории поденщиков и слуг в пределах территории были установлены определенные размеры оплаты труда.<sup>61</sup>

Территориальная власть пыталась стимулировать в своих владениях производство продуктов питания. С целью предотвратить рост цен и иметь стратегические запасы зерна в амтах в неурожайные годы запрещалось вывозить зерно за пределы государства.<sup>62</sup> В 1500 г. курфюрст Фридрих и герцог Иоганн издали указ о запрете ввоза в курфюршество чужеземных вин, чтобы они не составляли конкуренции местным винам.<sup>63</sup> По этой же причине князья стремились в ряде случаев установить запрет на городские ремесленные корпорации, которые имели возможность искусственно вздуть цены.<sup>64</sup>

В рассматриваемый период экономическая политика курфюрстов по отношению к городам была также, как правило, покровительственной. Князья дорожили хозяйственной мощью городов и старались сохранить их традиционные экономические привилегии. Так, в ответ на постоянные жалобы городов на ландтагах по поводу того, что дворянство, духовенство и крестьяне нарушают монополию городов на пивоварение, изготавливая этот напиток на продажу, территориальные владельцы запрещали варить пиво вне городов. Аналогичная реакция территориальной власти следовала и на жалобы городов в отношении деревенского ремесла.

Покровительственный характер хозяйственной политики, регламентация в отношении наемных работников, стремление воспрепятствовать повышению цен путем запрета на вывоз сырья и продуктов за границу, а также законы против бродяжничества и попрошайничества<sup>65</sup> — все эти меры, проводившиеся во многих германских территориях во второй половине XV—XVI в., дали основание некоторым исследователям говорить о политике меркантилизма.<sup>66</sup> С этим нельзя согласиться, ибо описанная политика была направлена не на рост экономического и финансового могущества государства, а только на сохранение уже существующего соотношения в производстве и потреблении, в уровне доходов и расходов каждой из социальных групп населения.<sup>67</sup> Это подчеркивали, например, и законодательно

закрепленные требования территориальной власти, обращенные к разным слоям населения, сохранять традиционные различия в одежде и еде соответственно своему социальному и имущественному положению. К тому же княжеская власть была очень непоследовательной в покровительственной экономической политике. Курфюрсту не приходило в голову, например, попробовать стимулировать отечественное сукноделие заказами на ткани для двора, которые по весьма высоким ценам закупались за границей.<sup>68</sup>

Территориальная власть лишь поддерживала существующий экономический порядок. Вместе с тем уже есть основания говорить о единстве территориальной хозяйственной политики, которая сводилась пока к функциям упорядочения и попыткам немного ограничить экономические привилегированные феодальные силы государства.

По сравнению с другими немецкими территориальными государствами система органов местной власти в Саксонии достигла значительных успехов. Практически вся территория курфюрстов Саксонских была охвачена системой княжеских амтов. Относительно благополучное финансовое положение позволило здесь территориальной власти избежать губительной практики закладывания амтов за одновременную выплату крупных денежных сумм, что было весьма распространено в других германских землях (Бавария, Мекленбург, Бранденбург).<sup>69</sup> Амты были в Саксонии реальными представителями княжеской власти, осуществлявшими от ее имени хозяйственные, правовые и налоговые функции. Иначе было в некоторых других землях, прежде всего к востоку от Эльбы (Бранденбург, Мекленбург), где преобладало крупное феодальное землевладение и амты создавались на основе единиц этого землевладения. Там амт практически охватывал большую латифундию, и главой амта становился ее владелец из числа крупного феодального дворянства территории.<sup>70</sup> Это отражало силу феодального дворянства в названных княжествах и одновременно слабость их центральной территориальной власти.

Значительные события, отразившиеся на укреплении территориальной власти в курфюршестве Саксонском, на развитии аппарата управления государства, повлекла за собой Реформация. Если сравнивать с другими княжествами, то курфюрстам Саксонским уже в XV в. удалось более других продвинуться в деле подчинения церковных институтов в пределах территории. Все они, в том числе крупнейшие в Саксонии епископства Майсенское, Наумбургское и Мерзебургское, находились в земском подчинении (Landsässige), признавали верховную юрисдикцию курфюрста, в составе сословий участвовали в ландтагах. В 70—80-е гг. XV в. курфюрсты Саксонские добились от папы права выдвигать кандидатов в члены соборных капитулов.<sup>71</sup> Тем самым они получили возможность влиять на избрание епископов, непосредственными выборщиками которых были члены соборных капитулов. Как уже отмечалось выше, была ограничена и судебная власть церкви: земские уставы 1446 и 1482 гг. содержали запрещение для церковных судов рассматривать дела, прямо не относящиеся к церкви, что было столь характерно для практики

средневекового суда. Из этих же земских уставов заметно стремление князей ввести в сферу своей компетенции надзор за нравственно-религиозной жизнью жителей территории (посещение церковных служб, запрет работать в воскресные дни, запрет пребывать в питейных заведениях, в то время как служится месса и т. п.),<sup>72</sup> что прежде всецело находилось на попечении самой церкви.

Реформация необычайно расширила возможности для роста власти территориального государства. Прежде всего сами идеи Лютера подняли значение и авторитет княжеской власти на небывалую высоту. Особое место здесь принадлежит написанному в 1523 г. сочинению Лютера «О светской власти и в какой степени ей следует повиноваться (*Von weltlicher Oberkeit, wie weit man ihr Gehorsam schuldig sei*)». В нем излагается учение о двух царствах. Согласно этому учению, существуют два царства. Первое из них, духовное, включает только истинных христиан, праведников, которые живут по законам христианской нравственности. В этом царстве правит Бог. Во втором царстве, мирском, живут все люди, в том числе и несвободные от греха. В мирском царстве правит светская власть (*weltliche Oberkeit*), которая специально создана Богом, чтобы преодолеть дурные наклонности грешных людей, препятствовать с помощью меча злу.<sup>73</sup> Оставляя в стороне другие аспекты указанного сочинения Лютера, подчеркнем самое важное в данном случае для нас: светская власть, т. е. власть в первую очередь территориальных князей, объявлялась инструментом Господа. Это положение как нельзя лучше соответствовало стремлению князей к консолидации территориального государства. Первыми его подхватили именно саксонские курфюрсты, во владениях которых происходили главные события Реформации и с которыми тесным образом Лютер был связан лично. Во всех послереформационных земских уставах саксонских курфюрстов проводится идея о необходимости борьбы князей со злоупотреблениями подданных (понимаемыми, естественно, настолько широко, насколько это было нужно властям), о божественной каре, которая грозит территориальным владетелям в случае сопротивления злу.<sup>74</sup>

Лютер способствовал распространению власти территориальных князей и на церковные дела, в частности, на создание материальных основ и организационной структуры новой церкви. В письмах от 31 октября 1525 г. и от 22 ноября 1526 г., направленных курфюрсту Иоганну, Лютер отмечал плачевное материальное положение приходов лютеранской церкви, а также школ и предлагал секуляризовать церковные земли и имущества, а полученные средства употребить для того, чтобы улучшить содержание приходов и школ.<sup>75</sup> Неудивительно, что этот совет пришелся весьма кстати саксонскому курфюрсту, старавшемуся использовать любую возможность, чтобы округлить владения своего крепнущего государства. Начавшийся вскоре процесс секуляризации церковных земель затронул прежде всего монастыри, сильно ослабленные, во многих случаях опустошенные и разграбленные крестьянами в период Крестьянской войны 1524—1525 гг. Немало монастырей еще раньше было оставлено

монахами, перешедшими под влиянием проповедей Лютера к мирской жизни.<sup>76</sup> Процесс секуляризации монастырских владений в Саксонии не был единовременным, он занял не одно десятилетие и длился вплоть до Аугсбургского религиозного мира 1555 г. Обитателям монастырей предлагалось вступить в брак и заняться каким-либо общепользным делом, например ремеслом. Таким выдавалось даже определенное денежное вспомоществование.<sup>77</sup> Желаящим остаться в монастыре давалось право дожить в нем свой век, выполняя соответствующие работы в пользу нового владельца монастырских угодий. По монастырям разъезжали доверенные служащие князя, которые производили опись имущества и добивались возвращения разграбленного крестьянами во время восстания. Значительная часть секуляризованных земель перешла в руки территориального князя. Крупные монастырские владения образовали новые амты, более мелкие влились в уже существующие. Некоторые конфискованные земли были сданы князем в аренду, другие проданы городам или земскому дворянству.<sup>78</sup> Множество церковной утвари было переплавлено в монету или поступило в сокровищницу князя. Доходы от ставших княжескими монастырских угодий поступали в центральную территориальную казну, часть денег выплачивалась в счет княжеских долгов. Так, только до 1543 г. с этой целью было выплачено 100 000 гульденов.<sup>79</sup> В результате земельных приобретений была существенно укреплена материальная основа княжеской власти, в значительной степени преодолена чересполосица земельных владений, государство курфюрстов Саксонских сделало определенный шаг на пути превращения в компактную замкнутую территорию.

В упомянутых письмах 1525 и 1526 гг. Лютер обращался к курфюрсту Иоганну, считая, что именно курфюрст может и должен взять на себя труд по организации новой церкви и надзору за отправление культа. В качестве первого шага он рекомендовал курфюрсту приступить к визитациям, т. е. к тщательной ревизии всех церквей государства. В июне 1527 г. курфюрст Иоганн издал «Инструкцию и приказ о посылке визитаторов (*Instruktion und Befelch dorauff die Visitatores abgefertiget sein*)».<sup>80</sup> Согласно этой инструкции, создавались визитационные комиссии, состоявшие из лютеранских священников, с одной стороны, и советников князя, правоведов — с другой. Уже само название инструкции показывает, что владетельный государь рассматривал визитаторов как своих служащих. Задачи и сферу деятельности визитаторов подробно описал Ф. Меланхтон в своем программном для протестантской церкви «Наставлении визитаторам. . .».<sup>81</sup> Им надлежало проверить все приходы на предмет компетентности и крепости в вере их священников, ревизовать доходы церкви и ее служащих, состояние церковной утвари и книг. Визитаторам были даны полномочия лишать сана и назначать протестантских священников, добиваться от служителей культа перехода в новую веру или в противном случае требовать покинуть пределы княжества. Церкви сохраняли свои прежние поступления и церковные лены, из доходов которых оплачивали труд священника и служащих церкви, если они переходили в лютеранст-

во. Плохо обеспеченные церкви наделялись средствами из секуляризованных монастырских имуществ. С 1527 г. визитации стали проводиться почти ежегодно. Таким образом, в курфюршестве реально осуществлялось реформирование церкви под руководством княжеской власти. Почти ежегодно визитаторами от имени князя составлялись визитационные статьи (*Visitationsartikel*),<sup>62</sup> из которых постепенно вырабатывались оформленные позже, во второй половине XVI в., саксонские церковные уставы (*Kirchenordnungen*) — сборники законоположений, регулирующих жизнь и обрядовую сторону протестантской церкви в Саксонии.

В процессе визитаций была создана организационная структура лютеранской церкви. В ряде городов и крупных церковных центров князем были назначены священники с правом осуществлять церковный надзор за определенным округом — суперинтенданты. Они ведали и назначением новых священников на вакантные места. Характерно, что структура суперинтендантов соответствовала структуре княжеских органов местной власти — амтов. Центральными органами новой церковной организации стали консистории — высшие церковные советы территории, состоявшие из лютеранского духовенства и княжеских служащих — юристов (в Виттенберге, Цвикау, Готе, Кобурге). К консисториям от католических епископов перешла юрисдикция в сфере церковных дел, в вопросах брачных отношений и образования, причем осуществляли они ее от имени территориального владетеля.

Таким образом, была создана трехступенчатая структура лютеранской церковной организации в Саксонии: 1) священники и служащие приходов; 2) суперинтендантства, охватывающие территории амтов; 3) консистории — своеобразные княжеские советы по церковным делам, ведающие крупными церковными округами в Саксонии. Во главе этой структуры стоял территориальный государь, получивший полномочия прежних епископов, и титул «*summus episcopus*». Именно он теперь ведал вопросами вероучения и культа, церковной юрисдикцией и имущественными делами церкви. Под его надзор перешла и остававшаяся еще в значительной степени под эгидой церкви сфера образования.

Деятели протестантской церкви и курфюрсты Саксонские придавали большое значение постановке образования, закономерно рассматривая его не только как средство распространения и утверждения лютеранского вероучения, но и как способ подготовки компетентных служителей церкви и чиновников для растущего государственного аппарата. Показателем значительной роли новой церкви в деле образования было неперемнное присутствие в составе церковных уставов разделов, регламентирующих жизнь школ и университетов. О важности образования для государства, о конкретных путях утверждения влияния новой церкви в сфере образования в ряде своих проповедей и писем к саксонским курфюрстам говорил и Лютер.<sup>63</sup> Саксонские курфюрсты последовали его советам направлять часть полученных от секуляризации средств на организацию новых школ и поддержание университетов. В этом отчетливо проя-

вился рациональный подход территориального государства к подготовке необходимых ему кадров. Характерно, что университеты, священники и служащие протестантской церкви освобождались от налогов.<sup>84</sup>

Реформация церкви, осуществленная в Саксонии княжеской властью, оказала большое влияние на другие перешедшие к евангелическому исповеданию немецкие княжества. Саксонские визитации стали образцом конкретных форм реформационных преобразований церкви,<sup>85</sup> точно так же другими княжествами были переняты организационные формы новой церкви: саксонские суперинтендантства и консистории.<sup>86</sup>

В целом Реформация в Саксонии усилила территориальную власть, созданные непосредственно этой властью институты новой церкви во главе с князем были включены в общую структуру государственного аппарата территории. Следует заметить, что этот процесс «огосударствления церкви» (*Verstaatlichung der Kirche*) был закономерным в пору укрепления и роста территориальных государств. Поэтому неудивительно, что некоторые его черты можно наблюдать и в ряде немецких княжеств, оставшихся верными католицизму. Дело в том, что само сохранение католицизма было в них заслугой в первую очередь светских властей, территориального государя. Именно князь проводил в своих владениях контрреформацию, поддерживал права католической церкви. Для осуществления этих задач были созданы и особые государственные органы. Например, в герцогстве Баварском был учрежден специальный духовный совет (*Geistlicher Rat*), который по форме деятельности (визитации), составу, связям с князем имел много аналогий с протестантскими консисториями.<sup>87</sup> В результате развития институтов территориальной власти в курфюршестве Саксонском во второй половине XV—первой половине XVI в. были созданы принципиально новые структуры управления: регулярно действующие, специализированные по отдельным отраслям (административной, финансовой, судебной) центральные учреждения. Была усовершенствована и расширена сеть местных органов — амтов, которые способствовали дальнейшему распространению власти курфюрста на всех жителей территории, в том числе на значительную часть привилегированных сословий (дворянство, церковь). После Реформации в число государственных органов власти были включены и институты управления церковью. Эти изменения свидетельствуют о постепенном переходе от типично средневековых форм государственного управления с характерными для них персональными связями между государем и вассалами к формам государственной жизни Нового времени, когда между государем и теперь уже всеми жителями его территории устанавливаются связи через посредство государственных институтов (амты, налоговые, судебные органы). Одновременно идет процесс складывания земель государства в единую компактную территорию. Государство, находящееся на этом этапе развития, в литературе принято определять как институциональное государство с замкнутой или компактной территорией (Т. Майер, Г. Острих).

В таком государстве наблюдается рост числа служащих бюргерского происхождения. Специализация по отраслям управления, а также возможность функционирования государственных органов без участия государя вели к оформлению профессионального чиновничества и бюрократических структур, что стало в дальнейшем характерными чертами государственной жизни следующих эпох. В германских территориальных государствах второй половины XV — первой половины XVI в. мы отмечаем только первые ростки этих явлений. Не следует их переоценивать. Роль территориального государя в процессах управления была еще очень велика. Специализированные органы управления находились только в процессе становления, их структуры были неустойчивыми, зыбкими, или колеблющимися (*Fluktuirender Beamtenapparat*), по определению исследователей.<sup>88</sup> Нельзя излишне переоценивать и роль кадров бюргерского происхождения. Дворянско-феодальные социальные основы государства оставались в силе. Доказательство тому — интеграция с середины XVI в. крупных чиновников бюргерского происхождения в среду дворянства. С другой стороны, сами дворяне стремились приобрести известный профессионализм для служебной карьеры: все большее число дворян получало университетское образование. Территориальное государство в рассматриваемый период продолжало оставаться сословной монархией, дуализм власти сохранялся.

Централизаторская политика курфюрстов Саксонских и других территориальных государей была прогрессивной. Хронологически относясь к более позднему периоду, она обнаруживала известное сходство с аналогичной политикой английской и французской монархии. Тот факт, что централизация на региональном уровне препятствовала складыванию единого германского государства, не всегда рассматривается в современной немецкой историографии как зло.<sup>89</sup> В территориальных княжествах все чаще усматривают не негативный опыт государственной эволюции, а его своеобразие, естественным образом вписывающееся в картину развития европейской государственности на переходе от Средневековья к Новому времени.

<sup>1</sup> *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 348.

<sup>2</sup> *Deutsche Geschichte in zwölf Bänden.* Berlin, 1983. Bd 2. S. 196.

<sup>3</sup> *Czog K.* Charakter und Entwicklung des feudalen deutschen Territorialstaates // *Zeitschr. für Geschichtswissenschaft.* 1973. N 8. S. 925—949.

<sup>4</sup> *Mitteis H.* Der Staat des hohen Mittelalters. 7. Aufl. Weimar, 1962. S. 358.

<sup>5</sup> *Bosl K.* Staat, Gesellschaft, Wirtschaft im deutschen Mittelalter // *Gebhardt Handbuch der deutschen Geschichte.* 9. Aufl. Stuttgart, 1973. Bd 1. S. 826.

<sup>6</sup> *Hartung E.* Deutsche Verfassungsgeschichte vom 15. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Leipzig; Berlin, 1914. S. 56.

<sup>7</sup> *Mayer Th.* Fürsten und Staat. Weimar, 1950. S. 313; *Bosl K.* Staat. . . S. 694.

<sup>8</sup> Например: *Rankl H.* Staatshaushalt, Stände und Gemeiner Nutzen in Bayern 1500—1516. München, 1976; *Krüger K.* Finanzstaat Hessen 1500 bis 1567: Staatsbildung im Übergang vom Domänenstaat zur Steuerstaat. Marburg, 1980; *Lanzinner M.* Fürst, Räte und Landstände: Die Entstehung der Zentralbehörden in Bayern 1511—1598. Göttingen, 1980; *Quarthal F.* Landstände und landständisches Steuerwesen in

Schwäbisch-Österreich. Stuttgart, 1980. Крупнейшим авторитетом по истории территориального государства в Саксонии является ученый из ГДР К. Блашке: *Blaschke K.* 1) *Die kursächsische Landesregierung // Forschungen auf Mitteldeutschen Archiven Zum 60. Geburtstag von Helmut Kretzschman.* Berlin, 1953. S. 270–284; 2) *Sachsen im Zeitalter der Reformation.* Güthersloh, 1970; 3) *Kanzleiweisen und Territorialstaatsbildung im weltlichen Herrschaftsbereich bis 1485 // Archiv für Diplomatik.* 1984. Bd 30 S. 282–302.

<sup>9</sup> *Bosl K.* Staat... S. 695, 699.

<sup>10</sup> *Blaschke K.* Kanzleiweisen und Territorialstaatsbildung... S. 285.

<sup>11</sup> *Belov G. von.* Territorium und Stadt. München; Leipzig, 1900. S. 286.

<sup>12</sup> *Смирин М. М.* К истории раннего капитализма в германских землях. М., 1969 С. 15–59, 130–131 и след.

<sup>13</sup> *Blaschke K.* Kanzleiweisen und Territorialstaatsbildung... S. 285.

<sup>14</sup> *Blaschke K.* Sachsen im Zeitalter der Reformation. S. 31.

<sup>15</sup> *Brather H. S.* Die Verwaltungsreformen am Kursächsischen Hofe im ausgehenden 15. Jahrhundert // *Archivar und Historiker: Zum 65. Geburtstag von H. O. Meisner.* Berlin, 1956. S. 256.

<sup>16</sup> *Ibid.*

<sup>17</sup> *Ibid.* S. 257.

<sup>18</sup> *Смирин М. М.* К истории раннего капитализма в германских землях. С. 60

<sup>19</sup> *Laube A.* Studien über den erzgebirgischen Silberbergbau von 1470 bis 1546 Berlin, 1974. S. 80.

<sup>20</sup> *Brather H. S.* Die Verwaltungsreformen... S. 259–260.

<sup>21</sup> *Landes-Ordnung Herzog Wilhelms zu Sachsen... Anno 1446 // Rudolphi Fr. Gotha Diplomatica: Des Fünften Theils Anhang der Dokumenten.* Frankfurt a/M.; Leipzig. O. J. № 29. S. 224–225.

<sup>22</sup> *Brather H. S.* Die Verwaltungsreformen... S. 272–273.

<sup>23</sup> Основание университетов князьями в эту эпоху стало примечательной чертой территориальной политики и служило делу подготовки компетентных государственных служащих. Помимо Виттенбергского князьями были основаны, например, следующие университеты: Ингольштадский (1472), Тюбингенский (1477), Марбургский (1527), а также университет во Франкфурте на Одере (1506).

<sup>24</sup> *Allgemeine Deutsche Biographie.* (далее ADB). Leipzig, 1876. Bd 3. S. 390.

<sup>25</sup> ADB. Leipzig, 1875. Bd 2. S. 596–597.

<sup>26</sup> ADB. Leipzig, 1887. Bd 24. S. 496–498.

<sup>27</sup> *Mentz G.* Johann Friedrich der Grossmütige 1503–1554. Jena, 1903. Th. 1. S. 142.

<sup>28</sup> *Blaschke K.* Sachsen im Zeitalter der Reformation. S. 22–23.

<sup>29</sup> *Mentz G.* Johann Friedrich der Grossmütige... S. 127.

<sup>30</sup> *Ibid.*

<sup>31</sup> *Beck F.* Zur Entstehung der zentralen Landesfinanzbehörde im ernestinischen Sachsen im 16. und 17. Jahrhundert // *Archivar und Historiker.* Berlin, 1956. S. 288–289.

<sup>32</sup> *Mentz G.* Johann Friedrich der Grossmütige... S. 137.

<sup>33</sup> *Brather H. S.* Die Verwaltungsreformen... S. 261.

<sup>34</sup> *Below G. von.* Territorium und Stadt. S. 289.

<sup>35</sup> *Ibid.* S. 407.

<sup>36</sup> *Hartung F.* Deutsche Verfassungsgeschichte... S. 46.

<sup>37</sup> *Blaschke K.* Sachsen im Zeitalter der Reformation. S. 20.

<sup>38</sup> *Blaschke K.* Frühkapitalismus und Verfassungsgeschichte // *Wissenschaft. Zeitschr. der Karl-Marx-Univ. Leipzig. Gesellschafts- u. Sprachwissenschaft. Reihe.* 1965. Bd 14. Hf. 3. S. 346.

<sup>39</sup> *Müller E.* Die ernestinischen Landtage in der Zeit von 1485 bis 1572 unter besonderen Berücksichtigung des Steuerwesens // *Forschungen zur thüringischen Landesgeschichte.* Fr. Schneider zum 70. Geburtstag. Weimar, 1958. S. 227–228.

<sup>40</sup> *Mitteis H.* Der Staat... S. 360.

<sup>41</sup> *Ernestinische Landtagsakten.* Bd 1: 1487–1532 / Bearb. von C. A. H. Burkhart. Jena, 1902.

<sup>42</sup> *Ibid.* S. 215.

<sup>43</sup> *Ibid.* S. 216, 236.

<sup>44</sup> *Ibid.* S. 228.

<sup>45</sup> *Ibid.* S. 233.

- <sup>46</sup> Ibid. S. 222, 229—231, 232, 236.
- <sup>47</sup> Ibid. S. 233.
- <sup>48</sup> *Oestreich G.* Verfassungsgeschichte vom Ende des Mittelalters bis zum Ende des alten Reiches // Gebhardt Handbuch der deutschen Geschichte. 9. Aufl. Stuttgart, 1970. Bd 2. S. 401—402.
- <sup>49</sup> *Haug H.* Das sächsische Obersteuerkollegium // Neues Archiv für sächsische Geschichte. 1900. № 21. S. 224—228.
- <sup>50</sup> *Brather H. S.* Die Verwaltungsreformen. . . S. 255—256.
- <sup>51</sup> Ernestinische Landtagsakten. S. 19.
- <sup>52</sup> *Mentz G.* Johann Friedrich der Grossmüftige. . . S. 145.
- <sup>53</sup> Ernestinische Landtagsakten. S. 220.
- <sup>54</sup> Ibid. S. 93.
- <sup>55</sup> Ibid. S. 154, 156.
- <sup>56</sup> Ibid. S. 132, 133.
- <sup>57</sup> Ibid. S. 50.
- <sup>58</sup> Ibid. S. 188.
- <sup>59</sup> Ibid. S. 13.
- <sup>60</sup> *Müller E.* Die ernestinischen Landtage. . . S. 210.
- <sup>61</sup> *Richter G.* Die ernestinischen Landesordnungen und ihre Vorläufer von 1446 und 1482. Köln; Graz, 1964. S. 43—44, 49, 50.
- <sup>62</sup> *Mentz G.* Johann Friedrich der Grossmüftige. . . S. 170.
- <sup>63</sup> Ernestinische Landtagsakten. S. 51.
- <sup>64</sup> *Richter G.* Die ernestinischen Landesordnungen. . . S. 56.
- <sup>65</sup> Ibid. S. 50, 52.
- <sup>66</sup> *Conrad H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Karlsruhe, 1966. Bd 2. S. 260.
- <sup>67</sup> *Hartung F.* Deutsche Verfassungsgeschichte. . . S. 40; *Oestreich G.* Verfassungsgeschichte. . . S. 398.
- <sup>68</sup> *Burkhardt C. A. H.* Введ. к изд.: Ernestinische Landtagsakten. S. LXI.
- <sup>69</sup> *Hartung F.* Deutsche Verfassungsgeschichte. . . S. 50.
- <sup>70</sup> *Below G. von.* Territorium und Stadt. S. 297.
- <sup>71</sup> *Zöllner W.* Der Untergang der Stifter und Klöster im sächsisch-thüringischen Raum während des Reformationszeitalter // 450 Jahre der Reformation. Berlin, 1967. S. 158.
- <sup>72</sup> *Richter G.* Die ernestinischen Landesordnungen. . . S. 36—37, 47.
- <sup>73</sup> *Luther M.* Von weltlicher Oberkeit, wie weit man ihr Gehorsam aschuldig sei // D. Martin Luthers Werke : Kritische Gesamtausgabe. Weimar, 1900. Bd 11. S. 249, 251, 267.
- <sup>74</sup> *Richter G.* Die ernestinischen Landesordnungen. . . S. 59.
- <sup>75</sup> D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. Briefe. Weimar, 1933. Bd 3. S. 594; Weimar, Bd 4. S. 133
- <sup>76</sup> *Zöllner W.* Der Untergang der Stifter. . . S. 162.
- <sup>77</sup> Ibid. S. 162, 165.
- <sup>78</sup> *Blaschke K.* Sachsen im Zeitalter der Reformation. S. 17—18.
- <sup>79</sup> *Zöllner W.* Der Untergang der Stifter. . . S. 164.
- <sup>80</sup> Die Evangelischen Kirchenordnungen des 16. Jahrhunderts / Hrsg. von A. L. Richter. Weimar, 1846. Bd 1. S. 77—82.
- <sup>81</sup> Unterricht der Visitatoren an die Pfarhern um Kurfürstentum zu Sachsen. 1528 // Die Evangelischen Kirchenordnungen. . . Bd 1. S. 82—101.
- <sup>82</sup> Kursächsische Visitationsartikel 1528—1529, 1533 // Die Evangelischen Kirchenordnungen. . . S. 101—104, 226—230.
- <sup>83</sup> *Luther M.* Eine Predigt, daß man Kinder zur Schulen halten solle (1530) // D. Martin Luthers Werke : Kritische Gesamtausgabe. Weimar, 1909. Bd 30. Abt. 2. См. также упомянутые выше письма реформатора.
- <sup>84</sup> *Müller E.* Die ernestinischen Landtage. . . S. 209—210.
- <sup>85</sup> *Fuchs W. P.* Das Zeitalter der Reformation // Gebhardt Handbuch der deutschen Geschichte. Bd 2. S. 78.
- <sup>86</sup> *Zeeden E. W.* Das Zeitalter der Glaubenskämpfe (1555—1648) // Ibid. S. 198.
- <sup>87</sup> *Hartung F.* Deutsche Verfassungsgeschichte. . . S. 45.
- <sup>88</sup> *Oestreich G.* Verfassungsgeschichte. . . S. 405.
- <sup>89</sup> *Moeller B.* Deutschland im Zeitalter der Reformation // Deutsche Geschichte. Göttingen, 1985. Bd 2. S. 10.

В. Е. ВОЗГРИН

## ГЕНЕЗИС ДАТСКОГО АБСОЛЮТИЗМА

В конце XV—начале XVI в. внутренняя политика датских королей характеризовалась общим стремлением централизовать государство. Эта абсолютистская политика проводилась в условиях жесткой борьбы, в которой королям противостояли крупные феодалы. В большинстве стран Европы короли, проводившие схожую политику, опирались на союз с мелким дворянством и городами. В Дании была сделана попытка создания централизованного государства путем организации союза королевской власти только с городским населением (с городской буржуазией, ремесленниками, купечеством).

Антидворянская политика проводилась королем Хансом (1481—1513), но гораздо больше ею характеризовалось правление его сына Кристиана (Кристьяна) II, вступившего на престол в 1513 г. Король, имевший довольно масштабные внешнеполитические претензии, не был заинтересован в дальнейшем развитии феодальной реакции, выразившейся в росте барщинно-фольварочной системы эксплуатации крестьян. Еще будучи престолонаследником, он резко выступал против попыток крупных феодалов Дании и Норвегии укрепить свою экономическую, а отчасти и политическую независимость (некоторым из светских и церковных феодалов это стоило свободы — в соответствии с приговором, подписанным «юнкером Кристианом»).<sup>1</sup> Тем не менее в первой трети XVI в. этот процесс ширился — господские (годсерские) имения превращались в крупные поместья с барской запашкой, чему способствовал рост цен на зерно на внешнем рынке. На вырученные деньги феодалы скупали (или обменивали разбросанные) имения с целью создания единых аграрных комплексов. При этом нередко крестьяне сгонялись с земли; попадая в экономическую зависимость от помещиков, они часто были вынуждены добровольно брать держание (фесте), становясь по сути крепостными — фестерами. Особенно далеко этот процесс зашел на территории, где действовало «зеландское право», менее заметен он был в Ютландии и Сконе, где в XVI в. сохранилось немало собственников.<sup>2</sup>

Политика Кристиана II, направленная на фактическое объединение трех Скандинавских государств под единой короной, проводи-

лась под флагом восстановления законного права датских королей на Норвегию и Швецию, зафиксированного положениями Кальмарской унии. Однако за более чем сто лет, прошедших со дня провозглашения королевой Маргаритой «вечного мира и союза» трех стран (1397), многое изменилось не в пользу этого внешнеполитического образования.

Норвежцы имели неоднократно возможность убедиться, что уния — инструмент датских королей для экономического и политического порабощения страны. Норвежские лены раздавались датским феодалам, датчанами были и высшие церковники — епископы и архиепископы. Норвежские бонды и дворяне облагались налогами, предназначенными для оплаты расходов в войнах, которые велись Данией за датские же интересы. Страна пока сохраняла свое правительство (ригсрод), но фактически роль его сводилась к утверждению актов, разработанных в Дании. И если Кальмарская уния в отдельные периоды была выгодна шведскому дворянству, то дворяне Норвегии, лишенные и экономической, и политической самостоятельности, как класс вымирали. Именно поэтому в конце XV—начале XVI в. столь нередко выступления норвежских дворян во главе народных движений, которые благодаря их отчетливо антидатской направленности вполне могут быть охарактеризованы как национальные.<sup>3</sup>

Еще более откровенным было стремление к национальной независимости Швеции. С момента занятия поста регента Швеции (1470) видный политик и воин Стен Стуре Старший открыто выступал против унии, не останавливаясь и перед вооруженной борьбой с Данией. После знаменитой битвы при Бергслегене (1471), подведшей итог многолетней борьбе шведского народа против датского засилья, Швеция практически из Кальмарской унии вышла.<sup>4</sup> Преемники Стена Стуре Старшего в целом продолжали его внешнюю политику, нередко опираясь при этом на народные массы — прежде всего на свободных шведских бондов.

Однако проблема унии была далеко не решена и в начале XVI в. Во-первых, датские короли считали положения, закрепленные в Кальмаре, не утратившим силу законом и по мере сил стремились восстановить свои права (опираясь при этом и на международную поддержку, в частности, германского императора). Во-вторых, в самой Швеции имелись сторонники возрождения унии в полном объеме, причем весьма могущественные — крупные феодалы и епископы, нуждавшиеся в поддержке соседних датских феодалов в борьбе с собственным свободолюбивым и сильным крестьянством.

Вспышки датско-шведских вооруженных столкновений становились в начале XVI в. все более частыми и ожесточенными. Король Ханс неоднократно предпринимал походы на территорию соседней страны при поддержке внутренней шведской оппозиции, во главе которой стоял аристократ Густав Тролле, талантливый политик и воин, позднее, в 1514 г. принявший сан архиепископа. Походами на шведов успешно руководил «юнкер Кристиан» в бытность престолонаследником.

После смерти отца Кристиан некоторое время не мог короноваться — настолько была сильна датская антиабсолютистская оппозиция. Ригсрод не давал своего согласия на коронацию, прикрываясь фразами о неполном кворуме и т. д., на деле же опасаясь осуществления идей Кристиана о наследственной монархии, установление которой положило бы конец засилью аристократической олигархии. Некоторые из членов ригсрода вступили даже в тайные переговоры с герцогом Голштейна Фредериком, предлагая ему датскую корону.<sup>5</sup> В этот период полностью актуальной была старая конституционная программа аристократии ригсрода: редуцировать королевскую власть до компетенции некоего функционального института, превратив короля в функционера с жестко ограниченными правами и материальными ресурсами и обосновав право на оппозицию как конституционную гарантию «народного» суверенитета.<sup>6</sup> Во внешнеполитической области ригсрод стремился к миру любой ценой; единственное, на что отпускались средства, — это на содержание большого флота (около 200 кораблей), который предпочитали без нужды в море не выпускать.<sup>7</sup>

Когда же были подготовлены королевские «капитуляции» (*håndfaestning*), то в них по сравнению с прежними появился ряд новых пунктов, еще более ограничивавших права монарха. Король не мог при жизни назначить себе преемника и даже провести его кандидатуру через ригсрод, если последний был против.

Напротив, заметно возросли права дворянства и церкви. Прежде всего была сокращена сфера действия уже имевшихся привилегий — они остались только для потомственных дворян. Имена и земельные участки, которые когда-либо были дворянскими, в дальнейшем не могли стать собственностью недворян (*ufrie*, т. е. несвободных) и даже короля. Снимался запрет на торговлю церковников и дворян с зарубежными купцами — это было ущемление бюргерской монополии.<sup>8</sup> В правовой области дворянам обеспечивалось особое положение, обосновывалась исключительная возможность этого класса влиять на законодательство. Доступ к постам членов ригсрода и ленсманов предоставлялся только потомственным дворянам; еще более расширялись права годсеров по отношению к крепостным.

Тем не менее уже в период, предшествовавший подписанию капитуляций (т. е. до 22 июля 1513 г.), Кристиану II удалось провести ряд законоположений в пользу королевской власти. Так, назначение ленсманов изымалось из компетенции ригсрода, король мог теперь выбирать и самих членов этого института власти. Был смягчен и старый запрет королям влиять на выборы высших церковных властей и консультироваться по этому поводу непосредственно с Ватиканом; отныне король мог практически проводить своих кандидатов на епископские и прелатские должности, в условиях католической Дании это имело немалое политическое значение. Однако суровым предостережением Кристиану звучал последний параграф капитуляций: в случае нарушения королем любого из положений «все жители королевства во имя чести должны приложить все уси-

для свержения монарха, и это будет не нарушением верности и присяги, но выполнением долга».<sup>9</sup>

До поры до времени Кристиан II был вынужден примириться и с политическим и экономическим засильем ганзеатов, доставшимся ему в наследство от отца. Города Ганзы пока сохранили свои привилегии, важнейшей из которых была монополия ганзейского торгового двора в Бергене на торговлю в Северной Норвегии и Исландии; сохранилось и бергенское стапельное право для немецких купцов, в том числе и жителей Гамбурга. По-прежнему ганзейцы могли оказывать политическое влияние, сохранив за собой роль посредников в датско-шведских переговорах, направленных на разрешение важнейшей для датской внешней политики проблемы статуса соседней державы.

В годы правления Кристиана II внутренняя и внешняя политика правительства были в сильнейшей степени отмечены печатью личных качеств этого незаурядного политика, обладавшего сильным, сложным и во многом противоречивым характером. В свою очередь король был крайне подвержен влиянию своей неофициальной советницы голландки Сигбриг Виллумсен, чья дочь стала еще в 1509 г. его любовницей. Сигбриг, судя по всему, стояла и у истоков внутривнутриполитических реформ, проведенных королем, которому импонировали более прогрессивные голландские порядки.<sup>10</sup> В 1519 г. Сигбриг добилась перевода Зундской таможни в Копенгаген и стала во главе ее — это означало контроль над важнейшим из источников дохода казны. Через 3 года к ней перешли и другие финансовые должности — монетное дело, контроль за состоянием казны, клейнодов, государственной таможни, ластовыми пошлинами. Ряд перемен, совершенных по голландскому образцу, безусловно модернизировал экономическую жизнь страны, систему управления. Их основное значение — усиление центральной власти в Дании, имевшее явно абсолютистскую направленность. Естественно, реформы встретили сильное сопротивление крупных феодалов, светских и церковных.

Проводя изменения в законодательстве в пользу городов, король не остановился перед репрессиями — несколько наиболее строптивых епископов были осуждены на тюремное заключение. Ригсрод был вынужден утвердить запрещение дворянам и церковникам скупки деревенского продукта в количестве, большем, чем необходимо для личного потребления, только бюргерам было позволено торговать зерном и скотом с границей. Более того, для дальнейшего развития торговли городов был создан специальный совет, в который вошли представители магистратов всех городов Дании. Наконец, Кристиан отменил старинное «береговое право», согласно которому имущество судов, терпевших аварии вблизи датских берегов, переходило в большей своей части к местным феодалам. Это мероприятие также совершенно однозначно было полезно развитию мореходства и лишало значительной прибыли дворянство и церковь — в те годы кораблекрушения случались гораздо чаще, чем в XX в.

К переменам, инициаторами которых были Кристиан II и его окружение, следует отнести и проведенные в идеологической об-

ласти. В годы правления этого монарха влияние лютеранства стало заметным и в Дании. Среди датских сторонников Лютера были и прихожане-католики, и церковники; их объединяла общая цель — очистить церковь от массы злоупотреблений и пороков, ставших для католического мира привычными. Именно поэтому, а также стремясь обогатить правящий аппарат толковыми специалистами, король и его советники приглашали в Данию известных реформаторов, начиная с самого М. Лютера и его сподвижника Ф. Меланхтона. В Дании несколько лет работал молодой ученый-гуманист М. Габлер из Виттенберга, в соборе св. Николая проповедовал учение Лютера немецкий реформатор М. Райнхардт; в 1521 г. сюда прибыл профессор А. Карлштадт, он должен был стать советником короля и членом верховного суда. Однако до прямого выступления с целью конфискации церковного имущества или критики католицизма с церковных или университетских кафедр дело в эпоху Кристиана II не дошло.

Гораздо дальше продвинулось правительство в контроле над самыми могущественными его антагонистами — ленсманам<sup>11</sup> и ригсродом. Один из королевских советников, М. Гойе получил указание объезжать все лены и проверять счета, с тем чтобы на месте карать виновных в укрывательстве дохода казны — в этих поездках его сопровождал палач. Когда же в 1521 г. М. Гойе стал гофмейстером, сохранив при этом свои обязанности, то это означало полную передачу контроля над ленами от ригсрода непосредственно в королевский аппарат. Соответственно ригсрод, попавший в новую зависимость от короля (часть советников была одновременно ленсманам), вскоре был вынужден признать право короля единолично издавать новые законы.

В эту эпоху в Дании действовали два основных закона — городской и деревенский (Byloven и Landloven), составлявшие одно целое. Городской закон всем своим содержанием был направлен на сохранение привилегий торговых городов — это касалось концентрации торговли в городах, запрета проведения деревенских ярмарок, устройства мелких гаваней вдоль датского побережья и т. д. Но города лишались и некоторых старых прав — был отменен городской тинг (совет): горожан судил фогт, бургомистры и семь советников короля. Что касается деревни, то и здесь были закрыты тинги (кроме четырех, один из которых был в Сконе), отменено большинство традиционных праздников, судьи херредов назначались сверху, ленсманам, а не выбирались. С другой стороны, крестьяне получили некоторую защиту от произвола господ. Так, законом был определен срок держания не менее восьми лет, был отменен «злой, нехристианский обычай продавать бедных крестьян, крещеных людей и дарить их, как подлых животных», запрещено увеличивать размер барщины, крестьянам разрешен выкуп на свободу.<sup>12</sup> Таким образом, сельский закон не отменял частичного крепостного права (vornedskab) на большей части страны, кроме Зеландии, но упорядочивал его и облегчал участь крестьян хотя бы тем, что препятствовал худшим злоупотреблениям.

В целом оба закона, хоть и упорядочивали частично правовое положение бюргеров и крестьян, но взамен предполагали более эффективное регулирование и контроль сверху, со стороны правительственных чиновников над всеми сторонами политической и экономической жизни города и деревни. В этом же направлении изменились законы о церкви. С 1521 г. действие церковной юрисдикции было приостановлено, апелляции церковников к папе запрещены. Запрещалась и покупка церковью земли, а деятельность многочисленного нищенствующего монашества была ограничена.<sup>13</sup> Судя по некоторым данным, авторами этого комплекса законов были Сигбрит и советник короля бургомистр Х. Миккельсен.

Во внешней политике основной целью Кристиана II было полное подчинение шведских «мятежников» — восстановление единства трех Скандинавских государств под датской короной. Сознательная трудность подчинения обширной и многолюдной Швеции, король первые пять лет своего правления открыто в борьбу с ней не вступал, стремясь обеспечить себе поддержку со стороны. Женившись на Елизавете Нидерландской, он породнился с главой империи Максимилианом Габсбургом, внук которого, шурина Кристиана, был наследником престола цесарей. Союз с Францией и Англией был заключен еще королем Хансом, однако ни эти страны, ни император не проявляли пока желания участвовать во внутрискандинавских конфликтах.

Делались попытки изоляции Швеции в Балтийском регионе; так, еще в 1514 г. был обновлен оборонительный союз с Россией, затем заключен соответствующий трактат с Речью Посполитой, которая обещала не доставлять в Швецию товаров военного назначения. Положительных результатов добились датские дипломаты и в Бранденбурге. Впрочем, важнее всего для Дании была бы поддержка Ганзы, которая занимала неоднозначную позицию. Данциг издавна был тесно связан со Швецией, бывшей важным торговым партнером этого города, поэтому единственное, что он обещал датчанам, — это не выступать против них в случае войны. Любек пошел дальше, обязавшись в подобной ситуации прервать торговлю со Швецией. Подобное сдержанное отношение к инициативам Дании объяснялось прежде всего неуступчивостью Кристиана II в вопросах о торговых привилегиях Ганзы, а также его неприкрытым стремлением вытеснить ганзеатов из датско-норвежской торговли и сделать Копенгаген международным центром торговли на Западной Балтике.

Тем временем в Швеции регентом был избран Стен Стуре Младший, молодой (19 лет), но весьма одаренный политик. Питая надежду стать абсолютным монархом и уже в силу этого будучи последовательным противником Кристиана II, С. Стуре, не пользовавшийся поддержкой шведской аристократии, опирался на мелкое дворянство и горожан. В 1515 г., когда из Рима вернулся один из его политических противников, Г. Тrolле, назначенный папой архиепископом, между этими двумя группировками возник конфликт, вскоре переросший в гражданскую войну. Г. Тrolле обратился за помощью

к Кристиану II, который не замедлил вторгнуться в Швецию (август 1517 г.).

Эта война шла с переменным успехом несколько лет на шведской территории, которая подвергалась планомерному разорению. Но не менее тяжелым испытанием явились военные действия и для датской экономики — король был вынужден постоянно нанимать войска в Европе (в 1517 г. — 2 тыс. немецких ландскнехтов, в 1518 г. — еще 5 тыс. солдат, потом 2 тыс. французских солдат, затем опять из Германии, Шотландии и т. д.).

После смерти С. Стуре (1520) страну возглавила его вдова, объявившая себя последовательной сторонницей его программы. Шведский риксрод, убедившись в неизбежности «абсолютистской тирании» даже в случае победы над Данией, вступил в переговоры с Кристианом II, признав его королем Швеции, но обязанным править «с советом Совета» («med Råds råde») и в соответствии со шведскими законами, в число которых входили и соглашения, подписанные в Кальмаре. Кристиан II был вынужден подписать условия шведского риксрода — Дания очутилась на грани финансовой катастрофы, партия покойного С. Стуре представляла собой еще непобедленного противника, а Стокгольм, осажденный датскими войсками, успешно оборонялся.

Наконец в сентябре 1520 г., после того как Кристиан II дал торжественную клятву прощения всех своих противников, причем была составлена особая грамота, скрепленная большой королевской печатью и 17 печатями датских и шведских членов риксрода и епископов, Стокгольм распахнул свои ворота. Непосредственно после этого шведский риксрод объявил о переходе столицы «под руку» Кристиана, а после его смерти — жене, детям и т. д. Это было недвусмысленное признание наследственности шведской короны на голове датских королей; 31 октября 1520 г. оно подтвердилось еще раз — шведский совет обнародовал манифест, в котором указывалось, что Швеция — прямое наследие Кристиана II, среди прочего потому, что он — отпрыск святого Эрика. На другой день на верность королю присягнули сословия столицы и соседних ленов, а 4 ноября Г. Тролле возложил на его голову корону Швеции. Таким образом, Кальмарская уния была восстановлена в прежнем составе; при этом новый король Швеции поклялся на Евангелии править страной по местным законам, защищать права церкви и беззащитных бедняков, простить своих бывших недругов.

Однако не прошли еще коронационные торжества, как обещание это было нарушено. 7 ноября ворота королевского дворца в час дня были заперты, гостей короля провели в Большой зал, где некий упсальский каноник подал жалобу на обиды, нанесенные в недавнем прошлом «явными язычниками» архиепископу Г. Тролле. В числе «язычников» упоминались С. Стуре, его жена, несколько епископов, бургомистров, советников, наконец, весь город Стокгольм, жители которого «одинаково погрязли в язычестве», а архиепископу принесли убыток в полмиллиона марок. Король обещал разобраться с жалобой самостоятельно, без участия Рима, тем более что папа

незадолго до этого выразил свое отношение ко всем, примкнувшим к С. Стуре, объявив их язычниками. Таким образом, король мог не затруднять себя выбором приговора обвиняемым, за язычество кара была известной — смерть.

8 и 9 ноября на Большой площади вершилась расправа. Обезглавлены были два епископа, семь членов риксрода, многие бургомистры, дворяне, бюргеры; все имущество казненных (число их достигло 100 человек) было конфисковано в пользу короля. Тела лежали на площади три дня, потом их сожгли.

Народу было объявлено, что казни — результат справедливого возмездия за обиды архиепископа Г. Тролле. Однако позже выяснилось, что имелись и иные планы кары оппозиции — готовилось нечто вроде раскрытия «порохового заговора», о чем многим было известно и что означало также гарантированный смертный приговор участникам;<sup>14</sup> жалоба Г. Тролле просто оказалась кстати и была найдена более подходящим орудием расправы с неугодными. Затем последовали казни на местах, погибло множество шведов, как находившихся в оппозиции к Кристиану II, так и не замешанных в ней, и даже сторонников унии — от владельцев финских замков до брата Ньюдальского монастыря, утолненной Кристианом на обратном пути в Данию. Известие о страшных событиях в Швеции прокатилось по всей Европе, они получили название «Стокгольмская кровавая баня».

После коронации Кристиан II стал одним из могущественнейших монархов Европы — так казалось внешне. Однако недовольство государем, именовавшимся в народе тираном, зрело не только в Швеции, стране, фактически оккупированной датскими гарнизонами, но и в самой Дании. Отсюда бежал на родину обманом взятый в плен в 1518 г. шведский дворянин Г. Эрикссон, вошедший в историю под именем Густава Вазы.

Он поставил целью своей жизни борьбу с датским засильем, лично с Кристианом II — в Стокгольме погибли его отец, шурин, два дяди; кроме того, он был родственником С. Стуре и считал своим долгом продолжать борьбу. Способности к руководству национальным движением у него были, а жестокая жизненная школа сделала из него незаурядного политика.

Отправившись в Далекарлию, где среди крестьян и рабочих-рудокопов были наиболее сильны идеи национальной и политической свободы, Г. Ваза поднял их на борьбу с датчанами. Вскоре восстание охватило большую часть страны, под знамена Г. Вазы стеклись и дворяне, среди которых оставалось немало сторонников национальной программы С. Стуре. В августе 1521 г. они избрали своего предводителя правителем Швеции.

Однако Г. Ваза, не удовлетворившись перспективой длительной войны, решил нанести удар Дании извне, силой Ганзы, конкретно — города Любека, с которым у него сложились неплохие отношения и который — что важнее — был крайне обеспокоен некоторыми внешне-политическими инициативами Дании. Дело в том, что 3 июля 1521 г. Кристиан II встретился в Брюсселе со своим шурином, цеса-

рем Карлом V, который как глава Священной Римской империи обладал прочной церковно-юридической позицией и реальными политическими правами как в Германии, так и в Скандинавии. Король Дании добивался от Карла V помощи в осуществлении его претензий на часть герцогства Голштейн-Готторпского (которым правил его дядя Фредерик) и в экономической борьбе с Ганзой. Император удовлетворил просьбу своего родственника, подписав два документа, один из которых давал королю ленное право на Голштейн (отобрав это право у любекского епископа), согласно второму осуществлялся реальный переход этого лена к Кристиану, а кроме того, он получил ленное право на Гамбург, нижнее течение Эльбы, Дельменхорст и Любекское епископство.

На первый взгляд Кристиан II мог праздновать победу, достигнув обеих целей, но, как оказалось, победа эта была пирровой. Ибо отныне ни в Готторпе, ни в Любеке не осталось сомнений в его планах, клонившихся к широкой экспансии за счет своих соседей. К этому добавились еще некоторые детали, также не говорившие в пользу сохранения с Кристианом добрых отношений. Ганзеаты вспомнили, что он, еще будучи штатгальтером Норвегии, поддерживал голландских конкурентов Любека, что он подчинялся голландке Сигбриг, что жена его — тоже из Нидерландов, что он неоднократно нарушал права союзного Данцига и даже то, что у него наладилось сотрудничество с домом Фуггеров в Аугсбурге — давнем сопернике Любека,<sup>15</sup> наконец, что в декабре 1520 г. по инициативе короля был разработан план общескандинавского купеческого общества (со стапелями в Копенгагене, Стокгольме, Финляндии и Антверпене), задуманного с единственной целью — сокрушить Ганзу, направив товаропоток из Восточной и Северной Европы не в Северную Германию, а в Зунд и далее на европейские рынки.<sup>16</sup>

В марте 1522 г. Ваза уже получил помощь из Любека — 18 кораблей с войском, а в ноябре Ганза объявила войну Дании. Началась Северная война, ставшая величайшим триумфом Любека и катастрофой для Кристиана II.

Воюя одновременно с несколькими противниками, Кристиан II проявил крайнюю неуступчивость. Попытки мирных переговоров провалились из-за его отказа удовлетворить требование ганзеатов — удалить от двора Сигбриг, в которой те видели корень зла. Более того, по той же причине король пошел на конфликт с Нидерландами. Дошло до взаимного интернирования послов, после чего Гаага настроила против Дании и цесаря. В результате подобной политики Кристиан за два года утратил не только практически всю Швецию, но и своих союзников за рубежом.

В числе обиженных был и герцог Готторпский Фредерик. Герцог как брат короля Ханса имел право на Норвегию и часть Дании, которого его лишил при своем вступлении на престол Кристиан II. Поэтому в Дании зрел заговор в пользу герцога. Заговорщики, в большей своей части принадлежавшие к аристократии (из 18 человек было 4 епископа), имели несколько причин не видеть иного выхода из создавшегося положения, кроме фактического свержения

Кристиана. Будучи знакомыми с механизмом принятия решений в институтах высшей государственной власти, они справедливо винили в сложившейся тупиковой для Дании ситуации Сигбрит, убрать которую можно было лишь свергнув короля. Далее, факт достижения Кристианом статуса наследственного короля Швеции показывал, что рано или поздно их монарх добьется того же на родине, а в этом аристократы никак не были заинтересованы.

Заговорщики воспользовались волнениями, начавшимися в Ютландии из-за нарушений королем прав городов. Ими распространялись прокламации с призывом выполнить свой долг — а именно, свергнуть короля, не придерживающегося подписанных им капитуляций. Взамен была выдвинута кандидатура герцога Фредерика. Герцог согласился участвовать в игре, но поспешил заручиться и внешней поддержкой — в январе 1523 г. он предложил заинтересованным в свержении короля ганзеатам передать ему средства, достаточные для найма 3 тыс. ландскнехтов и 300 кавалеристов сроком на 4 месяца. Ганза выдала ему 2/3 затребованной суммы, но за это Фредерик должен был пообещать, что после коронавания он восстановит и расширит ее торговые привилегии. В этом же месяце мятежные советники Кристиана выпустили манифест, в котором призывали всех мужчин страны старше 18 лет явиться с оружием для борьбы с преступным королем. Второй манифест издал Фредерик, который в качестве королевского сына «считал своим долгом спасти Данию» от тирана. Манифесты имели успех, народу собралось столько (около 30—40 тыс.), что часть пришлось отправить домой. В марте Фредерик выступил во главе войска на север, почти не встречая сопротивления; вскоре ему присягнули Ютландия и Фюн. Кристиан также — заново — заставил присягать себе города Зеландии и Сконе: неоднократно нарушавший самые торжественные клятвы, он сохранил веру в их действенность! Но это были его последние акции на родине. Собрав к 1 апреля 1523 г. свыше 42 тыс. марок и укрепив Копенгаген, король покинул Данию — на время, как он думал, — вместе с семьей, Сигбрит и несколькими приверженцами. Вернуться ему было не суждено — в эти весенние дни режим пал окончательно и бесповоротно. Анализ внешней и внутренней политики последних лет правления Кристиана II приводит к удивительным выводам: королем и его окружением, казалось, было сделано все, чтобы сплотить и поднять против себя всех потенциальных внешних и внутренних противников, более того, превратить друзей во врагов. Что же касается его конкретной «шведской» политики, то король оказался не в состоянии уяснить, что времена изменились и не в его силах — политических, военных, экономических — поставить эту страну на колени. Впрочем, и в эпоху становления Кальмарской унии Маргарита действовала более умом, чем насилем. В июне 1523 г. король был свергнут и в Швеции, где корона досталась его сопернику — Густаву I Вазе.

Фредерик завоевал популярность среди мелкого дворянства и аристократии прежде всего осознанной классовой политикой, направленной на поддержку именно дворян. Разумную политику он

повел и в отношении Швеции, установив контакт с ее королем, — это было необходимо, по крайней мере пока не исчезла опасность реставрации монархии Кристиана II. Без видимого неудовольствия подписал Фредерик и новые капитуляции, хоть ряд статей не мог его удовлетворять. Датчанин по крови, но немец по воспитанию, он был убежденным сторонником Лютера, однако принял параграф, запрещающий пропаганду лютеранства в Дании. Были приняты и некоторые пункты, направленные на расширение дворянских привилегий. Все ленные реформы Кристиана II были отменены; вводились штрафы крестьян в пользу помещика по образцу полунемецких герцогств.

Коронацию Фредерика I совершил 7 августа 1524 г. тот же Г. Тролле (впрочем, он вскоре присоединился к свите короля-изгнанника). Затем новый король удалился в герцогства, передав ригсроду ведение всех правительственных дел — по собственной к ним несклонности. Возможно, поэтому правительство проявило несоразмерную по сравнению с обещанным уступчивость по отношению к Ганзе — городам было даже предоставлено право лова в прибрежных водах у Ольборга, Сконе, Мена, Лолланда, право беспрошльного прохода Зунда.

Крестьянство быстро ощутило негативные результаты дворянской политики Фредерика I, и когда в феврале 1525 г. в Сконе высадился военачальник Кристиана II С. Норбю, то в провинции вспыхнуло народное восстание в пользу изгнанника. За крестьянами последовали горожане — Лунд сразу объявил о своей поддержке С. Норбю; дворянство провинции бросало поместья и замки, чтобы укрыться в Хельсингборге. Однако вскоре Сконе была очищена от войск Кристиана II немецкими ландскнехтами голштинца видного полководца Иохана Рантцау. После победы над восставшими у Бункельтофте близ Ландскроны наемники устроили дикую резню крестьянского населения провинции.

Затем огонь народного восстания перебрался на датские острова и Ютландию, где крестьяне были недовольны резко возросшим налоговым гнетом, а бюргеры — вновь возникшей торговой конкуренцией дворян (Фредерик отменил монополию коммерции торговых городов). Известное влияние оказала и деятельность весьма способных агентов Кристиана II, наводнивших страну прокламациями, критикующими дворянский режим нового короля. Король не располагал, естественно, средствами для постоянного найма ландскнехтов, единственно способных противостоять народным волнениям (датское дворянство было относительно малочисленным); однако некоторые события религиозно-политического плана содействовали временному ослаблению накала классово-политической борьбы, хотя вряд ли это было запланировано правительством страны.

За время, прошедшее с прибытия в Данию первых проповедников лютеранства, учение это приобретало все больший вес. Бывший бургомистр Х. Миккельсен перевел в 1524 г. на датский язык Евангелие и отпечатал его; на следующий год начал свои весьма популярные проповеди евангелического содержания в Виборге монах-иоаннит

Х. Таусен. В герцогствах старший сын короля Фредерика Кристиан открыто проводил церковную реформу. Антикатолическая пропаганда сопровождалась, как и в Германии, нападениями на корыстолюбие прелатов, в частности на церковную десятину. Эта критика находила благодарную почву в Дании, где епископы жили в роскоши, мало уступавшей королевской, окруженные собственным дворянским войском. Когда же крестьянам страны стало известно, что принц Кристиан отменил в герцогствах десятину, они также стали отказываться от уплаты этого нелегкого побора (1527 г.).

Король между тем занимал пока посредническую позицию между католиками и лютеранами, силы которых сравнялись: вероисповедальный разлом проходил через все слои общества. Тем не менее там, где это было крайне необходимо, Фредерик становился все же на сторону лютеран. Так, после изгнания Х. Таусена из ордена католиками он дал ему охранную грамоту и даже сделал своим капелланом; сквозь пальцы смотрел король и на деятельность в Выборге немецкого печатника Х. Вайнгартена, распространявшего протестантскую литературу. Наконец, в 1529 г. король согласился на предложение сплошь лютеранского населения этого города срыть все католические церкви (кроме двух); позже схожие события произошли в ряде городов. Отказом же утверждать (конфирмовать) архиепископов в Ватикане король открыто порвал с папой: церковь Дании стала самостоятельной, национальной, независимой ни от кого, кроме короля.

В годы правления Фредерика I вновь приобрели значение ежегодные херредаги — всеобщие собрания в присутствии ригсрода и короля, ни разу не собиравшиеся в эпоху «тирании» Кристиана II. Теперь же почти на каждом херредаге принимались решения, важные для политики, экономики, направления идеологического развития общества. Их история показывает, как менялось отношение различных социальных слоев к политике правительства и, наоборот, реакция короля и ригсрода на различные события в стране и вне ее.

Так, на херредаге 1526 г. церковь обязалась не покупать новые земли, а светские члены ригсрода — защищать датский католицизм. В 1527 г. король заявил об идее свободы совести, которая отныне будет заложена в основу его правления, об отказе судить людей по их вере, чем декларировал главный принцип своей политики толерантности. Тем самым он дал понять лютеранам, что отныне они смогут встретить в Дании лишь идеологический отпор, не более. В борьбе с ширящейся Реформацией единственным достойным оплотом был Поуль Хельгесен, профессор университета, кармелит, страстный публицист, пользовавшийся огромной популярностью среди всех слоев населения.<sup>17</sup> Однако, как показали ближайшие события, он вместе с немногими идеологами католицизма его ранга не смог удержать непреодолимое продвижение протестантизма на Север. Уже через год по всей стране началась кампания гонений на монахов; в 1529 г. Х. Таусен становится пастором столичного собора св. Николая, а в Вайле горожане превращают францисканский

монастырь в городскую ратушу, и т. д. Еще более резко выступали копенгагенцы.<sup>18</sup>

В 1530 г. горожане в столице вынудили ригсрод принять условия, согласно которым они обещали сохранять повиновение правительству, лишь если оно будет непримиримо бороться с католицизмом.

Преследования монахов достигли кульминации в 1530 г., когда возбужденные лютеранскими фанатиками в них приняли участие широкие массы населения. При этом нередко были случаи убийств и увечий монахов, имущество церквей и монастырей, как правило, разграблялось. Массовая истерия достигла пика, когда толпа бюргеров под предводительством бургомистра А. Богбиндера разгромила Собор Копенгагенской богородицы, при этом акте вандализма погибли многие выдающиеся памятники национального искусства. Все эти события уводили крестьян от социальной борьбы; кроме того, и они попользовались имуществом разгромленных монастырей, их землями и т. д.

Однако затухание классово-религиозной борьбы было кратковременным, вскоре она вспыхнула с новой силой, но уже в связи с внешнеполитическими событиями. В 1530 г. царь Карл V окончил войну на юге и приказал своим голландским подданным оказать необходимую помощь Кристиану II для вооружения флота, а осенью следующего года Кристиан высадился в Норвегии, встреченный ликующим народом. На его сторону перешло войско, собранное архиепископом Олавом Энгельбректссоном, а 5 января 1532 г. после ряда побед соединенной армии норвежский ригсрод объявил о свержении Фредерика I и восстановлении на престоле Кристиана II.

Фредерик I, заручившись поддержкой любекцев, нанес сопернику ряд поражений, принудил к переговорам. Однако поступил он вероломно: датский корабль с Кристианом II на борту прибыл не в столицу, а в замок Сендерборг; экс-королю предстояло провести в заключении остаток своих дней, он умер, не выходя на свободу, через 27 лет.

В следующем, 1533 г., Фредерик I умер. Проводимая им политика толерантности принесла не много плодов. Единственное, чего добился король, — это более или менее спокойного внутреннего положения в Дании на склоне своих лет. Он не решил проблем, оставленных предшественником, а лишь отодвинул их на более долгий срок. Одной из этих проблем была конфессиональная, другой — проблема Норвегии, явно проявлявшей тенденции сепаратизма, третьей — столь же сепаратистски настроенные Шлезвиг и Гольштейн. Ригсрод в годы правления Фредерика I взял большую власть над королем, отчего тот не смог даже назначить себе преемника. Герцогства, Дания и Норвегия могли по положению быть отданы королю, избранному из числа сыновей покойного Фредерика, но нигде не было сказано, что три короны должны достаться одному и тому же принцу (всего корон было четыре), а именно к разделу трех из них и стремились сепаратисты.

Основной кандидат на престол, старший принц Кристиан, будучи глубоко верующим лютеранином, мало интересовался мирскими про-

блемами и инициативы к занятию трона не проявлял. Еще меньше были заинтересованы в коронации уставшие от династических конфликтов члены ригсрода, и на херредаге 1533 г. было решено под предлогом неполного кворума не избирать короля вообще, по крайней мере один год.

В стране установился режим дворянской республики без центрального управления, где каждый помещик или ленсман правил на своей земле, как маленький король, к великому раздражению бюргеров.

Но в течение этого переходного периода, продлившегося до августа 1534 г., произошел ряд примечательных событий. Во-первых, заметно усилилась католическая церковь, лютеранским проповедникам фактически было отказано от кафедр, а Х. Таусен едва не был осужден на смерть. Во-вторых, обострились отношения ригсрода с Любеком, попросившим помощи против Нидерландов. Когда в ней было отказано, посланник Ганзы Ю. Вулленвебер обратился к лидерам бюргеров, А. Богбиндеру и Е. Коку. Втроем они составили план антидворянского переворота. Затем они обратились к герцогу Кристиану с предложением возглавить движение, но этот принц, как было сказано, не испытывал желания одеть на себя терновый венец датского короля, да еще в качестве ставленника бюргерской партии. Тогда заговорщики решили освободить Кристиана II, под чьим знаменем охотно соберутся и бюргеры, и крестьяне. Одновременно они посвятили в свой план графа Кристофера Ольденбургского, двоюродного брата Кристиана II. Этот профессиональный ландскнехт с восторгом ухватился за мысль вновь посадить своего родственника на датский престол, и в 1534 г. вспыхивает гражданская война, которая получила название «графская распря» (Grevens Fejde). В войне приняли участие любекцы, планировавшие в случае освобождения Кристиана II поместить его на жительство в Любек, который занял бы таким образом ключевую позицию, а Данию превратить в протекторат.<sup>19</sup>

Свою пропаганду среди датского населения граф Кристофер основывал на том, что он — сторонник законного короля, несущий крестьянам и бюргерам освобождение от дворянского и церковного засилья, борец за восстановление «крестьянского законодательства» Кристиана II, согласно которому крестьяне сами будут выбирать фогдов и ленсманов. Однако увлечь за собой датскую деревню ему не удалось, поскольку она была более равнодушна к идеям Реформации, чем город. Что же касается бюргеров, то как на политическую силу на них можно было рассчитывать только в Копенгагене и Мальме, куда граф пока не добрался. Напротив, к нему стали примыкать дворяне, среди них такие влиятельные, как А. Билле и Е. Урне (последний сдал без боя Копенгагенский замок, и случай этот был далеко не единичным). Затем, увидев, как граф раздает примкнувшим к нему дворянам лены, на его сторону перешло дворянство Сконе (июль 1534 г.), после чего Мальме был уравнен в правах с Копенгагеном, а дворянство было щедро награждено привилегиями.

Лишь после этого бюргеры осознали несовместимость заявленной программы и практической политики графа, восстанавливавшего власть дворян в ее худшем варианте. Когда же граф стал господином положения во всей Восточной Дании, т. е. в наиболее богатой и заселенной части королевства, смысл грозящей опасности дошел и до Г. Вазы. Шведский король вошел в тесный контакт с герцогом Кристианом, предложив ему совместную борьбу против узурпатора. Сильную поддержку антиграфская партия получила в лице опытного политика советника М. Гойе. Он понимал, что дворянство Зеландии и Сконе, несколько ошеломленное вторжением графа, поддавалось на предложенные им сиюминутные выгоды; что же касается Ютландии и Фюна, этих оплотов мелкого дворянства, то здесь была более благоприятная почва для агитации. М. Гойе не ошибся в своих расчетах, основная масса ютландских дворян стала за герцога Кристиана, ту же позицию заняли активизировавшиеся наконец бюргеры Фюна и Ютландии.<sup>20</sup> В Ютландии же состоялось выездное заседание ригсрода, в котором присутствовали и рядовые дворяне, принудившие совет принять решение о короновании герцога Кристиана. Сразу же после окончания встречи бюргеры Свендборга (Фюн) подняли восстание против графа, а заодно и местных дворян — сторонников Кристиана II. Когда депутация ригсрода, в которую входили М. Гойе и Ю. Вулленвебер, прибыла к герцогу Кристиану, ни о каких уступках не могло быть и речи — движению нужен был вождь в уже начавшейся гражданской войне. Дав свое согласие на участие в борьбе, герцог (в отличие от графа) ничего не обещал ни крестьянам, ни бюргерам, сделав ставку на дворянство, что сразу же привлекло к нему массу сельских помещиков.

Герцог был коронован в Хорсенсе 19 августа 1534 г., после чего смысл религиозных распри исчез — на троне оказался последовательный протестант, и вся борьба перешла в плоскость политическую. Впрочем, длилось это недолго, до тех пор пока весть о коронации не обежала страну. Теперь и бюргеры, и крестьяне, которых объединяла хоть и по разным причинам ненависть к крупным землевладельцам, поняли, что ждать от нового короля, бывшего крупнейшим помещиком, им нечего. Во главе бюргерского восстания в июне 1534 г. стал бывший капер Кристиана II, шкипер Клемент Андрес — сын крестьянина, опытный морской офицер и талантливый руководитель, заручившийся перед выступлением поддержкой графа Ольденбургского.

Центром восстания стал г. Ольборг, борьба в Ютландии была бескомпромиссной; когда в нее включилось крестьянство, она приобрела всеобщий характер социальной революции. Показательно, что на стороне шкипера оказались и мелкие дворяне,<sup>21</sup> у которых было больше общего с крестьянами, чем с земельными магнатами. Восстание охватило всю Ютландию. Рыцарство этой части страны собралось в сентябре у стен замка Кале под знаменем Э. Баннера. Но 15 октября рыцарское ополчение попало в кровавую западню у Свендструпа и было полностью разбито восставшими.

После этого Кристиан III, заключив перемирие с Любеком, послал в Ютландию своего старого полководца И. Рантцау с 4,5 тыс. ландскнехтов и двумя кавалерийскими полками. Хорошо обученному войску было нетрудно рассеять слабо организованные отряды крестьян. Шкипер Клемент заблокировался в Ольборге, но 18 декабря город пал, его защитники были уничтожены разъяренными наемниками. Через несколько недель ютландское восстание было полностью подавлено, шкипер Клемент бежал, но был выдан каким-то крестьянином и колесован.

Восстание было подавлено прежде всего потому, что восставшие не смогли образовать единый фронт освободительной борьбы. Многие из участников были вовлечены Клементом в движение насильно, под угрозой казни. Большинство же сплотилось вокруг властной личности Клемента, имея в виду прежде всего экономические выгоды. Их вождь не разработал да и не мог разработать сколько-нибудь последовательной программы социальных перемен, а восставшие крестьяне были политически еще более незрелы, чем бюргеры, поэтому восстание и не могло завершиться успехом. У феодалов же существовала хоть и консервативная, но конструктивная политическая программа восстановления старого порядка.

По областям, затронутым восстанием, прокатилась волна репрессий. Был резко повышен налог с двора, многие крестьяне были вынуждены буквально выкупать собственную жизнь, делая при этом неоплатные долги. Была конфискована в пользу феодалов и короля огромная масса скота. Собственники, которые не могли доказать свое неучастие в восстании, становились фестерами на земле, отошедшей в королевский домен.<sup>22</sup>

В январе 1535 г. объединенная армия Кристиана III и Г. Вазы должна была дать графу Кристоферу решающий бой у Хельсингборга. Перелом произошел, когда союзник графа ленсман Т. Краббе внезапно открыл огонь шрапнелью в спину его войскам. Это поражение имело большое значение для дальнейшего хода военных действий в Зеландии. Кроме того, начались бюргерские волнения против дворян: за ними буквально охотились, помещики были вынуждены ходить переодетыми в крестьянскую одежду; запылали поместья. Неожиданно дворян начал преследовать и граф, как уверяли современники, из-за измены Т. Краббе. Дворяне стали перебегать в лагерь Кристиана III.

После ряда походов И. Рантцау весной—летом 1535 г. по Фюну и Зеландии, сопровождавшихся казнями, конфискациями и сожжением целых городов (чего отнюдь не допускал граф Кристофер), от любекских войск, поддерживаемых датскими бюргерами, была очищена почти вся территория страны. В январе 1536 г. Любек заключил мир с Кристианом III, Мальме сдался, в руках графа остался лишь осажденный Копенгаген; после полугода голода сдалась и столица; войдя в нее король в отличие от своего военачальника помиривал восставших бюргеров.

Судя по всему, Кристиан III ждал только мира, для того чтобы решить важные внутривнутриполитические проблемы, из которых основной,

безусловно, была конфессиональная. Планы короля относительно последовательности протестантских реформ касались прежде всего разработки проекта церковного ордонанса. С этой целью в августе 1536 г. им был послан в Саксонию придворный капеллан Эддике, он должен был пригласить Бугенхагена и, по возможности, Меланхтона. И лишь после отказа курфюрста отправить в Данию обоих профессоров король поручил составление этого важного регулирующего документа датским богословам.<sup>23</sup>

В октябре того же года был созван очередной херредаг. От предыдущих он отличался весьма полным представительством — на него явились члены ригсрода, представители мелкого дворянства (свыше трети) и торговых городов, фогды, крестьяне; всего свыше 1000 человек. Скорее, этот херредаг можно было назвать сословным собранием, но с оговоркой — на него не был приглашен ни один епископ. Более того, для того чтобы преградить им путь, столица на три дня была закрыта, а архиепископ Т. Билле и еще два епископа арестованы.

Перед светскими членами ригсрода Кристиан III поставил условие передачи всей полноты власти королю и ригсроду, который должен был состоять только из светских представителей. После того как советники подписали этот законопроект, король арестовал и остальных епископов.

Причины отторжения церкви от участия в работе правительства были обоснованы королем в его тронной речи, произнесенной перед депутатами херредага и массой копенгагенцев, собравшихся вокруг трибуны на Старой площади. Необходимость «лучшего ордонанса и реформации» была обоснована негодностью старого режима, благодаря которому Данию скорее можно назвать «разбойничьим приютом» (*gøverkule*), чем государством. Вину за подобное превращение и конкретно за гражданскую войну Кристиан возложил главным образом на епископов хотя бы уже потому, что они воспротивились выборам короля в 1533 г. При этом король привлекал епископов к ответу не за их веру (часть из них относилась к лютеранству положительно), но исключительно за политические преступления, самым страшным из которых была попытка силой изгнать своего законного короля (дворяне, более иных желавшие этого, по понятной причине упомянуты не были).

Новое положение датской церкви было обосновано капитуляциями,<sup>24</sup> подписанными королем на том же херредаге. В них отсутствовали привычные пункты о церковных привилегиях, зато было сказано о замене епископов суперинтендантами, обязанными проповедовать Евангелие в соответствии с новым ордонансом, поддержанным властью короля. Все епископальные поместья с землей переходили в казну, как и десятина. Имущество соборов и монастырей сохранялось в старом месте, если священники и монахи обязывались исповедовать протестантскую веру. По сути дела в своей речи король узаконил меры, которые принимались еще в августе. Перевод основного имущества церкви в собственность короны был осуществлен

армией под руководством И. Рантцау, впрочем население страны поддерживало эту реформу, надеясь на отмену десятины.

Как ни странно, но легче всего сквозь испытания Реформации прошли те, на кого было направлено ее острое, — католические епископы. В то время как для большинства монахов и рядовых священников, сохранивших верность католицизму, она стала трагедией их жизни, князья церкви один за другим объявили об осознании ими правильности учения Лютера, причем «осознание» это шло завидно быстрыми темпами — вскоре все они получили посты суперинтендантов (впрочем, этот термин в Дании не привился, их стали по-прежнему именовать епископами) и обширные лены.

С этих октябрьских дней политическая история Дании и соседней Швеции начинает расходиться заметнее, чем раньше. Если Г. Ваза основывал свою власть на самостоятельности свободных бондов как политической силе, помогшей ему занять престол (а в 1544 г. и установить режим абсолютизма), то Дания, как не без основания утверждают датские историки, оказалась к подобному пути развития не готовой.<sup>25</sup>

Реформами 1536 г. король, напротив, усугубил зависимость крестьян от помещиков, которые получили право судить и наказывать своих фестеров. Дворяне могли отныне скупать и продавать сельскохозяйственные продукты, таким образом вновь была ликвидирована торговая монополия бюргерства; более того, сельское дворянство получило монополию на экспорт продуктов животноводства. Это сулило огромные доходы помещикам-экспортерам скота, т. е. наиболее богатой части дворянства, ввиду конъюнктурного скачка в этой области торговли после открытия Америки. Накопление же денежных средств в их руках обеспечивало сохранение ими бывших церковных ленов и поместий в целости, что также укрепляло финансовое положение короны. Другими словами, была заложена основа полигико-экономического сотрудничества дворянства и короля.

Предложив феодальному дворянству подобный перспективный путь их участия в экономической и политической жизни государства, король-победитель не преминул расширить и свои права. Им был изъят знаменитый § 76 капитуляций<sup>26</sup> и параграф о запрете королю при жизни избирать себе наследника, на котором основывались и остальные права ригсрода. Отныне один из сыновей монарха должен был именоваться принцем Датским и рассматриваться как законный престолонаследник. И даже в случае смерти короля, имеющего лишь малолетних детей, власть должна была переходить к опекуну, им назначенному, а отнюдь не к ригсроду, как было раньше. И хотя король уступил советникам, обязавшись назначать на три высших поста в королевстве (гофмейстера, канцлера и маршала) лишь членов ригсрода, все же новое положение датского монарха максимально приблизилось к наследственной королевской власти. Собственно, оно отвечало общеевропейской тенденции укрепления королевской власти в XVI в. по отношению к аристократии, особенно в протестантских странах, где монархи правили вместе с мирянами

и церковь. Практически реформы Кристиана III можно рассматривать в этом плане как государственный переворот.

Этим переворотом Кристиан III достиг того, к чему стремился Кристиан II, но достиг с помощью дворянства Дании, которое его незадачливый предшественник хотел сломить. Безусловно, Кристиан III вывел страну из состояния перманентного внутреннего раскола и зависимости от ганзейских и иных купцов, укрепив при этом господствующие позиции дворянства. Однако законами, принятыми херредагом 1536 г., возможности этого класса к политическому и иному развитию были отрезаны; аналогичный вывод можно сделать и в отношении реформированной национальной церкви.

В целом датская Реформация имела ряд черт, схожих с подобным процессом, проходившим в соседних странах, но были у нее и отличия. Так, в Северной Германии Реформация, поднимаясь на гребне социальных волнений, была неотделима от классовых битв, она шла параллельно с борьбой бюргеров за участие в управлении городов, против феодального дворянского законодательства, общего засиления патрициата. В Дании же городской патрициат, напротив, поддерживал широкое бюргерское антипапистское движение. Реформация в начальной и основной ее стадиях была здесь действительно народной, почва для нее, особенно в городах, была подготовлена многолетней деятельностью лютеранских проповедников. Именно по этой причине датские реформаторы придерживались более крайних взглядов и смогли по ряду аспектов пойти дальше, чем виттенбергские.<sup>27</sup> Была также и вторая причина — их идеологической основой были учения не только Лютера и других германских реформаторов, но и У. Цвингли, Ж. Кальвина с их большим универсализмом и последовательностью.

Резкая перемена в составе сил, осуществлявших реформу, произошла лишь на ее завершающей стадии. Она была завершена королем, не создавшим и подобия идейной основы для привлечения верующих на сторону протестантизма. Он остро нуждался в деньгах и имуществе церкви для оплаты огромной, буквально затопившей страну армии, нанятой за рубежом для подавления «графской распри»,<sup>28</sup> — и Реформация была завершена сверху. Вместе с церковниками репрессиям, насилию над совестью подверглась масса верующего населения — католиков, в основном деревенских. Волю короля и его советников огнем и мечом проводили в жизнь немецкие ландскнехты, им не уступали и датские протестанты. Вчерашние католики, они не упускали случая обогатиться при «очищении церкви от идолов и неправедных богатств», фактически сводившемся к организованному, а часто и стихийному грабежу и разрушению древних памятников национальной культуры, к насилию над согражданами.

Выше указывалось, что датские епископы и аббаты, приняв лютеранство и присягнув королю-протестанту, возвратили себе утраченные было посты и лены и прожили до конца своих дней в почете и богатстве. Никто из датских прелатов не принял мученический венец за веру, как не утратила во многом своего значения и церковь.

Она перестала лишь быть государством в государстве; авторитет церковных и светских властей стал двумя сторонами одной медали; их верховным руководителем был теперь король, ему они должны были служить, а не всемирной католической конфессии с центром в Риме.

Новая церковь сохранила иерархическую систему старой; несмотря на выборность пасторов общиной и суперинтендантов пасторами, она практически управлялась, как и ранее, епископами. Но существенная разница была в том, что новые лидеры церкви не являлись, как старые, владельцами личных и наследственных поместий, они не обладали политическими и экономическими привилегиями. Все, чем они пользовались, они получали из рук короля, который в любой момент мог лишить их всех земных благ. Высокие церковные посты уже не являлись ценностью сами по себе, как таковые они доходов не приносили, и это резко сказалось на популярности, престижности профессии священнослужителя по сравнению с дореформационным периодом. Она все более становилась призванием, а не путем к блестящей карьере. Поэтому начиная с эпохи Кристиана III средние и высшие посты в церковной иерархии перестают быть монополией аристократов, их занимают теперь почти исключительно выходцы из семей бюргеров, крестьян, сельских и городских ремесленников.<sup>29</sup>

Основной свод церковного законодательства был принят в Риббе в 1545 г. (Ribe-artikler). Согласно ему, должности верховного епископа более не существовало, но по традиции первым среди равных должен был почитаться епископ Зеландии с резиденцией в Копенгагене (т. е. в столице, а не в древнем церковном центре Роскильде, как ранее). Сводом определялось и годовое содержание епископа — довольно скромное.<sup>30</sup>

Идеологический инструментарий новой церкви готовился задолго до Реформации. Идеи Лютера проникли во все слои общества, в Копенгагенский университет, где давно уже преподавали профессора-гуманисты К. Педерсен и П. Хельгесен. Первый из них создал «Толкователь знамений» (1515), где разъяснялся смысл молитв, притч, чудес; предпринимались и иные типично протестантские попытки основать веру на понимании Священного писания. Естественно, этот труд был написан не на католической латыни, а на национальном языке, «ибо, — замечает автор, — если бы кто из апостолов писал для Дании, то поступил бы так же, чтобы его могли понять все, ведь любой христианин имеет право читать Евангелие на своем родном языке».<sup>31</sup> Заметим, что это бесспорно евангелическое заявление было сделано до выступления Лютера. Позднее К. Педерсен перевел на датский язык Библию, после нее были переведены труды Лютера и его единомышленников, прочая теоретическая и прикладная богослужебная протестантская литература.

Издавались массовыми тиражами и оригинальные работы датских богословов и церковных пропагандистов; в основном это были профессора или бывшие студенты протестантского Копенгагенского университета. Вообще университет постепенно превращался из очага

гуманизма и прогрессивной идеологии, каким он был до Реформации, в оплот протестантизма в его наиболее крайнем, закостенелом проявлении. Изгоняя «дух Эразма» из высшей школы, ее профессора, как правило занимавшие одновременно и церковные должности, монополизировали свое право, право ортодоксальных лютеран, властвовать над умами и душами. И в этой политике они нашли активную поддержку короля и приглашенных им из Германии «экспертов» по Реформации. Один из них, И. Бугенхаген составил в 1537 г. статут типа виттенбергского, согласно которому университет (как и церковь в целом) лишился ряда демократических привилегий: была отменена выборность канцлера (им автоматически становился епископ Роскильдский), профессора из духовного звания переходили в разряд государственных служащих, главным руководителем университета становился сам король (как *rector magnificientissimus*). Этот процесс отразил перемены во всей церковной жизни, претерпевшей за десять послереформационных лет сильные изменения.

Церковный ордонанс, вышедший из-под пера немецких лютеран, впервые ввел цензуру для книг, касающихся вопросов веры, — шаг явно антигуманистического направления, так как католицизм был разбит и более не опасен. Шаг этот был поддержан церковниками, в основном рядовыми. Вышедшие из малообразованных слоев населения, жившие в собственном узком кругу, они не могли понять гуманизма, учения в основе своей аристократичного и интернационального.

Постепенно протестантская церковь, первоначально обращавшаяся к широким массам и поддержанная ими, все более удаляется от народа, становится оплотом узкого национализма и консерватизма, в том числе и в культуре. Межнациональные контакты со странами римской церкви и даже некоторыми протестантскими (кальвинистскими) были разорваны, новая церковь во главе с королем (*summus episcopus*) замкнулась в себе. Началась и вполне средневековая «охота за ведьмами» — впрочем, это поветрие охватило не только Данию середины XVI в. В первую очередь преследованиям подвергались здесь, естественно, не «ведьмы», а еретики, т. е. представители соперничавших с ортодоксально лютеранской идеологией — филиппинистской, рамистской, кальвинистской и т. д. Безжалостно изгонялись и правоверные лютеране, пытавшиеся логически осмыслить постулаты веры.

В предреформационный период, в последние годы католицизма, в датском искусстве наблюдался необычный подъем, причем почти все виды искусства повернулись к реализму. Достижение столь заметных высот объясняется влиянием северо-германской и нидерландской школ. Одновременно можно отметить сильное влияние немецких и нидерландских идеологов гуманизма на интеллигенцию Дании. Укоренение гуманистических идеалов имело огромное значение для развития датской культуры. Перевод Библии К. Педерсеном стал величайшим литературным подвигом эпохи датской Реформации. Он замечателен не только своей поэтической силой, но и яс-

ностью, твердостью, единообразием языка и слога. Благодаря этому труду был создан языковой фундамент нации, сквозь века протянулась нить, связавшая поколения. К. Педерсен работал в эпоху, когда не было для отечественной литературы более важной цели, чем научить все общество говорить на датском языке, и этой задаче он посвятил свою жизнь. Глубоко, как истый гуманист интересуясь историей своей родины, он издал всемирно известный ныне труд Саксо Грамматика, чем фактически спас этот памятник, все более искажавшийся от переписывания.

В эти же годы работал П. Хельгесен, католический гуманист, преклонявшийся перед Эразмом Роттердамским и страстно пропагандировавший образование и науку. Он был одним из первых историков Дании, систематизировавшим эту науку; он же довел публицистический очерк до такого совершенства, что его работы (посвященные, в частности, «Стокгольмской кровавой бане», «графской расправе» и др.) стали образцом для позднейших сочинений этого жанра.

Упомянутые и многие другие деятели датской культуры испытывали немалые надежды на победу Реформации, но после ее завершения им пришлось испытать разочарование. Во-первых, их оттолкнули массовые акты протестантского вандализма, в пламени которого бесследно исчезли лучшие образцы искусства (упомянем лишь о полном разгроме древних церквей Роскильде — был продан даже камень из их фундаментов).

Годы послереформационного разгула ортодоксии характеризовались упадком культуры, научной мысли, торможением идеологического прогресса общества. Опустели стены университета,<sup>32</sup> так как молодые датчане устремились за рубеж, где обучались в более свободных университетах Италии, Германии или Франции. Но этот отток молодых сил неожиданно обернулся нешуточной угрозой протестантской ортодоксии: занимая по возвращении на родину нередко весьма высокие и имевшие отношение к идеологии и культуре в целом посты, бывшие студенты становились важными проводниками свежих веяний из-за рубежа в области искусства, науки, культуры. И этот процесс, пока неясный, был залогом того возрождения национальных просвещения, науки, культуры, что наступило в Дании в начале XVII в.

В XVI—XVII вв. при сравнительно низком развитии производительных сил в Дании доминирующей отраслью экономики было земледелие; в нем было занято около 90 % населения.<sup>33</sup> Таким образом, земля являлась важнейшим средством производства, а обладание ею — основным источником богатства, увеличить которое было почти невозможно без увеличения земельной собственности, так как непосредственное увеличение производительности труда на том этапе было сильно заторможенным.

В начале XVI в. датская земля принадлежала в основной своей части короне, дворянству и церкви (примерно поровну), небольшая часть — бюргерам и крестьянам-собственникам, сообща владевшими 15 % общего числа дворов. После Реформации церковные земли

были секуляризованы и перешли к короне,<sup>34</sup> хотя и не все сразу — этот процесс длился около века. В середине XVII в. казна владела 37 тыс. дворов, у дворянства число их возросло до 33 тыс., у крестьян-собственников осталось 5 тыс. дворов.<sup>35</sup> Но дворянские земли приносили гораздо меньше дохода, чем королевские. Дело в том, что многие из упомянутых 33 тыс. дворов не являлись наследственной собственностью дворян, но подпадали под действие ленного законодательства, согласно которому они находились в распоряжении ленсманна и приносили ему доход лишь до тех пор, пока он занимал этот пост. Основная же масса дохода с земли шла в королевскую казну.

Создавшееся положение внешне выглядит несколько противоречивым — ведь в 1536 г. дворяне политически усилились, навязав королю капитуляции, ущемлявшие его права, и фактически присвоив себе право полной власти над имуществом и свободой крестьянина,<sup>36</sup> что было подтверждено и в 1559 г.<sup>37</sup> Само положение выборного, т. е. зависимого от дворян, короля было в тогдашней Европе аномальным; тем не менее именно в год Реформации в Дании произошел значительный (в политическом и юридическом-нормативном отношениях) переход реальной власти, или суверенитета, от сословных собраний к короне, т. е. к королю и аристократическому ригсроду. Именно на данной фазе своего развития абсолютизм, используя налоговое законодательство, средства финансового контроля и административного управления, фактически сильно стеснил относительную политическую и экономическую самостоятельность сословий, в том числе дворянского.

Отныне корона не испытывала весьма заметного ранее влияния дворянства на процесс принятия политических решений, в особенности в области так называемых королевских резерватных прав (*caesarea reservata jura*), внешней политики и финансов. Королевская власть могла теперь осуществляться через централизованное кабинетное управление бесконтрольно и неограниченно; ее суверенность основывалась на обладании большей частью национального дохода и собственности на основную часть средств производства, что стало возможным в результате секуляризации церковного имущества. Дополнительно королевская власть укреплялась поддержкой оплачиваемых королем и потому лояльных бюрократии и военно-полицейского аппарата, получившего с 1537 г. расширенные права вмешательства в частную жизнь подданных.<sup>38</sup>

Безусловно, в связи с упомянутыми переменами в разделении политической власти и экономического могущества в эту эпоху начинают сглаживаться в высшей степени актуальные ранее взаимоотношения между королевской властью и стоявшей в конфронтации к ней аристократией. Политика правительства содействовала укреплению государственных ресурсов и на их основе — собственной политической и экономической позиции, как и престижа державы в международном плане.

Зависимость от короля, в которую благодаря передаче церков-

ных ленов в казну попали самые могущественные из аристократов — ленсманы, толкала высшее дворянство к сотрудничеству с королем. Внешне парадоксальная, эта поддержка королевской власти, ущемившей дворянство в его основных привилегиях, стала политической реальностью в первой половине XVI в., она продолжалась (за исключением кратких периодов реакции при Кристиане III и в условиях развязывания Семилетней войны) вплоть до становления политики Кристиана IV, приобретая со временем черты гармоничности и эффективности, что можно объяснить лишь общностью интересов королей и дворян, владевших практически всей землей в условиях односторонне аграрной производительной системы датской экономики.

Подобная политическая и финансовая активность правительства была направлена на принципиальное упрочение политических и материальных ресурсов, на основе которого можно было осуществлять дальнейший рост международного престижа, политической стабильности короны. Финансовая политика играла в достижении этой цели подчиненную роль, как и уровень роста благосостояния населения.<sup>39</sup> Поэтому Кристиан IV в целом верно оценил проводимую в годы его правления политику как «служащую к нашей чести, а купцам не приносящую, с Божьей помощью, вреда».<sup>40</sup>

В первой половине XVI в. в Дании было около 80 городов. Большинство из них было небольшими — население каждого из них не превышало нескольких сот человек. Крупнейшими были Копенгаген и Мальме (около 10 тыс. человек). От деревни город отличался основными занятиями населения — это были ремесло и торговля, гарантировавшие статус бюргера. Причем если купцам разрешалось приобретать и мастерские, то ремесленникам торговать запрещалось. Цены на ремесленные изделия устанавливались городскими властями, с другой стороны, продажную цену, назначаемую за свой товар купцом, никто не регламентировал.

Как и ранее, занятие ремеслом за пределами города запрещалось, а гильдия (*laug*) не только ограничивала число ремесленников одной профессии, но и обеспечивала мастерам и подмастерьям оказание необходимой помощи (на принципах взаимности), твердые закупочные цены, контролировала качество продукции.

В послереформационный период в страну наблюдался значительный приток иностранных купцов, которые были вынуждены оставлять родину чаще всего по религиозным причинам. Датские власти, нуждавшиеся в деньгах, осознанно и активно содействовали этой иммиграции, положительно сказывавшейся как на росте национального капитала, так и на общем развитии экономики. Иммигранты освобождались от уплаты налогов, им гарантировалась свобода вероисповедания. Параллельно возрастало влияние на экономику датского бюргерства. Масштаб и значение этого процесса станет понятным, если вспомнить о том, что, как писал Л. Хольберг, до эпохи Кристиана III датчане вообще «не знали, что это такое — вести самостоятельную торговлю, и были не более чем мелочными разносчиками для голландцев и ганзеатов».<sup>41</sup>

Национальное купечество, способное удовлетворить нужды страны, складывалось поэтапно. Первоначально сами иностранцы стали вовлекать в свою деятельность датчан, используя их на различных постах — от рядовых агентов до формальных глав филиалов торговых домов или же посредников (это позволяло обходить законы, еще ставящие препоны зарубежным купцам, например, в мелкооптовой торговле, в операциях, проводимых вне торговых городов, и т. д.). Причем процесс этот приобрел такой размах, что в конечном счете правительство могло позволить себе обойтись без зарубежного капитала и силами исключительно национальных кадров. В конце XVI в. из датской экономики были вытеснены даже могущественные ганзеаты (за исключением тех, кто принял датское подданство, натурализованся).

В отличие от Кристиана III его преемник Фредерик II не преклонялся перед зарубежными образцами торгового могущества, в первую очередь Нидерландов. Он не стремился к созданию государства, основанного на торговле самостоятельных, энергичных бюргеров, видя стеновой хребет своей державы в дворянстве. Но сложившееся положение и было единственно возможным в XVI в. на большей части Дании (кроме Копенгагена, Мальме, Хельсингера), страны, где национальное бюргерское сословие вряд ли еще накопило опыт, капитал, разрослось в количественном отношении до такой степени, чтобы стать основной частью политической надстройки и социально-экономического базиса общества.

Во второй половине XVI—первой половине XVII в. датские короли становились на защиту прав купечества, бюргеров, когда на них слишком уж явно покушалось дворянство, — центральная власть неизменно была заинтересована в росте городских ремесел и торговли, этой основы денежной экономики и военного могущества страны. Другое дело, что политика, направленная на оживление бюргерской экономики, не всегда приносила результаты, будучи непоследовательной. Так, провалилась попытка отменить препоны на пути к званию мастера (это должно было содействовать развитию свободной конкуренции).<sup>42</sup> Монополия на право торговли, время от времени объявляемая ригсродом, ни разу не могла просуществовать на протяжении периода, достаточного для развития крупной самостоятельной торговли. Конечно, некоторые купцы достигли определенных успехов (например, С. Ляйель, М. Лямпе, Х. Вале), но ни один из них не смог стать единоличным поставщиком целого вида товаров в масштабах страны.

Назвать точную дату закрепощения крестьян сложно — оно наступало постепенно и неравномерно в различных частях страны. Быстрее всего этот процесс шел в областях «зеландского права». В Зеландии, где еще в XV в. существовала система поземельной зависимости «ворнедскаб», в рассматриваемый период мужчины, родившиеся на поместной территории, должны были оставаться внутри ее границ и принимать по достижении совершеннолетия тот двор, который им предлагал помещик или королевский ленсман. В целом по стране и в отдельных ее частях отмечено параллельное

существование трех форм прикрепления фестеров — пожизненное, на определенный держательским контрактом срок и на неопределенное время, причем все три формы являлись одинаково законным. Их удельный вес в различных частях страны варьировался (что зависело от местных условий), однако на землях королевского домена повсюду преобладали два первых типа договоров.<sup>43</sup>

В 1523 г. было принято положение, целью которого было регламентировать отношения между годсерами и фестерами: в нем предписывались два типа договоров, принятых в королевском домене. Это положение было направлено против сложившейся практики перевода помещиками фестеров, успешно ведущих хозяйство, на ослабленные дворы и передачи их налаженных комплексов новым населенникам за более высокую вступительную плату (*indfaestning*). При этом фестер, естественно, терял стимул к улучшению хозяйства, возведению построек и т. п. Это вело в конечном счете к снижению массы продукта, а значит, и способности выплачивать налог, что было невыгодно королю. Положение 1523 г. оставляло за крестьянином право перейти от годсера к годсеру в определенный день июня (*fardag*), конечно, предупредив хозяина заранее.<sup>44</sup> В этом отношении новое положение, хоть и ограничивавшее свободу передвижения крестьян, было направлено и против произвола помещиков — не случайно оно было принято в период народных волнений. И безусловно в пользу крестьян был тот пункт положения, согласно которому помещик не имел права согнать фестера с земли на протяжении всей его жизни, но должен был продлевать контракт при условии исправной выплаты крестьянином ренты.<sup>45</sup>

Процесс перехода крестьян-собственников в разряд фестеров, начавшись в XV в., продолжался на протяжении XVI и XVII вв. Показательным в нем была известная добровольность этого перехода, полное отсутствие внеэкономического принуждения со стороны помещиков или администрации. Быстрее шло прикрепление крестьян в Зеландии, Ютландии, на о-ве Фальстер (особенно после восстания 1536 г.); медленнее на о-ве Борнхольм, в Лолланде, Блекинге. Причин ухода крестьян с собственной земли к помещику было несколько.

Во-первых, королевский налог примерно вдвое превышал фестерскую манориальную ренту (*landgilde*), в годы войны эта разница становилась еще больше.<sup>46</sup>

Во-вторых, фестер не облагался экстраординарными налогами, как собственник.

В-третьих, в условиях массового запустения дворов в XVI в. помещики зачастую освобождали крестьянина от любых выплат на ряд лет, лишь бы он принял двор.<sup>47</sup>

Наконец, в целом уровень поборов и повинностей собственников не мог не быть выше, чем фестеров, так как они подвергались двуступенчатой (ленсман—король), а не одноступенчатой, как фестеры, эксплуатации. Кроме того, помещик, заинтересованный в перспективном росте поступлений от крестьян, проявлял нередко (особенно в годы неурожая) известную заботу о фестерах, в то время как ленсманы, не знавшие, естественно, срока своего пребывания на

посту, стремились выжать максимум выгоды в возможно более краткий срок, облагая население лена, прежде всего подвластных им крестьян-собственников, различными повинностями и штрафами, часто незаконными. Показательно, что среднее время владения двором было примерно одинаковым для фестеров и для крестьян-собственников.<sup>48</sup>

В XVI в. в европейских странах отмечен стабильный рост цен на сельскохозяйственную продукцию, особенно заметный во второй половине столетия, что объясняется как ростом городов и специализацией сельского хозяйства, так и ввозом на континент ценного металла, масса которого за этот период увеличилась вдесятеро.<sup>49</sup> Рост цен сказался на развитии датской экономики и торговой активности, чему содействовало и ослабление ганзейских городов.

Повышение спроса на внешнем рынке, неуклонный рост его емкости побуждал датских дворян-помещиков становиться усердными сельскими хозяевами; они пренебрегали для этого службой королю. «Меч ржавел — зато сверкал лемех», — характеризует этот период датский историк.<sup>50</sup> С середины XVI в. помещики правдами и неправдами добывают разрешения включать крестьянские дворы в барскую запашку после смерти фестера или даже при его жизни (эта практика прямо противоречила положениям Фредерика II о нерушимости фестерского владения двором). Теперь помещики настаивали на своих правах собственников крестьянских земель (и даже построек, возведенных на них поколениями фестеров),<sup>51</sup> на своей свободе включать их в домен.<sup>52</sup>

Короли часто отказывали в таких прошениях — они сами были главными собирателями земель. Обмен или перевод крестьян практиковал еще Кристиан III, правда лишь ради укрупнения своих охотничьих угодий, но уже при Фредерике II королевские лены достигают невиданных до того площадей. Этот король увеличивал свой домен и за счет дворянства: на Зеландии путем обмена он приобрел за годы своего правления 700 дворов, в Ютландии лишь для замка Колдингхус было куплено 600 дворов, дошло до того, что на территории Северной Ютландии у дворян осталось 80 дворов — остальным владел король.<sup>53</sup>

Дворяне, вынужденные продать часть земли или просто стремившиеся к расширению владений, нередко скупали (по более дешевой цене) земли крестьян-собственников. Это было запрещено законом — казна теряла при этом налогоплательщиков, ведь при покупке земли дворянином она становилась свободной,<sup>54</sup> тем не менее доля собственных дворов уменьшилась в среднем с 10—15 % за XVI в. до 6 % в XVII в.<sup>55</sup>

В целом на протяжении рассматриваемого периода, т. е. до 1660 г., расширения крепостного права (*vornedskabet*) за пределы области «зеландского права» не наблюдалось; напротив, все судебные дела этого периода, касавшиеся прикрепления фестеров к помещичьим дворам, возбуждались исключительно крестьянами, которым грозил сгон с земли, несмотря на заключенный пожизненный

договор (livsfaeste).<sup>56</sup> С другой стороны, не удалась пока и попытка Кристиана IV редуцировать уже имевшееся крепостное право.<sup>57</sup>

Одновременно с улучшением конъюнктуры на международном аграрном рынке происходят некоторые изменения, имевшие как благоприятное, так и негативное влияние на социально-экономическое положение крестьян. Зброшенные дворы и наделы — многие из них стояли пустыми с XV в. и ранее — приобретают новую ценность. Королевское правительство предпринимает ряд мер для их заселения с целью увеличения налога с помещика, которому они принадлежали (за пустые дворы налог не взимался). «Рецессы» Кристиана III 1551 и 1555 гг. имели целью сделать фестерское держание более доходным, тем самым содействуя оздоровлению производительной части населения; ничем иным нельзя объяснить и указ Фредерика II об отмене права взимания вторичного держательного взноса (stedsmaal) с вдовы умершего фестера.<sup>58</sup> Очевидно, не без влияния улучшения качества жизни в XVI в. в Дании на смену запустению и стягиванию заселения приходит широкий процесс его расширения.<sup>59</sup>

По перечисленным причинам площадь обрабатываемой земли на протяжении XVI—первой половины XVII в. постоянно увеличивалась. В помещичьих и королевских имениях происходили и структурные перемены. Старые и новые поместья постепенно оказывались окруженными массивом домениальной запашки, основанной на поденном и барщинном труде, фестерские земли, оказавшиеся в этой зоне, различными путями включались в домен; это же касалось близлежащих пустошных земель, которые нередко выводились из общинного пользования. Иногда с землей сравнивались целые деревни, крестьян при этом переселяли ближе к центральным поместьям (hovedgårde) или периферийным усадьбам (ladegårde). В 1570—1650 гг. в Зеландии было включено в барскую запашку свыше 200 дворов собственников, число дворянских усадеб превысило количество королевских в 7.5 раза; таким образом, здесь за счет обезземеливания крестьян рос прежде всего помещичий домен. В 1650 г. соотношение крестьянских и дворянских земель по стране было 6 к 44 %.<sup>60</sup>

Основной формой эксплуатации на увеличившихся домениальных землях все чаще становится барщина. В принципе барщина была неопределенной, хотя в держательных договорах иногда указывался ее размер, а ленсманы стремились к известному единообразию при назначении отработок.<sup>61</sup> Размер барщины определялся размером надела фестера, в XVI в. она была равна в среднем одному рабочему дню с собственными орудиями труда и часто лошадьми фестера, но в середине XVII в. несколько превысила этот срок, при этом появились дополнительные неопределенные повинности (aegter); в дальнейшем рост отработок неуклонно продолжался, причем в нарушение как обычного права, так и конкретных держательских договоров.<sup>62</sup> Единственное, что сдерживало рост барщины, — боязнь

потерять фестера, имевшего, как указывалось выше, право уйти от помещика в июне.

Добавочный труд фестеров на барщине постепенно становился основой социальной стабильности и экономической мощи прослойки помещиков и, шире, всего дворянского класса. Иного выхода для достижения увеличения массы товарного продукта помещики не видели: стагнация способа производства, техники и методов хозяйствования оставляла единственный путь ужесточения эксплуатации, выразившийся в абсолютном росте объема барщины и королевских налогов, в относительном уменьшении доли натуральной и росте отработочной ренты. В результате указанных перемен в структуре сельского хозяйства Дании второй половины XVI—первой половины XVII в. отмечен рост дифференциации населения деревни.

Барщина подрывала экономику крестьянского хозяйства; она же становилась причиной роста благосостояния помещиков и короля. Рост доходов землевладельцев шел за счет того, что натуральная рента не снижалась в условиях роста цен и с каждым годом приносила все больше дохода, как и труд барщинников. Немало денег приносил годсерам и ленсманам откорм в поместье тощих крестьянских телок, полученных в качестве ренты (крестьянам было запрещено торговать скотом и солониной, эта была привилегия дворян, церкви и короля).<sup>63</sup>

Следы этого периода расцвета дворянской и королевской экономики сохранились до наших дней: именно во второй половине XVI в. по всей стране за деньги, вырученные от продажи за рубеж плодов крестьянского труда, разворачивается строительство величественных замков, роскошных поместий и дворцов. Большинство крестьян жило в ту эпоху в жалких глинобитных хижинах и полужемлянках, топившихся по-черному, крытых соломенной крышей и лишенных окон. Повсюду в стране работали кирпичные заводы, снабжавшие строительным материалом исключительно дворян, крестьянам кирпич и черепица стали доступны лишь через три столетия.

Связанное с обогащением господствующих классов обеднение крестьян во второй половине XVI в. имело и более частные причины. Крестьянин, не располагавший, как правило, долговременными продовольственными и семенными запасами, больше страдал в случае неурожая, чем помещик. Рента (она достигала 15—20 % урожая)<sup>64</sup> должна была выплачиваться неукоснительно, а если к этому не было возможности, фестеры закладывали хозяину собственные постройки, животных, орудия труда, прочее имущество, что вело в конечном счете к окончательному обеднению крестьянина и сгону его с земли,<sup>65</sup> которая включалась в домен. Расширение площади заброшенных дворов с наделами, рост государственного долга подтолкнули казну к сдаче своих сельскохозяйственных территорий в наем уже не только дворянам, но и бюргерам, буржуазии.<sup>66</sup>

Правовой иммунитет помещиков был обеспечен государством, он был и основой непосредственного классового господства годсеров над крестьянами. С 1523 г. это получило официальное выражение в виде передачи помещикам и полицейской власти над их фестерами,

функций приведения приговоров в исполнение, в том числе и физического наказания — это право называлось «hals- og håndsret», — а кое-где и права суда (birkeret). Кроме административной власти перечисленные права давали помещикам и чисто материальные выгоды в виде штрафов, шедших в их пользу.

Этими и иными дворянскими привилегиями XVI—начала XVII в. были заложены основы складывания узкого, но могущественного класса светских дворянских годсеров. Мощное народное движение XVI в. могло привести или к отмене этих привилегий, или к совершенствованию аппарата принуждения, их охранявшего. Произошло второе, благодаря чему в Дании с тех пор не отмечалось крестьянских или бюргерских антифеодальных волнений вплоть до победы капитализма. Эффективность этого аппарата объяснялась его опорой как на экономические, так и на внеэкономические средства принуждения. Сам институт фестерства предполагал использование мер юридического характера, обеспечивавших бесперебойную передачу добавочного продукта землевладельцу, вследствие чего отчасти и произошло парцеллирование государственной власти отдельным годсерам.

Таким образом, во второй половине XVI—первой половине XVII в. для значительной части датского населения было введено реальное, хотя и ограниченное крепостное право, в первую очередь на островной части страны. Утвердилось ограничение свободы передвижения крестьян, их прикрепленность к земле, т. е. это было поземельное (лишь в Зеландии — личное) крепостное право: если имение или часть его продавалась, то все фестеры оставались на местах, переходя к новому владельцу;<sup>67</sup> лично фестер не был обязан помещику барщиной (как говорилось, он мог послать вместо себя батрака), рента взималась с двора, размер надела определял и ее размер вне зависимости от материального положения фестера, количества душ, проживающих с ним (семья и домочадцы) и экономического состояния крестьянского хозяйства.

В целом по стране, как в области «зеландского права», так и в остальной ее части в XVI—XVII вв. развитие хозяйств нового типа, основанных на интенсификации производства, было заторможено, чему имелось несколько причин. Основной из них была крайняя неразвитость капиталистических отношений (по сравнению с соседними, например, северогерманскими, нидерландскими и т. д. землями), городов, культурного и научно-технического обмена с зарубежными странами. Далее, отсутствие центров промышленности, обычно содействующих проникновению капиталистических производственных отношений в аграрный сектор, крупных городов, стимулирующих специализацию сельского хозяйства, необходимо предполагало относительную неразвитость внутреннего рынка, являлось предпосылкой целиком и полностью экстенсивного направления развития сельского хозяйства, что было характерно для многих других остальских стран, в том числе и для России; это же можно сказать и о заторможенном характере смены феодальных отношений капиталистическими.<sup>68</sup> Но в датской деревне этот процесс был не просто

заторможен — на протяжении XVI—XVII вв. он вообще приостановился, а некоторые частные изменения (рост барщины, концентрация домена и т. д.) свидетельствовали о развитии противоположной тенденции гальванизации средневековых феодальных отношений.<sup>69</sup> Но окончательное закрепощение всего крестьянского населения страны произошло несколько позже — на рубеже XVII и XVIII вв., в условиях начавшейся Северной войны 1700—1721 гг. Общей причиной живучести феодализма в Дании (как и в других остэльбских странах) был аграрный характер экономики; конкретной — чрезвычайно высокий уровень эксплуатации, предполагавший присвоение годсерами не только прибавочного продукта труда фестера, но и части необходимого.

В первой половине XVI в. в стране наблюдается развитие денежной экономики, хозяйственной активности, особенно заметной в среде правящих классов. Такие тенденции были обусловлены, во-первых, ростом их потребностей (т. е. повышением стандарта жизни, расходов на представительство, королевскую службу и т. д.), которые перерастали материальные возможности дворянства. Во-вторых, из-за демографического прироста в северогерманских и нидерландских городах и ранней специализации там сельского хозяйства увеличилась, как указывалось, емкость зарубежного рынка для вывозного датского скота. В-третьих, из-за частых войн в Германии и Нидерландах отмечается стабильный рост цен на аграрные продукты.<sup>70</sup>

Указанная экономическая активность выражалась в концентрации дворянских домениальных земель (за счет мелких годсеров) с переводом их экономики на крупное производство товарной продукции и бюрократизацией ленных отношений.

В первой половине XVI в. лены были полной и безраздельной собственностью короля лишь формально. На деле ими нередко самовластно распоряжались могущественные аристократы — ленсмены. Короли и сами содействовали перемене старинного положения, согласно которому ленсмены считались чиновниками (управляющими) короля на землях короны. Нуждаясь в деньгах на ведение войн, монархи закладывали лены самим ленсменам, распространяли право наследования этого поста на жену или детей ленсмена, раздавали так называемые *ventebreve*, т. е. грамоты, дававшие владельцу право на получение избранного лена по смерти ленсмена. Тем самым король лишал себя ради немедленной выгоды права свободного распоряжения ленами в будущем, утрачивая в целом былую власть над крупным дворянством. Достаточно сказать, что в год Реформации 93 из 155 херредов, входивших в лены, было заложено ленсменам, а 4 — Любеку,<sup>71</sup> при этом доходы с ленов считались как бы рентой за заем, т. е. целиком оставались у ленсмена.

Первым знаком перемен в ленном законодательстве стало положение капитуляций Кристиана III, где обосновывалось право короля свободно распоряжаться коронными поместьями. Затем последовали реформы структурного плана. Не все лены были для короны одинаково доходны; дело в том, что в ту эпоху существовало три различ-

ных типа ленов: свободный (fri len, tjenestelen), выплатной (afgifts-len) и расчетный (regenskabslen). Лен первого типа давался дворянину в качестве платы или награждения за особые заслуги, весь доход с него шел ленсману, взамен тот в случае необходимости вооружал за свой счет определенное количество воинской силы. С выплатных ленов королю шла постоянная, определенная сумма дохода, остальное оставалось ленсману. Лены последнего типа обеспечивали ленсману сравнительно небольшое твердое жалованье, все остальное (за вычетом расходов на ведение хозяйства) он сдавал в казну, перед которой отчитывался. Расчетный лен был особенно выгоден королю, но преобладали лены первого типа: так, в 1533 г. из 66 главных ленов короны в ее свободном распоряжении осталось лишь 11, а к первому типу относилось 66 из 155 ленных херредов. Фактически в распоряжении ленсманов были и такие ленные города, как Варде, Хорсенс, Вайле, Рингкебинг, Хельстебро, Лемвиг, Йорринг, Хобро.<sup>72</sup>

В послереформационные годы короли планомерно переводят свободные и выплатные лены на основу расчета, из-за этого в 1533—1602 гг. доходы короны от ленов удвоились.<sup>73</sup> Одновременно шел процесс укрупнения главных ленов за счет мелких, в результате чего достигалась централизация управления, снижались расходы на него, упрощался контроль.<sup>74</sup>

Существуют различные мнения по вопросу о том, почему дворянский ригсрод апробировал подобные антидворянские реформы. Во-первых, членам ригсрода были хорошо известны размеры государственного долга, бывшего по сути перманентным,<sup>75</sup> реформы же резко увеличили доход казны. Далее, реформы означали укрепление государственного аппарата, а это импонировало основной части класса, получившего горький урок в годы «графской распри». Кроме того, и расчетные лены приносили известный доход в период благоприятных рыночных конъюнктур, а интенсификация товарного производства и укрупнение ленов эти доходы лишь увеличивали. Монопольное же право дворянства на ленсманские должности поколеблено реформами не было.

Таким образом, здесь снова имело место не соперничество, а сотрудничество дворянства и монархов с целью повышения экономической и политической мощи класса и государства; реформы были в целом их совместной попыткой покрыть увеличившиеся расходы. В конкретной же ситуации класс дворян монолитным, как и ранее, не был. Могущественные роды вели эгоистическую политику, контуры которой различимы и за правительственными решениями. Короли умело этим пользовались, как и возможностью награждения лидеров оппозиции (когда она поднимала голову) постами ленсманов, что неизменно оказывало нужное действие.

В основном ленные реформы были завершены к 1560-м гг.; к этому времени относятся и некоторые постановления, ограничивающие права помещиков: было узаконено право королевских крестьян на справедливый суд, был фиксирован объем повинностей и вступительной держательской платы, запрещено насильственное распределение

господского скота для откорма по крестьянским дворам. Внешне эти и подобные перемены совершались в пользу крестьян и бюргеров, но на деле они были выгодны в первую очередь короне, так как ей таким образом доставалась часть косвенных доходов ленсманов — теперь в казну попадало 0.9 всех сумм, поступавших к ленсманам вместо 0.5, как было раньше.<sup>76</sup> Лишь небольшая часть реформ была проведена исключительно в пользу крестьянско-бюргерских низов, которые ограждались от произвола ленсманов, хищнически обращающихся с основным источником доходов казны. Эти законоположения, как правило, проводились (например, в 1557 г.) королем напрямую, минуя аристократический ригсрод.

Реформы XVI в. были проведены в жизнь сравнительно легко по причине хозяйственной политики аррондирования, аналогичной у дворянства и королей (она лишь выражалась по-разному: первое скупало или выменивало земли, вторые укрупняли лены). И именно благодаря подобной общности интересов дворянских и коронованных землевладельцев они легко пошли на отмену положений, ранее затруднявших проведение вышеуказанной политики.

В результате реформ финансы страны значительно оживились, окрепла государственная власть, в полную зависимость от которой попали ленсмань. Они были поставлены на свое место, став снова не более, чем королевскими чиновниками, фогдами, управляющими подданными короля.<sup>77</sup> К середине XVII в. рост сектора, где преобладал труд, носящий общественный характер, т. е. домениального, за счет частных, мелкодворянского и крестьянского, секторов уже весьма заметен. Как показывают точные подсчеты, экономика государства все менее базируется на мелком производстве и все шире — на концентрированном, централизованном. Дания — пока еще домениальная держава,<sup>78</sup> она просуществовала в таком виде до завершения великих сельских реформ конца XVIII—начала XIX в., но именно в первой половине XVII в. обнаруживаются первые признаки несоответствия аграрно-домениальной экономики страны ее возросшим потребностям, что вызвало ряд реформ в 1660 г.

К началу Нового времени Дания являлась державой европейского ранга исключительно благодаря своему господству над Зундским проливом, приобретшим значение, все возрастающее с развитием торгового мореплавания. С конца XV в. отмечается резкое увеличение числа рейсов через проливы — если в первой половине XVI в. за год в среднем здесь проходило 1336 судов, то в конце — уже 5263;<sup>79</sup> при этом апогея балтийское мореплавание достигает в 1590—1620-х гг.; в основном это были голландцы, посещавшие Любек и Данциг.

После падения Любека (чему немало содействовал исход «графской распри») Дания бесспорно становится сильнейшей балтийской державой и отныне борется за сохранение политического и экономического наследия Ганзы.<sup>80</sup> Это положение контролирующей вход в Балтику державы были вынуждены признать Германия и Англия, а затем в ходе освободительной войны и Нидерланды. Лишь Швеция пока не соглашалась с правом датчан на взимание с нее пошлины, но

это был рецидив старой борьбы, связанной с Зундом, как и соперничество на территориях Восточной Балтики, развернувшееся в эпоху Фредерика II и Эрика XIV<sup>81</sup> и длившееся с перерывами 160 лет.

Начало этому было положено семилетней войной 1563—1570 гг., в результате которой сферы влияния были разделены — Дания должна была торговать с Нарвой, а Швеция с Ревелем, при этом последняя была освобождена от уплаты зундской пошлины. Но эта привилегия не могла поколебать положения Дании как державы, имевшей в руках ключи от Балтики. Шведы пытались, и не без успеха, препятствовать распространению датского влияния на прибрежных территориях, но тем не менее в 1575 г. Дания овладела о-вом Борнхольм, а через несколько лет Кристиан IV начал оказывать планомерное экономическое давление на Швецию — это стало возможным из-за укрепившегося финансового положения казны, так как объем зундской пошлины возрос с 45 тыс. далеров в 1556 г. до 132,5 тыс. в 1567 г.<sup>82</sup>

Швеция, естественно, оказывала сопротивление — именно с этой целью в 1508 г. был заложен в непосредственной близости от Дании Гетеборг — военно-морская база, получившая к тому же ряд торговых привилегий, направленных на повышение способности местных купцов конкурировать с датскими. Более того, здесь была основана голландская перевалочная база, принимавшая нидерландские корабли, которые затем шли через Зунд с шведскими паспортами, т. е. не подлежали обложению пошлиной. Попытка Кристиана IV силой уничтожить эту убыточную для казны практику (война 1611—1613 гг.) не принесла иных результатов, кроме вражды с Нидерландами, которые стали отныне поддерживать старого конкурента Дании — Любек; в 1614 г. к этому военному антидатскому союзу присоединилась и Швеция.<sup>83</sup>

Создание данного блока было почти полностью вызвано негибкой политикой Дании — ведь до этого Нидерланды были потенциальным союзником ее уже в силу своей враждебности Швеции, чья экспансия подрывала торговлю Голландии.<sup>84</sup>

Объективно позицию Дании могли укрепить немалые успехи Швеции в ходе Тридцатилетней войны, а также падение массы экспортируемого из Балтийского региона стратегического сырья. Дания теперь становится важнейшим поставщиком леса, железа, пеньки, льна, полотна, необходимых великим морским державам для сохранения их мощи. Однако возможность сблизиться с последними была оценена Кристианом IV ниже шансов добиться успеха военным путем.

Для этого было необходимо, как показали малоудачные войны Дании конца XVI—начала XVII в., значительно усилить армию, уступавшую армиям ряда соседних государств.<sup>85</sup> Причина относительной слабости датских вооруженных сил была в том, что крестьяне, из которых рекрутировались солдаты, давно утратили боевой дух (дворяне, пользовавшиеся монополией охоты, запрещали крестьянам даже хранение личного оружия), помещики же не могли исполнять офицерские функции уже потому, что ставили на первый план

задачи обогащения за счет эксплуатации фештеров, традиционно были заняты ведением собственного хозяйства и торговлей, изредка — обязанностями королевских чиновников. В начале XVII в. Кристиан IV пробовал реформировать военное дело, создав национальную армию, но результаты оказались по вышеприведенным причинам слабыми, милиция 1614 г. была карикатурой на европейские профессиональные, наемные по преимуществу армии.<sup>86</sup>

Причина отказа ригсрода пойти на единственно возможный в ту эпоху шаг для укрепления армии — государственный заем необходимых средств для найма войск за рубежом — была обоснована нежеланием распределения налога для выплаты этого долга между сословиями; это противоречило экономическим интересам дворянства.

Между тем в 1625 г. Дания объявила очередную войну, на этот раз католику — цесарю. В «цесарских войнах», длившихся с перерывами до 1629 г., Кристиану IV противостояли такие прославленные полководцы, как Тилли и А. Валленштейн. После ряда сокрушительных поражений (Луттер, 1626 г.; Бремен, 1627 г.) противнику была оставлена Ютландия, подвергшаяся страшному грабежу и разорению, цесарь полагал себя владельцем Зунда и присвоил Валленштейну звание «генерала балтийских и океанических вод», началось приобретение кораблей для «австрийского балтийского флота». Наконец, 8 мая 1629 г. в Любеке был подписан мирный договор, согласно которому Дания лишалась прав на все свои округа в немецких землях.<sup>87</sup>

В годы «цесарских войн» Дания была вынуждена расстаться со средневековой системой самофинансирования военной экономики и перешла к практике государственных кредитов, широко распространенной в Европе уже более века, не напрасно названного «веком Фуггеров». Поре крестьян-рекрутов и дворян-рыцарей наступил конец, их окончательно сменили наемные ландскнехты и кондотьеры-профессионалы. Новые траты на вербуемые за рубежом войска взорвали рамки старой экономики, собственная финансовая камера короля стала требовать в среднем по миллиону шалеров в год,<sup>88</sup> а поступления в казну уменьшались.<sup>89</sup>

Король прибег к чрезвычайно опасному способу создания необходимых фондов — он ввел пошлину на судоходство по Эльбе (где у него были владения) и повысил пошлину в Зунде и на Везере.<sup>90</sup> Это привело Нидерланды в 1640 г. к еще более тесному союзу со Швецией, которая через три года напала на Данию не только с молчаливого одобрения Гааги, но и с помощью голландского флота. Военные действия завершились в 1645 г. поражением Дании и миром в Бремсебро, согласно которому к шведам сроком на 30 лет (а фактически навечно) отошли несколько норвежских провинций, о-ва Готланд и Эзель (это означало закат влияния датчан в Прибалтике), а зундская пошлина снизилась на две трети.<sup>91</sup> Зато Швеция вышла из Тридцатилетней войны еще более укрепившейся. Теперь она владела устьями Везера, Эльбы, Одера, Даугавы, Наревы и Невы; через 10 лет после Вестфальского мира к ней отошли житница Дании

Сконе (с третью подданных датского короля), Халланд и Блекинге, что практически означало почти полное господство ее на Балтике.

Усиление Швеции, совершенно однозначно являлось угрозой Дании. Кристиан IV исчерпал, казалось, все ресурсы страны,<sup>92</sup> тем не менее его долг зарубежным кредиторам возрос к 1649 г. до 5.581 млн далеров.<sup>93</sup> Тогда король потребовал от ригсрода кардинально пересмотреть статьи государственных расходов и налогов с целью утратить сумму, отпускаемую на армию. Ригсрод ответил решительным отказом.

Именно с этих пор начинается борьба короля с его государственным советом. Она не всегда велась в открытой форме, но тем не менее была непрерывной и бескомпромиссной. Противники, очевидно, отдавали себе отчет в том, что поражение в этой борьбе приведет побежденного к безусловной утрате политического влияния и поэтому использовали любую возможность ослабить друг друга, иногда даже во вред себе.<sup>94</sup>

Несмотря на свою внешне самостоятельную политику, короли в конце XVI—первой половине XVII в. по-прежнему в немалой степени зависели от дворянства. К примеру, дворяне-помещики находились в вассальном подчинении у короля, являвшегося в качестве владельца домена первым годсером страны, но если помещик передавал свое владение по наследству, то король такого права не имел (он был именно владельцем, а не собственником домена), и свержение его теми же дворянами было для бывшего монарха и его семьи полным крахом. Зависел король от дворянского сословия и как от монопольного поставщика управляющих ленами. Ленсманы же относились к самым влиятельным представителям дворянства; проводя, как правило, узкосословную, далекую от верноподданнической политику, они обладали преимуществом прочной экономической базы и корпоративности, поддержанной внутрисословными родственными узами.<sup>95</sup>

Важной частью центрального управления были сословные собрания, где тон также задавали находившиеся в подавляющем большинстве дворяне; они утверждали право наследника на престол и могли таким образом оказывать реальное давление на королевскую политику, не говоря уже об их праве разрабатывать налоговое законодательство.

Пребывание у власти ригсрода и монарха можно охарактеризовать как двоевластие (*diarki*);<sup>96</sup> и первый, и второй обладали законодательной, исполнительной и верховной юридической компетенциями. Кризис двоевластия возник в период «цесарских войн» 1625—1629 гг., стал хроническим в 1629—1643 гг. и обострился до предела в 1643—1645 гг.<sup>97</sup> В период кризиса король и ригсрод испытывали по отношению друг к другу крайнее недоверие, отношения между ними стали враждебными, старая политическая система диархии не выдержала испытания экономическим кризисом, ставшим почти неразрешимым в 1625—1629 гг., когда доходов от домена стало совершенно очевидно недостаточно для обеспечения обороны государства.

Монарх мог развивать относительную самостоятельность своей власти, опираясь на уже существовавшую экономическую основу, заложенную в годы Реформации, когда в казну перешло церковное имущество, что дало возможность для королей и более действительно противопоставлять одно сословие другому, вести эффективную общегосударственную, национальную политику, проводить централизацию и унификацию управления, развивать единый рынок, содействовать иным процессам, объективно создававшим благоприятные условия для развития капиталистических отношений. Другими словами, рост самостоятельности абсолютистского режима означал развитие социально-экономических условий, необходимых для общего прогресса страны.

Крупные военные поражения в «шведских войнах» первой половины XVII в. поставили на повестку дня вопрос уже не о старом соперничестве со Швецией, издавна шедшем с переменным успехом, а о борьбе за выживание, за сохранение государственной самостоятельности, тем более что опасность грозила не только извне, но и со стороны полуавтономных герцогств на территории Южной Ютландии, нередко игравших на руку врагам своего суверена, более всего шведам.

Поэтому Дании приходилось постоянно увеличивать армию, пополнявшуюся за счет рекрутирования и найма пехоты, а также кавалерии, поставляемой дворянством. Эта последняя составляла значительную часть войска — в 1650 г. 5,5 тыс. из общего числа армии в 24,6 тыс. человек, включая резерв<sup>98</sup> (в 1610-х гг. армия не превышала 5 тыс. человек). Национальная кавалерия являлась платой дворянства за его привилегии, поэтому король не мог ликвидировать права дворян, если не хотел лишиться лучшей части армии. Не мог он и увеличить численность наемного (немецкого) войска — этого не позволяла вся социально-экономическая односторонне аграрная структура государства, благодаря которой казна не располагала значительными денежными поступлениями (не считая пошлин) — налоги платились натуральным продуктом. Изменить же эту структуру не позволяло дворянство, точнее, ригсрод, от которого, как было сказано, зависел король. Короли в XVII в. делали попытки выбраться из этого порочного круга, не позволявшего провести жизненно необходимое усиление армии, перейдя к европейской системе рекрутирования не по ленной, а по чисто административной разверстке, но и эти попытки пресекались депутатами годсеров, видевших в переданном в их руки наборе рекрутов дополнительное средство внеэкономического давления на эксплуатируемое население, т. е. крестьян.

Опираясь на принципы олигархического конституционализма, ригсрод ограничивал и размер государственного налога с годсерских крестьян, из-за чего король не мог разрабатывать законы о размерах армейского снабжения, найма и рекрутирования. Учитывая, что доходы короля с домена и Зунда падали (с 50 % от всех поступлений в казну в 1608 г. до 29 % в 1642 г.),<sup>99</sup> а потребности на оборону росли, страна все более явно оказывалась в безвыходном положении. Безо-

пасность ее снижалась, а внешнеполитическая ситуация становилась все более угрожающей.<sup>100</sup>

Что касается общих перемен, которые произошли в ведении войн в Европе, их масштаба, то они также настоятельно требовали проведения целенаправленных военно-административных реформ. Плодотворно использовать военную силу в ту эпоху могло уже только действительно централизованное государство, а именно абсолютистское, избавившееся от олигархически-конституционалистских принципов, окрашенных лютеранскими идеями извечного неравноправия внутри общества и теократически обоснованного долга послушания отдельного лица (в том числе короля) по отношению к общине (обществу).

Таким образом, из комплекса задач, стоявших перед королевским правительством в первой половине XVII в., цель монополизации государственной власти была, безусловно, самой важной, причем насыщенность ее росла год от года.

Дворянство в указанный период все более заметно проявляло себя в качестве силы, не только не содействовавшей укреплению страны, но и нередко действовавшей в противоположном направлении. Дворяне уклонялись от уплаты налога, расширяя неподатные земли (помещичья запашка), налоговые комиссары избавляли их (нередко за мзду) от уплаты чрезвычайных военных налогов.<sup>101</sup> Дворянская оппозиция вообще ратовала в 1640-х гг., в разгар войны, за замену регулярной армии ландвером, который мог бы «сам себя прокормить»; трудно представить себе, к чему бы привело первое же столкновение подобной «армии» с профессиональными солдатами Швеции. Требования оппозиции достигли кульминации в 1648 г., когда она предложила введение «народного» (в данном случае мелкодворянского) участия в законодательстве и определении налоговой политики<sup>102</sup> — шаг, который был направлен к политической децентрализации страны в такой же степени, в какой она была децентрализована социально-экономически.

Год этот был избран для наступления дворянской оппозиции не случайно: умер Кристиан IV, а претендент, герцог Фредерик III, еще не был утвержден в качестве преемника короны. И когда для выбора короля в столице собрались сословия, группа депутатов-помещиков выдвинула свою программу («21 пункт»), направленную к дальнейшему ограничению прав короля. Предлагалось отменить результаты ленной реформы, децентрализовать лены, исключить из числа ленсманов членов королевской фамилии, снизить налоги с помещичьих крестьян. Были и такие унижительные пункты, как запрет монарху выезжать за рубеж, закладывать сокровища своей казны, покупать для домена землю, выбирать наследника и т. д. В случае же неподчинения короля решениям ригсрода дворяне полагали себя свободными от присяги со всеми вытекающими из этого последствиями.<sup>103</sup>

Хотя эти жесточайшие в истории датских королей требования были приняты не полностью, подобный акт означал вершину дворянского могущества.<sup>104</sup> Понятно, что он был обусловлен тяжелым

поражением страны в войне. Но продлился этот период дворянского господства лишь 12 лет, с тем чтобы никогда более не возобновляться.

Причин краха дворянской политики было несколько. Прежде всего дворянство как класс к середине XVII в. ослабло даже численно. В отличие от других стран Европы дворянство Дании давно уже превратилось в закрытую касту. За первую половину века в нее было принято всего три рода, да и то в виде исключения. За этот же период вымерло 89 и осталось в отошедшей к Швеции Сконе 9 родов, таким образом, всего из 250 осталось 154 рода, насчитывавших 450 семей или 2—3 тыс. человек (из которых участвовали в упомянутых событиях в Копенгагене лишь 214 человек); едва 30—40 родов, но владевших 80 % земли поместий страны, т. е. самых богатых, имели своих представителей в ригсроде.<sup>105</sup> Кроме того, этот класс не представлял уже собою единого целого из-за поляризации интересов земельных магнатов и мелких помещиков. Различные дворянские прослойки обладали неравными возможностями в отношении карьеры, социальной мобильности вообще (в том числе доступности образования, постов, политического представительства),<sup>106</sup> в результате экономическая и политическая власть все более концентрировалась в узком кругу, связанном прежде всего с ригсродом.<sup>107</sup> Поэтому в 1640-х гг. уже стала заметной внутриклассовая оппозиция массы помещиков магнатам и аристократам ригсрода.<sup>108</sup> При этом дворянство представляло собой не военное сословие, некогда имевшее реальную опору в армии, но группу помещиков, преследующую иные интересы, чем правительство, чиновники, бюргеры и офицерство.

Наконец, дворянство отставало от правительства, высшего чиновничества и верхов буржуазии города в чисто идеологическом развитии. Не имея, как перечисленные прослойки, связей с зарубежными странами, ограничиваясь изолированным мирком поместий, дворяне в массе своей не ведали о решительной победе, которую в остальной Европе одержали идеи просвещенного (позднего) абсолютизма над устаревшим конфессиональным абсолютизмом.<sup>109</sup>

Поэтому помещики гораздо позже королевского окружения усвоили мысли о необходимости некоторых жертв ради будущего дворянства как класса. Им был малопонятен необратимый общеевропейский процесс расширения рамок государственной компетенции для укрепления мощи государства и то, что этот процесс требовал ликвидации дворянских привилегий, централизации экономики, администрации, идеологических институтов.<sup>110</sup>

Для проведения подобной политики Фредерику III (1648—1670) нужна была, естественно, социальная опора. Самое многочисленное сословие тогдашней Дании, крестьянство, для этого не подходило, будучи слишком забытым и политически пассивным.<sup>111</sup> Зато имелись зримые перспективы поддержки абсолютистских устремлений короля со стороны духовенства (высшего), интеллигенции и в особенности бюргерства. Горожане выходили в своей конфронтации дворянству, ущемлявшему их экономические и политические права, до открытых выступлений (1629 г., Ютландия).<sup>112</sup> При этом их программа отмены

институтов ленсманов, налоговых комиссаров и торговой монополии дворянства смыкалась с планами короля, нацеленными на централизацию государства. Известную роль в активизации мелкодворянской оппозиции, а также оживления политической деятельности бюргеров сыграла война 1657—1660 г. со Швецией, в результате которой датская деревня была полностью разорена, целые области обезлюдели, большая часть страны была охвачена экономической разрухой.<sup>113</sup> Поместное дворянство попало в долговую зависимость от бюргеров (поскольку город пострадал от войн меньше), и это привело к дополнительному ослаблению дворян как класса.

Большое значение в подготовке абсолютистского переворота имело введение в герцогстве Шлезвиг-Гольштейнском статута единонаследия старшего из принцев крови. Отныне выбор дворянами любого (кроме старшего сына короля) претендента на трон означал отложение герцогства от Дании, чего не допустила бы основная масса правящих классов. Отсюда фактическая выборность короля свелась к нулю, что сильно ослабило позицию ригсрода.

В сентябре 1660 г. король созвал сословное собрание<sup>114</sup> для решения вопроса о роспуске или дальнейшем содержании датско-немецкой армии, оставшейся без дела. При этом депутатам было объявлено о причинах как поражения в войне (уклонение дворян от службы или снабжения армии), так и спасения столицы от разгрома (патриотизм бюргеров). При столь явной поддержке сверху бюргеры выдвинули свою программу реформ, предложив отменить дворянскую привилегию свободы от налогов, произвести перерасчет налогов по хозяйственным площадям (а не единицам), перевести ленсманов на жалованье, крестьянские отработки заменить натуральной рентой, ограничить или отменить крепостное право. В социальном плане предлагалось ввести межсословное равенство, предоставить городам право самоуправления, отменить монополию дворян на высшие должности, включая ригсрод. Наконец, было выставлено требование официально отменить выборность короля и ограничить расходы на армию, двор, аппарат.<sup>115</sup>

Получив эту программу, король привел армию в боевую готовность, но применить ее не пришлось — столицу переполняли еще не разоруженные бюргеры-ополченцы, и дворяне не осмелились оказать сопротивление. Бюргерская, по сути антидворянская и антифеодальная программа была, за несколькими исключениями, принята.

Абсолютистский переворот 1660 г. не вылился в кардинальные реформы всего политического, экономического или социального положения в стране. Из-за специфически датских условий экономического развития<sup>116</sup> модификации удалось подвергнуть лишь административный аппарат. Но 1660 г. в целом положил конец процессу постепенного превращения сословного общества в сословное государство. Он означал начало складывания благоприятных для развития капитализма условий, ранее почти не имевшихся даже в городах.<sup>117</sup> Новое положение о королевском суверенитете надолго укрепило государственную власть, вплоть до конституционных реформ середины XIX в. Пока же политически доминировавший абсолютизм

направил свою активность на собственное укрепление и в социально-экономической области. Таким образом, переворот 1660 г. завершил в политико-административной сфере то, что Реформация провела в конфессиональной. Он освободил страну от средневековых пут, продолжив процесс всесторонней секуляризации.

Сам переход от сильного влияния (если не засилия) дворянского сословного собрания к ничем не ограниченному абсолютизму был столь быстр, безболезнен и необратим (чуть ли не единственный случай в Европе!) исключительно из-за неестественности для середины XVII в. условий, сохранившихся в Дании, стране, которую давно обогнали в этом отношении ее соседи. Именно поэтому реформы совершились вопреки воле большинства дворян, утративших ряд привилегий, основной из которых был налоговый иммунитет.

В целом феодальная система эксплуатации в результате переворота не пострадала, но безусловное расширение самостоятельности государственной власти, основанной на бюрократии, как известно, заинтересованной в мощи державы (ради чего чиновники нередко пренебрегают и собственными, частными выгодами),<sup>118</sup> стало залогом более свободного развития других классов. Что же касается экономики страны, то реформы 1660 г. были первым признаком начавшегося преобразования ее — с течением времени она все менее базируется на доходах с казенных земель и все более на налогах, постепенно превращаясь из доменальной в фискальную.

<sup>1</sup> *Petersen K., Bech S. C., Maigaard J. Danmarkshistoriens hvornår skete det* København, 1969. S. 137.

<sup>2</sup> История крестьян в Европе. М., 1986. Т. 2. С. 416.

<sup>3</sup> История Норвегии. М., 1980. С. 188—190, 193—194.

<sup>4</sup> История Швеции. М., 1974. С. 130—131.

<sup>5</sup> *Petersen K., Bech S. C., Maigaard J. Danmarkshistoriens...* S. 140.

<sup>6</sup> *Ladewig Petersen E. Fra domænestat til skattestat.* Odense, 1974. S. 12.

<sup>7</sup> *Kungsrud H. En karakteristik af Danmark—Norges historie på 1600-tallet // Historie. Jyske samlinger.* 1986. N. R. Bd 16(3). S. 411.

<sup>8</sup> *Kjersgaard E. De første Oldenborgere. 1448—1533.* København, 1963. S. 213—215.

<sup>9</sup> *Aarsberetninger fra det Kongelige Geheimearchiv.* København, 1856. Bd 2. S. 333.

<sup>10</sup> Не без влияния Сигбриг король дал ряд привилегий приглашенным им на жительство в Данию голландцам, прежде всего специалистам. Так, им был целиком передан о-в Амагер, непосредственно граничивший с Копенгагеном; огородов и садов, разведенных здесь голландцами, хватало на снабжение всей столицы (*Kjersgaard E. De første Oldenborgere.* S. 245).

<sup>11</sup> Ленсман — чиновник, управляющий королевским леном.

<sup>12</sup> *Kjersgaard E. De første Oldenborgere.* S. 397.

<sup>13</sup> *Petersen K., Bech S. C., Maigaard J. Danmarkshistoriens...* S. 145.

<sup>14</sup> *Kjersgaard E. De første Oldenborgere.* S. 324.

<sup>15</sup> *Petersen K., Bech S. C., Maigaard J. Danmarkshistoriens...* S. 141.

<sup>16</sup> *Allen C. F. De tre nordiske rigers historie. 1497—1536.* København, 1868. Bd 3. S. 344—351.

<sup>17</sup> Подробнее о нем см.: *Возгрин В. Е. Копенгагенский университет и духовная культура Дании (XV—XVII вв.) // Городская культура: Средневековье и начало Нового времени.* Л., 1986. С. 162—163.

<sup>18</sup> *Lyndbæk H. Såfremt som vi skulle være deres lydige borgere: Radene i København og Malmø 1516—1536.* Odense, 1985. S. 240—247.

<sup>19</sup> *Bech S. C. Reformation og Renaissance. 1533—1596.* København, 1963. S. 38.

- <sup>20</sup> *Nielsen A.* Dänische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1933. S. 72.
- <sup>21</sup> *Bech S. C.* Reformation og Renaissance. S. 61.
- <sup>22</sup> Подробнее см.: История крестьян Европы. Т. 3. С. 296.
- <sup>23</sup> *Дементьев Г.* Введение Реформации в Дании. СПб., 1900. С. 96.
- <sup>24</sup> Дополнительные реформы декларировались так называемым Рецессом, обнародованным тогда же.
- <sup>25</sup> *Bech S. C.* Reformation og Renaissance. S. 124.
- <sup>26</sup> В §76 говорилось о праве подданных свергнуть короля, не выполняющего положений капитуляций (см. выше).
- <sup>27</sup> См.: *Kjersgaard E.* De Iørste Oldenborgere. S. 516.
- <sup>28</sup> *Benzon G.* Vore gamle kirker og klostre. København, s. a. S. 45—46.
- <sup>29</sup> Пальму первенства среди лютеранских пасторов прочно удерживали сыновья кузнецов (*Dansk social historie.* København, 1980. Bd 3. S. 133).
- <sup>30</sup> 2 ластан ржи, 4 ластан солода, 2 ластан овса, 50 возов сена и 20 соломы, 40 ягнят, 100 гульденов, бесплатные жилища, кучер, батрак, писец и трое слуг (*Bech S. C.* Reformation og Renaissance. S. 151).
- <sup>31</sup> *Dansk litteraturhistorie.* København, 1972. Bd. 1. S. 325.
- <sup>32</sup> В университете в эти годы изучались сугубо теологические дисциплины. Гуманистические науки были представлены слабо. Были изгнаны датское право, история, язык, даже церковная история. Как выразился немецкий педагог И. Штурм, работавший в Дании, «нужно забыть родной язык, его лексику и обороты, чтобы лучше оценить красоту латыни» (*Raumer K. V.* Geschichte der Pädagogik. Stuttgart, 1846. Bd 1. S. 272—275). Средневековая культура отрицалась вообще, профессор-философ получал жалование вдвое меньше, чем его коллега — теолог (Подробнее см.: *Возгрин В. Е.* Копенгагенский университет. . . С. 165—169).
- <sup>33</sup> *Ladewig Petersen E.* Fra standssamfund til rangssamfund. København, 1980. S. 47.
- <sup>34</sup> Благодаря Реформации к короне перешло больше половины датской земли; при этом доход казны от налогов возрос с 100 тыс. до 300 тыс. бочек зерна в год (*Schäfer D.* Geschichte von Dänemark. Gotha, 1893. Bd 4. S. 373).
- <sup>35</sup> *Ellehøj S.* Christian 4. s tidsalder. 1596—1560. København, 1964. S. 117—118.
- <sup>36</sup> *Samling af danske Kongers Haandfaestninger og andre lignende Akter.* København, 1856—1860. S. 84.
- <sup>37</sup> *Ibid.* S. 96.
- <sup>38</sup> *Danske Recesser og Ordinantzer.* Kjøbenhavn, 1824. S. 176—178.
- <sup>39</sup> Это вполне соответствовало доктрине раннего государственного меркантилизма (см.: *Heckscher E.* Merkantilismen. Stockholm, 1931. Bd 2, kap. 1, II).
- <sup>40</sup> Цит. по: *Ladewig Petersen E.* Fra domænestat til skattestat. S. 6.
- <sup>41</sup> Цит. по: *Vibæk M.* Den danske handels historie. København, 1932—1938. S. 138—139.
- <sup>42</sup> *Olsen A.* Staten og Lavene // Historiske Meddelelser fra København. København, 1927. S. 82—136.
- <sup>43</sup> *Porsmose E.* Bonder, bryder og tjenere: Gårdsbrugsvilkår på Fyn 1502—1542. Odense, 1983. S. 101.
- <sup>44</sup> Положение о праве перехода подтверждалось и в 1654 г. (*Fussing H. H.* Herremand og faestebonde. Kjøbenhavn, 1942. S. 416).
- <sup>45</sup> *Ibid.* S. 14.
- <sup>46</sup> *Det danske landbrugs historie* (далее DLH). København, 1928. Bd 1. S. 121.
- <sup>47</sup> *Scocozza B.* Klassekampen i Danmarks historie. København, 1976. Bd 1. S. 61.
- <sup>48</sup> *Porsmose E.* Bonder, bryder og tjenere. S. 97.
- <sup>49</sup> DLH. Bd 1. S. 128.
- <sup>50</sup> *Bech S. C.* Reformation og Renaissance. S. 476.
- <sup>51</sup> DLH. Bd 1. S. 119.
- <sup>52</sup> Вне области крепостного права помещики использовали выгодную конъюнктуру, сокращая сроки держания и перезаключая договоры на все более доходных для себя условиях (История крестьян Европы. Т. 3. С. 296).
- <sup>53</sup> *Bech S. C.* Reformation og Renaissance. S. 476.
- <sup>54</sup> Передко, купив землю, помещик превращал ее бывшего хозяина не в фестера, а в батрака-надельщика; при этом дворянин освобождался от уплаты любого налога, в том числе экстраординарного, так как батраки хозяйства не имели.

<sup>55</sup> Показательно, что, получив надел свободной земли (путем женитьбы, унаследования и т. д.), фэстер не мог оставить его себе, но должен был продать своему помещику (*Petersen K., Bech S. C., Maigaard J. Danmarkshistoriens...* S. 146).

<sup>56</sup> *Fussing H. H. Herremand og faestebonde.* S. 47—49.

<sup>57</sup> *Christensen C. Agrarhistoriske Studier.* Kjøbenhavn, 1886. Bd 1. S. 223—226.

<sup>58</sup> DLH. Bd 1. S. 119.

<sup>59</sup> О некоторых менее заметных причинах этого процесса см.: *Julikalu E. Contraction and expansion of settelement in the Nordic countries in the late Middle ages and the 16th century // Феодальный крестьянин в Восточной и Северной Европе.* Таллинн, 1983. С. 71—73.

<sup>60</sup> DLH. Bd 1. S. 134.

<sup>61</sup> *Fussing H. H. Herremand og faestebonde.* S. 194.

<sup>62</sup> *Ibid.* S. 195, 198.

<sup>63</sup> *Vibaek M. Den danske handels historie.* S. 140—142. Цена за телку в среднем возросла с 16 крон в начале XVI в. до 24 крон в 1590 г. и 60 — в 1650 г. (*Ibid.*).

<sup>64</sup> *Scocozza B. Klassekampen...* S. 61.

<sup>65</sup> *Fussing H. H. Herremand og faestebonde.* S. 98.

<sup>66</sup> История крестьян в Европе. Т. 3. С. 297—298.

<sup>67</sup> DLH. Bd 5. S. 40—41.

<sup>68</sup> *Шануро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XV—XVI вв.).* Л., 1987. С. 28—29.

<sup>69</sup> «Барщина редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 23. С. 248).

<sup>70</sup> История крестьян в Европе. Т. 3. С. 120, 132—134.

<sup>71</sup> *Bech S. C. Reformation og Renaessance.* S. 219.

<sup>72</sup> *Ibid.* S. 222—223.

<sup>73</sup> В 1533 г. свободных ленов было 55, выплатных — 23, расчетных — 22 %; к 1602 г. свободных стало 12, выплатных — 24, расчетных — 64 % (DLH. Bd 1. S. 127). В результате реформы часть доходов с ленов, поступавшая в казну, увеличилась с 22 % в 1533 г. до 48 % в 1602 г. (*Erslev K. Konge og lensmand : det sextende aarhundrede.* Kjøbenhavn, 1879. S. 198).

<sup>74</sup> В 1530 г. было 300 ленов, в 1559 — 122, в 1588 — 70 (DLH. Bd 1. S. 127).

<sup>75</sup> В 1536 г. уже после того как на монету были перелиты орден Золотого Руна Кристиана II и церковное серебро, долга оставалось 0,5 млн далеров при годовом государственном доходе менее 40 тыс. далеров (*Bech S. C. Reformation og Renaessance.* S. 213).

<sup>76</sup> *Ibid.* S. 263.

<sup>77</sup> Вполне конкретный протест дворянства против подобной правительственной политики был выдвинут в 1588 г.; поводом послужила смерть Фредерика II. Подробнее см.: *Ladewig Petersen E. Rigsråd og adelsoppositionen 1588 : En socialhistorik studie // Rigsråd, adel og administration 1570—1648.* Odense, 1980. S. 122—168 (далее RAA).

<sup>78</sup> *Ladewig Petersen E. Fra domaenstat til skattestat.* S. 11.

<sup>79</sup> *Nielsen A. Dänische Wirtschaftsgeschichte.* S. 80.

<sup>80</sup> Ганзейцы теперь также платили зундскую пошлину, равнявшуюся 1/30 части стоимости жидкого груза (вина) или 3 гульденам за ласт сухого груза.

<sup>81</sup> Подробнее см.: *Jensen F. P. Bidrag til Frederik II's og Erik XVI's historie.* Kjøbenhavn, 1978. S. 93—104.

<sup>82</sup> *Nielsen A. Dänische Wirtschaftsgeschichte.* S. 84.

<sup>83</sup> *Hill Ch. E. The Danish sound dues and the command of the Baltic.* Durham, 1926. P. 88—91.

<sup>84</sup> Переход ряда русских областей к Швеции по Столбовскому миру 1618 г., захват Пернау, затем Риги (1621) и других территорий, откуда голландцы вывозили зерно, привели к падению числа судов нидерландских купцов, ходивших в Балтику, с 3726 в 1620—1629 гг. до 3015 в 1650—1659 гг., хотя ранее наблюдался стабильный рост вывоза (*Nielsen A. Dänische Wirtschaftsgeschichte.* S. 87).

<sup>85</sup> Иногда Данию называли (до 1620-х гг.) «самой демилитаризованной в Европе страной» (*Kongsrud H. Absolutismen i Danmark.* Kjøbenhavn, 1967. S. 411).

<sup>86</sup> *Fridericia J. A. Danmarks riges historie.* Kjøbenhavn, 1896—1902. Bd 4 S. 118—119.

<sup>87</sup> *Petersen K., Bech S. C., Maigaard J.* Danmarkshistoriens. . . S. 186.

<sup>88</sup> *Kongsrud H.* Absolutismen. . . S. 412.

<sup>89</sup> В 1641/42 г. поступления равнялись 709 тыс., в 1645/46 г. — 106 тыс., в 1647—1649 гг. — 343 тыс. ригсдалеров (*Engberg J.* Dansk finanshistorie. 1640-erne. Aarhus, 1972. S. 270, 292).

<sup>90</sup> К примеру, в 1639 г. пошлина с селитры дошла до 78 % стоимости груза (*Hill Ch. E.* The Danish sound. . . P. 114, 126—130). Повышая таможенные сборы, король нарушил даже святой принцип меркантилизма — не облагать налогом импортируемое для собственной промышленности сырье.

<sup>91</sup> В 1639 г. зундская пошлина достигла 616 тыс. далеров, в 1646 г. — лишь 134 тыс.

<sup>92</sup> В 1600—1614 гг. казна прибегала к чрезвычайным налогам 14 раз; в 1629—1643 гг. — 35 раз; за первые 15 лет войны было собрано 1.9 млн далеров, за вторые — 3.9 млн, а учитывая и обычные налоги, — 4.75 млн далеров. Тем не менее и в 1645—1660 гг. налоги продолжали расти (DLH. Bd 1. S. 223—224).

<sup>93</sup> *Kongsrud H.* Absolutismen. . . S. 413.

<sup>94</sup> Так, в конце 1650-х гг. ригсрод отказывал королю в праве на наследственную корону Норвегии (хотя это и могло бы оздоровить финансы).

<sup>95</sup> *Erslev K.* Konge og lensmand. S. IV (Bilag).

<sup>96</sup> *Ladevig Petersen E.* Fra domaenstat til skattestat. S. 13; *Fabritius A.* Kongeloven. København, 1920. S. 77—78.

<sup>97</sup> *Kongsrud H.* Absolutismen. . . S. 418.

<sup>98</sup> *Rockstroch K. C.* Christian den Fjaerdes hvervede Haer i Aarne 1638—1643 // *Historiske Tidsskrift.* 1909—1910. R. 8. S. 330—333.

<sup>99</sup> *Jespersen L.* 1600-tallets danske magtstat // *Magtstaten i Norden i 1600-tallet og de sociale konsekvenser.* Odense, 1984. S. 20.

<sup>100</sup> Государственный долг достиг в 1648 г. 5.75 млн ригсдалеров, а ригсрод отказывался погасить его за счет государства, ссылаясь на то, что эти были «личные долги» много воевавшего Кристиана IV (*Ibid.* S. 21).

<sup>101</sup> *Engberg J.* Det 17 århundredets generelle politiske krise og striden mellem det danske rigsråd og landkommissaererne 1647—1649 // *Fortid og Nutid.* 1970. Bd 24. C. 33.

<sup>102</sup> *Aktstykker og oplysninger til rigsrådets og staendermødernes historie i Frederik III's tid.* København, 1959. Bd 1. S. 63—65, 79—86.

<sup>103</sup> *Samling af danske Kongers Haandfaesninger. . .* S. 111—119.

<sup>104</sup> *Scocozza B.* Klassekampen. . . S. 278.

<sup>105</sup> *Hsøe G.* Det danske rigsråd 1570—1588: Rekrutteringsmønstre // *RAA.* S. 18—21; *Jespersen L.* Rekrutteringen til rigsrådet i Christian 4.s tid // *Ibid.* S. 90—92. В целом демографическая ситуация дворянского населения страны характеризуется как «медленно прогрессирующий упадок» (*Fabritius A.* Danmarks riges adel. København, 1946. S. 107).

<sup>106</sup> О причинах удорожания университетского образования см.: *Возгрин В. Е.* Копенгагенский университет. . . С. 167—171.

<sup>107</sup> *Hansen S. Aa.* Adelsvaeldens grundlag // *Studium til Københavns universitets Økonomiske institut.* 1964. N 6. S. 182—198.

<sup>108</sup> *Jespersen K. J. V.* Rostjeneste-taksation og adelsgoods. Odense, 1977. S. 182—185.

<sup>109</sup> Подробнее см.: *Winter E.* Frühaufklärung: Der Kampf gegen den Konfessionalismus in Mittel- und Osteuropa und die deutsch-slawische Begegnung. Berlin, 1966. S. 21; *Mommsen W.* Zur Beuteilung des Absolutismus // *Hist. Zeitschr.* 1939. Bd 159. S. 61.

<sup>110</sup> *Näf W.* Die Epoche der neueren Geschichte. Aarhus, 1945. Bd 1. S. 357—359.

<sup>111</sup> *Zerlang M.* Bondernes klassekamp i Danmark. København, 1976. S. 46.

<sup>112</sup> *Petersen K., Bech S. C., Maigaard J.* Danmarkshistoriens. . . S. 186—187. В период, предшествовавший абсолютистскому перевороту, дворяне, кроме того, заслужили своим антипатриотичным поведением во время войны ненависть бюргеров, проявлявших высокие образцы мужества и верности родине (например, при осаде столицы шведами в 1659 г.) — *Danmark mellem feodalisme og kapitalisme.* Aarhus, 1974. S. 17.

<sup>113</sup> *Fischer D. O.* Christian 4.s kancellisekretaerer // *RAA.* S. 191.

<sup>114</sup> В числе депутатов было 100 мелких дворян, 28 церковников, 70 бюргеров, 2 профессора; крестьяне вообще не были представлены.

<sup>115</sup> *Olsen G.* Den unge enevælde. 1660—1721. København, 1964. S. 19—21, 23—25.

<sup>116</sup> Важнейшая черта — расширенный товарооборот затрагивал лишь незначительную прослойку землевладельцев; большая часть продукта была из обращения изъята: 80 % населения по-прежнему производили продукт, покрывающий почти полностью и собственные потребности.

<sup>117</sup> *Riss R.* Towns and central government in Northern Europe from the 15th century to the industrial revolution (Scand. Econ. Hist. Rev. 1981. Vol. 29. P. 39).

<sup>118</sup> *Scocozza B.* Klassekampen. . . S. 308.

---

**М. Т. ПЕТРОВ**

**ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ  
«МИРОВОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»**

**В СВЯЗИ С НЕКОТОРЫМИ ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫМИ  
ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО  
РЕНЕССАНСА**

Вопрос о политических и институциональных структурах, являющихся специфически ренессансными, в отличие от вопроса о социальной природе Возрождения, не пользовался особой популярностью в отечественной историографии.<sup>1</sup> Последняя проблема широко дебатировалась и обсуждалась в нашей литературе, по всей видимости, потому, что общественно-экономические структуры Ренессанса и их социально-классовая сущность считались вопросами наиболее фундаментальными для историко-теоретической интерпретации культуры Возрождения. И хотя сфера культуры, пожалуй, наиболее тесно связана именно с политической проблематикой, с нормами, ценностями и каналами деятельности, культивируемыми, допускаемыми (или нет) политическими институтами, с определенной системой власти и авторитетов — подобного рода политико-социологические вопросы ни сами по себе, ни в комплексе с социально-экономическими темами практически не рассматривались в отечественной историографии.

И тем не менее следует упомянуть хотя бы о двух дискуссиях. Первой по времени явилась полемика, связанная с выходом в свет книги В. И. Рутенбурга.<sup>2</sup> В последовавшем вслед за опубликованием монографии научном диспуте на страницах журнала «Средние века» (№ 4—6, 1953—1955 гг.) В. И. Рутенбургу удалось отстоять свои воззрения на новые социально-экономические явления в исторической жизни Италии XIV в. как на раннекапиталистические.

Эта дискуссия органично, незаметно, но по-своему весьма логично переросла в следующую: о социальной природе Возрождения. Отправным пунктом ее послужили историко-социологические и социально-экономические разработки и оценки природы и сущности ренессансной культуры как ремесленно-демократической в трудах историков искусства (В. С. Кеменова, В. Н. Лазарева, Т. П. Знамеровской).<sup>3</sup> Историки общества, почувствовавшие необходимость в культурно-социологическом осмыслении своей эпохи, «скрестили мечи» с историками искусства, в не меньшей мере понимавшими, что

исследование (пусть важнейшей сферы) ренессансной культуры без историко-социологического ее объяснения будет неполным.

Дискуссия середины 50-х гг. о социальной природе ренессансной культуры, логически вытекая из обсуждения основ социально-экономического развития Италии, оказала серьезное влияние на развитие ренессансных штудий. Она не ограничилась устным диспутом (1955 г.),<sup>4</sup> но развернулась на страницах работ<sup>5</sup> заинтересованных этой темой исследователей.

Более поздняя вспышка полемики связана с столкновением по поводу книги Л. М. Баткина.<sup>6</sup> В историографии темы обозначилась новая точка зрения, правда представленная «одиноким» исследователем, В. Д. Коробковым.<sup>7</sup> Оспаривая взгляд Л. М. Баткина на итальянскую культуру Предвозрождения (и Данте как его крупнейшего представителя) как на раннебуржуазную, В. Д. Коробков попытался обосновать взгляд на нее как на феодально-аристократическую по своей природе. Эта точка зрения была подвергнута критике в статьях Л. М. Баткина и А. Х. Горфункеля,<sup>8</sup> подтвердивших (первый — с большей осторожностью, чем ранее, а второй — безусловно) свое понимание итальянской культуры Ренессанса и Проторенессанса как раннебуржуазной по социальной природе. Эта идея получила развернутое обоснование в монографии В. И. Рутенбурга.<sup>9</sup> Л. М. Брагина, напротив, высказала сомнения в справедливости однозначной интерпретации Возрождения как раннебуржуазного феномена.<sup>10</sup>

С непрекращающимся вниманием к этой проблеме связаны попытки более сложного подхода к социальной концепции ренессансной культуры. Так, Л. М. Баткин отошел от своей предшествующей одноплановой характеристики общественной сущности Возрождения, показав сложные и нерешенные вопросы, которые предстоит разработать, прежде чем прийти к определенным выводам.<sup>11</sup> Тенденция к пересмотру прежде главенствующей точки зрения уже совершенно определенно обозначилась также в монографиях Л. М. Брагиной.<sup>12</sup> Т. П. Знамеровская продолжала настаивать на плебейско-демократическом характере ренессансной культуры и простом товарном производстве как ее экономической основе.<sup>13</sup> Исследовательница осталась к тому времени единственным представителем подобной точки зрения, поскольку новых сторонников у нее не появилось, а прежние пересмотрели свои позиции. В монографии М. Т. Петрова<sup>14</sup> указывалось на сложность этой проблемы, не имеющей удовлетворительного решения внутри методологии, использующей традиционные категории. В книге подчеркивалась необходимость в принципиально новых подходах к теме, и в частности в уточнении и дифференциации конкретно-социологических и культурно-политических характеристик различных явлений Возрождения. Тем более что с течением времени стало очевидно, что в различных европейских странах ренессансные тенденции и процессы опирались на во многом несхожие социальные основы.

Отсутствие определенных результатов дискуссии об экономических и социальных детерминантах Возрождения, очевидная невоз-

возможность прийти к «согласительным» сколько-нибудь подтверждаемым и непротиворечивым социально-классовым дефинициям такой достаточно целостной по своему духовному строю культуры, как Ренессанс, — и это в историографии, сознательно ориентированной прежде всего на социологическое истолкование даже менее масштабных и более дробных «идеологических» феноменов! — заставляет задуматься о многом. В частности, о том, плодотворен ли подобный подход вообще и в особенности к такому сложнейшему явлению, как Ренессанс. Не нуждается ли он как минимум в обогащении идеями и методами иного порядка, по-другому измеряющими феноменологию, признанную возрожденческой. Ведь в отечественной литературе бросается в глаза острый дефицит исследований, в которых эта эпоха подверглась бы истолкованию с позиций культурологии, исторической политологии и сравнительно-типологического подхода. Отнюдь не богата ими и современная западная историография, блистательно исследующая или конкретные проблемы или с использованием вышеперечисленных подходов вопросы, на Возрождении специально не сфокусированные. Следствием отсутствия многопланового контекстуального мышления является современный кризис с теоретически полнокровным пониманием роли Возрождения во всемирной истории, его места в типологическом раскладе исторически данных цивилизаций, наконец, в европейских духовных процессах. Конечно, кризис рано или поздно кончается, за ним, как правило, следуют взлеты и подъемы.

Но одним из проявлений его сегодня является историографический парадокс восточного Ренессанса, этого важнейшего компонента доктрины всемирного Возрождения.<sup>15</sup> Действительно, если историки культур Запада находятся в недоумении относительно базовых исторических структур (экономических, социальных, политических, культурных, социологических), определивших своим действием возникновение, идейную природу, духовную наполненность и устремленность Ренессанса, то ничто, конечно, не мешает растворять понятие об этом явлении в глобальных и универсальных характеристиках, исполненных всенивелирующего пафоса.

Но что можно предложить взамен: очередную пусть обновленную трактовку буржуазно-капиталистической сущности Ренессанса, или констатацию сложности вопроса, или конкретные интересные разработки разных граней гуманистического мировоззрения. Разумеется, не помогут объяснению европейского Ренессанса такие иконно-формульные дефиниции, как «открытие мира и человека», «антропоцентризм», «освобождение человека от церковных догм», «индивидуализм», «реализм», «подъем городов», «обращение к античности», «становление культуры Нового времени», «антифеодалность» и т. п. Некоторые из них уже сыграли свою двойственную роль в становлении концепций Ренессанса, господствовавших в нашей науке. Да и что мешает наполнить эти чрезвычайно емкие формулы содержанием, ничего общего не имеющим с европейскими историческими реалиями, и вмещающими стандартные конструкции, равно пригодные и для Европы, и для Востока, и для Италии, и для Китая,

и для Турции, и для Франции, и для Германии, и для Индии. Ориентализация формул, типологически и аналитически не раскрытых, а главное, контекстуально не осмысленных, происходит без всякого труда.

Как это делается, можно показать на примере трактовки Н. И. Конрадом понятия «гуманизм», которое он приравнивает к такой категории, как «жэнь». Гуманизм понимается им как «любовь ко всем», «человеколюбие», «гуманность» и сводится таким образом к общечеловеческому чувству, присущему всем народам, находящимся на уровне цивилизации.<sup>16</sup> «Гуманизм существовал и в древности, и в средние века, притом повсеместно — во всех странах Европы и Азии, история которых знала и свою древность, и свои средние века. Гуманизм — проявление того, что обозначается словом *humanitas* — „человеческое начало“ в природе человека, человечность».<sup>17</sup> О ренессансном гуманизме Н. И. Конрад считает возможным говорить «только как об одном исторически определенном облике этого действительно вечного спутника человека».<sup>18</sup> Несомненно, что Н. И. Конрад в интерпретации ренессансного гуманизма переставляет акцент со специфических особенностей на общечеловеческие. Гуманизм как основа культуры ренессансного типа на таком уровне истолкования теряет свои значимые именно для Европы эпохи Возрождения характеристики и превращается в абстрактную схему, под которую можно подвести все что угодно, лишь бы тот или иной феномен истории не был откровенно человеконенавистническим: «Если выдвигание на первый план человеческой личности принимать как характернейший признак именно эпохи Возрождения, — а это вполне соответствует действительности, — самым настоящим Возрождением представляется нам и то, что произошло в общественном сознании китайского общества VIII—XV вв.», — пишет Н. И. Конрад.<sup>19</sup> Можно показать двусмысленность и малую пригодность такой трактовки ренессансного гуманизма.

Ну а какую конкретно позитивно-историческую альтернативу, разработанную на европейском материале, можно предложить? Прежде всего хотелось бы обратить внимание на одно из неизбежных следствий принятия доктрины восточных ренессансов. Дело в том, что европейское Возрождение, превращаясь в часть мирового Ренессанса, становится, так сказать, небольшим участком на мировой ренессансной карте, единственным, хотя историографически старшим представителем не столь давно сформированного коллектива ренессансов (китайского, индийского, персo-таджикского, кавказского, восточно-христианского).

Поэтому западноевропейский Ренессанс может потерять многие историографические атрибуты.

Во-первых, он окажется *неуникальным, неединственным* явлением, поскольку ренессансов теперь много и каждый из них — китайский, индийский, иранский — сопоставим по своей значимости с европейским, как сопоставимы с Европой взятые по отдельности Индия, Китай, мусульманский мир.

Во-вторых, рискует предстать *незначительным* явлением, так как в целом понятие восточного Ренессанса, представленное многочисленными мощными культурными регионами своим принципиальным многообразием и географическим охватом превосходит затерявшуюся где-то на периферии мира маленькую Европу. В системе сопоставления «Восток—Запад» Западный Ренессанс начинает смотреться именно в таком провинциальном культурно-географическом общем плане.

Кроме того, перестав быть единственным и став *периферийным*, европейский Ренессанс оказывается в сравнении с восточными последним по времени появления на исторической сцене, а потому и хронологически самым *отсталым*. Время его появления — XIV в., тогда как в Китае он начинается в VIII в., в мусульманских странах — в X в. Оказавшись последним всплеском «мощного ренессансного вала», прокатившегося по Евразии, европейский Ренессанс к тому же хотя бы по хронологическому охвату самый *слабый* всплеск. Так, если мощи китайского Возрождения хватило более чем на 800 лет (VIII—XVI вв.), персотаджикского — на 5 столетий (X—XV вв.), азербайджанского — более чем на 400 лет (XII—XVI вв.), то — что такое 200—250 лет европейского ренессансного движения в сравнении с таким долговременным размахом, перманентным обновлением и расцветом. Так что вывод о некоторой отсталости, недостаточной «развитости» и уж, конечно, о скупости быстро иссякающих жизненных сил европейского Возрождения может вовсе и не показаться натяжкой. После всего сказанного становится понятным, что прежнюю силу западноевропейского Ренессанса как беспрецедентного всплеска культуры, его значимость, когда-то сформировавшую само понятие и концепцию Возрождения, не спасет никакое историографическое первородство.

Наконец, наш ничем не выдающийся Ренессанс может быть истолкован как не слишком самостоятельный, во всяком случае неизмеримо менее самостоятельный и самобытный, чем его восточные собратья. К тому же считается, что к моменту появления европейских ренессансных завязей общество и культура Востока были более развиты, находились на более высокой ступени, чем европейское. В связи с этим говорят о сильном воздействии культуры Востока на средневековую Европу, причем о неизмеримо большем влиянии, чем обратное воздействие (достаточно вспомнить влияние на Европу мусульманской науки, философии и декоративной культуры). Сам по себе этот вывод правомерен. Но внутри напряженной работы по обоснованию и нахождению новых ренессансов он истолковывается так: более высокоразвитый и культурный Восток, потому и породивший раньше, чем Запад, свой Ренессанс, не только повлиял на образование западного Возрождения как один из его истоков, но это было влияние более развитого, более продвинутого мусульманского Ренессанса на формирование аналогичного и более позднего европейского явления. Западный Ренессанс как исторический феномен достаточно многим обязан восточным ренессансам; а те ему — как

более старшие и как представляющие более развитые культуры — мало чем обязаны.

Я свел воедино только некоторые линии той историографической трансформации, которая затрагивает самые общие моменты места и значимости европейского Возрождения в системе мирового Ренессанса.

Однако это только внешне-оценочный аспект тех концепционных последствий, которые несет доктрина восточного Ренессанса. Существуют и более важные последствия для истолкования самого европейского Возрождения.

Среди прочих недостоверных положений этой теории была одна важная тема, которая и сама по себе просто не могла оставить равнодушными историков культуры Запада. Я имею в виду проблему историко-культурных сопоставлений Запада и Востока в связи с поисками Возрождения на новых территориях. Вопрос о сравнениях не может быть безразличным историкам Запада, поскольку востоковедами давалась определенная трактовка и европейского Возрождения. Более того, это истолкование европейского, в особенности итальянского, Возрождения просто не могло не быть проведено специалистами по отысканию новых ренессансов. От этого им никуда нельзя было уйти, ведь европейское Возрождение по идее нормативно, классично, и только соотнесение с ним своих собственных построений, только обнаружение соответствия общепризнанной норме могло бы помочь востоковедам утвердить и легализовать наличие такой эпохи, как Ренессанс, в истории культур Востока. Но в том-то и дело, что историки Европы могут и не узнать дотоле знакомый им Ренессанс, прошедший через прокрустово гостеприимство ориенталистских сравнений, ущемленный их произвольными аналогиями. Востоковедам понадобился такой европейский Ренессанс, в котором они увидели бы достаточное соответствие своему материалу. Именно поэтому он постоянно подвергается перетолкованию, суть которого состоит в стремлении: сравнить—сравнить—приравнять.<sup>20</sup> А как же иначе, если в истолковании европейского Возрождения на первое место выступают нормы той группы (восточные ренессансы), куда его «против воли» включили. Главное и специфическое в нем начинает подменяться акцентом на свойствах, понятых как общие для новообразованной группы.

Некоторые черты, отмеченные как сходные, может быть и были общими, но являлись ли они именно вследствие этого — ренессансными? Единство мировой культуры пусть остается единством, но, может быть, Ренессанс как раз относится к различиям. Об этом не задумались. Вследствие этого западноевропейский Ренессанс в качестве Ренессанса потерял роль нормы, образца, эталона, в соотнесении с которыми единственно и корректно могли бы быть выявлены и апробированы соответствующие ему культурные комплексы восточной истории, претендующие на статус Возрождения. Более того, проявились и сознательные тенденции к достаточно определенному обесцениванию значения европейского Возрождения как той «печки», от которой должны «плясать» восточные ренессансы в стремле-

нии обрести свой научный статус.<sup>21</sup> Правда, до откровенных деклараций дело пока не дошло, что вполне естественно, поскольку из двух возможных вариантов: или восточные ренессансы существуют, но они не похожи на европейский, или европейский Ренессанс похож в своих существенных чертах на восточные культуры, поэтому там Возрождение и существует, — второй вариант решительно доминирует. Я не удивлюсь, если по причине ли перетолкования специфических свойств европейского Возрождения, по причине ли их игнорирования, роль собственно европейских признаков в истолковании европейского Ренессанса или роль его самого как критерия мирового Возрождения, которая уже сейчас оказывается крайне незначительной, будет неуклонно снижаться. Но главное, однако, то, что исторически зримые конкретные черты европейского Ренессанса подвергаются переинтерпретации и лишаются своей самобытности и жизненной полнокровности.

Европейское Возрождение внутри схемы всемирного Ренессанса получает предельно упрощенное и крайне абстрагированное от конкретного материала переосмысление. Но такому же «укрошению» специфики подвергается и восточный материал. Такова логика идеи, декларирующей закономерное подобие типологически разнообразных культур, — доказывать ее можно только на путях предельно абстрагированного формулирования особенностей этих культур, с тем чтобы разнородный исторический материал мог подпасть под одни и те же категории, имеющие специфический европейский смысл и генеалогию, но получившие универсальное применение.

А отсюда следует одномерный, одинаковый по историческому смыслу, по типу развития, по культурным стадиям путь, пройденный всеми цивилизованными странами и регионами, имевшими свою древность. После этого остается действительно признать, что «все было везде» и вклад разных народов в сокровищницу человеческой культуры в главном одинаков, а вовсе не взаимодополнителен, как считалось ранее, — не уникален, а потому равноценен, так как неповторимость не знает эквивалентов, — но именно в принципе одинаков, так речь идет не только о стадияльном совпадении историко-культурного развития разных регионов, но и о совпадении духовных процессов. Но именно разнообразие, необыкновенное богатство типов, родов, видов, индивидуальностей составляет, может быть, самую впечатляющую и привлекательную закономерность как земной природы, так и ее производных — культуры и истории. Именно закономерность, а не простую эмпирическую данность. Очевидно, что метод конструирования всемирного Возрождения пока далек от корректного раскрытия богатейших историко-типологических возможностей сравнительного изучения культур Востока и Запада. Идея же повсеместной глобальной повторяемости стадий и типов культуры разных регионов не только не плодотворна, не только не доказана, но и не корректно проведена. Вообще понятие стадияльного соответствия или несоответствия должно быть заново обосновано.

Здание мирового Ренессанса базируется на весьма шатких теоретических основах. Эта идея не представляет собой целостной теории с логически и исторически взаимосвязанными компонентами.

Европейский путь, живой, исполненный собственных драм и духовных коллизий, своеобразен, равноправен и ни в каком научном отношении не может служить образцом для других регионов. Даже в самых общих своих закономерностях европейское развитие специфично. Индивидуальное лицо европейской истории от античности до новейшего времени само по себе ни в коей мере ни точка отсчета, ни пример для культур, шедших по очень многим естественноисторическим причинам другими путями. Может быть, следует прямо заявить, что Европа до колониальной экспансии не может никому задавать систему координат развития. Очевидно, что общетипологические координаты и модули для истории Запада и Востока еще предстоит выработать. Но для этого предстоит выработать основные и взаимосвязанные понятия исторической типологии культур, типологии историко-культурных процессов и теории межкультурных контактов.

Для историка европейского Ренессанса согласиться с идеей всемирного Возрождения — значит согласиться с тем, например, что европейский ренессансный город должен лишиться таких характеристик, как самоуправление, городской «истеблишмент», цеховые и муниципальные вольности и права, политическая активность и часто высокий уровень независимости, ибо на Востоке, например в Китае, расцветали такие города, которые (и это повсеместная черта) были лишены вообще какого-либо правового статуса, политической организации, административного самоуправления, не имели как политические институты ни собственного лица, ни законной основы, ни четких юридических ограничений от деревни и непосредственно управлялись императорской администрацией (Китай) или местным феодалом (Индия). Получится, что социальная среда китайских городов, где горожане лишены городского самосознания, где жизнь регламентирована императорскими указами, формирует столь же значимую, а главное, типологически сходную с Италией ренессансную личность, общественную атмосферу и политические структуры, допускающие Возрождение.<sup>22</sup>

Перед учеными, небезразличными к вопросам теоретического осмысления Возрождения, открывается, таким образом, три возможности:

1) редуцировать существенную специфику изучаемых регионов (причем, как западную, так и восточную), например, удовлетвориться гуманностью, человеколюбием, вниманием к человеку как решающими характеристиками ренессансного гуманизма;

2) допустить, что всемирное Возрождение состоит из типологически принципиально разных и мало в чем схожих ренессансов;

3) не признавать концепцию всемирного Возрождения, но не ограничиваться только критикой, а противопоставить ей такую модель европейского Ренессанса, самые общие признаки которой не могли бы быть подвергнуты произвольному перетолкованию.

Ведь критерии, положенные в основу ренессансной диагностики процессов истории культуры, должны иметь: 1) сколько-нибудь определенный характер; 2) типологический уровень, как раз и необходимый для создания контекста, в котором столь щедро находимые «типологические схождения» могли бы обрести свою истинную научную значимость. Если Н. И. Конрад и его последователи были бы правы относительно уровня общности и соответствий в развитии культур Запада и Востока, если действительно «в движении их истории наблюдаются одни и те же процессы, получающие значение определенных закономерностей», если «наличие этих общих закономерностей у ряда развивающихся явлений свидетельствует, что по своей природе эти явления едины»,<sup>23</sup> то необходимо найти и четко, взаимосвязанно обозначить критерии «ренессансности» происходившего на Востоке движения истории. Только нахождение их способно помочь разобраться в этом вопросе в соответствии с духом самой проблемы. Эти критерии не должны иметь общечеловеческую трактовку или конкретно-исторический характер, тогда они не станут навязывать Востоку картины, тождественные Европе или, напротив, отделенные от него непроходимой стеной.

Таким образом, современная историографическая ситуация со всей ясностью показывает, что различие культур и культурных феноменов ренессансного типа и неренессансных стало одним из основных вопросов теоретического изучения Возрождения. С этим приходится считаться. Вопрос выработки принципиальных типологических характеристик Ренессанса, которые стали бы четкими критериями в этом затянувшемся, ожесточенном и, к сожалению, пока бесплодном столкновении вокруг проблемы восточных ренессансов, все время витает вокруг спорящих, но никем по-настоящему не прояснен.

Для такого состояния темы есть свои причины. Ученым, принявшим идею восточных ренессансов, все ясно, и они готовы скорее обсуждать вопросы о приоритете поэтического или философского Возрождения в своих регионах, нежели еще раз задаться вопросом о ренессансной принадлежности тех явлений, которые они так уверенно трактуют в этом ключе.<sup>24</sup>

Очевидно, что в исследовании вопроса о восточном Ренессансе должна быть использована иная теоретическая модель Возрождения, сама система описания которой позволила бы корректно сравнивать историю и феноменологию культур Востока и Запада. Притом сравнивать именно на типологическом уровне, не подменяя его ни общечеловеческими, абстрактными выжимками из конкретного материала, ни самим этим конкретным материалом, трудно поддающимся сравнению вследствие неповторимо индивидуального облика составляющих его фактов. Но для этого как раз и нужно избегать терминологии, носящей сугубо европейский оттенок, такой как «открытие человека», «индивидуализм», «гуманизм», «секуляризация». Как отмечает А. Ф. Лосев: «При теперешнем развитии науки о Ренессансе банально и нескритично звучат такие оценки Ренессанса, как выдвигание человеческой личности или индивидуума».<sup>25</sup> Сам

А. Ф. Лосев нашел весьма удачную формулировку для конрадовского истолкования гуманизма: «. . . широкое, *везде одинаковое* (курсив мой. — М. П.), равное и свободное чувство человечности».<sup>26</sup>

Но в настоящее время сами историки европейского Возрождения не имеют сколько-нибудь целостной и достаточно приемлемой общей концепции ренессансной культуры, способной объяснить ставшую известной за последние 30—40 лет массу противоречивых фактов или обобщить часто достаточно убедительные и не менее противоречивые интерпретации.

Разумеется, в изучении европейского Ренессанса можно обойтись и прекрасно обходятся вообще без каких-либо представлений или специального интереса к восточным возрождениям. И думается напрасно, хотя и не случайно. При всех значительных достижениях историографии западноевропейского Возрождения, в том числе и советской, видна теоретическая неясность в разработке некоторых фундаментальных вопросов. Множество иногда блистательных решений отдельных проблем не складывается в картину, имеющую сколько-нибудь масштабную объясняющую силу. Утерянная после решительного пересмотра концепции Буркхардта теоретическая ясность во многих вопросах так и не восстановлена на новом взыскомом многими уровне. Отрицается, и не без оснований, вообще возможность целостной концепции западноевропейского Ренессанса. Не без оснований — потому что оставаясь на почве только итальянского или европейского Возрождения, целостной и имеющей объясняющую силу историко-теоретической концепции Возрождения не создать. Не спасет ни комплексный подход, ни содружество гуманитариев различных специальностей, ни исследование сквозных духовных, экономических или социальных феноменов, ни талантливая и остроумная эвристика, ищущая тот или иной теоретический ключ к Возрождению.

Если следовать классификации Фрэнсиса Бэкона, в «плодоносных» результатах многообразная историография европейского Ренессанса недостатка не испытывает, а вот в «светоносных» заметен явный дефицит. Конечно, без света и мы не обходимся. Но вот, где взять источник, который осветил проблему Возрождения как целое, Ренессанс в его статике и динамике, в его структуре и крупной типологии, в его соотношениях с другими эпохами, движениями и типами культур.

Между тем не случайно говорят: «*Ex Oriente Lux* — свет идет с Востока». В данном случае понимать это нужно, конечно же, не буквально и не символически. И уж, безусловно, не как признание реальности восточного Ренессанса. Понимать это нужно как вынесение источника света за пределы европейского региона, как необходимость создания более полного и более широкого, чем европейский (западный), исторического контекста для изучения проблемы Ренессанса.

Ренессансом, или Возрождением, следовало бы называть только те движения, которые осуществили духовную потребность в смене типа культуры на основе обращения к древним традициям, моделям и образцам. Не важно, что в такого рода обращении не может идти речи о «физическом» возрождении древности, гораздо важнее другое: придание ей нового высокого статуса (когда-то утерянного), восстановление способности забытых когда-то норм и ценностей опять служить живой культурно-формирующей силой, что приводит в действие механизмы необратимого и радикального культурного переустройства. Причем такие механизмы, действие которых продолжается и набирает большую силу за пределами эпохи, признанной Ренессансом. При этом состоявшееся Возрождение успевает создать свой особый, целостный, пусть и недолговечный и не всеобъемлющий культурный тип и оригинальный стиль и тем заслужить право называться эпохой. Ренессанс — прежде всего феномен духовный, и реализуется он в сфере культуры.

Возрождение порождается не характером производительных сил и формами производственных отношений, не уровнем торговой активности и масштабом ремесленной деятельности, не специфическим социально-классовым устройством общества и типом политических структур и даже не просто условиями, стимулирующими размах культурной деятельности, энергию научных открытий и технических изобретений. Ренессанс порождается только той культурной общностью, где экономико-социальные, политические и мировоззренческие структуры не встают непроходимой стеной на пути этой ясно обозначившейся потребности в культурных нововведениях. Поэтому если духовный запрос (которого может и не быть) в смене культурных моделей на основе возрождения древности определяет необходимость Ренессанса, то соответствующие традиции и структуры определяют не столько его характер, сколько саму возможность появления Возрождения.

Не потому ли безуспешны попытки сколько-нибудь определенно сформулировать социальную природу Возрождения или связать его с действием какого-либо класса или общественного слоя. И не по причине ли невозможности обозначить специфический порождающий Ренессанс тип политических структур не увенчались успехом усилия историков решить проблему государственных форм, присущих Возрождению в Западной Европе XV—XVII вв. Рассматривая подобного рода историографические устремления, А. Д. Люблинская задается вопросом, можно ли как-то определить новый тип государства, и притом настолько соответствующий общему характеру эпохи, чтобы его можно было назвать ренессансным.<sup>27</sup> Она, в частности, пишет: «Европа представляла тогда (в эпоху Возрождения. — М. П.) пестрый конгломерат монархий — абсолютных, ограниченных, номинальных (империя), национальных и многонациональных — и республик — олигархических (Венеция, Генуя), федеративных (Голландия, Швейцария), шляхетских («мнимая» монархия

в Польше и отчасти в Венгрии) и т. п. При такой пестроте. . . право мочна ли сама постановка вопроса о наличии „ренессансного“ государства?».<sup>28</sup> К этому можно было бы добавить такие государственные образования, как города-коммуны, синьории, регионально-абсолютистские государства, территориальные государства, — все эти, за небольшим исключением, недолговечные политические формы, существовавшие в Италии в разные периоды Ренессанса и вносящие еще большую пестроту в общую государственную типологию Европы. Картина могла бы быть расширена за счет полуассальных и полузависимых образований или за счет включения такого, например, уникального примера государственности, как Патримоний св. Петра (Ватикан). Исследовательница не дает прямого ответа на заданный ею же вопрос о возможности так ставить проблему. Равным образом и неопределенные попытки указать на ренессансные тенденции в государственном развитии не находят себе полной поддержки. И усиление роли государства в расширении производства и создания финансовой системы эпохи Ренессанса, и бюрократизация государственного аппарата, и проявления этатистской идеологии, и формы ренессансной монархии, где сословное представительство играло важную роль, и патерналистские тенденции, развитие фискальной системы — все эти указания на специфическую «ренессансность» в государственно-политическом развитии Европы определены Люблинской как довольно скудный итог.<sup>29</sup> Сама исследовательница отмечает только одну «сторону политической жизни в эпоху Ренессанса, в которой воздействие новой культуры в области идеологии, быта, роскоши, моды и вкусов проявилось очень ярко. Это — двор государя той поры».<sup>30</sup>

Мне кажется, что определение западноевропейского Ренессанса в политических категориях требует иного подхода и иных характеристик уже хотя бы потому, что традиционные способы его истолкования не принесли сколько-нибудь значимых историко-теоретических результатов. Следует обратить внимание прежде всего вот на какой вопрос, который можно счесть исходным: почему в Западной Европе и в особенности в Италии культурное движение, ориентированное на смену традиционных ценностей, до определенного момента вообще не получило эффективного отпора и более того получило широкое распространение в разных странах и пережило несколько стадий расцвета. Может быть, уже в самом понятии «западноевропейский Ренессанс» заключена возможность ответа на поставленный вопрос. Следует учесть, что такая постановка проблемы исходит из достаточно общепринятой мысли о западноевропейском Ренессансе как едином явлении и движении, в котором национальные возрождения предстают не отдельными четко отграниченными явлениями, а местными вариантами единого процесса и типа культуры, хотя и неравноценными по значимости и типологической выразительности.

Здесь могут помочь межрегиональные сопоставления европейского Возрождения с культурно-политическими реалиями так называемого восточного Ренессанса. Ведь само понятие европейский Ренессанс уже включает в себе понятие о Европе (я имею в виду

Западную Европу — ядро региона) как об определенном политико-культурном единстве высокого уровня, в котором государственные и этнические границы никогда не мешали общим культурным процессам. Под этим углом зрения понятие «восточный Ренессанс» лишено какого-либо смысла, даже если бы отдельные локальные ренессансы действительно были бы на Востоке. Такого интегрирующего смысла как европейский Ренессанс понятие «восточный Ренессанс» лишено начисто именно по причине иной, гораздо более дробной этнополитической, географической и государственно-региональной структуры понятия «Восток». «На Востоке крупные страны и народы, имевшие государственность, обычно либо далеко отстояли друг от друга, либо были разделены мощными естественными барьерами... не имели сплошной культурной территории, поскольку в ареале их размещения очаги высокой цивилизации чередовались с обширными районами, где доминировали доклассовые отношения — от дикости до варварства. (. . .) В силу этого интегрирующая работа истории вообще и феодальной формации в частности зашла в Азии и в Северной Африке к XV в. не так далеко, как в Европе. Это не может быть объяснено случайными обстоятельствами или чисто духовными феноменами».<sup>31</sup>

Но поэтому же такая принципиальная типологическая черта Возрождения, как его единый, интернациональный, международный, сверхгосударственный характер, возможна только в Европе, обладающей совершенно непохожей на другие регионы свособразной структурной связью единства и национально-государственного многоцентрия. Даже если бы Ренессанс и был на Востоке, это была бы мозаика разрозненных и никак не связанных между собой культурных явлений, а не единое движение, проявляющее себя в разных, но взаимосвязанных частях целого, как в Европе.

Поэтому (и по сравнению с Европой) понятие «восточный Ренессанс» являет собой регионально-культурно-политический парадокс, если не очевидный нонсенс. Действительно, что общего между китайским, индийским, азербайджанским ренессансами, настолько различающимися по политическим и духовным характеристикам. Каждый из них можно рассматривать только в отдельности от других ренессансов.

Здесь мы подходим к важнейшей черте европейского региона, которая со времени развитого феодализма отличала его от Востока: это высокая степень духовной и межэтнической интегрированности<sup>32</sup> при очевидном разнообразии и самостоятельном лице политически-государственных и культурных элементов, ее составляющих. Интересно в связи с этим отметить, что там, где наряду с соответствующими категориями, такими как «европейский феодализм» или «европейское средневековье» в принципе возможны (хотя и до сих пор дискуссионны) их восточные аналоги, там понятие «восточный Ренессанс» лишается смысла именно по причинам отсутствия определенного уровня политической схожести и взаимосвязи этносов, государств и сообществ как предполагаемых носителей этих столь разных ренессансов.

Неповторимо европейское лицо Ренессанса именно в сравнении с восточными возможностями начинает обретать специфическую политическую проблематику.

Таков, если можно так выразиться, геополитический аспект проблемы. Это не случайно, так как с позиций межрегиональной сравнительной проблематики в Ренессансе начинают отчетливей проступать базовые качества, присущие типу цивилизации, его породившей, что создает некоторые новые возможности для его истолкования. Прежде всего даже по определению, а тем более по геополитическим реалиям западноевропейский Ренессанс — общее достояние европейских народов и, следовательно, понятие межгосударственное, точнее, внегосударственное. Он безразличен к типу правления и даже к уровню самостоятельности той политической общности, которая его культивирует. Об этом наиболее ярко свидетельствует история Италии, ренессансная культура которой конституирована типологически необыкновенно разнообразным комплексом пульсирующих автономных и полузависимых, больших и малых, коммунальных и авторитарных государственных образований. Это и есть итальянский полицентризм, но ведь и Западная Европа полицентрична и подобно Италии — правда, на своем уровне — образует несомненное, хотя и специфическое культурно-политическое единство.<sup>33</sup> Главное не тот или иной характер политического строя, а множество центров власти. Это определяет и отсутствие тотального доминирования любого традиционного политического принципа, и разнообразие условий, столь плодотворное для любой духовной деятельности, возможность выбора и смены культурно-политической среды для представителей интеллектуального авангарда, носителей Ренессанса. Отсутствие политико-государственной специфики, неадекватность ни одному из типов общественных структур, будь-то сословия, классы, социально-экономически конституированные группы, неукорененность ни в одном мировоззренческом принципе — характерные свойства ренессансной культуры. Сознание духовной общности носителей Ренессанса обходилось без четко очерченных организационных рамок, формализованных связей, политических институтов, сколь-либо выраженной иерархии и тем более авторитарного лидерства. Многообразие и неальтернативность внешних экономических, социально-политических и мировоззренческих координат, в которых жило и развивалось ренессансное движение, соответствуют и коррелируются с внесистемным строением самой ренессансной культуры, отсутствием четких политико-общественных параметров в ее внутренней структуре.

Мы, например, знаем, что так называемые китайские гуманисты были чиновниками, представителями правящей элиты, социального слоя совершенно четко юридически, организационно, культурно отграниченного от остальных свободных сословий, но мы не можем обнаружить социальных или политических инвариантов европейского гуманизма.

Настоящее Возрождение как целостный феномен неуловимо в привычных ориентирах общественного измерения культуры —

только в отдельных проявлениях можно рассчитывать на какой-то уровень определенности. Но обобщенные оценки этих взятых в отдельности проявлений до сих пор не могут составить даже относительно непротиворечивой картины.

Остается предположить, что только такое политически неструктурированное, организационно-аморфное, идеологически антидоктринальное, социально разнородное, но целостное по своей духовной ориентации и сильное по уровню интеллектуальной рефлексии движение смогло успешно подготовить смену традиционной парадигмы европейской культуры, создав уже вначале этого многовекового процесса типологически выразительный и необыкновенно культурно значимый вариант переосмысления непосредственно наследуемых традиций. Отсутствие политических детерминант у возрожденческой культуры не случайно. Есть у этого свойства еще одна сторона, непосредственно связанная со спецификой западноевропейского региона в сравнении с восточными цивилизациями. В Европе Ренессанс оказался политически возможен по причине отчетливой разделенности, бинарности светского и церковного авторитетов. Политическая самостоятельность религиозных институтов Европы превращала церковь, имевшую в отличие от Востока четко организованную иерархическую структуру, в соперника светской власти. Борьба за инвеституру между папами и императорами, откровенные территориальные притязания Патримония св. Петра в Италии, стремление дотридентского католицизма непосредственно претворить духовное влияние и церковную дисциплину в политическое действие отчетливо характеризуют некоторые линии противостояния двух основных источников власти в средневековой Европе. Такая богатая возможностями политическая среда, во-первых, явилась непосредственной причиной, породившей высокий уровень городской автономии в Италии, а во-вторых, само наличие не одного, а двух могущественных «аппаратно» организованных сил позволяло балансировать, выбирать между ними и часто свободно сталкивать разнообразные способы взаимосотнесения сакрального и мирского. Существование мощной церковной иерархии поставило предел авторитаризму правителей и тоталитарным тенденциям бюрократического аппарата, а сильное развитие светских и государственных начал определяло границы церковного идеологического диктата. Отсюда возможности гуманистов не только выбирать между двумя ориентациями, но и возможность гуманистической культуры противопоставить традиционной религиозной ортодоксии светские предпосылки жизни и культуры, а тирании правителей или безнравственному прагматизму коммунальных магистратов религиозные доводы и опору на церковные институты. Вся эта в принципе четкая разделенность сфер вплоть до действия двух правовых кодексов (что чрезвычайно специфично для Европы) создавала зазор, культурно-политическое пространство и среду для появления и развития других сил (университетов, городов, интеллектуальных групп с нетрадиционной ориентацией, но признаваемых власть придержащими), что и сформировало в конечном счете культуру Возрождения.

Но ведь отчетливое противостояние, разделенность в средневековый период религиозного и светского авторитета как раз и отличало католическую Европу от других регионов. Борьба церкви и светской власти была многопланова и часто носила в средние века подполитический характер, потому что религиозные институты Европы обладали достаточной политической самостоятельностью, единым центром и соответственно мощными не только мировоззренческими, но и политическими возможностями. Если применительно к средневековой Европе обычно говорят о засилье и резком доминировании церковной догмы и религиозной идеологии, то в межрегиональном масштабе важнее отметить высокий уровень разделенности светской и церковной власти без подавляющего преобладания одной над другой. Здесь идеологически господствующая церковная организация не была растворена в государственном аппарате, как конфуцианство в Китае. Поэтому речь должна идти об иных принципах организации религий, а еще точнее, об отсутствии организованной церкви в государственно доминирующих религиях Востока.

Ренессанс — культура, меняющая многие жизненные стереотипы. Это предполагает определенный диапазон свободы, или санкционируемый политическими институтами, или имеющий возможность обойтись без соответствующих санкций. Там, где носители сакрального авторитета одновременно являются государственной служащей элитой, там, где духовенство, обладая идеологической монополией, имеет непосредственную судебную и контролирующую власть в мирских интеллектуальных или жизненно бытовых сферах, там может быть все — и расцвет культуры, и подъем городов, и веротерпимость к чужим конфессиям, и образованная элита, но там не может быть Ренессанса. Ни одна элита, монополизировавшая хранение и истолкование духовной традиции, дающей ей обоснование политического господства и социальных привилегий, не допустит (и обладает такой возможностью), чтобы сообщество интеллектуалов, не представляющих собой какой-либо реальной политической силы, не имеющих единой организации и единой программы, сумело реформировать традиционный тип культуры, даже если для этого есть все другие культурные предпосылки. В Китае конфуцианцы успешно справились со всеми попытками буддийской сангхи занять доминирующие позиции при императорском дворе. В результате создалась система религиозного синкретизма, отчего традиционный тип культуры только укрепился. В мире ислама мусульманское духовенство к XVI в. сломало традицию свободного философствования и исследования. Магометанская ортодоксия никогда не санкционировала фальсаф, базировавшийся на эллинском наследии, как вполне легитимную интеллектуальную традицию. Носители этой традиции, разрозненные и не скрепленные определенными организационными принципами или самостоятельной идеологической программой, когда-то придавшие блеск расцвету мусульманской культуры конца I—начала II тысячелетия н. э., были рассеяны, не оставив преемников. Ужесточенный догматизм купил свое торжество дорогой ценой, отстоял свое

политическое могущество, лишив культуру зоны своего доминирования творческих стимулов к развитию, импульсов к самоизменению.

Там же, где движения, несущие комплекс новых культурных норм, побеждают политически, мы имеем дело с реформационными движениями (или социальными революциями), имеющими массовую основу и стремящимися создать или создавшими идеологическую доктрину и организацию. Так, реформации в XVI в. в Европе подорвали духовную монополию католицизма, продвинули и усилили начавшиеся до них процессы, создали свои субкультуры, но не новый тип культуры «как историческую целостность».<sup>34</sup> Напротив, состоявшийся Ренессанс — это чисто духовная и интеллектуальная победа, достигаемая только средствами культуры.

Слишком много условий должно совпадать, чтобы необходимость в возрождении соединилась с его возможностью, и все это вместе — со свободой интеллектуального выбора. Но условия для ренессансного культурного плюрализма могут, с одной стороны, быть созданы плюрализмом центров власти, а с другой — альтернативностью и взаимоопозиционностью основных источников политической силы.

Западноевропейский Ренессанс может быть также рассмотрен и как закономерное проявление регионального политико-культурного динамизма, как его производное и одновременно составляющий его фактор, убыстряющий развитие.

Для своего времени Ренессанс явился культурным выражением того этапа европейской истории, в котором политические структуры самого разного масштаба пребывали в состоянии становления или разложения, легко подвергались изменению, были неустойчивыми и динамичными. Менялось политическое лицо Европы. И Ренессанс, более чем какое-либо другое культурное движение того времени, передал и духовно выразил все это в законченных и совершенных творениях, в самом своем раскованном культурном стиле. Это было свободное, неравномерное, богатое возможностями переходное состояние многообразного процесса местной, региональной динамики: от конгломератных феодальных политических структур к национальным, лучше очерченным государственным объединениям; от универсальной «высокой» культуры Средневековья к резко возрастающей самостоятельности ее государственных, национальных вариантов и автономии разделяющихся культурных сфер; от религиозной общности к конфессиональной раздробленности (в том числе и по государственному признаку); от интегрированной абсолютной мировоззренческой картины мира к нескольким разным философско-научным системам, к противостоянию религии и науки; и, наконец, от медленного типа изменений к радикальному типу социально-экономической, политической и культурной динамики.

Неустоявшиеся, изменчивые и неустойчивые формы политического бытия были истинной стихией Ренессанса. Настоящее историко-культурное пространство его действия пролегало там, где заканчивалась власть религиозных критериев и еще не начиналось устойчивое политическое доминирование определенного светского или приоритетного государственного принципа. Признавая обе силы, Ренессанс

ставил пределы абсолютизму любой из них, а сам в это время создавал предпосылки для развития общественного мнения и автономного личностного самосознания, которым суждено будет стать мощными факторами европейской политической и культурной жизни.

Именно в соотношении западноевропейского Ренессанса с политической проблематикой, например, китайского Возрождения обозначается принципиальное несоответствие этих двух культурных комплексов, которые столь неправомерно сближаются через посредство уже упоминавшихся, но нераскрываемых в своем реальном содержании тривиально-формульных категорий.

Прежде всего это несопоставимость доминант историко-государственного развития. Л. С. Васильев пишет о том, что уже к IV в. до н. э. древнекитайское государство «сумело в конечном счете выработать такую формулу власти, которая без существенных изменений, несмотря на спорадические социальные и политические катаклизмы, потрясавшие страну до основания... просуществовала вплоть до XX в.»<sup>35</sup> Аналогичен и уровень континуитета во многих других сферах: правовой, лингвистический и т. п. Династийный циклизм только акцентирует способность и настроенность политических структур традиционного Китая на регенерацию и самовоспроизводство. Стоит ли еще раз подчеркивать особенно рельефный в этом сопоставлении революционный динамизм Европы, для которой Ренессанс явился хоть и специфическим, но закономерным и очередным радикальным изменением ориентиров и формулы развития.

Если в Китае император — высшая сакральная фигура, венчающая многоступенчатую пирамиду конфуцианских чиновников, так же, как и он, на своем уровне совмещающих функции политического управления и ритуально-магические сакральные функции,<sup>36</sup> то в Западной Европе не может быть и речи о подобном слиянии светского и религиозного авторитетов.

Если в Китае один центр власти сфокусировал в себе и распоряжение социальным престижем, и исключительное господство над любыми политическими структурами и социальными слоями, монополизировал сохранение и истолкование основных текстов культуры, то в полицентричной Европе — множество меняющихся центров власти, города с правами, вольностями и часто высокой степенью автономии, аристократия с наследственным и гарантированным политическим статусом, церковь, управляемая из собственного центра и регулируемая собственным каноническим правом, неизмеримо более широкий доступ к кодифицированной традиции и возможности ее комментировать.

В Китае и Европе совершенно разные по культурным и этическим ориентациям интеллектуальные элиты. Корпоративная, ритуализованная и прежде всего элитарная бюрократов-конфуцианцев с ее функционально-ролевой доминантой противостоит общественно или индивидуалистически ориентированной этике гуманистов, реализующейся в рамках персоналистской христианской доктрины и основывающейся на метафизическом пафосе истины о мире и человеке. Для конфуцианцев же с их управленческим, указующим подходом

к гуманитарным проблемам, вопрос «что есть человек?» не существует, а центральным является: «что он значит для государства?». <sup>37</sup>

Итак, существенные отличия западноевропейского Ренессанса от китайского Возрождения в сфере фундаментальных политических и социологических характеристик многочисленны и очевидны. В связи с этим актуальным представляется высказывание одного из авторов: «Известная дискуссия о Ренессансе и ренессансах представляет собой по существу спор о типе культуры, о том, какие культурно-исторические реалии можно к этому типу отнести. Выделение такого множества сопряжено с естественными трудностями, поскольку приходится группировать культурные индивидуальности, которые обладают необходимыми признаками в разном наборе, в стертом виде, т. е. с неполными, усеченными, неразвитыми или неравномерно развитыми формами. Однако добавочные — так сказать, искусственные — трудности связаны с отсутствием общей типологической модели, системно сформулированной базовой структуры и (или) определенных эталонных образцов, а также с неоднозначной интерпретацией одних и тех же признаков. В некоторых случаях модель не эксплицирована (хотя имплицитно содержится в тексте), часто она редуцируется до одного признака, к тому же неспецифического, и тогда за Ренессанс возможно выдать любую вспышку культурной деятельности на фоне канонической рутины, „гуманизм“ или неопределенно-аксиологическое „все хорошее“. В других случаях выделяются признаки настолько разные, что они не могут служить основой для сравнения, равно как и основой для дискуссии. (. . .) Очевидно, установление типологического множества ренессансов возможно при наличии общей типологической модели — пока такой модели не существует, невозможно обсуждать, имеет ли место Ренессанс в сунском Китае. Спор о ренессансах в этом случае должен предшествовать — если не хронологически, то логически — спор о модели, от которого не спасут никакие ссылки на историческое своеобразие; если мы хотим охватить ряд явлений типологическим понятием, то это понятие как минимум надо иметь. Таково элементарное условие». <sup>38</sup> К сему следует заметить, что это «элементарное условие», необходимое для решения научного диспута, будь оно сформулировано с подобающей ясностью, позволило бы отбросить многие накопившиеся недоразумения. Однако уже и сейчас понятно, что единственной твердой почвой для формирования определенного понятия о ренессансном типе культуры остается только историческая почва западноевропейского Возрождения. Модели, выстроенные на более широкой основе, ничего существенного для решения проблемы Возрождения не дадут, что я и хотел показать. Пришла пора от спора о восточных ренессансах перейти к дискуссии о модели Ренессанса. Но без политологического и историко-социологического подхода, без сравнительно-типологического исследования Возрождения в самых широких и разнообразных контекстах мы не сумеем раскрыть понятие «Ренессанс» во всей полноте и теоретической многомерности его исторических смыслов.

<sup>1</sup> В статье рассматривается материал, связанный с отечественной историографией, так как именно в нашей науке «всемирное Возрождение» получило самое устойчивое и последовательное истолкование.

<sup>2</sup> Рутенбург В. И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии : Флорентийские кампании XVI в. М.; Л., 1951.

<sup>3</sup> Кеменов В. С. Художественное наследие Леонардо да Винчи // Вопр. философии. 1952. № 3; Лазарев В. Н. Происхождение итальянского Возрождения. М., 1956. Т. 1; М., 1959. Т. 2; Знамеровская Т. П. О роли народных масс в создании западноевропейского искусства эпохи феодализма и первых буржуазно-демократических революций // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1955. № 193.

<sup>4</sup> Абрамсон М. Л. Обсуждение проблем истории Возрождения и гуманизма // Вопр. истории. 1955. № 2.

<sup>5</sup> См., например: Рутенбург В. И. Об истоках Возрождения в связи с творчеством Леонардо да Винчи // Из истории древнего мира и средних веков. Л., 1956; Сказкин С. Д. К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма // Средние века. 1958. Вып. 11.

<sup>6</sup> Баткин Л. М. Данте и его время : Поэт и политика. М., 1965.

<sup>7</sup> Коробков Л. Д. Размышления над книгой о Данте // Средние века. 1971. Вып. 33.

<sup>8</sup> Горфункель А. Х. Данте и полопанская коммуна // Средние века. 1971. Вып. 33;

Баткин Л. М. Спор о Данте и социология культуры // Средние века. 1971. Вып. 34.

<sup>9</sup> Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне Нового времени. Л., 1974.

<sup>10</sup> Брагина Л. М. Гуманизм // История Италии. М., 1970. Т. 1.

<sup>11</sup> Баткин Л. М. О социальных предпосылках итальянского Возрождения // Проблемы итальянской истории. М., 1975.

<sup>12</sup> Брагина Л. М. 1) Итальянский гуманизм : Этические учения XIV—XV вв. М., 1977; 2) Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983.

<sup>13</sup> Знамеровская Т. П. Проблемы кватроченто и творчество Мазаччо. Л., 1975.

<sup>14</sup> Петров М. Т. Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса. Л., 1982.

<sup>15</sup> Критику этой концепции см.: Петров М. Т. Проблема Возрождения в советской науке : Спорные вопросы региональных ренессансов. Л., 1989. (Здесь же соответствующая литература по теме).

<sup>16</sup> Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972. С. 137, 197—198, 222, 255.

<sup>17</sup> Там же. С. 255.

<sup>18</sup> Там же. С. 115.

<sup>19</sup> Там же. С. 221.

<sup>20</sup> Об этом см.: Петров М. Т. Проблема Возрождения. . . С. 85—105.

<sup>21</sup> Семанов В. И. Было ли Возрождение в Китае? // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967. С. 473; Гаджиев А. А. Ренессанс и поэзия Низами Гянджеви. Баку, 1980. С. 46—49.

<sup>22</sup> Более подробный разбор этого вопроса см.: Петров М. Т. Проблема Возрождения. . . С. 130—139.

<sup>23</sup> Конрад Н. И. Запад и Восток. С. 427.

<sup>24</sup> Карпушин В. А. Абу Али Ибн Сина и восточный Ренессанс // Философия и история культуры. М., 1985. С. 73.

<sup>25</sup> Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1977. С. 51.

<sup>26</sup> Там же. С. 19.

<sup>27</sup> Люблинская А. Д. Государство эпохи Возрождения в Западной Европе // Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978. С. 11.

<sup>28</sup> Там же. С. 10.

<sup>29</sup> Там же.

<sup>30</sup> Там же. С. 14.

<sup>31</sup> Рейснер Л. И. Восточное средневековое общество в канун колониальной экспансии европейских стран : Сравнительно-типологические наблюдения // Эволюция восточных обществ : Синтез традиционного и современного. М., 1984. С. 36.

<sup>32</sup> Об этой проблеме в связи с критикой идеи Н. И. Конрада о ренессансах «автохтонных» и «отраженных» см.: Петров М. Т. Проблема Возрождения. . . С. 172—176.

<sup>33</sup> Применительно к Италии разработку понятия «полицентризм» см.: Петров М. Т. Итальянский полицентризм и культура XIII—XVI вв. // Городская культура : Средневековые и начало Нового времени. Л., 1986.

<sup>34</sup> О разработке этого понятия применительно к Ренессансу см.: *Баткин Л. М.* Тип культуры как историческая целостность : Методологические заметки в связи с итальянским Возрождением // *Вопр. философии.* 1969. № 9.

<sup>35</sup> *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 284—285.

<sup>36</sup> *Мартынов А. С.* К проблеме сосуществования официальной идеологии Средней империи и буддизма в эпоху Тан // 11-я науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1980. Ч. 1. С. 124.

<sup>37</sup> *Малявин В. В.* Гибель древней империи. М., 1983. С. 19.

<sup>38</sup> *Бернштейн Б. М.* Искусствознание и типология // *Сов. искусствознание.* 1987. № 21. С. 318—319.

---

---

Б. С. КАГАНОВИЧ

ВОКРУГ  
«ОЧЕРКОВ ИЗ ИСТОРИИ РИМСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ»  
И. М. ГРЕВСА

В центре научных занятий Ивана Михайловича Гревса многие годы стояли темы социально-политического строя Римской империи и генезиса социальных структур и государственных форм западноевропейского феодализма. Для того чтобы понять, как и почему это произошло и каково было значение этих его исследований для русской науки, необходимо изучить некоторые аспекты научной биографии создателя петербургской школы медиевистики в контексте идейных и научных исканий его времени.

И. М. Гревс родился 4 (16) мая 1860 г. в селе Лутовиново Воронежской губернии в культурной дворянской семье, считавшей своим предком шотландца, поступившего на русскую службу при Петре I. В 1879 г. И. М. Гревс блестяще окончил гимназию<sup>1</sup> и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. «Шел я в университет с решением стать историком, но меня влекла в юности новая история, больше всего вопросы, связанные с Французской революцией», — вспоминал впоследствии И. М. Гревс.<sup>2</sup> На первых курсах он слушал русскую историю у К. Н. Бестужева-Рюмина, всеобщую — у Ф. Ф. Соколова, В. Г. Васильевского и В. В. Бауера, филологические дисциплины — у И. И. Срезневского, О. Ф. Миллера и А. Н. Веселовского. По совету В. И. Семевского своим руководителем Гревс выбрал В. Г. Васильевского. «Когда я пригляделся, — писал он спустя много лет, — я скоро оказался притянутым Средневековьем, стал учеником Васильевского (может быть, не из самых худших) и выработался в медиевиста». «Все, что есть у меня положительного как научного историка, всем обязан ему».<sup>3</sup> В эти же годы И. М. Гревс очень основательно ознакомился с произведениями классиков европейской историографии XIX в., что во многом определило его исторический кругозор. «Всего более меня интересовали французские историки, — вспоминал он. — Я тогда же основательно изучил Гизо и Тьерри, также Мишле, тогда же я увлекся Ренаном... Больше же всего покорила меня Фюстель де Куланж».<sup>4</sup> Он также штудировал немецких медиевистов Гизебрехта, Зибеля, Вайца, увлекался сочинениями Моммзена и Гиббона.

В течение двух лет Гревс работал над сочинением на предложенную Васильевским тему «Римско-византийское государство в VI в. по новеллам Юстиниана и другим законодательным сборникам христианских императоров». При этом больше, чем политические учреждения и правовые формы, его интересовали проблемы социальной истории. «Нужно сказать, — пояснял впоследствии И. М. Гревс, — что я находился тогда под известным влиянием идей Маркса; особенно важным объектом изучения казался мне „класс“, внимание привлекалось и к „экономической базе“. „Историческим материалистом“ я не сделался, но обращение научного внимания к вопросам хозяйственного прошлого принесло мне как историкую существенную пользу».<sup>5</sup> Объемистое сочинение Гревса,<sup>6</sup> трактовавшее эволюцию императорской власти в Риме и историю муниципального управления в империи и в этой связи судьбы сословия куриалов, получило сочувственный отзыв Васильевского<sup>7</sup> и было удостоено золотой медали. В 1884 г. Гревс окончил университет и по представлению Васильевского был оставлен для подготовки к профессорскому званию.

Следует сказать и о другой стороне его жизни в эти годы, без знания которой не вполне понятным будет становление Гревса как историка. В первые годы студенчества он был членом подпольных народовольческих кружков, привлекался к дознанию и находился под особым надзором полиции.<sup>8</sup> Гревс был хорошо знаком с А. Ульяновым и русскими участницами Парижской коммуны Е. Г. Бартеновой и А. В. Корвин-Круковской. На последних курсах университета он сблизился с либеральным студенческим кружком, в который входили братья Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурги, В. И. Вернадский, Д. И. Шаховской, А. А. Корнилов и некоторые другие. К концу 80-х гг. кружок этот превратился в «братство», члены которого поддерживали друг друга в жизни и занимались просветительской работой среди народа.<sup>9</sup> Здесь не место подробно характеризовать идеологию и деятельность ольденбургского кружка и «братства», связавшего на всю жизнь крупных деятелей русской культуры и оказавшегося одним из центров формирования идейных основ русского левого либерализма конца XIX—начала XX в.<sup>10</sup> В виде общей формулы не будет, как кажется, ошибкой сказать, что некоторые народнические элементы сочетались здесь с либерально-конституционалистскими и буржуазно-демократическими. «Как общественный деятель, — писала впоследствии О. А. Добиаш-Рождественская, — Гревс примыкал к кругам, из которых вышло движение „Союза Освобождения“ и сложилась конституционно-демократическая партия».<sup>11</sup>

Эта общественная активность отвлекала, однако, от написания диссертации и единственной печатной работой Гревса за 1880-е гг. оказалась большая статья по поводу исследования Фюстель де Куланжа о римском колонате.<sup>12</sup> Гревс считал Фюстель де Куланжа замечательным историком, но критиковал у него «аполонию всего, связанного с традициями Римской империи»,<sup>13</sup> в частности, ее финансовой и социальной политики. Положение трудящихся

масс было «в высшей степени неблагоприятным», и нет никаких оснований идеализировать «деспотическую централизованную монархию, созданную реформами Диоклетиана и Константина».<sup>14</sup> Статья дала основания известному историку античности А. Момильяно считать Гревса «основоположником изучения римского колоната в России».<sup>15</sup>

В. Г. Васильевский, наметивший Гревса своим преемником по кафедре, торопил его со сдачей магистерских экзаменов и защитой диссертации. Выходец из захолустного провинциального духовенства, прошедший старозаветную бурсу и всем обязанный самому себе, в зрелые годы очень осторожный и довольно консервативный человек, Васильевский с нежностью относился к Гревсу с его усадебным воспитанием, уходом то в революцию, то в либеральную «общественную инициативу», гуманистической патетикой, мягкостью и нерешительностью. Экзамены были сданы в 1888—1889 гг., и в ноябре 1889 г. Гревс был утвержден приват-доцентом Петербургского университета по кафедре всеобщей истории. Он начал чтение курса «Введение в историю государства и общества в период падения Римской империи». На первой же лекции Гревс, по его словам, «особенно заметил живые глаза внимательно и с участием слушавшего юноши, который потом оказался А. Е. Пресняковым (я его потом называл своим первым слушателем)».<sup>16</sup>

В мае 1890 г. Гревс на два года был командирован университетом в Париж и Италию. В Париже он слушал курсы и занимался в семинарах таких профессоров, как медиевисты Г. Моно, А. Люшер, Ш. В. Ланглау, Ш. Бемон, П. Виолле, античники Г. Буассье, К. Жюллиан, Р. Канья, П. Гиро, искусствовед и археолог С. Рейнак. Фюстель де Куланжа Гревс уже не застал (умер в 1889 г.), но все в Сорбонне дышало памятью о нем. Сильнейшее впечатление произвела на Гревса Италия.<sup>17</sup> «Двухгодичная командировка (1890—1892), — писал И. М. Гревс в конце жизни, — с присоединением еще годичной (1894—1895) определила (именно так) окраску и направление моей научной жизни».<sup>18</sup> Но не были забыты и русские общественные дела. В Париже Гревс познакомился с русскими эмигрантами супругами А. В. Гольштейн-Баулер и В. А. Гольштейном (в прошлом сотрудниками М. А. Бакунина в Италии) и через них с М. П. Драгомановым, который был интересен для него и как автор книги «Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит» (Киев, 1896), но прежде всего как политический мыслитель.<sup>19</sup> Во время голода в России 1891—1892 гг. Гревс и Гольштейны организовали в Париже сбор средств в пользу голодающих крестьян.<sup>20</sup>

В такой атмосфере писалась диссертация И. М. Гревса по истории римского землевладения. К изучению Рима Гревс пришел в надежде понять генезис феодализма, Римская империя интересовала его как почва, на которой вырос средневековый строй. «Построение, таким образом, ориентируется на будущее (к Средневековью), а не на прошлое (к античности)», — пояснял он.<sup>21</sup> Первоначально он намеревался исследовать историю аристократических классов в Римской империи, но убедившись в том, что экономической базой

аристократии была земельная собственность, перешел к изучению аграрных отношений. Можно думать, что известную роль в выборе темы сыграли и впечатления современности. Справедливо указывалось, что повышенный интерес русских медиевистов к западноевропейской аграрной истории объяснялся, помимо всего прочего, местом, которое занимал аграрный вопрос в русской общественно-политической жизни XIX в. Как пишет современный историк: «Это были прогрессивные ученые, работавшие в отсталой крестьянской стране. Прогрессивные убеждения сделали их чуткими к социальной проблематике. Окружающая отсталость сделала для них близкой и понятной социально-экономическую проблематику докапиталистического Запада»,<sup>22</sup> в данном случае и социально-политическую. Говоря впоследствии о «римской императорской власти с ее тяжелой порабощительской политикой», Гревс добавлял: «Последнее заинтересовывало и как аналогия с тем, что происходило кругом, в абсолютной монархии, подданным которой являлся я сам».<sup>23</sup> При этом исследования свои Гревс намеревался строить в плане «индивидуальных этюдов», «экономических биографий», которые должны были уяснить общие линии экономического и социально-политического развития.

Вышедший в 1899 г. первый том «Очерков из истории римского землевладения»<sup>24</sup> состоял из двух таких индивидуальных этюдов, очень обстоятельного историографического (и отчасти методологического) введения и огромного, почти на 200 страниц, заключения — «Общеисторическое значение крупной земельной собственности в римском мире в связи с основными особенностями экономического строя древности».

Первый этюд «Землевладение во времена Августа по сочинениям Горация» характеризует Горация как помещика на основании его лирических стихотворений. Такой свособразный подход Гревс мотивирует тем, что «Гораций по складу своего таланта не фантаст и не утопист, он жанровый художник».<sup>25</sup> При помощи разного рода интерпретаций текста и аналогий Гревс пытается реконструировать размеры земельной собственности Горация, хозяйственную деятельность и аграрный быт в поместье, подаренном ему Меценатом и рассматриваемом как образец среднего поместья времен Августа. Он делает также заключение о преобладании в Риме к концу республиканского периода латифундиальной собственности за счет мелкого землевладения.

Второй очерк «Тит Помпоний Аттик как представитель особого типа земельных магнатов в переходную эпоху от республики к империи» посвящен истории состояния Аттика, нажитого разными финансовыми операциями и вложенного в землю, способам и методам его хозяйствования, типичным для земельного магната. Аттик трактуется также как социально-психологический тип. Этот «замечательный знаток сердца и ловец душ», а главное, превосходный архитектор собственного благополучия»,<sup>26</sup> умевший равно импонировать Сулле, Цицерону и Августу, являлся, по мнению И. М. Гревса, предшественником будущих магнатов империи, сошедших с арены публич-

ной деятельности, но вышедших невредимыми из гражданских войн и сохранивших свою экономическую мощь.

В заключительной части книги И. М. Гревс пытается выяснить своеобразие античного хозяйственного строя. Он провозглашает здесь необходимость «всемирно-исторической точки зрения» и заявляет себя сторонником «блестящей гипотезы всемирно-исторической схемы экономического развития человечества»<sup>27</sup> Карла Бюхера.<sup>28</sup> Как известно, Бюхер выделял три ступени экономического развития: замкнутое домовое («ойкосное») хозяйство, включавшее всю древнюю историю и средневековую до 1000 г.; городское хозяйство, охватывавшее зрелое и позднее Средневековье; и народное хозяйство, датируемое временем образования крупных национальных государств в Европе в XVI—XVII вв.<sup>29</sup>

Гревс вносит в эту схему многочисленные оговорки и коррективы и по существу дает ей совершенно новую интерпретацию, настаивая, в частности, на «подвижности ойкосной системы». Она безусловно доминировала, по его мнению, до конца II в. до н. э. и в мелком крестьянском хозяйстве, и в магнатских латифундиях, несколько пошатнулась в последний век республики и первые два века империи — в период наибольшего развития товарных отношений. При этом Гревс выражает решительное несогласие с Э. Мейером, относившим к этому времени расцвет римского капитализма. «Империя, — по словам Гревса, — выступила первоначально в качестве защитника тех слоев общества, которые угнетались олигархией республиканских магнатов и покровительницей тех экономических течений, которые подрывали всеильную независимость больших ойкосов»,<sup>30</sup> т. е. крупного магнатского землевладения. Однако кризис империи начиная с III в. привел к «возрождению организмов ойкосного типа, по-настоящему никогда не умиравших».<sup>31</sup> Сама империя организуется как «громадный ойкос», превратившись в деспотическое государство на натурально-хозяйственной основе, в котором единственным сословием, сохранившим и укрепившим свою экономическую мощь в условиях кризиса власти, были магнаты-латифундисты. «Под двойным гнетом общегосударственного ойкоса и местных магнатских центров» гибнут ростки товарно-денежного хозяйства. «Новая Европа получила в наследие от древней империи в качестве вполне живой социальной организации крепко сплоченную и самодовлеющую, замкнуто живущую барскую латифундию».<sup>32</sup> По выражению П. М. Бицилли, «на смену города-государства вырастает новое социальное образование — поместье-государство».<sup>33</sup> Так, по теории Фюстель де Куланжа, в недрах Римской империи зарождаются основы будущих феодальных отношений. Таким образом, И. М. Гревсу, по его мнению, удается спасти основной тезис Бюхера о непрерывном существовании ойкоса и его доминирующей роли на всем протяжении античной истории.

Отметим еще, что во введении к «Очеркам» Гревс выражал свое несогласие с «гипотезой экономического монизма» и солидаризировался в этой связи с «одним из лучших наших знатоков социально-экономической истории П. Н. Милюковым»,<sup>34</sup> который, признавая

огромную важность изучения «материальной стороны исторического процесса», отказываясь, однако, присоединиться к этой гипотезе.<sup>35</sup> Как известно, такая гипотеза являлась вульгарной формой марксизма, от которой сами Маркс и Энгельс решительно отмежевались.<sup>36</sup>

21 мая 1900 г. И. М. Гревс защитил свою книгу в Петербургском университете в качестве магистерской диссертации. Официальными оппонентами были профессора Ф. Ф. Соколов и Ф. Ф. Зелинский. Как вспоминал впоследствии Гревс, эпиграфист Ф. Ф. Соколов «скептически оценил выставленный мною тезис о необходимости исчерпывающего использования поэтического материала для освещения вопросов экономической истории», спрашивая, можно ли, например, строить историю русского крестьянства по данным «Евгения Онегина». Гревс отвечал, что, по его мнению, Пушкин, Тургенев, Салтыков-Щедрин — важные источники для понимания крепостной деревни.<sup>37</sup> Ф. Ф. Зелинский, в целом весьма положительно оценивший работу, удивлялся, как на основании очень немногих данных о земельной собственности Атика можно столько написать, и полагал, что сетования Горация об упадке крестьянского хозяйства следует рассматривать в контексте тогдашней поэтики и идеологической программы Августа.<sup>38</sup>

Книга И. М. Гревса вызвала большой интерес и многочисленные отклики в печати. Н. И. Кареев в большой и содержательной статье<sup>39</sup> отмечал колоссальную ученость автора, но также и то, что анализ и синтез выступают у него раздельно и последний не всегда явным образом базируется на первом. Составление «экономических биографий» он считает интересным и полезным методом, но они должны строиться на надежных источниках, каковых для эпохи, изучаемой Гревсом, почти нет, так что «г. Гревс всегда извлекает из своих текстов гораздо больше, нежели они в себе содержат».<sup>40</sup> Теорию Бюхера Кареев считает несостоятельной; впрочем, он полагает, что Гревс внес в нее столько оговорок, поправок и дополнений, что лучше бы ему было вообще не держаться за нее.

Крупнейший русский специалист по истории Рима М. И. Ростовцев назвал книгу И. М. Гревса «одним из выдающихся произведений нашей исторической литературы», но высказал ее автору ряд очень существенных возражений: «Все, что можно было извлечь из Горация и отчасти из других современных ему поэтов, автор извлек в полной мере и соединил добытый им материал в живую и реальную, несмотря на свою гипотетичность, картину. Если в чем нас автор не убедил, так это в целесообразности своего метода разъяснить вопрос там, где еще чувствуется потребность в систематическом исследовании». Теорию Бюхера Ростовцев, виднейший сторонник концепции античного капитализма, ни в какой форме не принимает.<sup>41</sup>

Очень интересно «индивидуальность» работы И. М. Гревса характеризуется в адресованной широкой публике статье Ф. Ф. Зелинского, сопоставившего ее с одновременно вышедшей диссертацией М. И. Ростовцева «История государственного откупа в Римской империи».<sup>42</sup> «Отношение М. И. Ростовцева к другим ученым чисто деловое, — пишет Ф. Ф. Зелинский. — Один их результат прини-

мается, другой отвергается — сухо, кратко, бесстрастно. Совершенно иное замечаем мы у И. М. Гревса; он видит в своих предшественниках как бы товарищей, его отношение к ним обыкновенно бывает окрашено большей или меньшей долей субъективизма, но субъективизма мягкого, ласкового, участливого». <sup>43</sup> «И. М. Гревс пишет очень обстоятельно, — продолжает Зелинский, — на 600 слишком страниц своего 1-го тома он предложил нам только два из пяти очерков, которые рассчитывает обработать в своем труде, между тем как он легко уместил бы все пять очерков при более сжатой форме изложения (. . .). Зато построение каждого очерка безукоризненно, его стиль легок, плавен и изящен (. . .). У М. И. Ростовцева не то. Он прямо шествует к своей цели (. . .). В композиционном и стилистическом отношении он не столько небрежен, сколько беззаботен (. . .). Он выражается трезво и деловито, пользуясь первыми встречными словами (. . .). В результате вышло, что книга М. И. Ростовцева при 280 страницах объема содержательнее, чем вдвое более объемистая книга И. М. Гревса, но последнюю. . . гораздо легче и скорее можно прочесть, чем первую». <sup>44</sup> «Мы не очень посетуем, — заключает Ф. Ф. Зелинский о Гревсе, — если 1-й том его „Очерков“ останется единственным, но мы просим его сдержать свое слово и дать нам обещанную „историю римского землевладения“». <sup>45</sup>

В. И. Вернадскому, давшему подробный отзыв о книге в письме к Гревсу от 1 июля 1900 г., импонировал его взгляд на историю с «всемирно-исторической» точки зрения. «Благо, если его возможно применить как научный метод», — замечал он. В. И. Вернадский считал также «интересным, но не до конца объясненным» вопрос о возможностях на конкретных примерах составить представление об общих линиях развития до того, как последние изучены систематически. Теория Бюхера Вернадского не убедила, но интерпретация ее Гревсом представлялась ему «прекрасной рабочей гипотезой», «блестящей научной концепцией». <sup>46</sup> Пропагандируемая Гревсом всемирно-историческая точка зрения не без основания критиковалась некоторыми авторами как «остатки гегельянской метафизики», <sup>47</sup> «запоздалые отзвуки старой философии истории». <sup>48</sup>

Представляют также интерес отзывы поэта Вяч. И. Иванова, весьма эрудированного филолога-классика, подружившегося с Гревсом во время заграничной командировки и помогавшего ему в работе над очерками о Горации и Аттике (сохранились его очень детальные замечания по этим главам в письмах к Гревсу). <sup>49</sup> Он ценит в работе Гревса «новизну постановки и связи вопроса, оригинальность „биографического метода“, полноту исследования, наглядность и живость исторического изображения», отмечая, с другой стороны, «склонность к дигрессиям и углубление в ненужные для связи целого подробности», <sup>50</sup> «недостаток критической строгости и даже как бы боязнь углубления в изучаемый предмет». Стиль «Очерков», по его словам, «местами утомляет читателя своим пристрастием к амплификациям, эпитетам и сравнениям». <sup>51</sup>

Позднее И. М. Гревс писал о поддержке его взглядов итальянским историком Дж. Сальвиоли и в известной мере «замечательным

историком, экономистом и социологом» Максом Вебером: «Такое совпадение со мною хотя бы отчасти (как у М. Вебера) для меня субъективно важно и приятно еще потому, что оба автора были знакомы с моими работами и приняли во внимание их результаты: первый из названных ученых напечатал благожелательную рецензию на мой труд (. . .), второму книга моя также была передана через другое лицо».<sup>52</sup>

Дело, однако, в том, что М. Вебер употреблял термин «ойкосное хозяйство» отнюдь не в смысле какой-то «всемирно-исторической стадии», а как «идеально-типическую конструкцию», тождественную понятию натурального (или автаркичного) хозяйства. «Для лежащей в свете истории эллинско-римской древности, — пишет Вебер, — ойкос является продуктом лишь позднейшего развития императорской эпохи и составляет переходную ступень к феодальному хозяйству и феодальному обществу раннего Средневековья».<sup>53</sup> Процесс этот Вебер связывал с превращением Римской империи в бюрократическо-литургическое государство типа традиционных восточных деспотий, в которых место человека определялось исключительно размерами и характером налагаемых на него личных и имущественных повинностей (литургий) и каждое отдельно взятое лицо было навечно прикреплено к месту жительства и функции, которое оно выполняло в социальном организме. Это повлекло за собой закрепощение всех социальных классов и слоев и превращение их в наглухо закрытые наследственные касты, обреченные нести подневольную службу государству. Такая система наряду с произволом бесконтрольной и всемогущей государственной бюрократии привела к параличу товарно-денежного хозяйства, развившегося было на рабовладельческой основе в средиземноморском мире. Единственным социальным классом, устоявшим перед лицом «вносившего всюду смерть и разложение» государственного аппарата и даже укрепившим свою мощь благодаря возложенным на него в фискальных соображениях административным функциям, были земельные магнаты. Империя экономически распадается на ряд крупных магнатских владений.

Концепция эта (связанная с общей веберовской теорией бюрократии<sup>54</sup>) развита Вебером с большим размахом и блеском, и независимо от согласия с ней по существу ясно, что она имеет очень мало общего с метафизической схемой Бюхера, даже в той ее интерпретации, которую дал Гревс, хотя с трактовкой последнего определенные точки соприкосновения имеются.<sup>55</sup>

В течение нескольких лет И. М. Гревс работал над вторым томом «Очерков из истории римского землевладения», который должен был явиться его докторской диссертацией. Закончен и опубликован был только один очерк — «Крупное домовое хозяйство в эпоху наибольшего экономического расцвета римского мира: Данные Петрония по аграрной истории I века империи»,<sup>56</sup> в котором автор пытается интерпретировать в категориях ойкосной теории экономическую деятельность Трималхиона, миллионера-вольноотпущенника в «Сатириконе» Петрония. Работа была доложена 13 октября 1904 г. в Исто-

рическом обществе при Петербургском университете и вызвала оживленную дискуссию. Ф. Ф. Зелинский, М. И. Ростовцев, Н. И. Кареев, Е. В. Тарле и известный статистик А. А. Кауфман сомневались в целесообразности такого рода изучений литературных персонажей и во всяком случае не соглашались с трактовкой хозяйства Тримальхиона как ойкоса.<sup>57</sup> Сомнения эти представляются достаточно обоснованными, особенно если иметь в виду гротескно-пародийный характер романа Петрония.

Основную часть второго тома «Очерков» должно было составить исследование «Императорское землевладение и его социальная роль». Работа, по словам Гревса, продвинулась довольно далеко, когда немецкий историк О. Гиршфельд, работавший совершенно независимо от Гревса, опубликовал аналогичное исследование.<sup>58</sup> Удар был очень силен, и Гревс на много лет оставил работу над «Очерками».<sup>59</sup>

Споры вокруг работ И. М. Гревса в каком-то смысле предварили известную французскую дискуссию 1930-х гг. о методах изучения экономической истории. Э. Лабрусс базировал свою капитальную монографию «Очерк движения цен и доходов во Франции в XVIII в.»<sup>60</sup> на периодических отчетах о состоянии цен, посылавшихся администрацией старого режима в государственный контроль. Известный историк А. Озе усомнился в ценности такого рода источников: не говоря уже о недостоверности официальной статистики (особенно в абсолютистских государствах), средние рыночные цены в оценках интендантов не соответствуют, по его мнению, никакой реальности. «Человек живет не средними величинами и не долговременными колебаниями», и реальное представление о ценах, полагает он, мы получаем из данных о конкретных ценах в конкретных сделках. Поэтому более всего Озе ценит источники частного происхождения, а для воссоздания социальных и культурных контекстов рекомендует литературные источники. Бальзак и Золя, утверждает он, лучше, чем любые подсчеты, покажут реальную покупательную силу и социальную роль денег в эпоху Июльской монархии и Второй империи.<sup>61</sup> Возражавшие Озе М. Блок и Э. Лабрусс указывали, сколь ограничена сфера применения таких источников. «Историческая статистика не больше, чем современная, может претендовать на абсолютную точность, — писал Блок. — Но историческая статистика позволяет нам получить одну действительно важную реальность: шкалу величин и направление изменений».<sup>62</sup> Польский историк В. Кула, очень интересно прокомментировавший эту французскую дискуссию,<sup>63</sup> полагает, что в ходе ее обе стороны высказали важные истины и что отчасти она явилась спором историков социологического типа с традиционными историками, усматривавшими в единичном и неповторимом факте единственный предмет исторического познания. «Действительно ли человек не живет средними величинами и долговременными колебаниями? В известном смысле живет и ими, хотя и не отдает себе в этом отчета», — замечает В. Кула.

Книга И. М. Гревса о римском землевладении была одним из интересных русских исследований конца XIX — начала XX в. по

социально-экономической истории, немаловажным и для уяснения характера позднеримской государственности. В нем поставлены важные вопросы о своеобразии античного хозяйства по сравнению с феодальным и капиталистическим и предложена интересная трактовка социально-политической эволюции Римской империи. Заслугой Гревса была критика популярных в то время модернизаторских построений.<sup>64</sup> Приходится, однако, сказать о том, что бюхеровская схема, насилувавшая живой материал истории, была несостоятельной и попытка И. М. Гревса приблизить ее к исторической действительности путем радикального перетолкования оказалась неудачной. Метод экономических биографий сам по себе может быть очень полезным и продуктивным, и он применяется советскими учеными, но, конечно, биографии эти должны базироваться на надежных источниках, а не на косвенных умозаключениях и аналогиях, и при этом историк должен четко сознавать возможности и границы этого метода. (В данном случае следует, разумеется, иметь в виду общую скудость источников по истории древнего мира). Что касается «всемирно-исторической точки зрения», то, по-видимому, целесообразнее говорить о типологическом и сравнительно-историографическом изучении, поскольку, как справедливо писал Маркс, «всемирная история существовала не всегда. История как всемирная история — результат».<sup>65</sup>

В 1890-е гг. были временем начала блестящей, по общему мнению, преподавательской деятельности И. М. Гревса в Петербургском университете и на Бестужевских курсах. Темы поздней Римской империи и генезиса социальных и политических структур западноевропейского феодализма неизменно занимали важное место в его курсах и семинарах. Лучше всего документированы два лекционных курса И. М. Гревса, сохранившихся в литографированных изданиях. Самый первый его курс<sup>66</sup> очень обстоятельно трактовал эволюцию идей и методов европейской медиевистики и содержал яркие характеристики Гиббона, Нибура, Гизо, Тьерри, Ранке, Моммзена, Фюстель де Куланжа. Отдельная лекция была посвящена Ренану, умершему в том году. Вторая часть курса рассматривала предпосылки и «первоосновы» средневекового строя, каковыми Гревс считал позднюю античность, христианство и германо-кельтский племенной быт. Это был первый подступ Гревса к теме, предшествовавшей «Очеркам из истории римского землевладения» и в каком-то смысле предварявший их концепцию.

Курс 1902/03 г. «История происхождения, развития и разложения феодализма в Западной Европе»<sup>67</sup> фактически доведен только до конца Римской империи и популяризирует с некоторыми модификациями идеи диссертации Гревса. Установление в Риме империи, поражение своекорыстной республиканской олигархии трактуется Гревсом как победа прогрессивного «народнохозяйственного начала» над сепаратистскими, «феодальными» тенденциями магнатов-латифундистов.<sup>68</sup> Ранняя империя (принципат) была, по его мнению, рациональной и необходимой формой организации «римского мира», и ее социальная и экономическая политика (курс на более органич-

ное инкорпорирование провинций, ставка на муниципальное самоуправление, поддержка мелкого землевладения и предпринимательской деятельности и т. д.) в целом положительно оцениваются Гревсом. С течением времени, однако, императорская власть трансформируется в наследственную монархию абсолютистского и даже сакрального толка. Власть Диоклетиана Гревс определяет как «восточное самодержавие». <sup>69</sup> Он дает довольно детальное описание «Диоклетиано-Константиновской монархии» и ее административной системы, особенно подчеркивая «процесс создания новой имперской администрации, из которой вырабатывается впоследствии первый исторический пример бюрократии» <sup>70</sup> (как известно, многие исследователи обнаруживают бюрократические системы уже в Древнем Египте и Китае).

Параллельно, по мнению Гревса, шел процесс аристократизации империи. Он ссылается в этой связи на одного из родоначальников политической социологии Монтескье, утверждавшего, что законная монархия предполагает существование дворянства. «В монархиях, где нет дворянства, монарх становится деспотом... Уничтожьте в монархии прерогативы сенаторов, духовенства, дворянства и городов и вы скоро получите в результате господство либо народное, либо деспотическое», — писал Монтескье. <sup>71</sup> Таким образом, Гревс в отличие от Вебера склонен трактовать позднюю Римскую империю как «нормальную» монархию, а не как деспотию восточного типа. Борясь со старой республиканской аристократией, императоры, по мнению Гревса, отнюдь не стремились уничтожить аристократию как таковую. Напротив, они создавали ее. «Август и его преемники сделали из сенатского класса юридически привилегированное сословие, наследственное сенаторское дворянство, члены которого, пользуясь особым титулом (*clarissimi*), имели исключительное право на высшие должности в государстве». <sup>72</sup> Это было «имперское высшее служилое сословие», экономическая мощь которого базировалась на крупном землевладении. При этом генетически новая аристократия не имела ничего общего со старым республиканским нобилитетом.

Будучи, по убеждению Гревса, в значительной мере продуктом политики императоров, это новое сословие становится независимым от государственной власти. «Правительство, лишившее себя опоры чрезмерным раскрепощением одной социальной группы и чрезмерным истощением остальных, не будет в силах помешать тому, что образующиеся вокруг магнатов общественные тела прорвут оболочку государственности». <sup>73</sup> Это и есть очаги феодализма в недрах империи.

Схема эта представляется довольно уязвимой. Социально-политическая структура позднеримского общества несомненно «стилизованна» здесь под европейскую феодальную монархию. Сам термин «феодализм» Гревс употребляет в очень неопределенном смысле, предлагая видеть его во всех аграрных обществах с преобладанием «домового» (натурального) хозяйства, с патронатными отношениями и тенденциями к «диссоциации, аристократизации и несвободе». <sup>74</sup> Сильны также морально-педагогические акценты: всячески подчер-

кивается близость феодальной организации к «варварству» и ее «несправедливость».<sup>75</sup> Такая трактовка, однако, приводит не к уяснению специфики, а к стиранию различий между разными типами социально-экономического развития и государственности. «Позднеримская общественная система зашла в тупик и переживала глубокий распад. Но крушение античного общества не вело к феодализму — оно было показателем противоречий между реальными социальными группами и грандиозной империей, предъявлявшей к ним непомерные и невыполнимые требования, следствием чего была полная утрата империей всех своих жизненных сил», — пишет современный историк.<sup>76</sup>

Для уяснения взглядов И. М. Гревса небезынтересна также его большая статья «Феодализм»,<sup>77</sup> резюмирующая в общих чертах рассмотренный курс лекций. Здесь дан довольно подробный обзор различных теорий феодализма, созданных к началу XX в., трактуется в «куланжистском» духе генезис феодализма в Западной Европе и содержится описание классического варианта феодализма: социальных и политических институтов французского феодализма XI—XIII вв. на основании главным образом классической (Гизо, Тьерри, Мишле) и новейшей для того времени (Флакк, Люшер, Виолле) французской научной литературы. Несколько заключительных страниц посвящены особенностям феодализма в Италии.

В эти же годы под редакцией И. М. Гревса начал издаваться в русском переводе фундаментальный труд Фюстель де Куланжа «История общественного строя древней Франции».<sup>78</sup> Каждый том снабжен объяснительным предисловием Гревса. В основном он соглашался с концепцией Фюстель де Куланжа, превратившего, по его мнению, «старый романизм из односторонней, узко „расовой“ теории происхождения европейского общественного строя в твердый методический принцип генетического исследования всемирно-исторической эволюции».<sup>79</sup> Тем не менее Гревс был далек от некритического принятия всех деталей его доктрины. Так, он критиковал у Фюстель де Куланжа безусловную апологию Римской империи,<sup>80</sup> недооценку влияния германцев на формирование средневековых институтов,<sup>81</sup> «слишком далеко идущий педантичный формализм» и доктринерство,<sup>82</sup> наконец, отмечал как недостаток, что работа Фюстель де Куланжа «в сущности дела вся статическая, а не динамическая, он рассматривает различные „состояния“ общества, а не следит за процессами их внутреннего развития».<sup>83</sup>

Как известно, современная наука далеко не принимает «изуверского монизма», как выразился по другому поводу в семинаре Гревса Б. А. Романов, Фюстель де Куланжа и разрабатывает сложную типологию генезиса феодализма в Западной Европе, выдвигая при этом проблему романо-германского синтеза.<sup>84</sup> Едва ли, однако, прав М. А. Алпатов, усмотревший в увлечении Гревса теорией Фюстель де Куланжа симптом реакции 1880-х гг. и начинающейся эпохи империализма.<sup>85</sup> Интерес Гревса к работам французского историка носил чисто научный характер. Лучшее всего о его отношении к Фюстель де Куланжу сказал В. И. Рутенбург: «И. М. Гревс был горячим по-

клонником Фюстель де Куланжа и принадлежал к романистической школе. Однако будучи ученым, мыслящим глубоко и самостоятельно, он не был „куланжистом“-схематиком. Живая история была для Гревса сильнее и бюхеровской схемы эволюции хозяйства, элементы которой он использовал как конструктивные материалы для собственных построений, в меньшей степени — по отношению к теории Фюстель де Куланжа. . . Говорить о Гревсе как о последователе Фюстель де Куланжа можно только при условии учета его научной самостоятельности».<sup>86</sup>

Целый ряд курсов и семинаров М. М. Гревса был посвящен духовной культуре конца Римской империи в обоих ее аспектах, позднеантичном и раннехристианском, с опорой главным образом на сочинения Г. Буассье и Ж. Ревилья, отчасти Э. Ренана.<sup>87</sup> Изыскания эти как бы дополняли анализ социально-экономического и социально-политического процесса, осуществленный Гревсом ранее. Особое внимание Гревса привлекали грандиозная фигура Августина, стоящая на рубеже античности и Средневековья, и как социальный и культурный тип римско-галльские литераторы IV—V вв. — Авзоний, Аполлинарий Сидоний и Паулин Ноланский со сложным переплетением в их облике языческих и христианских черт.<sup>88</sup> Августину был посвящен один из наиболее углубленных и специальных семинаров И. М. Гревса, собиравшийся в неизменном составе на протяжении трех лет (1912—1915) и охвативший в конечном счете все периоды деятельности этого мыслителя. В очень ограниченном, конечно, смысле его резюмирует большая статья Гревса «Августин» в «Новом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (1911, т. 1, стб. 127—149), не похожая на обычную словарную справку, с обильными ссылками на литературу и окрашенная своеобразным личным отношением.

Уже после революции, в начале 1920-х гг. И. М. Гревс сделал попытку опубликовать свои курсы, заключив с издательством Брокгауз—Ефрон договор об издании «Очерков развития средневековой культуры» в 3-х томах. Подготовлен был только первый том «Римские основы»,<sup>89</sup> суммировавший в популярной форме идеи диссертации И. М. Гревса относительно социально-экономической и политической эволюции Римской империи, но и он не увидел света.<sup>90</sup> Книгу очень украшают характеристики римских императоров (Адриана, Марка Аврелия, Северов), которые трактуются не только как колоритные личности, но и как символические фигуры на пути трансформации империи. Диоклетиановско-Константиновская монархия IV—V вв. — последний этап этого процесса. Красочный очерк позднеантичной и раннехристианской религиозности и культуры также в какой-то степени резюмировал предшествовавшие изыскания Гревса.

В 1925 г. И. М. Гревс еще раз попытался довести до читающей публики результаты своих исследований. Он предложил московскому издательству «Мир» научно-популярную книгу «Экономическое развитие римского мира» (в параллель только что вышедшей книге И. М. Кулишера «Очерк экономической истории древней Греции»,

1925), намереваясь, очевидно, использовать свои старые «Очерки». <sup>91</sup> Доведена до конца эта работа не была, и издание не осуществилось.

Прошло десять лет, нелегких для исторической науки. В 1936 г. И. М. Гревс получил предложение Института истории АН СССР подготовить новое расширенное и переработанное издание «Очерков истории римского землевладения». Работа над новым вариантом «Очерков» (они составили теперь два тома) продолжалась пять лет и была почти доведена Гревсом до конца. В первый том кроме переработанных и сокращенных очерков о Горации, Аттике и Петронии вошли новые статьи «Марк Порций Катон Старший и начала крупной земельной собственности в римской Италии» и «Сенека Философ и судьба его земельного состояния». Второй том был весь написан заново и включал работы «Плиний Младший как землевладелец и как общественный тип», «Развитие императорского землевладения в римском мире и его социально-политическая роль» и «Римская Галлия в IV и V вв. : (Судьбы аграрного и социального строя на Западе и распадение Римской империи)». <sup>92</sup> Последние два очерка также не отступают от типа «экономических биографий»; первый из них содержит историю состояния Августа и его семьи, <sup>93</sup> второй трактует о галльских магнатах-литераторах Авзонии, Паулине Ноланском и Аполлинарии Сидонии.

Общие установки и подходы И. М. Гревса, изложенные в новом введении, не изменились по сравнению с первым изданием, но акценты расставлены несколько иначе. Схему Бюхера (возможно, под влиянием критических замечаний М. Вебера и Д. М. Петрушевского) Гревс считает теперь «удобным и полезным вспомогательным орудием для познания экономического своеобразия различных эпох», а его стадии трактует как «идеально-типические модели». <sup>94</sup> Более решительно, чем прежде, и в несколько ином контексте Гревс возражает против применения к античности термина «капитализм», замечая при этом: «Я почерпнул для себя опору в авторитетном голосе Карла Маркса. Знаменитый ученый экономист и социолог обладал замечательным историческим чутьем и широкими фактическими сведениями о прошлом человечества (. . .). Суждения Маркса об историческом процессе должны быть предметом серьезного внимания историков, каково бы ни было направление их занятий; они извлекут из них прямые указания на верную дорогу и получают предостережения от ошибок и ложных выводов». <sup>95</sup> Высоко оценивая известную работу М. И. Ростовцева «The social and economic history of the Roman empire» (Oxford, 1926), <sup>96</sup> Гревс не принимал у него трактовки экономического строя Рима в категориях капиталистического хозяйства. «Это труд без сомнения выдающийся», «самое крупное научное предприятие обобщающего характера по данному предмету за много лет», — писал он. Но «общая точка зрения автора заставляет причислить его к школе ученых, которые выдвигают капитализм как главную отличительную черту хозяйства Римской империи, что не может быть признано правильным». Некоторые построения Ростовцева об упадке Римской империи представляются Гревсу «окрашенными пристрастиями, вытекающими из современной политиче-

ской борьбы». «За устранением их, — замечает ученый, — что сделать нетрудно, социальный историк не может обойтись без пользования трудов Ростовцева».<sup>97</sup>

Как кажется, в 30-е гг. Гревс несколько пересмотрел свою оценку ранней Римской империи. «Империя выступила первоначально в качестве защитника тех слоев общества, которые угнетались олигархией республиканских магнатов (. . .) Потому-то ее дело одержало победу и потому-то новая монархия приняла сначала демократический цвет», — читаем в «Очерках» 1899 г.<sup>98</sup> В примыкающей к новому варианту «Очерков» книге «Тацит», написанной в 1937—1938 гг. и опубликованной посмертно уже после войны, Гревс возражал Драгоманову, «увлекшемуся кажущимся демократизмом политики первых императоров».<sup>99</sup> Симпатии его принадлежат Тациту, с огромной силой художественного таланта увековечившему отвратительный террор правителей и совершенную деморализацию общества. Как известно, в XIX в. многие историки склонны были упрекать Тацита в предвзятости: со своей узкой столично-аристократической точки зрения он, по их мнению, не заметил благотельных последствий принципата для экономического и культурного развития римского мира. XX век во многих отношениях реабилитировал Тацита,<sup>100</sup> и в этом смысле Гревс принадлежал XX в.

Над переработкой «Очерков из истории римского землевладения» И. М. Гревс работал до последних дней своей жизни. Через несколько дней после кончины И. М. Гревса (16 мая 1941 г.) его жена Мария Сергеевна писала Д. М. Петрушевскому: «И. М. все последнее время говорил: „Хочу кончить 2-й том, тогда я кое-что сделал и есть смысл в моей жизни“».<sup>101</sup> Однако новый вариант «Очерков» так и не увидел света. Многие представления Гревса коренились в идеях и научных вкусах 1880—1890-х гг., и они даже при некоторой модернизации и учете новейшей литературы легко могли показаться несовременными в 30-е гг. нашего века. Так же и стиль Гревса, несомненно обладавшего своеобразным литературным талантом, отличался известным многословием и старомодностью.<sup>102</sup> Все это помешало тогда увидеть большие достоинства его работы: «Очерки из истории римского землевладения» в их новом варианте представляют значительный интерес как очень яркие, живо и увлекательно написанные историко-бытовые и социально-психологические этюды, приближающиеся в ряде отношений к известным позднейшим работам М. Е. Сергеенко.<sup>103</sup>

«Очерками из истории римского землевладения» И. М. Гревс начал и кончил свою научную деятельность. Заключая статью о них, мы хотели бы сказать, что при всех своих неудачах и недостатках, подлинных и мнимых, Иван Михайлович Гревс был значительной фигурой в истории русской средневековья и выразительным представителем очень благородного культурного типа. Как ученый, профессор-гуманист и прогрессивный общественный деятель в царской России он заслуживает нашего внимания, уважения и памяти.

<sup>1</sup> Детские и школьные годы И. М. Гревса подробно описаны им в воспоминаниях «Пережитое» (Ленингр. отд-ние Архива Академии наук СССР (далее ЛО ААН), ф. 726, оп. 1, д. 15/1, л. 1—181). См. также: *Скржинская Е. Ч.* Иван Михайлович Гревс: (Биографический очерк) // Гревс И. М. Тацит. М.; Л., 1946. С. 223—227.

<sup>2</sup> *Гревс И. М.* В. Г. Васильевский, профессор и академик: Опыт биографии (1838—1899) // ЛО ААН, ф. 726, оп. 1, д. 22<sup>а</sup>, л. 166—167.

<sup>3</sup> Там же, д. 1, л. 35; д. 15/2, л. 17 об.

<sup>4</sup> *Гревс И. М.* Средневековая история в Петербурге в первую четверть XX в. // Там же, д. 193, л. 2 об.

<sup>5</sup> Там же, л. 4. Цит. в ст.: *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Тр. юбилейной науч. сессии Ленингр. гос. ун-та. Секция ист. наук. Л., 1948. С. 33—34.

<sup>6</sup> ЛО ААН, ф. 726, оп. 1, д. 113 (рукопись).

<sup>7</sup> См.: Отчет СПб. университета за 1883 г. СПб., 1884. С. 118—120.

<sup>8</sup> Деятели революционного движения в России. Т. 3: 80-е гг. М., 1935. Вып. 2. Стб. 959—960. Ср.: *Каганович Б. С.* И. М. Гревс — историк средневековой городской культуры // Городская культура: Средневековье и начало Нового времени. Л., 1986. С. 218.

<sup>9</sup> См.: *Гревс И. М.* В годы юности: (За культуру). Очерк 2-й: Из университетских лет // Былое. 1918. № 12. С. 42—88; Отрывок 2-й: После студенчества: Наше братство // Там же. 1921. № 16. С. 137—166. Ср.: *Каганович Б. С.* Воспоминания Н. П. Анциферова об И. М. Гревсе // Памятники культуры: Новые открытия. 1985. М., 1987. С. 65—66.

<sup>10</sup> Ср.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Из архива И. М. Гревса // Общественная мысль в России XIX в. Л., 1986. С. 234—241.

<sup>11</sup> *Добиаиш-Рождественская О.* Гревс И. М. // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1913. Т. 14. Стб. 777.

<sup>12</sup> *Гревс И. М.* Новое исследование о колонате // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1886. № 11. С. 118—165; № 2. С. 307—354.

<sup>13</sup> Там же. № 11. С. 121.

<sup>14</sup> Там же. № 12. С. 347, 339; Ср.: *Валк С. Н.* Историческая наука... С. 34.

<sup>15</sup> *Montigliano A.* Studies in historiography. London, 1966. P. 97.

<sup>16</sup> *Гревс И. М.* Средневековая история в Петербурге... л. 7 об.

<sup>17</sup> *Гревс И. М.* Моя первая встреча с Италией // ЛО ААН, ф. 726, оп. 1, д. 13. Воспоминания подготовлены к печати В. И. Рутенбургом, но еще не опубликованы.

<sup>18</sup> *Гревс И. М.* Как слагалось мое понимание истории человечества: (Автобиографический набросок историка) // ЛО ААН, ф. 726, оп. 1, д. 15/2, л. 18.

<sup>19</sup> См.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Из архива И. М. Гревса.

<sup>20</sup> См. письмо И. М. Гревса к В. И. Вернадскому от 5 (17) II 1892 г. // ААН, ф. 518, оп. 3, д. 458, л. 14—15.

<sup>21</sup> ЛО ААН, ф. 726, оп. 1, д. 92, л. 7.

<sup>22</sup> *Kula W.* Problemy i metody historii gospodarzej. Warszawa, 1963. S. 39.

<sup>23</sup> *Гревс И. М.* Средневековая история в Петербурге... л. 3 об.

<sup>24</sup> *Гревс И. М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). СПб., 1899. Т. 1.

<sup>25</sup> Там же. С. 70.

<sup>26</sup> Там же. С. 409.

<sup>27</sup> Там же. С. 467.

<sup>28</sup> Спусти много лет Гревс следующим образом описывал историю своего знакомства с Бюхером: «На Бюхера я наткнулся совершенно случайно. Книга его («Entstehung der Volkswirtschaft») впервые вышла в 1893 г. Я тогда работал над своей диссертацией, но первые годы книжка эта совершенно ускользнула от моего внимания, я ее совсем не знал. Раз только (должно быть, осенью 1895—1896 г.) в одном из разговоров со мной П. Б. Струве спросил меня: „А как вы относитесь в своей работе к ойкосному хозяйству?“ Увы! Я тогда его еще не знал, и Струве первый указал мне на Бюхера» (ЛО ААН, ф. 726, оп. 1, д. 1, л. 35).

<sup>29</sup> *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. Пг., 1923. С. 51—90.

<sup>30</sup> *Гревс И. М.* Очерки из истории римского землевладения. С. 597.

<sup>31</sup> Там же. С. 541.

<sup>32</sup> Там же. С. 616.

<sup>33</sup> Бицилли П. М. Падение Римской империи. Одесса, 1919. С. 68.

<sup>34</sup> С будущим лидером кадетской партии, в то время только что окончившим университет блестящим молодым историком, учеником В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова, Гревс познакомился в 1883 г. во время своей первой поездки в Москву (Гревс И. М. Средневековая история в Петербурге. . . л. 4). Ничто, однако, не говорит о том, что Гревс принимал трактовку традиционного русского самодержавия как разновидность кабальной восточной деспотии в «Очерках по истории русской культуры» Милюкова (1896), обнаруживающую разительные точки соприкосновения с веберовской интерпретацией поздней Римской империи (см. ниже). Ср. безупречную во многих отношениях, но интересную книгу: Wittfogel K. A. Oriental despotism. New Haven, 1957. Во многом близкую милюковской концепцию русского самодержавия развил и углубил А. Е. Пресняков в серии блестящих работ и статей (Московское царство. Пг., 1918; Закрепощение в императорской России. Пг., 1922; Самодержавие Николая I. Пг., 1923; Апогей самодержавия Л., 1925), которые остались неизвестны К. А. Виттфогелю.

<sup>35</sup> Гревс И. М. Очерки из истории римского землевладения. С. 34—40.

<sup>36</sup> См., например, известное письмо Энгельса к П. Блоху (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 394).

<sup>37</sup> ЛО ААН, ф. 726, оп. 1, д. 92, л. 61.

<sup>38</sup> Зелинский Ф. Ф. Рец. на кн.: Гревс И. М. Очерки из истории римского землевладения : Т. 1 // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1900. № 7. С. 156—173.

<sup>39</sup> Кареев Н. И. Книга г. Гревса о римском землевладении // Русское богатство. 1900. № 11. С. 1—27; № 12. С. 1—20.

<sup>40</sup> Там же. № 11. С. 16.

<sup>41</sup> Ростовцев М. И. Рец. на кн.: Гревс И. М. Очерки из истории римского землевладения : Т. 1 // Мир божий. 1900. № 4. С. 95—97.

<sup>42</sup> Зелинский Ф. Ф. Из экономической истории древнего Рима // Вестник Европы. 1900. № 6. С. 586—624.

<sup>43</sup> Там же. С. 589.

<sup>44</sup> Там же. С. 591—592.

<sup>46</sup> Там же. С. 624.

<sup>47</sup> ЛО ААН, ф. 726, оп. 2, д. 47, л. 11—14.

<sup>48</sup> Кареев Н. И. Книга г. Гревса о римском землевладении. С. 20.

<sup>49</sup> Петрушевский Д. М. Очерки по истории средневекового общества и государства. 5-е изд. М., 1922. С. 19.

<sup>50</sup> ЛО ААН, ф. 726, оп. 2, д. 127, л. 38—45, 56—82.

<sup>51</sup> Там же, л. 54 (письмо от 16 (25) XII 1895 г.).

<sup>52</sup> Там же, л. 94 (письмо от ноября 1899 г.).

<sup>53</sup> ЛО ААН, ф. 726, оп. 1, д. 92, л. 16 (Введение ко 2-му изд. «Очерков из истории римского землевладения», 1938). Последние три слова в рукописи зачеркнуты. Повидимому, этим лицом был теоретик права Б. А. Кистяковский, хороший знакомый Гревса (они вместе редактировали «Политические сочинения» М. П. Драгоманова (М., 1908. Т. 1)), живший одно время в Гейдельберге и помогавший Веберу в чтении на русском языке. См.: Mommsen W. Max Weber und deutsche Politik 1890—1920. Tübingen, 1959. S. 64—65.

<sup>54</sup> Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1925. С. 12. Ср.: Вебер М. История хозяйства : Очерк всеобщей социальной и экономической истории. Пг., 1923. С. 93. См. также работы русских исследователей Вебера: Петрушевский Д. М. Очерки по истории средневекового общества и государства. С. 39—151; Бицилли П. М. Падение Римской империи. С. 33—69.

<sup>55</sup> См.: Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. 5. Aufl. Tübingen, 1976. Bd 2. S. 559—560.

<sup>56</sup> Следует иметь в виду, что Гревс в своей трактовке социально-экономической и политической эволюции Римской империи испытал явное влияние ранней статьи М. Вебера «Социальные причины падения античной культуры» (1896; рус. пер. в журн.: Научное слово. 1904. № 7. С. 108—124).

<sup>57</sup> Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1905. № 8. С. 42—93.

<sup>58</sup> См.: Протоколы заседаний секции всеобщей истории // Историческое обозрение. СПб., 1909. Т. 15. С. 97—101.

<sup>59</sup> Hirschfeld O. Der Grundbesitz der römischen Kaiser // Klio, 1902. Bd 2. S. 45—72, 284—315.

<sup>59</sup> *Скржинский Е. Ч.* Иван Михайлович Гревс. С. 237—238.

<sup>60</sup> *Labrousse E.* Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIII<sup>e</sup> siècle. Paris, 1933. Т. 1—2; ср.: *Далин В. М.* Историки Франции XIX—XX вв. М., 1981. С. 177—181.

<sup>61</sup> *Hauser H.* Recherches et documents sur l'histoire des prix en France de 1500 à 1800. Paris, 1936. Introd. et.

<sup>62</sup> *Bloch M.* Mélanges historiques. Paris, 1963. Т. 2. Р. 883 (статья 1939 г. «L'histoire des prix : Quelques remarques critiques»).

<sup>63</sup> *Kula W.* Problemy i metody historii gospodarzej. S. 350—351, 518—525. В своем изложении дискуссии мы отчасти пользовались этой книгой.

<sup>64</sup> Ср.: *Штаерман Е. М.* Античное общество : Модернизация истории и исторические аналогии // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 638—671.

<sup>65</sup> *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 47.

<sup>66</sup> *Гревс И. М.* История средних веков : Лекции, читанные на СПб. Высш. женск. курсах. СПб., 1892—1893. Ч. 1—2.

<sup>67</sup> *Гревс И. М.* История происхождения, развития и разложения феодализма в Западной Европе. СПб., 1903.

<sup>68</sup> Там же. С. 255.

<sup>69</sup> Там же. С. 341.

<sup>70</sup> Там же. С. 356.

<sup>71</sup> *Монтескье Ш. Л.* Избр. произв. М., 1955. С. 176 («Дух законов», кн. II, гл. 4).

<sup>72</sup> *Гревс И. М.* История происхождения, развития и разложения феодализма... С. 436.

<sup>73</sup> Там же. С. 502.

<sup>74</sup> Там же. С. 158.

<sup>75</sup> Гревсу, с его неизбывным пафосом морализма, никогда не была близка установка Макса Вебера, заявившего в предисловии к одному из главных своих трудов: «Тот, кто хочет послушать проповедь, пусть отправляется в собрание сектантов» (*Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Tübingen, 1920. Bd 1. S. 14).

<sup>76</sup> *Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 152.

<sup>77</sup> *Гревс И. М.* Феодализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т. 72. С. 494—535; см. также отд. литограф. изд. (СПб., 1903. 150 с.).

<sup>78</sup> *Куланж Ф. де.* История общественного строя древней Франции / Пер. под ред. проф. И. М. Гревса. СПб., 1901—1916. Т. 1—6.

<sup>79</sup> *Гревс И. М.* Очерки флорентийской культуры // Научное слово. 1905. № 7. С. 84.

<sup>80</sup> *Гревс И. М.* История происхождения, развития и разложения феодализма... С. 371, 393, 493—494.

<sup>81</sup> *Гревс И. М.* Фюстель де Куланж // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т. 72. С. 941.

<sup>82</sup> Там же. С. 942—943.

<sup>83</sup> *Гревс И. М.* История средних веков. Ч. 1. С. 228.

<sup>84</sup> См.: *Люблинская А. Д.* Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 9—17.

<sup>85</sup> *Алпатов М. А.* Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М., 1949. С. 18—19, 393—394, 396—397; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 339. Вряд ли есть смысл подробно анализировать здесь микроэволюцию взглядов М. А. Алпатова с 1949 по 1960 г., проявившуюся исключительно в смягчении некоторых формулировок.

<sup>86</sup> *Рутенбург В. И.* Встречи Гревса с Италией (рукопись). Ср.: *Каганович Б. С.* Гревс — историк средневековой городской культуры. С. 220—221.

<sup>87</sup> *Boissier G.* 1) La religion romain d'Auguste aux Antonins. Paris, 1874. Т. 1—2; 2) La fin du paganisme. Paris, 1891. Т. 1—2; *Reville J.* La religion à Rome sous les Sévères. Paris, 1886; *Renan E.* Histoire des origines du christianisme. Paris, 1863—1883. Т. 1—8.

<sup>88</sup> См.: *Каганович Б. С.* Воспоминания Н. П. Анциферова об И. М. Гревсе. С. 63.

<sup>89</sup> Очевидно, именно эта книга анонсировалась в 1918 г. издательством «Огни» под заглавием «Конец Римской империи» в научно-популярной серии «Круг знания».

<sup>90</sup> См. рукописи: ЛО ААН, ф. 726, оп. 1. д. 76, 77.

<sup>91</sup> ЦГАЛИ, ф. 597, оп. 1, д. 363, л. 3—4.

<sup>92</sup> См. рукописи: ЛО ААН, ф. 726, оп. 1, д. 92, 93, 96.

<sup>93</sup> Часть этой работы опубликована: Гревс И. М. Эпизод из истории развития земельной собственности римских императоров и ее социальной роли: Земельное состояние Ливии, второй жены Августа // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. ист. наук. 1941. Вып. 12. С. 27—45.

<sup>94</sup> ЛО ААН, ф. 726, оп. 1, д. 92, л. 8—10.

<sup>95</sup> Там же, л. 17. 20 июня 1936 г. Гревс писал Д. М. Петрушевскому: «Видели ли Вы новую книгу Тарле о Наполеоне? Он презентовал ее мне. Это очень интересная работа, и написана она очень колоритно и без выкрутас, обычные современные ссылки на основоположников марксизма здесь вполне уместны» (ААН, ф. 493, оп. 3, д. 53, л. 49).

<sup>96</sup> И. М. Гревс предлагал перевести ее на русский язык и сам хотел выступить в роли переводчика. См. письмо И. М. Гревса к Д. М. Петрушевскому от 18 IX 1935 г. // ААН, ф. 493, оп. 3, д. 53, л. 32—33.

<sup>97</sup> ЛО ААН, ф. 726, оп. 1, д. 92, л. 17. По поводу этого места предисловия Гревса советовался с Д. М. Петрушевским: «Меня смущает вопрос об определении моего отношения к труду Ростовцева. Одни говорят, что и сослаться на него нельзя без ругательств. Я же могу только хвалить его книгу, хотя и отрицая его инкриминируемые теории. Не назвать же его книги и не сослаться на нее я не могу» (Письмо от 19 II 1938 г. // ААН, ф. 493, оп. 3, д. 53, л. 69—70).

<sup>98</sup> Гревс И. М. Очерки из истории римского землевладения. С. 597.

<sup>99</sup> Гревс И. М. Тацит. М.; Л., 1946. С. 182.

<sup>100</sup> См.: Гаспаров М. Л. Новая зарубежная литература о Таците и Светонии // Вестн. древней истории. 1964. № 1. С. 176—191.

<sup>101</sup> ААН, ф. 493, оп. 3, д. 291, л. 1.

<sup>102</sup> На такие упреки Гревс отвечал с достоинством: «Трудно старому помолодеть, особенно когда в своей старине он находил превосходные образцы, на которых долго учился. . . Пусть уж мне будет позволено писать, как умею. Надеюсь, что понять меня во всяком случае нетрудно всякому, кто пожелает» (Гревс И. М. История одной любви: И. С. Тургенев и Полина Виардо. М., 1928. С. 13).

<sup>103</sup> См.: Сергеевко М. Е. 1) Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.; Л., 1958; 2) Жизнь древнего Рима: Очерки быта. М.; Л., 1964.

## ТРАКТАТ ФОМЫ АКВИНСКОГО «О ПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРЕЙ»<sup>1</sup>

Трактат «De regimine principum ad Regem Cyrgi» был создан Фомой Аквинским около 1266 г. Большинство авторов, обращавшихся к этому труду, считают его основным произведением, где излагается учение Аквината о государстве. Он содержит рассуждения о происхождении государства, многообразных формах правления, достоинствах и недостатках той или иной формы, о наилучшей форме правления, о праве подданных на восстание против несправедливой власти, о тираноубийстве и, наконец, о соотношении церковной и светской власти. Много внимания уделено вопросам этики. Редкое исследование, посвященное истории философии, теории государства, истории политических учений обходится без упоминания этого трактата, который вызывал много споров едва ли не со времени его создания. Первый спорный вопрос — принадлежит ли трактат перу Фомы. Причины сомнений заключаются, во-первых, в отсутствии свидетельств о написании им этого произведения, во-вторых, в противоречиях между трактатом и другими произведениями Аквината,<sup>2</sup> в которых отражено его политическое учение. В «Богословской сумме», например, наилучшей формой правления считается смешанная (включающая элементы монархии, аристократии и демократии), тогда как трактат «О правлении государей» с помощью многих аргументов доказывает, что наилучшей формой правления является монархия.<sup>3</sup>

Большинство ученых, обращавшихся к этому произведению, считали его подлинным. Это мнение особенно укрепилось после опубликования фундаментальной работы М. Грабманна «Труды св. Фомы Аквинского», в которой автор, привлекая новые источники, положительно решает данный вопрос.<sup>4</sup> Современные исследователи разделяют его точку зрения и по вопросу о том, можно ли считать трактат, который состоит из 4 книг и 82 глав, законченным и целиком принадлежащим перу Фомы. Сомнения специалистов были вызваны тем, что четкое логическое построение, отличающееся прозрачностью и ясностью изложения, завершается в первой книге. Вторая книга посвящена более частным экономическим и этическим проблемам,

а третья и четвертая книги повторяют содержание первой и второй, причем для них характерны менее четкое изложение, запутанность, повторы. М. Грабманн на основании источниковедческого анализа установил место — 4 глава второй книги, — с которого ученик Аквината Птоломей из Лукки продолжил его неоконченный труд.<sup>5</sup>

Расхождения во мнениях вызывает и вопрос о том, насколько трактат отражает социальные и политические проблемы времени его создания. Этот вопрос особенно часто дискутируется в работах последних двух десятилетий. Дж. Катто является самым горячим противником достаточно распространенной до последнего времени точки зрения, что исторические события XIII в. не оказали значительного влияния на политическую мысль Фомы Аквинского, или это влияние отрицается вообще. Иллюстрируя свои построения приведением многочисленных исторических фактов времени создания трактата и фактов биографии его создателя, исследователь приходит к заключению, что и в общем, и в частности учение Фомы Аквинского опирается на его опыт и знание общества и является откликом на современные ему политические события.<sup>6</sup>

Х. Либешютц, рассматривая эту проблему, делает более умеренные выводы. Автор обращает внимание на жанр трактата — он написан, как «Зерцало», т. е. наставление или проповедь для несовершеннолетнего короля Кипра Уго II Лузиньяна, одного из французских королей крестовых походов, — и считает, что обращение Аквината к современной ему действительности ограничивается задачами этого жанра.<sup>7</sup> По мнению Л. Женико, нельзя категорически утверждать, что автор трактата пренебрег политическими реалиями XIII в., поскольку трактат не окончен, но исходя из того, чем мы располагаем, нельзя также сказать, что он их хорошо знал и пользовался ими для своей теории.<sup>8</sup> Л. Женико признает, впрочем, что труд Аквината «дышит идеями и ментальностью XIII в.»,<sup>9</sup> хотя считает его проблематику восходящей к Аристотелю.

По нашему мнению, решающим в этом споре может оказаться то, что Фома Аквинский обращается к основной проблеме своего времени — соотношению церковной и светской власти — проблеме, обусловленной растущим контрастом между теократической программой римской курии и гегемонической тенденцией новых монархических национальных государств. Именно так подходят к решению этого вопроса Ч. Вазоли и М. Верено.<sup>10</sup>

Пожалуй, единодушны исследователи только в том, что появление в 1260 г. «Политики» Аристотеля в латинском переводе Вильгельма из Мёрбека оказало огромное влияние на создателя трактата «О правлении государей». Действительно, некоторые положения этого произведения, немаловажные для политического учения Фомы, текстуально почти совпадают с соответствующими местами «Политики». Наиболее важным моментом является восприятие рецепции Аристотеля в вопросе о происхождении государства. Государство, по Аквинату, возникло в результате природной необходимости, так как человек от природы существо общественное и политическое, поскольку он существо разумное — это почти дословное воспроизведе-

ние формулы Аристотеля.<sup>11</sup> Фома, однако, вносит в эту формулу новое содержание: государство, как и природа, и все сущее, берет свое начало от Бога. Но созданная Богом природа обладает некоторой автономией и творческими свойствами, и такими же свойствами обладает созданное природой государство. Это отличает учение Фомы Аквинского о государстве от традиции последователей Августина, рассматривавших каждое явление природы и общества как результат непосредственного вмешательства божественного провидения. Именно Аристотель дал толчок к появлению системы взглядов Аквината на государство как на естественный институт. Подобной системы взглядов не существовало ни в одной из теорий, получивших распространение в первой половине XIII в., не исключая аверроизма.

Как уже было указано, государство, по Аквинату, является творением Бога. Это отличает его учение не только от аристотелевского, но существенным образом также от августинианской традиции, согласно которой происхождение государства ведется от грехопадения. Это обусловливало известный негативизм последователей Августина по отношению к светской власти и мирской жизни.

Несомненно Аристотелем вдохновлено также рассуждение о формах правления, справедливых или несправедливых, в зависимости от цели, которую ставит перед собой правитель.<sup>12</sup> К справедливым формам относятся монархия, аристократия и полиция, к несправедливым — тирания, олигархия и демократия.<sup>13</sup> К сожалению, немалое число исследователей, для которых главной задачей являлась, видимо, не интерпретация источника, а идеологизированная схематизация, вследствие того что Аквинат долгое время был фигурой одиозной, искажали эту часть трактата. Так, по В. В. Соколову, «Фома различает пять форм государственного правления. Одна из них, демократия, отождествляется автором „Правления владык“ с тиранией».<sup>14</sup> Сходно рассуждает польский исследователь Ю. Боргош: Фома «различает олигархию, монархию, тиранию и ее разновидность — демократию».<sup>15</sup> Такие недоразумения, к сожалению, позволили далее приходиться к ложным выводам относительно политической доктрины Аквината, например: «Фома резко выступал против демократии. Он был полон презрения к народу и считал демократию одним из отклонений от идеальной формы правления».<sup>16</sup>

Гораздо более точной представляется интерпретация Ч. Вазоли, который отметил, что Аквинат считает монархию наилучшей, но не единственно возможной формой правления. По Вазоли, форма правления для него в принципе не важна, лишь бы она вела к устройению общего блага, т. е. к обеспечению полезного и мирного сосуществования всех людей.<sup>17</sup>

Наибольшее внимание уделено в трактате двум формам правления — монархии и тирании. Х. Либешютц указывает на вырождение монархии в тиранию как на единственное изменение политического порядка, которое имеет для автора трактата актуальное значение, считая, что в этом плане он следует интересам церковной традиции многих столетий.<sup>18</sup> Дж. Катто утверждает, что такое внимание к вышеупомянутым формам правления обусловлено историческими со-

бытиями, и проблема была реальной как для обитателей небольших коммун центральной Италии, так и для подданных Гогенштауфенов. Оба утверждения можно признать справедливыми.

VI глава трактата, дающая практические советы о средствах противодействия тирану, возбудила в XV в. спор о том, признает ли политическая доктрина Фомы Аквинского право на тираноубийство, который продолжался вплоть до XIX в.<sup>19</sup>

Необходимо отметить, что текст VI главы допускает различные толкования, но ответ на этот вопрос довольно ясен: тираноубийство по собственному почину не соответствует христианскому вероучению. Здесь мы не найдем тираноборческого пафоса Иоанна Солсберийского, этот текст скорее представляет собой полемику с ним.<sup>20</sup>

В. В. Соколов, имея в виду эту главу, пишет, что Фома «признает право подданных на свержение главы государства в сущности в случаях, когда последний посягает на интересы церкви».<sup>21</sup> Такой же точки зрения придерживается Ю. Боргош.<sup>22</sup> Текст трактата не дает оснований для таких категорических утверждений. Если опираться на содержащиеся в VI главе тезисы о том, что общество имеет право свергнуть тирана, возведенного на престол этим обществом, и о том, что защиты от тирана можно искать у лица, стоящего над ним и возведшего его на трон, можно вслед за М. Верено задаться вопросом, какое общество в XIII в. могло возвести на престол правителя и кто это лицо, стоящее над ним. М. Верено, обозревая историческую обстановку того времени, с большой осторожностью допускает, что речь здесь может идти о епископах и папе.<sup>23</sup> Обратившись к VI главе, можно видеть, что, несмотря на ясность и прозрачность изложения, текст дает простор для толкований и ни о какой категоричности суждений здесь не может идти и речи.

Следует заметить, что признание Фомой права подданных на восстание против государственной власти отличало его от предшествующей христианской традиции, опиравшейся на изречение апостола Павла: «Всякая власть от Бога».

Больше всего разногласий у ученых вызывает трактовка Фомой Аквинским важнейшей темы сочинения: взаимоотношения церковной и светской власти. Здесь мы наконец получаем ответ на вопрос о том, к какой цели справедливый государь должен вести общество. Высшая цель человеческого общества — вечное блаженство, но для ее достижения усилий правителей недостаточно. Забота об этой высшей цели возлагается на священников и особенно на наместника Христа на земле — папу, которому все земные правители должны подчиняться, как самому Христу.<sup>24</sup> Разногласия исследователей понятны — именно это место находится в видимом противоречии с содержанием предыдущих глав, где, казалось, речь шла об автономии светской власти, а власть правителя сравнивалась с властью Бога, и с содержанием последней, XV главы первой книги, где перечислены обязанности светского владыки. Так, И. Е. Малашенко пишет: «Фома говорит о существовании у всякого христианского государства двух целей. Одна из этих целей — достижение потустороннего блаженства — является конечной как для отдельного человека, так

и для государства в целом. Тем самым внутренняя и внешняя цели неравноправны: „Жизнь согласно добродетели“ является лишь средством достижения более высокой цели. Разумеется, по сравнению с Августином, который не признавал, что жизнь в государстве может быть связана с реализацией христианского идеала, позиция Фомы была некоторым шагом вперед. Однако для второй половины XIII в. это была слишком незначительная уступка требованиям времени, и поэтому уже Данте в своем трактате „Монархия“ не удовлетворился томистским решением». <sup>25</sup>

Л. Бойль, с которым И. Е. Малашенко полемизирует, считает, что данное место трактата нельзя истолковывать так, будто папа обладает верховной политической властью в христианском обществе. «Если в „De regno“ говорится, что христианские короли должны подчиняться папе, как Христу, то только с точки зрения духовного правления, переданного Христом духовенству и в особенности папе». <sup>26</sup> П. С. Грацианский пытается разрешить эту проблему, привлекая другие сочинения Аквината. Он пишет: «Рассматривая вопрос о соотношении духовной и светской власти, Фома стремится разделить сферу их действия. Светская власть должна управлять только внешними действиями подданных. Управление душами людей целиком относится к компетенции церкви: „Так как духовная власть и светская, обе производятся от власти божией, — пишет Фома в комментариях к „Сентенциям“ Петра Ломбардского, — то светская власть настолько находится под духовной, насколько она ей Богом подчинена, а именно в делах, которые касаются спасения души; вследствие этого в таких делах следует скорее повиноваться церковной власти, а не светской. В том же, что касается гражданских благ, следует более повиноваться светской власти, чем церковной, в соответствии с поучением „Отдайте кесарево кесарю“. Разве случайно и та и другая власть соединяются в лице папы, который стоит на вершине обеих властей“ (Comment. in sentent., in secund. sentent. distinct. 44, art. III). В целом Фома, как видим, в споре светской и церковной власти склоняется на сторону последней». <sup>27</sup> Эта точка зрения представляется наиболее убедительной.

Разногласия исследователей не могли не сказаться на самых разных оценках значения и места трактата в истории социальной философии. Самую высокую оценку мы находим в томистской и неотомистской литературе, и, возможно, поэтому в советской литературе, за небольшими исключениями, укрепилось предвзятое отношение к этому произведению. <sup>28</sup> Существуют и другие мнения. Например, известный русский исследователь Б. Н. Чичерин считал, что трактат «принадлежит к числу самых замечательных произведений средневековой литературы». <sup>29</sup> В последнее время он все чаще упоминается в исторических и философских работах. <sup>30</sup>

Трактат «О правлении государей» создан в ту эпоху, когда социаль-философские взгляды предшественников и многих современников Фомы Аквинского перестали соответствовать реальному состоянию общества. В этот период зародилось новое осознание функций светской власти и ее самостоятельной ценности. Поэтому не

случайным было появление «Политики» Аристотеля и интерес к ней, а также возникновение теорий, которые, по меткой формулировке Ч. Вазоли, «выразили древним аристотелевским языком новую историческую реальность национальных государств».<sup>31</sup> Учение Фомы Аквинского о государстве, наиболее полно отраженное в рассматриваемом трактате, было первой такой теорией. Восприятие рецепции Аристотеля обусловило то несомненно важное место, которое трактат занимает в истории развития социально-философских идей позднего Средневековья.

Новое в учении Фомы Аквинского содержалось во вдохновленном Аристотелем взгляде на государство как естественный институт, происхождение которого обусловлено природной необходимостью. Такой взгляд позволил рассматривать общественные явления не как результат непосредственного вмешательства божественного провидения, а как естественный процесс. С другой стороны, признание Бога творцом государства также означало отказ от негативного отношения к светской власти и мирской жизни, что обусловило внимание к таким вопросам, как формы правления, монархия и тирания, выступление против несправедливой власти, соотношение церковной и светской власти, которые позже привлекали внимание деятелей Возрождения.

В решении проблемы соотношения церковной и светской власти Аквинат отходит от концепции непосредственной теократии, подчиняя светскую власть церковной, но различая сферы их влияния и представляя светской власти существенную автономию, подобно тому как различается в его философии сфера естественного и сверхъестественного, где «вера указывает разуму его ошибки и его границы, все же не пересекаясь со свободным занятием философией».<sup>32</sup>

Трактат публикуется не полностью, для публикации отображены части глав первой книги, в которых содержатся идеи Фомы Аквинского о государстве. Главы VII—XIII, посвященные в основном вопросам религии и этики, опущены. Текст трактата на русский язык переводится впервые.<sup>33</sup> Перевод снабжен примечаниями.

При составлении примечаний в ряде случаев приходилось прибегать к предисловию и комментарию английского перевода фрагментов политических произведений Фомы Аквинского: *The political ideas of St. Thomas Aquinas. Represent. Selections / Ed. D. Bigongiari. New York, 1953.*

<sup>1</sup> Полное название трактата — «О правлении государей, посвященное королю Кипра» — «*De regimine principum ad regem Cypri*» — почти не употребляется. Существует и другое название — «О государстве, посвященное королю Кипра» — «*De regno ad regem Cypri*», которое также употребляется в сокращении — «*De regno*».

<sup>2</sup> К сожалению, нам осталась недоступной работа: *Flori E. Il trattato De regimine principum e le dottrine politiche di S. Tommaso d'Aquino // La Scuola cattolica. 1924. P. 133—169*, в которой автор подробно рассматривает различные мнения о подлинности трактата.

<sup>3</sup> Boyle L. E. The De regno and the two powers // Essays in honor of A. C. Pegis. Toronto, 1974. P. 237—247. Женико справедливо отмечает, что различия такого рода могли появиться в результате эволюции политических взглядов Фомы Аквинского (*Genicot L. Le De regno: Spéculation ou réalisme? // Aquinas and problems of his time. The Hague, 1976. P. 3—17*).

<sup>4</sup> Grabmann M. Die Werke des Hl. Thomas von Aquin. Münster, 1931. (Beiträge zur Geschichte der Philosophie und Theologie des Mittelalters. Bd 22. Hf. 1—2). S. 294—297.

<sup>5</sup> Ibid. S. 297.

<sup>6</sup> Catto J. Ideas and experience in the political thought of Aquinas // Past and Present. May 1976. N 71. P. 3—21.

<sup>7</sup> Liebeschütz H. Mittelalter und Antike in Staatslehre und Gesellschaftslehre des heiligen Thomas von Aquino // Archiv für Kulturgeschichte. 1979. Bd 61. Hf. 1. S. 35—68.

<sup>8</sup> Genicot L. Le De regno. P. 14.

<sup>9</sup> Ibid. P. 17.

<sup>10</sup> Vasoli C. La filosofia medioevale. Milano, 1961. P. 391—395; Vereno M. Thomas von Aquins De regimine principum im Zusammenhang der geistigen und gesellschaftlichen Situation seiner Zeit // Salzburger Jahrb. für Philos. 1974. N 19. S. 321—329.

<sup>11</sup> Аристотель. Политика. 1, 2, 1253a; Фома Аквинский. О правлении государей. I, 1.

<sup>12</sup> Фома Аквинский. О правлении государей. I, 1.

<sup>13</sup> Понятно, что значение слова «демократия» сейчас совсем иное, и некоторые переводчики и исследователи во избежание недоразумений пытаются заменить его другим словом. Например, В. Г. Графский и В. С. Пересыяц (Фома Аквинский // История политических и правовых учений: Средние века и Возрождение. М., 1986. С. 30) употребляют слово «демагогия», ставя слово «демократия» рядом в скобки.

<sup>14</sup> Соколов В. В. Средневековая философия. М., 1979. С. 375. То же находим в учебнике «История политических учений». М., 1971. Ч. 1. С. 77.

<sup>15</sup> Боргош Ю. Фома Аквинский. М., 1975. С. 122.

<sup>16</sup> Кичанова И. М. Философия Фомы Аквинского // Вопр. философии. 1958. № 3. С. 115.

<sup>17</sup> Vasoli C. La filosofia medioevale. P. 394.

<sup>18</sup> Liebeschütz H. Mittelalter und Antike. . . S. 43.

<sup>19</sup> См. подробнее: Bosone C. A. Der Aufsatz «De regimine principum» von Thomas von Aquino. Bonn, 1894. S. 33—35.

<sup>20</sup> Johannes Saresheriensis. Policraticus. III, 15.

<sup>21</sup> Соколов В. В. Средневековая философия. С. 377.

<sup>22</sup> Боргош Ю. Фома Аквинский. С. 124—125.

<sup>23</sup> Vereno M. Thomas von Aquins. . . P. 326—327.

<sup>24</sup> Фома Аквинский. О правлении государей. I, 14.

<sup>25</sup> Малашенко И. Е. Данте и Фома Аквинский: Два подхода к решению вопроса о соотношении светской и духовной власти // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 1980. № 4. С. 70—71. Оставляя в стороне сравнение трудов Данте и Аквината (различные точки зрения подробно рассмотрены в работе И. Е. Малашенко), необходимо отметить, что оценка позиции Фомы как слишком незначительной уступки требованиям времени представляется чересчур умаляющей значение его трактата. Не нужно также забывать о том, что Данте написал свой труд через 50 лет после Фомы.

<sup>26</sup> Цит. по: Малашенко И. Е. Данте и Фома Аквинский. С. 72 (Boyle L. E. The De Regno. . . P. 240).

<sup>27</sup> Грацианский П. С. Фома Аквинский // Политические учения: История и современность: Домарксистская политическая мысль. М., 1976. С. 201—202.

<sup>28</sup> См., например, учебник «История политических учений» / Под ред. проф. К. А. Мокичева. М., 1971. Ч. 2. С. 78. В цитированной выше статье И. М. Кичановой учение Фомы Аквинского характеризуется как реакционное.

<sup>29</sup> Чичерин Б. Н. Политические мыслители древнего и нового мира. М., 1897. С. 115—116.

<sup>30</sup> См., например: Skinner Q. Political philosophy // The Cambridge history of Renaissance philosophy. Cambridge, 1988. P. 395—402.

<sup>31</sup> Vasoli C. La filosofia medioevale. P. 392.

<sup>32</sup> Ibid. P. 394.

<sup>33</sup> В редактировании перевода неоценимую помощь оказал А. К. Гаврилов, которому приношу глубокую благодарность.

## DE REGIMINE PRINCIPUM\*

## Liber primus

## Caput I

QUOD NECESSE EST HOMINES SIMUL VIVENTES AB ALIQUO  
DILIGENTER REGI

Principium autem intentionis nostrae hinc sumere oportet, ut quid nomine regis intelligendum sit, exponatur. In omnibus autem quae ad finem aliquem ordinantur, in quibus contingit sic et aliter procedere, opus est aliquo dirigente, per quod directe debitum perveniatur ad finem. Non enim navis, quam secundum diversorum ventorum impulsu in diversa moveri contingit, ad destinatum finem perveniret, nisi per gubernatoris industriam dirigeretur ad portum; hominis autem est aliquis finis, ad quem tota vita eius et actio ordinatur, cum sit agens per intellectum, cuius est manifeste propter finem operari. Contingit autem diversimode homines ad finem intentum procedere, quod ipsa diversitas humanorum studiorum et actionum declarat. Indiget igitur homo aliquo dirigente ad finem. Est autem uniusquisque hominum naturaliter insitum rationis lumen, quo in suis actibus dirigatur ad finem. Et si quidem homini conveniret singulariter vivere, sicut multis animalium, nullo alio dirigente indigeret ad finem, sed ipse sibi unusquisque esset rex sub Deo summo rege, in quantum per lumen rationis divinitus datum sibi, in suis actibus se ipsum dirigeret. Naturale autem est homini ut sit animal sociale et politicum, in multitudine vivens, magis etiam quam omnia alia animalia, quod quidem naturalis necessitas declarat. Aliis enim animalibus natura praeparavit cibum, tegumenta pilorum, defensionem, ut dentes, cornua, ungues, vel saltem velocitatem ad fugam. Homo autem institutus est nullo horum sibi a natura praeparato, sed loco omnium data est ei ratio, per quam sibi haec omnia officio manuum posset praeparare, ad quae omnia praeparanda unus homo non sufficit. Nam unus homo per se sufficienter vitam transigere non posset. Est igitur homini naturale, quod in societate multorum vivat. Amplius: aliis animalibus insita est naturalis industria ad omnia ea, quae sunt eis utilia vel nociva, sicut ovis naturaliter aestimat lupum inimicum. Quaedam etiam animalia ex naturali industria cognoscunt aliquas herbas medicinales et alia eorum vitae necessaria. Homo autem horum, quae sunt suae vitae necessaria, naturalem cognitionem

\* Печатается по изданию: Divi Thomae Aquinatis doctoris angelici De regimine principum ad regem Cypri et De regimine Judaeorum ad ducissam Brabantiae: Politica opuscula duo ad fidem optimarum editionum diligenter recusa / Cur. Joseph Mathis. 2-e ed., rev. Roma, 1971 (reimpressio).

habet solum in communi, quasi eo per rationem valente ex universalibus principiis ad cognitionem singulorum, quae necessaria sunt humanae vitae, pervenire. Non est autem possibile, quod unus homo ad omnia huiusmodi per suam rationem pertingat. Est igitur necessarium homini, quod in multitudine vivat, ut unus ab alio adiuvetur, et diversis diversis inveniendis per rationem occuparentur, puta, unus in medicina, alius in hoc, alius in alio. Hoc etiam evidentissime declaratur per hoc, quod est proprium hominis, locutione uti, per quam unus homo aliis suum conceptum totaliter potest exprimere. Alia quidem animalia expriment mutuo passiones suas in communi, ut canis in latratu iram, et alia animalia passiones suas diversis modis. Magis igitur homo est communicativus alteri quam quodcumque aliud animal, quod gregale videtur, ut grus, formica, et apis. Hoc ergo considerans Salomon in Ecclesiaste IV, 9, ait: Melius est esse duos, quam unum. Habent enim emolumentum mutuae societatis. Si ergo naturale est homini quod in societate multorum vivat, necesse est in hominibus esse per quod multitudo regatur. (. . .)

Contingit autem in quibusdam, quae ordinantur ad finem, et recte, et non recte procedere. Quare et in regimine multitudinis et rectum, et non rectum invenitur. Recte autem dirigitur unumquodque, quando ad finem convenientem deducitur, non recte autem, quando ad finem non convenientem. Alius autem est finis conveniens multitudini liberorum, et servorum. Nam liber est, qui sui causa est; servus autem est, qui id quod est, alterius est. Si igitur liberorum multitudo a regente ad bonum commune multitudinis ordinetur, erit regimen rectum et iustum, quale convenit liberis. Si vero non ad bonum commune multitudinis, sed ad bonum privatum regentis regimen ordinetur, erit regimen iniustum atque perversum, unde et Dominus talibus rectoribus comminatur per Ezechielem, XXXIV, 2, dicens: Vae pastoribus qui pascebant semetipsos (quasi sua propria commoda quaerentes): nonne greges a pastoribus pascuntur? Bonum siquidem gregis pastores quaerere debent, et rectores quilibet bonum multitudinis sibi subiectae. Si igitur regimen iniustum per unum tantum fiat, qui sua commoda ex regimine quaerat, non autem bonum multitudinis sibi subiectae, talis rector tyrannus vocatur, nomine a fortitudine derivato, quia scilicet per potentiam opprimit, non per iustitiam regit: unde et apud antiquos potentes quique tyranni vocabantur. Si vero iniustum regimen non per unum fiat, sed per plures, siquidem per paucos, oligarchia vocatur, id est principatus paucorum, quando scilicet pauci propter divitias opprimunt plebem, sola pluralitate a tyranno differentes. Si vero iniquum regimen exerceatur per multos, democratia nuncupatur, id est potentatus populi, quando scilicet populus plebeiorum per potentiam multitudinis opprimit divites. Sic enim populus totus erit quasi unus tyrannus. Similiter autem et iustum regimen distingui oportet. Si enim administretur per aliquam multitudinem, communi nomine politia vocatur, utpote cum multitudo bellatorum in civitate vel provincia dominatur. Si vero administretur per paucos, virtuosos autem, huiusmodi regimen aristocratia vocatur, id est potentatus optimus, vel optimorum, qui propterea optimates dicuntur. Si vero iustum regimen ad unum tantum

pertineat, ille proprie rex vocatur: unde Dominus per Ezechielem (cap. XXXVII, 24) dicit: Servus meus David rex super omnes erit, et pastor unus erit omnium eorum. Ex quo manifeste ostenditur, quod de ratione regis est quod sit unus, qui praesit, et quod sit pastor commune multitudinis bonum, et non suum commodum quaerens. Cum autem homini competat in multitudine vivere, quia sibi non sufficit ad necessaria vitae, si solitarius maneat, oportet quod tanto sit perfectior multitudinis societas, quanto magis per se sufficiens erit ad necessaria vitae. Habetur siquidem aliqua vitae sufficientia in una familia domus unius, quantum scilicet ad naturales actus nutritionis, et prolis generandae, et aliorum huiusmodi; in uno autem dico [lege: vico], quantum ad ea quae ad unum artificium pertinent: in civitate vero, quae est perfecta communitas, quantum ad omnia necessaria vitae; sed adhuc magis in provincia una propter necessitatem compugnationis et mutui auxilii contra hostes. Unde qui perfectam communitatem regit, id est civitatem vel provinciam, antonomastice rex vocatur; qui autem domum regit, non rex, sed paterfamilias, dicitur. Habet tamen aliquam similitudinem regis, propter quam aliquando reges populorum patres vocantur.

Ex dictis igitur patet, quod rex est qui unius multitudinem civitatis, vel provinciae, et propter bonum commune, regit; unde Salomon in Ecclesiaste V, 8, dicit: Universae terrae rex imperat servienti.

## Caput II

### QUOD UTILIUS EST MULTITUDINEM HOMINUM SIMUL VIVENTIUM REGI PER UNUM QUAM PER PLURES

His autem praemissis requirere oportet, quid provinciae vel civitati magis expedit: utrum a pluribus regi, vel uno. (. . .) Melius igitur regit unus, quam plures, ex eo quod appropinquant ad unum.

Adhuc: Ea, quae sunt ad naturam, optime se habent: in singulis enim operatur natura, quod optimum est; omne autem naturale regimen ab uno est. In membrorum enim multitudine unum est quod omnia movet, scilicet cor; et in partibus animae una vis principaliter praesidet, scilicet ratio. Est etiam apibus unus rex, et in toto universo unus Deus factor omnium et rector. Et hoc rationabiliter. Omnis enim multitudo derivatur ab uno. Quare si ea, quae sunt secundum artem, imitantur ea, quae sunt secundum naturam, et tanto magis opus artis est melius, quanto magis assequitur similitudinem eius quod est in natura, necesse est quod in humana multitudine optimum sit, quod per unum regatur.

Hoc etiam experimentis apparet. Nam provinciae vel civitates, quae non reguntur ab uno, dessensionibus laborant, et absque pace fluctuant, ut videatur adimpleri quod Dominus per Prophetam conqueritur, dicens (Jeremia, XII, 10): Pastores multi demoliti sunt vineam meam. E contrario vero provinciae, et civitates, quae sub uno rege reguntur, pace gaudent, iustitia florent, et affluentia rerum laetantur. (. . .)

### Caput III

QUOD SICUT DOMINIUM UNIUS OPTIMUM EST,  
QUANDO EST IUSTUM.  
ITA OPPOSITUM EIUS EST PESSIMUM.  
PROBATURQUE MULTIS RATIONIBUS ET ARGUMENTIS

Sicut autem regimen regis est optimum, ita regimen tyranni est pessimum. Opponitur autem politiae quidem democratia, utrumque enim, sicut ex dictis apparet, est regimen quod per plures exercetur; aristocratiae vero oligarchia, utrumque enim exercetur per paucos; regnum autem tyrannidi, utrumque enim per unum exercetur. Quod autem regnum sit optimum regimen, ostensum est prius. Si igitur utilius opponitur pessimum, necesse est quod tyrannis sit pessimum.

Adhuc: virtus unita magis est efficax ad effectum inducendum, quam dispersa vel divisa. Multi enim congregati simul trahunt, quod divisim per partes singulariter a singulis trahi non posset. Sicut igitur utilius est virtutem operantem ad bonum esse magis unam, ut sit virtuosior ad operandum bonum; ita magis est nocivum, si virtus operans malum sit una, quam divisa. Virtus autem iniuste praesidentis operatur ad malum multitudinis, dum commune bonum multitudinis in suis ipsius bonum tantum retorquet. Sicut igitur in regimine iusto, quanto regens est magis unum, tanto est utilius regimen, ut regnum melius est quam aristocratia, aristocratia vero quam politia; ita e converso erit et in iniusto regimine, ut videlicet quanto regens est magis unum, tanto magis sit nocivum. Magis igitur est nociva tyrannis, quam oligarchia: oligarchia autem quam democratia.

Amplius: per hoc regimen fit iniustum, quod spreto bono communi multitudinis, quaeritur bonum privatum regentis. Quanto igitur magis receditur a bono communi, tanto est regimen magis iniustum; plus autem receditur a bono communi in oligarchia, in qua quaeritur bonum paucorum, quam in democratia, in qua quaeritur bonum multorum; et adhuc plus receditur a bono communi in tyrannide, in qua quaeritur bonum tantum unius: omni enim universitati propinquius est multum quam paucum, et paucum quam unum solum. Regimen igitur tyranni est iniustissimum. (. . .) Expediit igitur ut regimen iustum sit unius tantum, ad hoc ut sit fortius. Quod si in iniustitiam declinat regimen, expediit magis ut sit multorum, ut sit debilius, et se invicem impediunt. Inter iniusta igitur regimina tolerabilius est democratia, pessimum vero tyrannis.

Idem etiam maxime apparet, si quis consideret mala quae ex tyrannis proveniunt, quia cum tyrannus, contempto communi bono, quaerit privatum, consequens est ut subditos diversimode gravet, secundum quod diversis passionibus subjacet ad bona aliqua affectanda. (. . .) Nec solum in corporalibus subditos gravat, sed etiam spiritualia eorum bona impedit, quia qui plus praeesse appetunt quam prodesse, omnem profectum subditorum impediunt, suspicantes omnem subditorum excellentiam suae iniquae dominationi praeiudicium esse. Tyrannis enim magis boni quam mali suspecti sunt, semperque his aliena virtus

formidolosa est. Conantur igitur praedicti tyranni, ne ipsorum subditi virtuosi effecti magnanimitatis concipiant spiritum, et eorum iniquam dominationem non ferant, ne inter subditos amicitiae foedus firmetur, et pacis emolumento ad invicem gaudeant, ut sic dum unus de altero non confidit, contra eorum dominium aliquid moliri non possint. <...>

#### Caput IV

##### QUOMODO VARIATUM EST DOMINIUM APUD ROMANOS. ET QUOD INTERDUM APUD EOS MAGIS AUCTA EST RESPUBLICA EX DOMINIO PLURIUM

Quia igitur optimum et pessimum consistunt in monarchia, id est principatu unius, multis quidem propter tyrannorum malitiam redditur regia dignitas odiosa. Quidam vero dum regimen regis desiderant, incidunt in saevitiam tyrannorum, rectoresque quamplures tyrannidem exercent sub praetextu regiae dignitatis. Horum quidem exemplum evidenter apparet in Romana republica. Regibus enim a populo Romano expulsis, dum regium vel potius tyrannicum fastum ferre non possent, instituerant sibi consules et alios magistratus, per quos regi coeperunt et dirigi, regnum in aristocratiam commutare volentes, et, sicut refert Salustius: «Incredibile est memoratu, quantum, adepta libertate, in brevi Romana civitas creverit». Plerumque namque contingit, ut homines sub rege viventes, segnius ad bonum commune nitantur, utpote aestimantes id quod ad commune bonum impendunt, non sibi ipsis conferre, sed alteri, sub cuius potestate vident esse bona communia. Cum vero bonum commune non vident esse in potestate unius, non attendunt ad bonum commune quasi ad id quod est alterius, sed quilibet attendit ad illud quasi suum: unde experimento videtur quod una civitas per annuos rectores administrata, plus potest interdum quam rex aliquis, si haberet tres vel quatuor civitates: parvaque servitia exacta a regibus gravius ferunt quam magna onera, si a communitate civium imponantur: quod in promotione Romanae reipublicae servatum fuit. Nam plebs ad militiam scribebatur, et pro militantibus stipendia exsolvebant, et cum stipendiis exsolvendis non sufficeret commune aerarium, in usus publicos opes venere privatae, adeo ut praeter singulos annulos aureos, singulasque bullas, quae erant dignitatis insignia, nihil sibi auri ipse etiam senatus reliquerit. Sed cum dissensionibus fatigarentur continuis, quae usque ad bella civilia excreverunt, quibus bellis civilibus eis libertas, ad quam multum studuerant, de manibus erepta est, sub potestate imperatorum esse coeperunt, qui se reges a principio appellari noluerunt, quia Romanis fuerat nomen regium odiosum. Horum autem quidam more regio bonum commune fideliter procuraverunt, per quorum studium Romana respublica et aucta, et conservata est. Plurimi vero eorum in subditos quidem tyranni, ad hostes vero effecti desides et imbecilles, Romanam rempublicam ad nihilum redegerunt. <...>

Utrinque igitur pericula imminet sive dum timetur tyannus, evitetur regis optimum dominium, sive dum hoc consideratur, potestas regia in malitiam tyrannicam convertatur.

## Caput V

### QUOD IN DOMINIO PLURIUM MAGIS SAEPE CONTINGIT DOMINIUM TYRANNICUM, QUAM EX DOMINIO UNIUS; ET IDEO REGIMEN UNIUS MELIUS EST

Cum autem inter duo, ex quorum utroque periculum imminet, eligere oportet, illud potissime eligendum est, ex quo sequitur minus malum. Ex monarchia autem, si in tyrannidem convertatur, minus malum sequitur quam ex regimine plurium optimatum, quando corrumpitur. (. . .) Si igitur regium, quod est optimum regimen, maxime vitandum videatur propter tyrannidem; tyrannis autem non minus sed magis contingere solet in regimine plurium quam unius, relinquitur simpliciter magis esse expediens sub rege uno vivere, quam sub regimine plurium.

## Caput VI

### CONCLUSIO, QUOD REGIMEN UNIUS SIMPLICITER SIT OPTIMUM. OSTENDIT QUALITER MULTITUDO SE DEBET HABERE CIRCA IPSUM, QUIA AUFERENDA EST EI OCCASIO NE TYRANNIZET, ET QUOD ETIAM IN HOC EST TOLERANDUS PROPTER MAIUS MALUM VITANDUM

Quia ergo unius regimen praeligendum est, quod est optimum, et contingit ipsum in tyrannidem converti, quod est pessimum, ut ex dictis patet: laborandum est diligenti studio ut sic multitudini provideatur de rege, ut non incidant in tyrannum. Primum autem est necessarium ut talis conditionis homo ab illis, ad quos hoc spectat officium, promoveatur in regem, quod non sit probabile in tyrannidem declinare. Unde Samuel, Dei providentiam erga institutionem regis commendans, ait, I Regum, cap. XIII, 14: Quaesivit sibi Dominus virum secundum cor suum. Deinde sic disponenda est regni gubernatio, ut regi iam instituto tyrannidis subtrahatur occasio. Simul etiam sic eius temperetur potestas, ut in tyrannidem de facili declinare non possit. Quae quidem ut fiant, in sequentibus considerandum erit. Demum vero curandum est, si rex in tyrannidem diverteret, qualiter possit occurri.

Et quidem si non fuerit excessus tyrannidis, utilius est remissam tyrannidem tolerare ad tempus, quam contra tyrannum agendo multis implicari periculis, quae sunt graviora ipsa tyrannide. Potest enim contingere, ut qui contra tyrannum agunt praevalere non possint, et sic provocatus tyrannus magis desaeviat. Quod si praevalere quis possit adversus tyrannum, ex hoc ipso proveniunt multotiens gravissimae dissensiones in populo: sive dum in tyrannum insurgitur, sive post

lectionem tyranni erga ordinationem regiminis multitudo separatur in partes. Contingit etiam ut interdum, dum alicuius auxilio multitudo expellit tyrannum, ille, potestate accepta, tyrannidem arripiat, et imens pati ab alio quod ipse in alium fecit, graviori servitute subditos opprimat. Sic enim in tyrannide solet contingere, ut posterior gravior fiat quam praecedens, dum praecedentia gravamina non deserit, et ipse, ex sui cordis malitia, nova excogitat; unde Syracusis quondam Dionysii mortem omnibus desiderantibus, anus quaedam, ut incolumis et sibi superstes esset, continue orabat; quod ut tyrannus cognovit, cur hoc faceret, interrogavit. Tum illa: «Puella, inquit, existens, cum gravem tyrannum haberemus, mortem eius cupiebam, quo interfecto aliquantum durior successit; eius quoque dominationem finiri, magnum existimabam: tertium te importuniorum habere coepimus rectorem. Itaque si tu fueris absumptus, deterior in locum tuum succedet». Et si sit intolerabilis, excessus tyrannidis, quibusdam visum fuit ut ad ortum virorum virtutem pertineat tyrannum interimere, seque prohibitionem multitudinis exponere periculis mortis: cuius rei exemplum etiam in veteri testamento habetur. Nam Aioth quidam Eglon regem Moab, qui gravi servitute populum Dei premebat sica infixam in eius femore, interemit, et factus est populi iudex. Sed hoc apostolicae doctrinae non congruit. Docet enim nos Petrus, non bonis tantum et modestis, verum etiam dyscolis dominis reverenter subditos esse (2 Petri 2). Haec est enim gratia, si, propter conscientiam Dei, sustineat quis tristitias patiens iniuste; unde cum multi Romani imperatores fidem Christi persequerentur tyrannice, magna quoque multitudo tam nobilium quam populi esset ad fidem conversa, non resistendo, sed mortem patienter et animati sustinentes pro Christo laudantur. (<...>)

Esset autem hoc multitudini periculosum et eius rectoribus, si privata praesumptione aliqui attentarent praesidentium necem etiam tyrannorum. Plerumque enim huiusmodi periculis magis exponunt se mali quam boni. Malis autem solet esse grave dominium non minus regni quam tyrannorum, quia secundum sententiam Salomonis, Prov. XX, 26: Dissipat impios rex sapiens. Magis igitur ex huiusmodi praesumptione immineret periculum multitudini de amissione regis, quam remedium de subtractione tyranni.

Videtur autem magis contra tyrannorum saevitiam non privata praesumptione aliquorum, sed auctoritate publica procedendum. Primo quidem, si ad ius multitudinis alicuius pertineat sibi providere de rege, non iniuste ab eadem rex institutus potest destrui vel refrenari eius potestas, si potestate regia tyrannice abutatur. Nec putanda est talis multitudo infideliter agere tyrannum destituens, etiam si eidem in perpetuo se ante subiecerat; quia hoc ipse meruit, in multitudinis regimine se non fideliter gerens ut exigit regis officium, quod ei pactum a subditis non reservetur. Sic Romani Tarquinium Superbum, quem in regem susceperant, propter eius et filiorum tyrannidem a regno eiecerunt, substituta minori, scilicet consulari, potestate. Sic etiam Domitianus, qui modestissimis imperatoribus, Vespasiano patri et Tito fratri eius, successerat, dum tyrannidem exercet, a senatu Romano interemptus est, omnibus quae perverse Romanis fecerat per senatusconsultum

iuste et salubriter in irritum revocatis. Quo factum est, ut Beatus Iohannes Euangelista dilectus Dei discipulus, qui per ipsum Domitianum in Pathmos insulam fuerat exilio relegatus, ad Ephesum per senatusconsultum remitteretur.

Si vero ad ius alicuius superioris pertineat multitudini providere de rege, expectandum est ab eo remedium contra tyranni nequitiam. Sic Archelai, qui in Iudaea pro Herode patre suo regnare iam coeperat, paternam malitiam imitantis, Iudaeis contra eum quaerimoniam ad Caesarem Augustum deferentibus, primo quidem potestas diminuitur ablato sibi regio nomine, et medietate regni sui inter duos fratres suos divisa: deinde cum nec sic a tyrannide compesceretur, a Tyberio Caesare relegatus est in exilium apud Lugdunum Galliae civitatem. Quod si omnino contra tyrannum auxilium humanum haberi non potest, recurrendum est ad regem omnium Deum, qui est adiutor in opportunitatibus in tribulatione. Eius enim potentiae subest, ut cor tyranni crudele convertat in mansuetudinem. <...>

Nec etiam abbreviata manuseius est, ut populum suum a tyrannis liberare non possit. Promittit enim populo suo per Isaiam requiem se daturum a labore et confusione, ac servitute dura, qua antea servierat. Et per Ezechielem XXXIV, 10, dicit: Liberabo meum gregem de ore eorum; scilicet pastorum, qui pascunt se ipsos. Sed ut hoc beneficium populus a Deo consequi mereatur, debet a peccatis cessare, quia in ultionem peccati divina permissione impii accipiunt principatum. <...>

## Caput XIV

### QUIS MODUS GUBERNANDI COMPETAT REGI, QUIA SECUNDUM MODUM GUBERNATIONIS DIVINAE: QUI QUIDEM MODUS GUBERNANDI A GUBERNATIONE NAVIS SUMPSIT INITIUM, UBI ET PONITUR COMPARATIO SACERDOTALIS DOMINII ET REGALIS

<...> Ad hoc enim homines congregantur, ut simul bene vivant, quod consequi non posset unusquisque singulariter vivens; bona autem vita est secundum virtutem; virtuosa igitur vita est congregationis humanae finis.

<...> Non est ergo ultimus finis multitudinis congregatae vivere secundum virtutem, sed per virtuosam vitam pervenire ad fruitionem divinam. <...> perducere ad illum finem non humani erit, sed divini regiminis. Ad illum igitur regem huiusmodi regimen pertinet, qui non est solum homo, sed etiam Deus scilicet ad Dominum nostrum Jesum Christum. <...>

Huius ergo regni ministerium, ut a terrenis essent spiritualia distincta, non terrenis regibus, sed sacerdotibus est commissum, et praecipue Summo Sacerdoti, successori Petri, Christi Vicario, Romano Pontifici, cui omnes reges populi Christiani oportet esse subditos, sicut ipsi Domino Jesu Christo. Sic enim ei, ad quem finis ultimi cura pertinet, subdi debent illi, ad quos pertinet cura antecedentium finium, et eius imperio dirigi. <...>

QUOD SICUT AD ULTIMUM FINEM CONSEQUENDUM REQUIRITUR  
 UT REX SUBDITOS SUOS AD VIVENDUM SECUNDUM VIRTUTEM  
 DISPONAT, ITA AD FINES MEDIOS. ET PONUNTUR HIC, QUAE  
 SUNT ILLA QUAE ORDINANT AD BENE VIVENDUM ET QUAE IMPEDIUNT.  
 ET QUOD REMEDIUM REX APPONERE DEBET CIRCA DICTA IMPEDIMENTA

⟨. . .⟩ Si igitur, ut dictum est, qui de ultimo fine curam habet, praesse debet his, qui curam habent de ordinatis ad finem, et eos dirigere suo imperio, manifestum ex dictis fit, quod rex, sicut dominio et regimini, quod administratur per sacerdotis officium, subdi debet, ita praesse debet omnibus humanis officiis, et ea imperio sui regiminis ordinare. ⟨. . .⟩ Quia igitur vitae, qua inpraesenti bene vivimus, finis est beatitudo coelestis, ad regis officium pertinet ea ratione vitam multitudinis bonam procurare, secundum quod congruit ad coelestem beatitudinem consequendam, ut scilicet ea praecipiat, quae ad coelestem beatitudinem ducunt, et eorum contraria, secundum quod fuerit possibile, interdicit. ⟨. . .⟩ Rex legem igitur divinam edoctus, ad hoc praecipuum studium debet intendere, qualiter multitudo sibi subdita bene vivat: quod quidem studium in tria dividitur, ut primo quidem in subiecta multitudo bonam vitam instituat; secundo, ut institutam conservet; tertio, ut conservatam ad meliora promoveat. ⟨. . .⟩

Igitur circa tria predicta triplex cura imminet regi. Primo quidem de successione hominum, et substitutione illorum qui diversis officiis praesunt, ut sicut per divinum regimen in rebus corruptibilibus, quia semper eadem durare non possunt, provisum est, ut per generationem alia in locum aliorum succedant, ut vel sic conservetur integritas universi, ita per regis studium conservetur subiectae multitudinis bonum, dum sollicite curat qualiter alii in deficientium locum succedant. Secundo autem ut suis legibus et praeceptis, poenis et praemiis homines sibi subiectae ab iniquitate coerceat, et ad opera virtuosa inducat, exemplum a Deo accipiens, qui hominibus legem dedit, observantibus quidem mercedem, transgredientibus poenas retribuens. Tertio imminet regi cura, ut multitudo sibi subiecta contra hostes tuta reddatur. Nihil enim prodesset interiora vitare pericula, si ab exterioribus defendi non posset. ⟨. . .⟩

Haec igitur sunt quae ad regis officium pertinent, de quibus per singula diligentius tractare oportet.

О ПРАВЛЕНИИ ГОСУДАРЕЙ

————— Книга I —————

Глава I

О ТОМ, ЧТО НУЖНО, ЧТОБЫ ВМЕСТЕ ЖИВУЩИМИ ЛЮДЬМИ  
КТО-ТО ПРАВИЛ

А начать наш труд следует так, чтобы было ясно, что нужно понимать под словом царь. Ведь всем, кто направляется к какой-либо цели, всем, кому выпадает на долю так или иначе к ней продвигаться, необходимо какое-либо направляющее начало, с помощью которого он прямо дойдет до необходимой цели. Ведь корабль, которому выпадает на долю двигаться то в ту, то в другую сторону, под напором разных ветров, не пришел бы к намеченной цели, если бы не направлялся к гавани трудами кормчего; и у человека также есть какая-либо цель, к которой направляется вся его жизнь и деятельность, так как он действует с помощью рассудка, задачей которого является, очевидно, служить достижению цели. С другой стороны, людям выпадает на долю продвигаться к намеченной цели различными путями, что обнаруживает само по себе различие человеческих склонностей и действий. Итак, человек нуждается в чем-либо, направляющем его к цели. Существует ведь естественно присущий каждому из людей свет разума, благодаря которому он в своих действиях направляется к цели. И если бы только человеку подобало жить одному, как живут многие животные, он не нуждался бы ни в чем ином, направляющем его к цели, но каждый сам был бы себе царем под властью Бога, наивысшего царя, поскольку в своих действиях человек сам направлял бы себя данным ему по воле Бога светом разума. Для человека, однако, так как он существо общественное и политическое,<sup>1</sup> естественно то, что он живет во множестве;<sup>2</sup> даже еще более, чем все другие существа, ибо этого требует естественная необходимость.<sup>3</sup> Ведь все другие существа от природы обеспечены пищей, покровом из шерсти, защитой, например, клыками, рогами, когтями или по крайней мере проворством в беге. Человек, напротив, создан так, что природа не наделила его ни одним из этих качеств, но вместо всего этого ему дан разум, благодаря которому он мог бы обеспечить себя всем этим при помощи рук. Один человек, однако, не в состоянии справиться со всем тем, что должно быть обеспечено. Поистине, один человек сам по себе не смог бы выжить. Итак, для человека естественно, что он живет в обществе многих. Более того: другим существам присуще природное чутье ко всему тому, что им полезно или вредно, например, овца от природы определяет в волке врага. Некоторые животные с помощью при-

родного умения узнают какие-либо целебные травы и прочее, необходимое им для жизни. Человек же имеет врожденное знание о том, что ему необходимо для его жизни, только в общем, как если бы он был в состоянии дойти с помощью разума от познания общих начал до единичных, необходимых для его жизни. Невозможно, однако, чтобы один человек своим разумом постиг все вещи такого рода. Следовательно, человеку надлежит жить во множестве, чтобы один помогал другому и разные люди использовали свой разум для того, что необходимо узнать в различных областях, например, один — в медицине, другой — в том, третий — в этом. Это еще более очевидно обнаруживается в том, что является неотъемлемо присущим человеку, — в употреблении речи, благодаря чему один человек может вполне выразить другим свои мысли. Правда, и другие существа в основном выражают друг другу свои чувства; как собака передает лаем гнев, так и другие существа выражают свои чувства различными способами. Итак, люди теснее связаны с себе подобными, чем какие бы то ни было другие существа, которые считаются стадными, например, журавль, муравей или пчела.<sup>4</sup> Рассматривая это, Соломон в Экклезиасте (IV, 9) говорит: «Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их». Итак, если для человека естественно, что он живет в обществе многих, то людям нужно, чтобы было у людей то, чем общество управляемо. (< . . . >)

Кому-то из тех, кто направляется к цели, удается достичь ее прямым, а кому-то непрямым путем. Поэтому и в правлении множеством встречается справедливое и несправедливое. Прямым является всякое правление, когда оно ведет к подобающей цели, непрямым же — когда к неподобающей.<sup>5</sup> Множеству свободных и множеству рабов<sup>6</sup> подобают разные цели. Ибо свободен тот, кто сам является своей причиной, а раб — тот, кто является тем, что он есть, по причине другого. Итак, если множество свободных людей направляется властителем к общему благу этого множества, это правление прямое и справедливое, какое и подобает свободным. Если же правление направлено не к общему благу множества, а к личному благу властителя, это правление несправедливое и превратное. Поэтому Господь грозил таким правителям через Иезекииля (XXXIV, 2), говоря: «Горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! (словно бы ища собственных выгод). Не стадо ли должны пасти пастыри?».

Поскольку пастыри должны заботиться о благе стада, то и любые правители должны заботиться о благе подвластного им множества.<sup>7</sup> Итак, если несправедливое правление вершится только одним,<sup>7</sup> который стремится извлечь из правления свой интерес, а вовсе не благо для подвластного ему множества, такой правитель зовется тираном (какое наименование производится от «силы»<sup>8</sup>), потому что, как известно, он угнетает мощью, а не правит по справедливости, отчего и у древних могущественные люди назывались тиранами. Если несправедливое правление вершится не одним человеком, а большим количеством людей — если только не многими — оно называется олигархией, т. е. это главенство немногих, когда, как известно, немногие подавляют плебс ради обогащения, отличаясь от

гирана только количеством. Если же несправедливое правление осуществляется многими, это именуется демократией, что означает засилье народа, когда люди из простого народа подавляют богатых. Таким образом весь народ выступает как один тиран. Подобным же образом следует различать и справедливое правление. Так, если управление осуществляется каким-либо множеством — это называется полития, например, когда множество, состоящее из воинов, главенствует в городе-государстве<sup>9</sup> или провинции. Если же управление осуществляется немногими, но обладающими превосходными качествами людьми, правление такого рода называется аристократия, т. е. лучшая власть, или власть лучших, тех, которые оттого и называются оптиматами. Если же справедливое правление осуществляется одним, он правильно называется царем. Поэтому Господь устами Иезекииля (гл. XXXVII, 24) говорит: «А раб мой Давид будет царем над ними, и один будет пастырь всех их». Отсюда, очевидно, явствует, что царем следует считать того, кто главенствует один, причем это пастырь, пекущийся об общем благе множества, а не о своей выгоде.

Поскольку человеку приходится жить во множестве, так как он не может обеспечить себя жизненно необходимым, если останется один, то общество многих будет тем более совершенно, чем более оно сможет обеспечить себя жизненно необходимым.<sup>10</sup> Ведь в одной семье, живущей в одном доме, имеются какие-то вещи, необходимые для жизни, а именно столько, сколько нужно для естественных процессов — питания, продолжения рода и прочего в этом смысле; на одной улице<sup>11</sup> — столько, сколько нужно для одного ремесла; в городе-государстве же, которое является совершенной общностью, столько, сколько нужно для всех жизненно важных потребностей, но еще более — в одной провинции<sup>12</sup> вследствие необходимости борьбы и взаимной помощи против врагов. Поэтому-то тот, кто царит в совершенной общности (как-то городе-государстве или провинции) антономастически<sup>13</sup> называется царь; тот же, кто царит в доме, зовется не царем, а отцом семейства. Он, однако, имеет некоторое сходство с царем, из-за чего царей иногда именуют отцами народов.

Из сказанного следует, что царем является тот, кто управляет множеством одного города-государства или провинции, и управляет ради общего блага. Поэтому Соломон в Экклезиасте (V, 8) говорит: «Царь всей земли повелевает служающим ему».

## Глава II

### О ТОМ, ЧТО ПОЛЕЗНЕЕ, ЧТОБЫ МНОЖЕСТВОМ ВМЕСТЕ ЖИВУЩИХ ЛЮДЕЙ УПРАВЛЯЛ ОДИН, ЧЕМ МНОГИЕ

После того, что сказано ранее, следует задаться вопросом, что более подходит для провинции или города-государства: быть управляемыми одним или многими.

Итак, один управляет лучше, чем многие, потому что они только приближаются к тому, чтобы стать единым целым. К тому же то, что существует по природе, устроено наилучшим образом, ведь природа в каждом отдельном случае действует наилучшим образом, а общее управление в природе осуществляется одним. В самом деле среди множества частей тела существует одна, которая движет всем, а именно сердце, и среди частей души по преимуществу главенствует одна сила, а именно разум. Ведь и у пчел один царь, и во всей вселенной единый Бог, творец всего и правитель. И это разумно. Поистине всякое множество происходит от одного. А потому, если то, что происходит от искусства, подражает тому, что происходит от природы, и творение искусства тем лучше, чем больше приближается к тому, что существует в природе, то из этого неизбежно следует, что наилучшим образом управляется то человеческое множество, которое управляется одним.

Это подтверждается на опыте. Ибо провинции или города-государства, которыми управляет не один, одолеваемы раздорами и пребывают в волнении, не зная мира, что, очевидно, нужно дополнить тем, что Господь, сетуя, говорил устами Пророка (Иеремия, XII, 10): «Множество пастухов испортили мой виноградник». И напротив, провинции и города-государства, которые управляются одним государем, наслаждаются миром, славятся справедливостью и радуются процветанию.

### Глава III

**О ТОМ, НАСКОЛЬКО ГОСПОДСТВО  
ОДНОГО НАИЛУЧШЕЕ, КОГДА ОНО СПРАВЕДЛИВО,  
НАСТОЛЬКО ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ ЕМУ — НАИХУДШЕЕ;  
ДОКАЗЫВАЕТСЯ ПРИ ПОМОЩИ  
МНОГИХ СООБРАЖЕНИЙ И АРГУМЕНТОВ**

Так же как правление царя — наилучшее, так правление тирана — наихудшее. Демократии же противопоставляется полития, в самом деле, как явствует из сказанного, оба эти правления осуществляются многими; аристократии же — олигархия, ибо в обоих случаях управляют немногие; а монархии — тирания, ведь оба правления вершатся одним. Ранее было показано, что наилучшим правлением является монархия. Следовательно, если наилучшее противостоит наихудшему, тирания неизбежно является наихудшим правлением.

Кроме того, единая сила более действительна в исполнении намеренного, чем рассеянная или разделенная. Ведь многие, объединившись вместе, тянут то, что не смогут вытянуть поодиночке, если разделить груз на каждого. Следовательно, насколько более полезно, когда сила, действующая во благо, более едина, так как она направлена к совершению добра, настолько более пагубно, если сила, служащая злу, едина, а не разделена. Сила же нечестивого

правителя направлена ко злу множества, так как общее благо множества он обратит только в свое собственное благо. Итак, чем более едино правительство при справедливом правлении, тем более приносит пользы; так, монархия лучше, чем аристократия, а аристократия лучше, чем полиция. Для несправедливого правления верно обратное — так, очевидно, настолько правительство более едино, настолько более пагубно. Итак, тирания более пагубна, чем олигархия, а олигархия, чем демократия.

Более того, правление становится несправедливым вследствие того, что, поправ общее благо множества, добивается блага только для правителя. Следовательно, чем больше отвергают общее благо, тем более несправедливо правление; а отвергают общее благо больше при олигархии, когда добиваются блага для немногих, чем при демократии, когда добиваются блага для многих, и еще более отступают от общего блага при тирании, когда добиваются блага только для одного; ведь всей совокупности ближе многое, чем немногое, и немногое, чем только одно. Поэтому правление тирана самое несправедливое. (. . .)

Итак, лучше, чтобы справедливое правление было правлением только одного еще и потому, что оно сильнее. Если же правление обратится в несправедливое, лучше, чтобы это было правление многих, так как оно слабее и правящие мешают друг другу. Поэтому из несправедливых правлений более сносной является демократия, наихудшей же тирания.

Это становится еще более очевидным, если рассмотреть те несчастья, которые происходят от тирании. Ведь когда тиран, попирая общее благо, ищет свое, он неизбежно будет разными способами мучить своих подданных, так как обуреваемый желанием обладать какими-либо благами, подпадет под влияние различных страстей. (. . .) Он притесняет подданных не только в том, что касается земных благ, но даже в том, что касается благ духовных, ибо те, кто более стремится быть первым, чем полезным, мешают любому успеху подданных, боясь, чтобы превосходные качества последних не причинили ущерба их собственному неправому господству. Ведь тиран опасается порядочных людей более, чем дурных, и его всегда страшат чужие достоинства.<sup>14</sup> Ибо упомянутые тираны стараются помешать тому из их подданных, кто, движимый добродетелью и величием духа, может прийти к намерению больше не терпеть их неправого господства. Они стремятся, чтобы между подданными не укреплялся союз дружбы, чтобы они, напротив, не радовались благам мира, поскольку они ничего не могут замышлять против его господства, пока один другому не доверяет. (. . .)

О ТОМ, КАК РАЗНООБРАЗНО  
БЫЛО ПРАВЛЕНИЕ У РИМЛЯН  
И КАК ИНОГДА ИХ ГОСУДАРСТВО ЧРЕЗВЫЧАЙНО УСИЛИВАЛОСЬ  
ПРИ ПРАВЛЕНИИ МНОГИХ

Итак, поскольку и лучшее и худшее начала заключаются в монархии, то есть во власти одного, многим достоинства царской власти представляются ненавистными из-за коварства тиранов, если же, напротив, желают правления царя, попадают под свирепое царствование тиранов — ведь немалое количество правителей стало тиранами, прикрываясь званием царя. Очевидным примером таких случаев является Римская республика. После того как цари были изгнаны римским народом, который не мог более выносить царское, или, лучше сказать, тираническое, самовластие, они установили у себя для руководства и управления консулов и другие должности, желая заменить монархию аристократией, и, как передает Саллюстий: «Вскоре после того, как Римское государство обрело свободу, оно поразительным образом усилилось в течение короткого времени».<sup>15</sup> Ибо часто случается, что люди, живущие под властью царя, менее пекутся об общем благе, полагая, что то, чем они пожертвуют во имя общего блага, пойдет на пользу не им самим, но другому, под чьей властью, как они видят, находится общее благо. Когда же они видят, что общее благо находится не во власти одного, то они не будут относиться к общему благу так, как будто это принадлежит другому, но каждый будет относиться к нему, как к своему: ведь из опыта видно, что один город-государство, управляемый ежегодно меняющимися правителями, иногда способен на большее, чем любой царь, если он управляет тремя или четырьмя городами-государствами; и гораздо тяжелее переносятся небольшие повинности, налагаемые царями, чем большие тяготы, если они налагаются общностью граждан: это и помогло возвышению государства римлян. Ведь плебеи записывались на военную службу, и служащим в войске выплачивали жалованье, а когда для его выплаты в общественной казне не хватало денег, для общественных нужд обращались к частным состояниям до такой даже степени, что у сенаторов не оставалось золота, кроме одного кольца и одной буллы<sup>16</sup> — знака сенаторского достоинства. Но когда они были измучены длительными раздорами, переросшими в гражданские войны, из-за которых из их рук была похищена свобода, которой они отдали столько сил, они оказались под властью императоров; эти правители не хотели именоваться царями по той причине, что слово «царь» было ненавистным для римлян. Некоторые из них, как подобает царям, верно соблюдали интересы общего блага, и их стараниями Римское государство было возвеличено и невредимо. Однако многие из них для подданных были тиранами, а перед лицом врагов оказались бездеятельными и слабыми и свели на нет достояние Римского государства. (< . . . >)

Итак, опасность существует двойкая, ибо если бояться тирана, то утрачивается возможность обрести наилучшее правление — правление царя, если же желают обрести такое правление, царская власть оборачивается несчастьем тирании.

## Глава V

**О ТОМ, ЧТО ИЗ ПРАВЛЕНИЯ МНОГИХ  
ЧАЩЕ ВОЗНИКАЕТ ТИРАНИЧЕСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ,  
ЧЕМ ИЗ ПРАВЛЕНИЯ ОДНОГО;  
И ПОЭТОМУ ПРАВЛЕНИЕ ОДНОГО ЛУЧШЕ**

Если нужно выбирать одну из двух опасностей, следует выбрать ту, от которой последует меньшее зло. От монархии, однако, если она обратится в тиранию, последует меньшее зло, чем от правления многих оптиматов, если это правление извратится. (. . .)

Если правление, которое является наилучшим, кажется наиболее нежелательным из-за опасности тирании, а тирания, напротив, не менее, а более часто возникает из правления многих, чем одного, остается только признать, что более полезно жить под началом одного царя, чем при правлении многих.

## Глава VI

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ТОМ, ЧТО ПРАВЛЕНИЕ ОДНОГО  
ВСЕЦЕЛО ЯВЛЯЕТСЯ НАИЛУЧШИМ.  
ПОКАЗЫВАЕТСЯ, КАКИМ ОБРАЗОМ МНОЖЕСТВО  
ДОЛЖНО СЕБЯ ВЕСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕМУ,  
ЧТОБЫ ИСКЛЮЧИТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ТИРАНИИ,  
НО ДАЖЕ В СЛУЧАЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТИРАНИИ  
ЕЕ ДОЛЖНО ТЕРПЕТЬ,  
ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ БОЛЬШЕГО ЗЛА**

Итак, действительно, следует предпочесть правление одного, так как оно наилучшее, но случается, что оно превращается в тиранию, то есть наихудшее, так что из сказанного следует: необходимо стараться с усердием и рвением, чтобы заранее было предусмотрено у множества то, как бы царь не стал тираном. Прежде всего необходимо, чтобы из тех, кого ожидает эта обязанность, был выдвинут в цари человек такого характера, для которого было бы невозможно склониться к тирании. Самуил, силой божественного провидения рассуждая об установлении царя, говорит: «Господь найдет Себе мужа по сердцу Своему» (I книга Царств, гл. 13, 14). Затем так должно быть устроено управление царством, чтобы у царя уже не было возможности установить тиранию. Вместе с тем его власть должна быть умерена настолько, чтобы он не мог с легкостью обратиться к тирании. Как это должно быть сделано, будет рассмотрено

далее.<sup>17</sup> Если царь стремится к тирании, нужно следить только за тем, как ее избежать.

И если нельзя будет избежать тирании, полезнее терпеть, пока тирания не кончится, чем, действуя против тирана, подвергнуться многим опасностям, которые будут тяжелее самой тирании. Ведь может случиться, что те, кто действует против тирана, не смогут победить, и, таким образом, уязвленный тиран будет бесчинствовать еще сильнее. Если против тирана восстанет тот, кто может победить, от одного этого в народе возникают тягчайшие распри: или когда множество поднимается на тирана, или когда после низвержения тирана оно разделяется на части, споря относительно порядка управления. Случается даже иногда, что, когда с чьей-либо помощью множество изгоняет тирана, другой, получив власть, устанавливает тиранию, и, боясь претерпеть от другого то, что он сам сделал с предшественником, подавляет подданных еще более тяжким гнетом. Ведь так обычно происходит с тиранией, что следующая бывает тяжелее, чем предыдущая, ведь она не отменяет прежние тягости, но сама, исходя из своего нрава, изобретает новое зло. Так, когда-то в Сиракузах, в то время как все желали смерти Дионисия, некая старуха долго молилась о том, чтобы он был невредим и пережил бы ее. Узнав об этом, тиран спросил ее, почему она это делала. Тогда она сказала: «Когда я была девочкой, и у нас был грозный тиран, я желала его смерти. Он был убит, и ему наследовал другой тиран, еще суровее; и когда его власть окончилась, я считала, что он был много суровее. Ты — третий, и теперь мы понимаем, что ты намного более суровый правитель. Так вот, если ты будешь уничтожен, еще худший займет твое место».

И если бремя тирании нестерпимо, некоторым представляется, что убить тирана и подвергнуть свою жизнь опасности ради освобождения множества было бы доблестным делом для храброго человека: пример этого имеется даже в Ветхом Завете. Ибо, когда некий Аод убил ударом кинжала в бедро Эглона, моавийского царя, державшего народ господень в тяжелой неволе, народ сделал его судьей. Но это апостольскому учению не соответствует. Ведь Петр учит нас смиренно подчиняться не только добрым и честным, но даже, как сказано во втором послании Петра, дурным господам. В самом деле если кто-то незаслуженно претерпит страдание, это будет для него благодатью; ведь когда многие римские императоры тиранически преследовали христову веру и громадное множество как знати, так и простых людей обратилось в веру, они радовались, без сопротивления, смиренно и мужественно принимая смерть за Христа. (<...>)

Опасно и для множества, и для его правителей, если кто-то по собственному почину решится на убийство правителя, даже тирана. Чаще ведь подвергают себя такого рода риску люди дурные, чем добрые. Ибо для дурных правление царя обычно бывает не менее тяжелым, чем правление тирана, так как, по второй притче Соломона (Притчи Соломона, XX, 26), «мудрый царь вывет нечестивых». В таком случае для множества следствием этой попытки будет ско-

рее опасность потерять царя, чем средство спастись от тирана. Представляется, однако, что против жестокости тирана будет иметь успех действие каких-либо людей не по своему почину, а по решению общества. Во-первых, если право какого-либо множества простирается на то, чтобы выдвигать для себя царя, то не будет несправедливо, если выдвинутый этим множеством царь будет низвергнут, или его власть будет ограничена, если он тиранически злоупотребляет царской властью. Не следует считать, что такое множество несправедливо, даже если оно прежде возвысило его над собой навечно; ведь он сам заслужил это, ведя себя нечестно в управлении множеством, поэтому договор с ним подданными не соблюдается.<sup>18</sup> Так, римляне лишили царской власти Тарквиния Гордого, которого сами избрали царем, из-за тирании, которую затем установил он и его сыновья. Власть была заменена более слабой, а именно, консульской властью. Так и Домициан, который, сменив почтеннейших императоров, своего отца Веспасиана и своего брата Тита, стал тиранствовать, был уничтожен римским сенатом, так же как и все, кто дурно действовал по отношению к римлянам, законно и ко благу были устранены решением сената. Известно, что блаженный Иоанн Евангелист, избранный ученик Господа, который был сослан самим Домицианом в изгнание на остров Патмос, решением сената был возвращен в Эфес.

Если же право заботиться о царе для множества принадлежит какому-либо высшему авторитету, то у него и следует искать средство против бесчинств тирана. Так, когда иудеи обвинили в преступлениях перед Цезарем Августом Архелая, который уже начал царствовать в Иудее после своего отца Ирода, то вначале по крайней мере его власть была уменьшена, так как он лишился права именоваться царем, а в середине его царствования власть была разделена между двумя его братьями. Затем, поскольку и этим его было не удержать от тирании, он был сослан Тиберием Цезарем в изгнание в Лугдун,<sup>19</sup> город Галлии.<sup>20</sup> Если же против тирана нельзя ждать помощи людей, нужно обратиться к царю всего — Богу, помощнику и в благоденствии, и в страданиях. Ибо в его власти обратить жесткое сердце тирана к кротости. (< . . . >) Ведь не ослабла его рука так, чтобы не мог он освободить свой народ от тиранов. Через Исаяю обещал он народу своему отдых от трудов, и от суеты, и от тяжелой неволи, в которой тот прежде находился. И через Иезекииля (XXXIV, 10) сказал: «Взыщу овец моих от руки их», а именно от пастухов, которые пасут сами себя. Но народ заслужил обрести эту милость от Бога, и нужно быть свободными от грехов, так как божественным соизволением нечестивые получают дурное правление в возмездие за грехи.

## Глава XIV

**О ТОМ, КАКОЙ СПОСОБ ПРАВЛЕНИЯ ПОДОБАЕТ ЦАРЮ,  
ПОСКОЛЬКУ ОН ДОЛЖЕН СЛЕДОВАТЬ  
БОЖЕСТВЕННОМУ СПОСОБУ ПРАВЛЕНИЯ.  
ЭТОТ СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ ПОКАЗАН  
НА ПРИМЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ СУДНОМ;  
ТУТ И ДАЕТСЯ СРАВНЕНИЕ ВЛАСТИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ  
И ВЛАСТИ КОРОЛЯ**

⟨...⟩ Итак, люди объединяются затем, чтобы хорошо жить вместе, чего не может достичь никто, живя в одиночестве; но благая жизнь следует добродетели, ибо добродетельная жизнь есть цель человеческого объединения. ⟨...⟩ Но жить, следуя добродетели, не является конечной целью объединенного множества, цель — посредством добродетельной жизни достичь небесного блаженства. ⟨...⟩ Привести к этой цели — назначение не земной, а божественной власти. Такого рода власть принадлежит тому, кто является не только человеком, но и Богом, а именно Господу нашему Иисусу Христу. ⟨...⟩

Итак, служение его царству, поскольку духовное отделено от земного, вручено не земным правителям, а священникам и особенно высшему священнику, наследнику Петра, наместнику Христа папе римскому, которому все цари христианского мира должны подчиняться, как самому Господу Иисусу Христу. Ведь те, кому принадлежит забота о предшествующих целях, должны подчиняться тому, кому принадлежит забота о конечной цели, и признавать его власть.

## Глава XV

**О ТОМ, ЧТО ЦАРЬ, НАПРАВЛЯЮЩИЙ  
СВОИХ ПОДДАННЫХ К ДОБРОДЕТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ,  
СЛЕДУЕТ ПО ПУТИ КАК К КОНЕЧНОЙ ЦЕЛИ,  
ТАК И К ПРЕДШЕСТВУЮЩИМ ЦЕЛЯМ.  
ЗДЕСЬ ПОКАЗАНО, ЧТО НАПРАВЛЯЕТ  
К БЛАГОЙ ЖИЗНИ, И ЧТО ЕЙ ПРЕПЯТСТВУЕТ,  
И КАКИЕ СРЕДСТВА ЦАРЬ ДОЛЖЕН УПОТРЕБИТЬ  
ДЛЯ УСТРАНЕНИЯ ЭТИХ ПРЕПЯТСТВИЙ**

⟨...⟩ Итак, если, как было сказано, тот, кто имеет попечение о конечной цели, должен руководить теми, кто имеет попечение о направляющихся к цели, и направлять их своей властью, то из сказанного становится очевидным, что обязанностью царя является как подчинение тому, что относится к обязанностям священнослужителя, так и главенство над всем тем, что относится к мирским делам, направляя их властью своего правления. ⟨...⟩ Поскольку целью жизни, которой мы ныне живем, следуя добродетели, является небесное блаженство, к обязанностям царя относится, таким образом,

заботиться о благой жизни множества, чтобы она была достойна обретения небесного блаженства, а именно, чтобы царь предписывал то, что ведет к небесному блаженству и препятствовал бы, насколько это возможно, тому, что является губительным для этой цели. (. . .) Итак, царю, сведущему в законе божием, прежде всего следует заняться тем, чтобы подчиненное ему множество жило благой жизнью, а эта забота состоит из трех частей: во-первых, чтобы он установил в подчиненном множестве благою жизнь; во-вторых, чтобы установленное сохранял; в-третьих, чтобы его улучшал.

(. . .) Итак, в связи с упомянутой триадой царю предстоит тройная задача. Во-первых, заботиться о преемственности людей и назначении тех, кто возглавляет различные службы. Подобным образом божественное управление относительно того, что тленно (ведь эти вещи не могут оставаться неизменными вечно), предусматривает, чтобы, рождаясь, одно приходило на место другого, ибо именно так сохраняется целостность вселенной. Так и попечением царя сохраняется добро подчиненного множества, пока он заботливо следит, чтобы другие вступали на покинутые места. Во-вторых, чтобы своими законами и предписаниями, наказаниями и наградами он удерживал подчиненных себе людей от греха и побуждал к доблестным делам, восприняв пример Бога, давшего людям закон, воздающего тем, кто его соблюдает, вознаграждение, а тем, кто преступает, — наказание. Третья задача, стоящая перед царем, чтобы все подчиненное ему множество могло отразить врагов. Ведь ничто не поможет избежать внутренних опасностей, если нельзя оборониться от опасностей внешних. (. . .)

Итак, вот те вещи, которые относятся к обязанностям царя, их следует тщательно разобрать по отдельности.

<sup>1</sup> Аристотель. Политика, I, 2.

<sup>2</sup> Слово «multitudo» здесь и далее перевожу буквально — «множество», а не «общество», поскольку далее в тексте встречается слово «societas», и не «народ», поскольку встречается также слово «populus».

<sup>3</sup> Аввиенна. О душе, V, 1.

<sup>4</sup> Аристотель. История животных, I, 1.

<sup>5</sup> Аристотель. Политика, III, 6; Никомахова этика, VIII, 10.

<sup>6</sup> Рассуждение об обществе несвободных людей не является, по всей вероятности, простым повторением рассуждения Аристотеля (Метафизика, I, 2). Остается, однако, неясным, какой слой населения или какое общество имел в виду Аквинат.

<sup>7</sup> Аристотель. Политика, I, 7.

<sup>8</sup> Мысль о том, что понятие «тиран» близко понятию «сила», и о том, что тиранами назывались могущественные люди, идет от Августина через Исидора Севильского (Аврелий Августин. О Граде Божием, V, 19; Исидор Севильский. Этимология, IX, 19).

<sup>9</sup> Civitas перевожу как город-государство, поскольку здесь, как отмечают многие авторы, очевидна близость этого понятия аристотелевскому *polis*. В издании «The political ideas. . .» переведено «city». Это, как кажется, не дает удовлетворительного смысла. Ч. Вазоли считает, что под *civitas* Аквинат имеет в виду итальянские городские коммуны.

<sup>10</sup> Аристотель. Политика, I, 2.

<sup>11</sup> Представляется очень удачной конъектура «vico» (в издании 1630 г. — dico). Средневековые ремесленники, занимавшиеся одним ремеслом, жили на одной улице. Здесь палицо замена аристотелевской *perwvni* (κώμη) как ступени в градации обще-

ний по степени их совершенства улицей (*vicus*), очевидно, более соответствующей структуре средневекового общества в представлении Фомы Аквинского.

<sup>12</sup> *Provincia* — понятие, заимствованное средневековыми авторами из терминологии Древнего Рима. В издании «*The political ideas. . .*» (р. 204) приведен пример использования этого термина Альбертом Великим: Италия является провинцией, но она также делится на провинции, например, Апулия, Калабрия и пр. (*Albertus Magnus. De natura locorum*, III, 1; IX, 566). Неясность в том, частью какого целого является провинция. Некоторая неясность заключается также в том, что, по Аквинату, является совершенной общностью — город-государство или провинция.

<sup>13</sup> Не привожу русский эквивалент слову «автономастически», поскольку оно сейчас имеет иное значение. Здесь Фома имеет в виду происхождение слова *gex* от глагола *gegege*.

<sup>14</sup> *Саллюстий*. Заговор Катилины, VII, 2.

<sup>15</sup> Там же, VI, 7.

<sup>17</sup> Золотая булла — коробочка в форме чечевицы, внутри которой помещался амулет. Буллу носили на груди триумфаторы и дети полноправных граждан. Распространялось ли это обыкновение на сенаторов, справочные издания умалчивают.

<sup>17</sup> Это обещание осталось неисполненным, как считает Л. Женико, из-за незаконности трактата (*Genicot L. Le De regno. P. 7*).

<sup>18</sup> Очевидно, именно это положение дало основание аббату Спедальери связать учение Фомы Аквинского с учением Ж. Ж. Руссо об общественном договоре (*Spedalieri. Dei diritti del uomo. Assisi, 1791*).

<sup>19</sup> Современный Лион.

<sup>20</sup> *Иосиф Флавий*. Иудейская война, 80, 93.

---

# POLITICAL STRUCTURES OF THE AGE OF FEUDALISM IN WESTERN EUROPE

(from the Sixth to the Seventeenth Centuries)

## S U M M A R Y

Over the course of thousand years the Middle Ages gave rise to a great variety of state systems. These included «old» and «new» empires, «old» independent kingdoms and new territorial principedoms, city-states governed by monarchs and oligarchic Italian republics. Such a versatile political experience within the framework of one socio-economic formation could not but lead to higher levels of political and legal culture, to the refinement of political structures and institutions and to the development of new concepts of the state. This resulted in the development of a new European model for the state, on which the modern state was founded and which was not confined to Western Europe.

Based on the histories of various countries of Mediaeval Europe (among others, Byzantium, France, Germany, Italy and Denmark), this work examines a wide range of issues relating to the peculiarities in the development of political structures and state systems in different regions of feudal Europe at various stages in its history. The work focuses on the synthesis of late Roman and German social relations which led to the birth of new political structures, the legal peculiarities of the Byzantine state, the political interrelationship between royal power and church organization in the Carolingian empire, the originality of the state system of the venetian republic and on the foundation of the regional-absolutist state.

On the whole, this collection of topical articles presents a picture of the evolution of political structures in the age of feudalism and eliminates some gaps in the study of these issues.

---

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие . . . . .	3
<i>Медведев И. П.</i> Некоторые правовые аспекты византийской государственности . . . . .	7
<i>Мажуга В. И.</i> Королевская власть и церковь во франкском государстве . . . . .	46
<i>Рутенбург В. И.</i> Генуэзский вариант итальянской синьории . . . . .	71
<i>Климанов Л. Г.</i> <i>Cor nostri status</i> : историческое место канцелярии в венецианском государстве . . . . .	80
<i>Таценко Т. Н.</i> Укрепление территориальной власти и развитие централизованного государственного управления в курфюршестве Саксонском во второй половине XV— первой половине XVI в. . . . .	106
<i>Возгрин В. Е.</i> Генезис датского абсолютизма . . . . .	132
<i>Петров М. Т.</i> Об историографической модели «мирового Возрождения» в связи с некоторыми политико-культурными характеристиками западноевропейского Ренессанса . . . . .	177
<i>Кагинович Б. С.</i> Вокруг «Очерков из истории римского землевладения» <i>И. М. Гревса</i> . . . . .	198
Трактат Фомы Аквинского «О правлении государей». Публикация, перевод, вступительная статья и примечания <i>Н. Б. Срединской</i> . . . . .	217
Summary . . . . .	245

## CONTENTS

Foreword . . . . .	3
<i>I. P. Medvedev</i> . Some legal aspects of the Byzantine state system . . . . .	7
<i>V. I. Mazhuga</i> . Royal power and the church in the Frankish state . . . . .	46
<i>V. I. Rutenburg</i> . The Genoan version of the Italian signoria . . . . .	71
<i>L. G. Klimanov</i> . <i>Cor nostri</i> status: the historical place of the chancery in the Venetian state . . . . .	80
<i>T. N. Tatsenko</i> . The strengthening of territorial power and development of the centralized government in the Saxon electorate in the second half of the 15th and the first half of the 16th century . . . . .	106
<i>V. E. Vozgrin</i> . Genesis of Danish absolutism . . . . .	132
<i>M. T. Petrov</i> . On the historiographic pattern of the «world Renaissance» in connection with certain political and cultural features of the West European Renaissance . . . . .	177
<i>B. S. Kaganovich</i> . On the «Sketches on the history of the Roman land ownership» by I. M. Grevs . . . . .	198
St. Thomas Aquinas' treatise «On the reigning of sovereigns». Publication, translation, introduction and notes by N. B. Sredinskaja . . . . .	217
Summary . . . . .	245

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ  
ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА  
В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ  
(VI—XVII вв.)**

*Утверждено к печати  
Ленинградским отделением  
Института истории СССР  
Академии наук СССР*

Редактор издательства *А. И. Строева*  
Художник *Л. А. Яценко*  
Технический редактор *Л. И. Каряева*  
Корректоры *Н. Г. Каценко, Г. А. Самиковская*  
и *К. С. Фридлянд*

ИБ № 44489

Сдано в набор 10.01.90. Подписано к печати 8.08.90.  
Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная № 1.  
Гарнитура литературная. Печать офсетная. Фотонабор.  
Усл. печ. л. 15.50. Усл. кр.-от. 15 82. Уч.-изд. л. 20.60.  
Тираж 2950. Тип. экз. № 31.  
Цена 3 р.

Ордена Трудового Красного Знамени  
издательство «Наука». Ленинградское отделение.  
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени  
Первая типография издательства «Наука».  
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.